

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEOPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2021

ТОМ 7

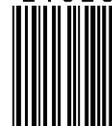
№ 28

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

21028 >

Главный редактор

д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор

чл.-корр. РАН, д. филол. н. С.А. Мызников
(г. Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., ассист. проф. Ю. Накано
(г. Киото, Япония)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осьмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. пед. н., проф. П.В. Сысоев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Г.Н. Трофимова
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.А. Фурс
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Чжан Цзе
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Ю.М. Шемчук
(г. Москва, Российская Федерация)

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2021

Т. 7, № 28

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (распоряжение от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология) Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Батюшкина М.В.** Модельное терминологическое образование: аспекты и актуальные тенденции 553
- Буйлов В.В.** Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства 565
- Галкина Н.П.** Текстовые категории и текстообразующий потенциал многокомпонентных соподчинительных конструкций со значением обусловленности 578
- Волотов Д.А.** Проблемы русской неофилологии: к истории терминов военной лексики (на примере слова *ординарец*) 587

ОНОМАСТИКА

- Попов С.А.** Героические меморативы в российском топонимиконе 596

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Ответственный секретарь И. В. Ильина
Редакторы:
М. А. Сенина, М. И. Филатова
Редактор английских текстов
В. В. Клочихин
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки Т. О. Прокофьевой
Администратор сайта М. И. Филатова

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Тираж 1000 экз. Заказ № 21242
Подписано в печать 29.10.2021
Дата выхода в свет 15.11.2021

Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 26,5. Усл. печ. л. 25,7
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписной индекс 80303 в каталоге
ООО «УП Урал-Пресс»
Территория распространения:
Российская Федерация, зарубежные страны

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:
Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. 212 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28

Материалы журнала доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

- Родина Н.А.** Эстетический компонент прозвищ российских военнослужащих 605
Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») 611
Верховых Л.Н. Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка 618

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Фурс Л.А., Финаева Е.А.** Формирование оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке 626
Щагина О.В. Корпусное исследование «морских» идиом английского языка 636

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Козлов И.В.** Автор «Екатеринбургской недели» Константин Аполлонович Большаков: особенности творческой манеры непрофессионального литератора в контексте газетной литературы 645
Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Проблематика и поэтика малой прозы Д. Рубиной 1970–1980-х годов 653
Хворова Л.Е. Ещё раз о пророческой миссии русского писателя (на материале романа Ю.В. Бондарева «Берег») 661

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Андреева В.Г.** Государство, власть, народ и человек в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» 670
Ван Хунюань. О финале романа Е.И. Замятина «Мы»: оптимистическая трагедия? 684
Щербакова В.А., Гончаров П.А. «Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. 694
Бай Ян. Художественная структура романа А.И. Солженицына «В круге первом»: принципы организации 703

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Зайцев А.В.** Повесть Ю.В. Трифонова «Нетерпение» в контексте общественно-политической позиции И.А. Дедкова 711
Чеботарёв С.А. Искусство театральной режиссуры в XX–XXI веках 718
Чеботарёв С.А., Сазонова В.А. Эстетические аспекты режиссуры Марка Захарова 726
Сертакова И.Н. Влияние культурных и образовательных традиций на практики формирования критического мышления 735
Пригарина Н.К. Сравнение как способ эмоциональной репрезентации информации в рекламном тексте 743
Терских М.В. Stories в сети Instagram как инструмент нативной рекламы: специфика продающего контента 750

ХРОНИКА

- Памяти профессора Татьяны Александровны Сидоровой (1954–2021) 760

ISSN 2587-6953

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskommnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology S.A. Myznikov
(Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Assistant Professor
Y. Nakano (Kyoto, Japan)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina
(Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor G.N. Trofimova
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.A. Furs
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Zhang Jie
(Nanjing, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Y.M. Shemchuk
(Moscow, Russian Federation)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2021

Vol. 7, No. 28

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the "official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science" by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)
Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library "eLIBRARY.RU", Electronic Library "CyberLeninka"

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- Batyushkina M.V.** Model term formation: aspects and current trends 553
Bouilov V.V. Andrei Platonov's writing method: selected key characteristics and linguostylistic means 565
Galkina N.P. Text categories and text-forming potential of multicomponent collaterally subordinating constructions with the meaning of conditionality 578
Volotov D.A. Russian neophylology issues: to the history of military terms (on the example of the word *batman*) 587

ONOMASTICS

- Popov S.A.** Heroic memoratives in the Russian toponymicon 596

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s:

FSBEI of HE
“Derzhavin Tambov State University”

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Executive Editor I. V. Ilyina

Editors:

M. A. Senina, M. I. Filatova

English texts editor

V. V. Klochikhin

Computer layout

T. Y. Molchanova

Cover design T. O. Prokofeva

Web-site administrator M. I. Filatova

Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440

E-mail: ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Tirazh 1000 ekz. Zakaz № 21242

Podpisano v pechat' 29.10.2021

Release date 15.11.2021

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 26,5. Usl. pech. l. 25,7

Free price

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”. 190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Subscription index in the catalogue

LLC “Ural-Press” is 80303

Distribution territory:

Russian Federation, foreign countries

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation:

Neophilology. 2021. Vol. 7, no. 28. 212 p.

ISSN 2587-6953

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28

Content of the journal is licensed under a

[Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Rodina N.A. Aesthetic component of nicknames of Russian servicemen 605

Bugakova N.B. Water as a linguocultural constant of A. Platonov’s creativity: an onomastic aspect (based on the story “The Sluices of Epifany”) 611

Verkhovyykh L.N. Current issues of teaching methods of Russian native language 618

LANGUAGE STUDIES

Furs L.A., Finaeva E.A. Development of evaluative knowledge about educational activities in modern English 626

Shchagina O.V. A corpus study of English “nautical” idioms 636

LITERATURE STUDIES

Kozlov I.V. Konstantin Apollonovich Bolshakov, author of “Yekaterinburg week”: features of creative manner of a non-professional writer in the context of newspaper literature 645

Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Problems and poetics of short prose by D. Rubina 1970–1980s 653

Khvorova L.E. Once again about the prophetic mission of the Russian writer (based on material of Y.V. Bondarev’s novel “The Shore”) 661

RUSSIAN LITERATURE

Andreeva V.G. State, power, people and people in the novel by A.F. Pisemsky “Men of the Forties” 670

Wang Hongyuan. On the finale of Y.I. Zamyatin’s novel “We”: an optimistic tragedy? 684

Tscherbakova V.A., Goncharov P.A. “About an orphan soldier”: the motive of orphanhood in V. Astafyev’s stories at the turn of 1950s–1960s 694

Bai Yang. The artistic structure of A.I. Solzhenitsyn’s novel “In the first circle”: principles of organization 703

CULTUROLOGY

Zaytsev A.V. Y.V. Trifonov’s novel “The Impatient Ones” in the context of the social and political position of I.A. Dedkova 711

Chebotarev S.A. Art of theater direction in the 20th–21st centuries 718

Chebotarev S.A., Sazonova V.A. Aesthetic aspects of Mark Zakharov’s direction 726

Sertakova I.N. Influence of cultural and educational traditions on critical thinking formation practices 735

Prigarina N.K. Comparison as a way of emotional representation of information in advertising text 743

Terskikh M.V. Instagram Stories as a tool for native advertising: the specifics of selling content 750

CHRONICLE

In memory of Professor Tatyana Alexandrovna Sidorova (1954–2021) 760

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'42
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-553-564

Модельное терминологическое образование: аспекты и актуальные тенденции

Марина Владимировна БАТЮШКИНА

Законодательное Собрание Омской области
644002, Российская Федерация, г. Омск, ул. Красный Путь, 1
✉ soulangeana@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности модельного терминологического образования. Цель исследования – осмысление и первичное описание специфики базовых модельных законодательных терминов и определений, аспектов и тенденций их формулирования и использования. Для достижения поставленной цели проанализировано 157 модельных актов (13 кодексов и 144 закона), принятых Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ в период с 2012 по 2021 г.; более 2000 модельных терминов и определений. Отмечено, что модельное терминологическое образование осуществляется с учётом сложившихся традиций создания правовых актов, особенностей иерархического и предметно-отраслевого соотношения законодательных терминов и понятий, а также понимания функций, средств и способов формулирования легальных дефиниций. Модельные определения терминов отражают типичные для юридического дискурса явления унификации, трансформации, омонимии, многозначности, синонимии, антонимии правовых понятий, вариативности их легальных определений. Методологическую основу составляют общенаучные методы и подходы, применяемые в современной русистике и юридической лингвистике (анализ, сравнение, аналогия, моделирование, контекстуальный, интерпретационный, системный, междисциплинарный и другие подходы). Статья может быть полезна тем, чья деятельность связана с официально-деловой сферой общения, кто создаёт, анализирует и систематизирует правовые акты, исследует вопросы развития юридической терминологии, русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Ключевые слова: модельный закон (кодекс), юридический термин, унификация, нормы и варианты, юридический дискурс

Для цитирования: Батюшкина М.В. Модельное терминологическое образование: аспекты и актуальные тенденции // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 553-564. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-553-564>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Model term formation: aspects and current trends

Marina V. BATYUSHKINA

Legislative Assembly of Omsk Region
1 Red Way St., Omsk 644002, Russian Federation
✉ soulangeana@mail.ru

Abstract. We consider the features of model terminology. The purpose of the study is to comprehend and initially describe the specifics of the basic model legislative terms and definitions, aspects and trends of their formulation and use. To achieve this goal, we analyze 157 model acts (13 codes and 144 laws) adopted by the Interparliamentary Assembly of the CIS member states in the period from 2012 to 2021; more than 2000 model terms and definitions. We note that the model term formation is carried out taking into account the established traditions of creating legal acts, the peculiarities of the hierarchical and subject-branch correlation of legislative terms and concepts, as well as understanding the functions, means and methods of formulating legal definitions. Model definitions of terms reflect the typical phenomena of legal discourse of unification, transformation, homonymy, polysemy, synonymy, antonymy of legal concepts, variability of their legal definitions. The methodological basis is formed by general scientific methods and approaches used in modern Russian studies and legal linguistics (analysis, comparison, analogy, modeling, contextual, interpretive, systemic, interdisciplinary and other approaches). The work can be useful to those whose activities are related to the official business sphere of communication, who creates, analyzes and systematizes legal acts, examines the development of legal terminology, the Russian language as the state language of the Russian Federation.

Keywords: model law (code), legal term, unification, norms and options, legal discourse

For citation: Batyushkina M.V. Model'noye terminoobrazovaniye: aspekty i aktual'nyye tendentsii [Model term formation: aspects and current trends]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 553-564. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-553-564> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о языке права является одним из наиболее актуальных для юридической лингвистики, законотворческой, правоприменительной, судебной, экспертной практики (А.Н. Баранов, К.И. Бринёв, Н.А. Власенко, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, М.В. Косова, С.П. Кушнерук, М.А. Осадчий, А.С. Пиголкин, О.П. Сологуб, В.Ю. Туранин, С.П. Хижняк, Т.В. Чернышова и др.).

Особое значение представляет создание и исследование модельных (типовых) правовых актов. На основе частичного либо дословного воспроизводства положений данных актов нередко составляются тексты национального законодательства. В свою оче-

редь, модельные акты могут отражать нормы действующих законов, международные правовые принципы и стандарты. На содержащиеся в модельных актах дефиниции и положения обращается внимание в экспертной практике¹, документах высших судов².

¹ См., напр.: Заключение комиссии специалистов-лингвистов о терминологическом словосочетании «ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ» от 21.06.2020 № 15-06/20, подготовленное в связи с обсуждением проекта федерального закона «Об экологически чистой сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии» с учётом положений *Модельного закона об основах экологического предпринимательства, Модельного закона об экологической безопасности, Модельного закона об экологическом агропроизводстве*. URL: Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам / Экспертизы /

В научном дискурсе принятие модельного акта, как межгосударственного (для участников СНГ), так и внутригосударственного (для регионов – субъектов РФ), рассматривается в качестве результата обсуждения концептуальных вопросов, связанных с решением проблем унификации и синхронизации правового регулирования, выработки ориентирующих языковых и речевых стандартов нормотворчества (М.В. Залоило [1]; Д.С. Кысымжанова [2, с.164, 166]; Н.А. Лобанов, Т.Ю. Ломакина [3, с. 74]; И.В. Малышева [4, с. 41-42]; Ф.Ш. Саидамирова [5]; Е.В. Шестакова [6, с. 137] и др.).

При этом с собственно лингвистической точки зрения функциональные, структурные и содержательные особенности модельных актов практически не изучены. Вместе с тем знание аспектов и тенденций создания модельных актов, модельного терминовобразования и нормотворчества значимо для формирования представления о юридическом дискурсе и специфике текстов, создаваемых для его реализации.

Цель исследования – осмысление и первичное описание специфики базовых терминов и определений модельных актов, аспектов и тенденций модельного терминовобразования.

Для достижения поставленной цели проанализировано:

– 157 модельных актов (13 кодексов, 144 закона), принятых в период с 2012 по 2021 г. Межпарламентской Ассамблеей СНГ и рекомендованных для использования в межгосударственном юридическом обороте для интеграции и гармонизации соотносимых отраслей национальных законодательств³;

Примеры заключений по текстам официальных документов: 9.8.ZakEcolChistProd2020.pdf (rusexpert.ru).

² В частности, необходимость учёта положений *Модельного закона о противодействии торговле людьми* отражена в определении Конституционного суда РФ от 17.07.2018 № 1997-О; ссылки на *Модельный закон об обращении с животными* содержит Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 30.01.2019 № 48-АПГ18-34. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Тексты модельных актов размещены в открытом доступе на сайте Межпарламентской Ассамблеи. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.

– более 2000 модельных терминов и определений, включённых автором наряду с терминами российского законодательства в единый электронный корпус (около 8000 словарных статей) с учётом контекстного положения и исходной специфики.

Методологическую основу составляют общенаучные методы и подходы, применяемые в современной русистике и юридической лингвистике (анализ, сравнение, аналогия, моделирование, контекстуальный, интерпретационный, системный, междисциплинарный и другие подходы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Формы и средства модельного терминовобразования. Единицы, выполняющие номинативную функцию и рекомендуемые авторами модельных актов для унификации правового регулирования, именуется в текстах модельных актов и понятиями, и терминами. На данную синонимичность и взаимозаменяемость (или неразграничение) указывают вариативные названия и вводные формулы статей, содержащих определения терминов. Аналогичное соотношение отмечается и в текстах российских законов (см. подробнее: Батюшкина М.В. [7]; Салтыков К.Г. [8]).

Примеры названий и вводных формул:

Основные понятия и их определения, применяемые в настоящем Законе, – В настоящем Законе применяются понятия в значениях, определённых модельным законом «О научной и научно-технической деятельности», а также следующие основные понятия⁴,

Основные термины и определения – Для целей настоящего Закона применяются следующие основные термины⁵,

Основные термины и понятия, используемые в настоящем Законе, – Для целей на-

⁴ Ст. 1 модельного закона «О контрактной системе в сфере исследований и разработок»: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27.11.2020 № 51-21.

Далее при ссылках на модельные акты применяются сокращения: МЗ – модельный закон, нов. ред. – новая редакция. После названия модельного акта и двоеточия приводятся сведения о номере и дате опубликования постановления, которым утверждён модельный акт.

⁵ Ст. 2 МЗ «О безопасности дорожного движения»: 25.11.2016 № 45-18.

стоящего Закона используются следующие понятия⁶.

Термины в модельных актах, как правило, именные (вместо глаголов используются отглагольные существительные, обладающие большим семантическим потенциалом), могут закрепляться в формах единственного или множественного числа (*взрослый, самообразование, компетенции, народные школы и университеты*), отражать специфику инверсии (*мобильность населения территориальная, судно спортивное парусное*), содержать имена собственные (*логотип Органа по аккредитации, оператор услуг Интернета*), иноязычные лексические элементы (*оценка качества рекомендаций по научно-исследовательской деятельности (AGREE), сохранение компонентов биологического разнообразия в условиях ex-situ*). Для графического выделения термина, образованного на основе сочетания слов, используемых в модельном акте не в своём привычном (общеупотребительном, неюридическом) значении, применяются кавычки («одно окно»).

При образовании наименования термина на основе нескольких слов и словосочетаний допускается нарушение согласования в форме рода: *добровольческая (волонтерская) организация (объединение)*⁷ – вместо *добровольческая (волонтерская) организация (добровольческое/волонтерское/объединение)*, а также тавтология (*результативность полученных результатов, критический элемент критически важного объекта*).

Термины модельных актов могут быть выражены не только одним словом или словосочетанием, но также многословным комплексом, сложным для восприятия и осмысления. Например: *средства массовой информации и телекоммуникаций, осуществляющие информационное освещение подготовки и проведения референдума, предоставляющие информационные услуги инициативным группам по проведению референдума, инициативным агитационным группам*

⁶ Ст. 2 МЗ «Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности»: 28.11.2014 № 41-15.

⁷ Ст. 2 МЗ «О добровольчестве (волонтерстве)»: 16.04.2015 № 42-15.

граждан, иным участникам референдума⁸ (27 слов).

Специфика подобных комплексов заключается не только в их функциональной стороне (желаемая информативная полнота, точность и достаточность названия чего-либо), но и в сочинительных (союзных, присоединительных) и/или подчинительных (предложно-падежных, обстоятельственных) внутренних связях составных компонентов. Кроме того, для многословных комплексов характерны пунктуационно выделенные обороты, в том числе инверсионные, обилие юридических клише и повторов.

К продуктивным средствам модельного терминологического образования относятся перефразирование, уточнение и трансформация, используемые для пояснения значения термина, а также аббревиация и сокращение (усечение до одного слова или двух слов) введенного многословного термина, применяемые, на наш взгляд, для экономии текстового пространства.

Если в модельном акте предусматривается неоднократное употребление термина, выраженного словосочетанием или многословным комплексом, его краткий, альтернативный вариант может быть введён в скобках после указания преобразуемого термина. В некоторых случаях альтернативный вариант маркируется словом «далее» или «вариант» («варианты»).

Примеры:

– сокращение (усечение): *агитация по вопросам национального референдума (агитация)*⁹; *государственный кадастровый учёт недвижимого имущества (далее – кадастровый учёт)*¹⁰;

– усечение с одновременным образованием сложносокращенного слова, составленного из сочетания усечённого и полного слов: *экологический туризм (экотуризм)*¹¹;

– перефразирование: *персональные данные (информация персонального харак-*

⁸ Ст. 3 МЗ «О национальном референдуме»: 23.11.2012 № 38-13.

⁹ Там же.

¹⁰ Ст. 1 МЗ «О государственном кадастре недвижимости»: 27.03.2017 № 46-7.

¹¹ Ст. 1 МЗ «Об экологическом туризме»: 22.11.2019 № 50-10.

тера)¹²; страховые взносы (вариант – налоговые поступления, платежи, единый социальный налог) на обязательное медицинское страхование¹³;

– уточнение: специальный (особый) налоговый режим¹⁴; направление (специальность, профессия) профессионального образования¹⁵;

– трансформация и усечение с одновременным образованием сложносокращённого слова: пользование водными объектами (водопользование)¹⁶.

Варианты-аббревиатуры, как правило, образованы на основе:

начальных букв наименований, входящих в состав преобразуемого термина: *генетически модифицированный организм (ГМО)*¹⁷;

начальных букв наименований, входящих в состав преобразуемого термина, и наименований – частей сложного слова, одного из элемента данного термина: *информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)*¹⁸;

начальных букв наименований – частей сложного слова, входящего в состав преобразуемого термина, и усечения иных элементов данного термина: *антиретровирусные препараты (АРВ)*¹⁹.

Единичными примерами представлено соотношение терминов с помощью союза «или» с запятой (в значении «то есть»), которым присоединяется альтернативный, уточняющий термин после уточняемого (*участники отношений в сфере дошкольного обра-*

зования, *или субъекты дошкольного образования*²⁰), а также соотношение синонимичных терминов с помощью символа «косая черта», альтернативного скобкам (*образовательное учреждение/организация*²¹).

Модельное определение: функции и варианты. Определение термина формулируется в модельном акте (так же как и в правовых актах в целом) для того, чтобы выделить семантический компонент, наиболее релевантный для регулируемой области отношений, исключить иные значения и ассоциации, которые могут возникнуть у адресата в связи с вводимым понятием. При этом, как отмечают исследователи, законодатель максимально полно учитывает юридически значимые признаки тех или иных ситуаций (И.В. Палашевская [9, с. 134]), не раскрывает детальный смысл понятия в целом, а описывает только те характеристики, которые наиболее важны для правовой сферы (О.В. Белянская [10, с. 480]).

В модельных актах вводятся определения: абстрактных или неоднозначно толкуемых понятий (*долг, нормальная стоимость, мораль, недобросовестная конкуренция, нравственные страдания, совесть, трансграничное пространство доверия, университеты третьего возраста, центр жизненных интересов, честь*);

понятий, образованных на основе функционального, метонимического или метафорического переноса (*маятниковая миграция, разжигание религиозной розни, ступень образования*), подразумеваемого противопоставления (*другие неотложные работы, внеоборотное имущество, обычные торговые операции, непатогенные генетически модифицированные организмы*);

общеупотребительной лексики (*болото, дорога, лес, озеро*) и терминов областей знания и науки (*андеррайтинг, андрагогика, биоциды, валидация*).

Модельные определения (в отличие от определений терминов, формулируемых в российских законах) могут содержать термины на английском или латинском языке, в

¹² Ст. 3 МЗ «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования»: 18.04.2014 № 40-15.

¹³ Ст. 3 МЗ «О страховой медицине»: п/п от 25.11.2016 № 45-9.

¹⁴ Ст. 14 Модельного налогового кодекса для государств – участников СНГ. Общая часть (нов. ред.): 29.11.2013 № 39-10.

¹⁵ Ст. 1 Модельного образовательного кодекса для государств – участников СНГ. Общая часть (нов. ред.): 29.11.2013 № 39-6.

¹⁶ Ст. 1 МЗ «О рациональном использовании и охране трансграничных вод (водных объектов)»: 18.04.2014 № 40-9.

¹⁷ Ст. 1 МЗ «О распространении и использовании генетически модифицированных организмов в сфере экспорта сельскохозяйственной продукции»: 20.05.2016 № 44-8.

¹⁸ Ст. 3 МЗ «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования»: 18.04.2014 № 40-15.

¹⁹ Ст. 2 МЗ «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан»: 28.11.2014 № 41-21.

²⁰ Ст. 1 МЗ «О дошкольном образовании» (нов. ред.): 13.04.2018 № 47-9.

²¹ Ст. 3 МЗ «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования»: 18.04.2014 № 40-15.

том числе образованные на основе аббревиации, которые не сопровождаются переводом на русский язык либо указываются после русскоязычных эквивалентов.

Примеры:

взрослый – лицо, достигшее физиологической, психологической, социальной, нравственной зрелости, экономической независимости и уровня самосознания, достаточного для ответственного самоуправления поведения²²;

современная биотехнология – применение *in vitro* методов рекомбинации нуклеиновых кислот и методов слияния клеток, которые устраняют естественные физиологические барьеры воспроизводства или генетических рекомбинаций²³;

Интернет – глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанная на использовании комплексов **интернет-протоколов (Internet Protocol, IP)** и **протокола передачи данных (Transmission Control Protocol, TCP)** и предоставляющая возможность реализации различных форм коммуникации, в том числе размещения информации для неограниченного круга лиц²⁴.

Благодаря определению разграничиваются сходные, с позиции адресата, но не тождественные, с позиции разработчиков модельного акта, понятия (инновация – новшество, информальное образование/неформальное образование и др.). Сравните, например, определения терминов «горизонт планирования» и «горизонт прогноза», применяемые в одном из модельных законов: **горизонт планирования** – срок, установленный для достижения поставленных целей, или временной промежуток для совершения определённых действий, предусмотренных

²² Ст. 1 МЗ «Об образовании взрослых» (нов. ред.): 25.11.2016 № 45-5.

²³ Ст. 1 МЗ «О распространении и использовании генетически модифицированных организмов в сфере экспорта сельскохозяйственной продукции»: 20.05.2016 № 44-8.

²⁴ Ст. 2 МЗ «Об основах регулирования Интернета» (нов. ред.): 25.11.2016 № 45-12.

планом²⁵; **горизонт прогноза** – перспективный срок в будущем, до которого в прогнозе рассматриваются варианты и оценки течения событий²⁶.

С другой стороны, определение позволяет адресату более осознанно интерпретировать и применять противопоставляемые (антонимичные) термины, такие, например, как: **внеоборотное имущество** – оборотное имущество, **монопольно низкая цена** – **монопольно высокая цена**. Сравните: **подземные воды (подземный водный объект)** – все воды ниже поверхности земли, включающие определённый объём подземных вод в водоносном горизонте или горизонтах²⁷; **поверхностные воды (поверхностный водный объект)** – сосредоточение вод на земной поверхности в искусственных или естественных углублениях земной поверхности, имеющие определённые границы, объём и признаки гидрологического режима²⁸.

К особенностям модельного терминообразования можно также отнести частотность определения разных или синонимичных терминов с помощью одной либо одинаковой дефиниции. Примеры:

миноритарные языки (языки меньшинств), региональные языки – языки, распространённые среди населения государства (граждан и лиц, постоянно проживающих на его территории, включая лиц без гражданства и иностранцев), отличающиеся от официального языка²⁹;

электронная форма взаимодействия – способ информационного взаимодействия, основанный на применении информационно-коммуникационных технологий³⁰; ср.: **электронное взаимодействие** – способ информационного взаимодействия, основанный на

²⁵ Ст. 2 МЗ «О стратегическом прогнозировании и планировании социально-экономического развития»: 28.11.2014 № 41-10.

²⁶ Там же.

²⁷ Ст. 1 МЗ «О рациональном использовании и охране трансграничных вод (водных объектов)»: 18.04.2014 № 40-9.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Ст. 2 МЗ «О трансграничном информационном обмене электронными документами»: 25.11.2016 № 45-13.

применении информационно-коммуникационных технологий³¹.

Термин и его определение могут дословно воспроизводиться в разных модельных актах. Для примера приведём термин *электронный учебно-методический комплекс*, который одинаково определяется в модельных законах «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования» и «О трансграничном образовании» как «совокупность учебных материалов и электронных средств обучения, позволяющих обеспечить освоение и реализацию образовательной программы»³².

Однако не менее продуктивна вариативность дефиниций – формулирование в одном модельном акте или разных модельных актах различных определений одного термина. Такая вариативность иллюстрирует не только относительную свободу законотворчества, пусть и модельного, но и вызывает вопрос о возможных правоприменительных последствиях легального неоднозначного толкования.

Сравните:

государство выезда – государство, с территории которого лицо выехало и въехало в другое государство³³;

государство выезда – государство, из которого граждане этого государства или лица без гражданства выезжают в другие государства с различными целями, включая осуществление за границей трудовой деятельности по найму³⁴;

государство выезда – государство, с территории которого лицо выехало в другое государство³⁵.

Некоторые модельные определения отличаются синонимичными вариантами, порядком и согласованием слов, пунктуацией, наличием или отсутствием дополнительных уточнений, союзной связи, абзацев и нуме-

рации, выделяющих «внутренние» структурные элементы. Сравните:

генетически модифицированный организм – любой организм, за исключением человеческого, генетический материал которого был изменён иным, чем скрещивание и (или) естественная рекомбинация, путём³⁶;

генетически модифицированный организм (ГМО) – любой организм, за исключением человеческого, генетический материал которого был изменён иным путём, чем скрещивание и (или) естественная рекомбинация³⁷;

физические лица – граждане страны, иностранные граждане и лица без гражданства³⁸;

Физическими лицами признаются:

- 1) граждане страны;
- 2) граждане иностранного государства;
- 3) лица без гражданства³⁹.

На основе модельных актов одни и те же термины, имеющие различные определения, могут быть рассмотрены, с одной стороны, с позиции микроконтекста, дистрибутивных отличий, «вербального окружения слова» (термин вслед за В.И. Шаховским [11, с. 372]), с другой стороны, с позиции родовидового соотношения, многозначности и омонимии, трансформации значения, внутриотраслевого и разноотраслевого макроконтекста.

Способы и средства формулирования определения термина. Термины, наиболее значимые для той или иной сферы модельного регулирования, определяются в специальных статьях (которые, как было отмечено выше, могут иметь вариативное название, в зависимости от того, «термины» или «понятия» определяются).

В таких статьях определение приводится после наименования термина и пунктуационного знака тире, а перечень терминов, наиболее значимых для модельного акта,

³¹ Ст. 2 МЗ «О совершении нотариальных действий в электронной форме при трансграничном информационном обмене»: 22.11.2019 № 50-15.

³² Ст. 3 МЗ «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования»: 18.04.2014 № 40-15; ст. 1 МЗ «О трансграничном образовании»: 28.11.2014 № 41-24.

³³ Ст. 2 МЗ «О миграции»: 27.11.2015 № 43-5.

³⁴ Ст. 2 МЗ «О миграции трудовых ресурсов» (нов. ред.): 27.11.2015 № 43-5.

³⁵ Ст. 2 Модельного миграционного кодекса для государств – участников СНГ: 16.04.2021 № 52-3.

³⁶ Ст. 4 МЗ «О сохранении, устойчивом использовании и восстановлении биологического разнообразия»: 20.05.2016 № 44-9.

³⁷ Ст. 1 МЗ «О распространении и использовании генетически модифицированных организмов в сфере экспорта сельскохозяйственной продукции»: 20.05.2016 № 44-8.

³⁸ Ст. 4 Модельного налогового кодекса для государств – участников СНГ. Общая часть (нов. ред.): 29.11.2013 № 39-10.

³⁹ Там же. Ст. 16.6.

указывается после вводной фразы и оформляется абзацами, курсивом, кавычками, нумерацией, пунктуационными знаками (оформление вариативно). Если элементы перечня являются отдельными предложениями, каждый из элементов заканчивается точкой. Если элементы перечня являются однородными членами одного предложения, каждый из элементов, за исключением последнего, заканчивается точкой с запятой, а последний – точкой. Пример:

«Статья 1. Основные понятия

В настоящем Законе используются следующие основные понятия:

спортивная подготовка – целенаправленная деятельность по подготовке спортсменов к спортивным соревнованиям путём формирования и совершенствования их спортивного мастерства;

организация спортивной подготовки – государственная, местная (муниципальная) или частная физкультурно-спортивная организация, реализующая программы спортивной подготовки в качестве основного вида деятельности⁴⁰».

Установление определения термина может быть предметом отдельной статьи модельного акта (см., например, статью 1 «*Понятие школьного спорта*» МЗ о школьном спорте⁴¹). В подобных случаях продуктивно формулирование на основе глагольных связей (*является, понимается, может пониматься, принимается в значении, означает, считается, представляет собой, делится на*) между определяемым и определением. Кроме того, наряду с прямым используется инверсионный порядок указания определения (до определяемого термина), пунктуационное выделение определения или определяемого (скобки, кавычки, тире, двоеточие). Примеры:

Приватизация представляет собой передачу в частную собственность в установленном законом порядке имущества, находящегося в государственной собственности⁴².

⁴⁰ МЗ «О спортивной подготовке»: 17.05.2012 № 37-15.

⁴¹ МЗ «О школьном спорте»: 27.11.2020 № 51-22.

⁴² Ст. 16 МЗ «О государственной собственности»: 27.03.2017 № 46-6.

Понятие «приграничное сотрудничество», используемое в настоящем Законе, применяется в значении, определённом Конвенцией о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ, и означает «согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, заключение в соответствии с законодательством Сторон соглашений, необходимых для достижения этих целей»⁴³.

В качестве наиболее типичных способов и средств, используемых при формулировании модельных определений, назовём также:

– перечень терминов (закрытый либо открытый), на основе которых раскрывается содержание и объём определяемого через соотношение рода и вида, целого и части определяющих: *Государственное имущество делится на имущество, изъятое из гражданского оборота (внеоборотное имущество), и имущество, включённое в гражданский оборот (оборотное имущество)*⁴⁴;

– описание, строящееся на определении через родовое понятие и видовой признак, свойственный определяемому, а также указаний аспектуальных (обстоятельственных, количественных, качественных, уточняющих, исключительных, идентифицирующих и иных) характеристик моделируемой ситуации: *развитие, обучение, воспитание – процессы и трудовые функции, которые выполняет педагог и за которые он несёт ответственность вместе с родителями (законными представителями)*⁴⁵;

– синкретизм перечневого и описательного способов с усложнением и однотипностью формально-структурного (абзацы простые, цифровые и буквенные), синтаксического (повторы, простые перечни и перечни-градации, обороты, включения, уточнения) и пунктуационного представления компонентов определения:

В зависимости от формы воплощения содержания объекты культурного наследия (культурные ценности) делятся на:

⁴³ Ст. 2 МЗ «О порядке участия органов местной власти в приграничном сотрудничестве»: 25.11.2016 № 45-8.

⁴⁴ Ст. 3 МЗ «О государственной собственности»: 27.03.2017 № 46-6.

⁴⁵ Ст. 1 МЗ «О дошкольном образовании» (нов. ред.): 13.04.2018 № 47-9.

– объекты материального культурного наследия (материальные культурные ценности);

– объекты нематериального культурного наследия (нематериальные культурные ценности)⁴⁶;

– определение в определении: при формулировании дефиниции одного термина может быть сформулирована дефиниция другого термина: **кадастровая деятельность** – выполнение уполномоченным лицом в отношении недвижимого имущества работ, в результате которых обеспечивается подготовка документов, содержащих необходимые для осуществления кадастрового учёта сведения о таком недвижимом имуществе (далее – **кадастровые работы**)⁴⁷;

– дополнительное уточнение, формулируемое в виде отдельного предложения (отдельных предложений) и приводимое после определения: **третейский суд** – единоличный третейский судья или состав третейских судей, разрешающий споры, вытекающие из гражданско-правовых отношений, на основании заключённого между сторонами спора третейского соглашения. Третейский суд может действовать на постоянной основе, а также создаваться для разрешения конкретного спора (*ad hoc*)⁴⁸;

– отсылки к структурным частям модельного акта, либо иным модельным актам, либо действующим правовым актам национального законодательства: **Под имуществом в настоящем Кодексе понимаются виды объектов гражданских прав (за исключением имущественных прав), относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом страны**⁴⁹.

Модельные определения отражают конкуренцию норм и вариантов русского языка, предпочтительность для авторов модельного текста не только того или иного орфографического написания (*социально востребованный/социально-востребованный*), но и пунктуационного оформления (см. примеры выше). Кроме того, при формулировании опре-

деления допускаются смысловое согласование с нарушением грамматической связи, отсутствие согласования в форме рода, числа.

Например, в определении термина «инвазивный чужеродный вид» – *чужеродный вид, чья интродукция и (или) распространение угрожает биологическому разнообразию*⁵⁰, – местоимение «чья» согласовано только со словом *продукция*, хотя в силу союзной связи (*чья интродукция и (или) распространение угрожает*) относится и к термину *интродукция*, и к термину *распространение*. Преобразуем: *инвазивный чужеродный вид – чужеродный вид, интродукция и (или) распространение которого угрожает биологическому разнообразию*.

В определении термина «оператор информационной системы» – *гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы*⁵¹, – связь между определяемым, выраженным противопоставляемыми понятиями (*гражданин или юридическое лицо*), и оборотом (*осуществляющие деятельность...*) смысловая, нет необходимого в данном случае грамматического соотношения в форме числа и рода. Сравните: *гражданин или юридическое лицо, осуществляющий (осуществляющее) деятельность*.

Нередко модельное определение термина совпадает с определением данного термина в российском законе. Такие совпадения мы отметили при сопоставлении дефиниций терминов *взаимозаменяемые товары, дистанционное электронное голосование, контрагент, сменная работа* и др.

Вопрос о воспроизводстве (имплементации, дублировании) норм находится за рамками нашего исследования. Однако на этапе первичного описания нельзя не обратить внимания на хронологический порядок принятия актов, направленных на регулирование сходных отношений и содержащих совпадающие дефиниции. Например, одинаковое определение термина «оценка соответствия» – *прямое или косвенное определение соблюдения требований, предъявляемых к объекту*, –

⁴⁶ Ст. 56 Модельного кодекса о культуре для государств – участников СНГ: 13.04.2018 № 47-5.

⁴⁷ Ст. 1 МЗ «О государственном кадастре недвижимости»: 27.03.2017 № 46-7.

⁴⁸ Ст. 2 МЗ «О третейских судах и третейском разбирательстве»: 25.11.2016 № 45-6.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ст. 4 МЗ «О сохранении, устойчивом использовании и восстановлении биологического разнообразия»: 20.05.2016 № 44-9.

⁵¹ Ст. 2 МЗ «Об электронном правительстве»: 25.11.2016 № 45-14.

применяется в ФЗ «О техническом регулировании» 2002 г.⁵² и МЗ об основах единства технического регулирования, принятом в 2014 г.⁵³

ВЫВОДЫ

Модельное терминообразование осуществляется с учётом сложившихся традиций создания правовых актов, особенностей иерархического и предметно-отраслевого соотношения терминов, а также понимания функций, средств и способов формулирования легальных дефиниций.

Модельные определения терминов отражают типичные для российского юридического дискурса явления унификации, трансформации, многозначности, синонимии и антонимии правовых понятий.

Для модельного терминообразования свойственно:

- вариативность формального закрепления наименований терминов;

⁵² Ст. 2 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Российская газета. 2002. 31 дек.

⁵³ Ст. 1 МЗ «Об основах единства технического регулирования в государствах – участниках МПА в условиях вступления во Всемирную торговую организацию»: 28.11.2014 № 41-12.

- альтернативная замена терминов (первичный многословный термин и заменяющий его вторичный краткий, уточняющий вариант);

- дефинирование не только специальных терминов, но и общеупотребительной лексики, абстрактных и неоднозначно толкуемых понятий;

- воспроизводство типичных способов формулирования легальных дефиниций (терминоустанавливающие статьи, перечневые, описательные, синкретические, уточняющие, отсылочные и иные);

- внутриотраслевая и межотраслевая вариативность определения терминов;

- отражение конкуренции языковых и речевых норм и вариантов, в частности, координации в формах рода и числа, смыслового и грамматического согласования.

При дальнейшем исследовании модельных терминов и определений необходимо верифицировать полученные результаты, в том числе за счёт увеличения количества анализируемых источников, рассмотреть особенности раскрытия семантического потенциала определяемого понятия в моделируемом контексте, более детально описать функциональные, формально-структурные и содержательные доминанты терминообразования.

Список литературы

1. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20-29.
2. Кысымжанова Д.С. Влияние модельных законов на национальное законодательство // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 3 (27). С. 164-166.
3. Лобанов Н.А., Ломакина Т.Ю. Модельный закон «Об образовании взрослых»: из истории непрерывного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 3 (60). С. 73-82.
4. Малышева И.В. Роль модельных законов в развитии систем законодательства субъектов РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2020. С. 41-43.
5. Саидамирова Ф.Ш. Сущность и основные задачи модельного законодательства Межпарламентской Ассамблеи СНГ // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховадинона Национальной академии наук Таджикистана. 2021. № 1. С. 177-182.
6. Шестакова Е.В. Отличие модельных актов от других единообразных актов // Право и государство: теория и практика. 2006. № 8. С. 134-144.
7. Батюшкина М.В. Юридическое понятие и юридический термин: особенности соотношения и определений (на материале российских законов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 207-215.
8. Салтыков К.Г. Юридические понятия и термины: вопросы соотношения и интерпретации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 4 (41). С. 5-9.

9. Палашевская И.В. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 131-141.
10. Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 476-482. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482>
11. Шаховский В.И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 369-376. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376>

References

1. Zaloilo M.V. Operezhayushchiy kharakter pravotvorchestva i problema sinkhronizatsii pravovogo regulirovaniya [Anticipatory nature of law-making and the problem of synchronization of legal regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, 2019, no. 9, pp. 20-29. (In Russian).
2. Kysymzhanova D.S. Vliyaniye model'nykh zakonov na natsional'noye zakonodatel'stvo [Impact of model laws on national legislation]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan – Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2012, no. 3 (27), pp. 164-166. (In Russian).
3. Lobanov N.A., Lomakina T.Y. Model'nyy zakon «Ob obrazovanii vzroslykh»: iz istorii nepreryvnogo obrazovaniya [Model law on adult education the forerunner of the future law on continuous education in the Russian Federation]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and Foreign Pedagogy]*, 2019, vol. 1, no. 3 (60), pp. 73-82. (In Russian).
4. Malysheva I.V. Rol' model'nykh zakonov v razvitii sistem zakonodatel'stva sub'yektov RF [The role of model laws in the development of legislative systems of the constituent entities of the Russian Federation]. *Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti» [Collection of Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Legal Problems of Strengthening Russian Statehood”]*. Tomsk, 2020, pp. 41-43. (In Russian).
5. Saidamirova F.S. Sushchnost' i osnovnyye zadachi model'nogo zakonodatel'stva Mezhpardlamentskoy Asamblei SNG [Model legislation of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of independent states as a mechanism for regional cooperation]. *Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Natsional'noy akademii nauk Tadzhikistana – News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2021, no. 1, pp. 177-182. (In Russian).
6. Shestakova E.V. Otlichiye model'nykh aktov ot drugikh edinoobraznykh aktov [Difference of model acts from other uniform acts]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: The Theory and Practice*, 2006, no. 8, pp. 134-144. (In Russian).
7. Batyushkina M.V. Yuridicheskoye ponyatiye i yuridicheskiy termin: osobennosti sootnosheniya i opredeleeniya (na materiale rossiyskikh zakonov) [Legal concept and legal term: specificity of the correlation and definitions (based on Russian laws)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2020, vol. 22, no. 1 (81), pp. 207-215. (In Russian).
8. Saltykov K.G. Yuridicheskiye ponyatiya i terminy: voprosy sootnosheniya i interpretatsii [Legal concepts and terms: the correlation and interpretation]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2017, no. 4 (41), pp. 5-9. (In Russian).
9. Palashevskaya I.V. Yuridicheskiye definititsii: funktsional'nyye i tipologicheskiye kharakteristiki [Legal definitions: functional and typological characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 131-141. (In Russian).
10. Belyanskaya O.V. Lingvisticheskiye protivorechiya v sfere zakonotvorchestva i pravoprimeneniya [Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 476-482. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482> (In Russian).
11. Shakhovskiy V.I. Ekologiya kommunikativnoy distributsii slova [Ecology of communicative word distribution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 369-376. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376> (In Russian).

Информация об авторе

Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, консультант правового управления, Законодательное Собрание Омской области, г. Омск, Российская Федерация, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), soulangeana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Вклад в статью: идея, концепция исследования, анализ законодательных актов, составление электронного корпуса терминов модельных актов, анализ научной литературы, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021
Одобрена после рецензирования 24.09.2021
Принята к публикации 04.10.2021

Information about the author

Marina V. Batyushkina, Candidate of Pedagogy, Consultant of Legal Department, Legislative Assembly of Omsk Region, Omsk, Russian Federation, Full Member of the Guild of Linguistic Experts in Documentation And Information Disputes (GLEDID), soulangeana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Contribution: idea, study conception, legislative acts analysis, electronic corpus of terms of model acts compilation, scientific literature analysis, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 27.08.2021
Approved after reviewing 24.09.2021
Accepted for publication 04.10.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.2+81.371

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577

Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства

Василий Витальевич БУЙЛОВ

Университет Восточной Финляндии

80101, Финляндская Республика, г. Йёнсуу, ул. Улиопистокату, 2

✉ vassili.bouilov@uef.fi

Аннотация. Писательский метод Андрея Платонова в его идейно-теоретической основе рассматривается нами как онтологическая взаимосвязь его личности и творческой проблематики с духовными ценностями, жизненными установками и философскими взглядами, которые он исповедует. Этот писательский метод реализуется в прозе Платонова через художественное взаимодействие авторских философских концептов и формирующих его авторский идиостиль языковых средств. Главной и более широкой целью проведённого нами ранее исследования являлось систематизированное и классифицирующее описание ключевых языковых моделей и приёмов, наиболее типичных для писательского метода Платонова. Научные результаты проведённого нами комплексного анализа идиостиля Платонова свидетельствуют в пользу нашего утверждения о том, что наибольшая часть элементов и признаков платоновского «деформированного» и «кодированного» языка художественно смоделированы и являются примером успешной авторской стилизации. Благодаря особенностям авторского языка и стиля платоновский художественный текст отличается насыщенной смысловой амбивалентностью и имплицативностью. Объём нашей статьи не позволяет нам представить более подробное изложение основных положений творческого метода Андрея Платонова и всеохватывающий анализ важнейших лингвостилистических средств, его составляющих. В этой статье мы ставим своей конкретной задачей в рамках краткого аналитического обзора отдельных характеристик платоновского писательского метода и выборочного лингвостилистического анализа ключевых и наиболее действенных средств и приёмов языковой выразительности, формирующих этот уникальный авторский метод, наглядно продемонстрировать некоторые его основополагающие принципы и подходы.

Ключевые слова: писательский метод Андрея Платонова, платоновский «нарушенный язык», частичный отказ следовать нормам русского языка, идиостиль Андрея Платонова, лингвостилистический анализ, валентность и лексическая сочетаемость, семантические и синтаксические деформации, авторская стилизация, амбивалентность, имплицативность

Для цитирования: Буйлов В.В. Писательский метод Андрея Платонова: отдельные ключевые характеристики и лингвостилистические средства // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 565-577. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Andrei Platonov's writing method: selected key characteristics and linguostylistic means

Vassili V. BOUILOV

University of Eastern Finland
2 Yliopistokatu, Joensuu 80100, Republic of Finland
✉ vassili.bouilov@uef.fi

Abstract. Andrei Platonov's writing method in its ideological and theoretical basis is considered by us as the ontological relationship of his personality and creative perspective with spiritual values, attitudes and philosophical views which he professes. This writing method is realized in Platonov's prose through the artistic interaction of author's philosophical concepts and linguistic means which form his idiostyle. The main and broader goal of our research is a systematized and classifying description of the key language models and techniques most typical of Platonov's writing method. The scientific results of our comprehensive analysis of Platonov's idiostyle testify to our assertion that most of the elements and features of Platonov's "deformed" and "coded" language are artistically modeled and are an example of the author's successful stylization. Due to the peculiarities of the author's language and style, Platonov's literary text is distinguished by rich semantic ambivalence and implicativity. The volume of our work does not allow us to present a more detailed presentation of the provisions of Andrei Platonov's creative method and an all-encompassing analysis of the most important linguostylistic means which make up it. In this we, we set our specific task within the framework of a brief analytical review of the individual characteristics of Platonov's writing method and a selective linguostylistic analysis of the key and most effective means and techniques of linguistic expressiveness which form this unique author's method, to clearly demonstrate some of its fundamental principles and approaches.

Keywords: Andrei Platonov's writing method, Platonov's "broken language", partial refusal to follow the norms of Russian language, Andrei Platonov's idiostyle, linguostylistic analysis, valency and lexical compatibility, semantic and syntactic deformations, author's stylization, ambivalence, implicativity

For citation: Bouilov V.V. Pisatel'skiy metod Andrey Platonova: otdel'nyye klyuchevyye kharakteristiki i lingvostilisticheskiye sredstva [Andrei Platonov's writing method: selected key characteristics and linguostylistic means]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 565-577. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-565-577> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В основе писательского метода Андрея Платонова лежит целенаправленное и творчески систематизированное насыщение его прозаических текстов стилистически яркими окказиональными фигурами речи и формами художественной образности, собственными авторскими языковыми и стилистическими моделями и приёмами. Платоновский языковой дискурс характеризуется наличием многих косвенных смыслов. Именно это важнейшее свойство, а именно имплицативность его текстов, требует вдумчивого и внимательного читательского прочтения и макси-

мально углублённого исследовательского анализа и интерпретирования.

Часто вытекающий из этого ключевого свойства текстов Платонова имплицитный характер самого контекста предопределяет повсеместную смысловую закрытость, закодированность платоновского текстового, философского дискурса, рождающую множество разноплановых коннотаций и аллюзий не только у читателей, но и у исследователей. Такой авторский «вывод вещи из автоматизма восприятия» В.Б. Шкловский в своей статье «Искусство как приём» называет *приё-*

мом «остранения» [1]. Суть данного метода, по мнению В.Б. Шкловского, состоит в авторском намеренном «затруднении формы» своего произведения:

«Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приёмом искусства является приём «остранения» вещей и приём затруднённой формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлён; искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно. Жизнь поэтического (художественного) произведения – от видения к узнаванию, от поэзии к прозе, от конкретного к общему <...>» [1, с. 105].

И что особенно актуально в контексте данной статьи, каждый текст Платонова почти повсеместно подчиняется особым неконвенционально установленным автором правилам и моделям «платоновской поэтики», построенной в целом на общем целенаправленном нарушении правил грамматики, и в частности, на окказиональном словообразовании при образовании новых авторских слов, на намеренном нарушении правил словоупотребления и синтаксиса с изменением валентности и сочетаемости слов, приводящим к расширению или сужению их семантики. Часто этот язык называют «нарушенным, деформированным» языком Платонова. В свою очередь, мы в своих научных исследованиях рассматриваем язык Платонова как особый авторский язык и стиль с присутствием в нём всех характерных для него окказиональных компонентов и с одновременным и повсеместным включением в него элементов «смешанного языка» Утопии и Антиутопии. Для определения писательского стиля Платонова мы пользуемся термином «авторский идиостиль Андрея Платонова».

В каждом тексте Платонова, от его названия до последней его строки, при углублённом его прочтении повсеместно и обычно имплицитно всплывают интертекстуальные прямые или косвенные отсылки к разным философским и политическим концептам и положениям, событиям, мнениям и убеждениям, а также, что особо важно, к разным авторам и к своим и чужим текстам. Любой платоновский прозаический текст есть по

сути своей философский текст, являющийся системой взаимодействия и взаимовлияния его микроконтекста и макроконтекста, а с точки зрения семиотики представляет собою также особую платоновскую концептосферу и является частью и действенным моментом ещё более широкого общефилософского дискурса, являя собою особый платоновский мир как часть общей онтологии Андрея Платонова. В.С. Елистратов даёт такой комментарий по поводу этой особенности прозы Платонова:

«<...> для понимания, осмысления платоновского слова читателю требуется дополнительное визуальное время, время чтения глазами, когда можно задержаться на написанном, перевести одновременно присутствующее в тексте смысловые отношения в разновременные – и снова синтезировать их в некое образное единство» [2, с. 74].

Что касается процесса углублённого чтения и прочтения любого художественного текста, терминологически определённого М. Гершензоном как метод «медленного чтения» [3], к которому сам Платонов апеллировал в своей статье «Пушкин – наш товарищ» [4], то подобное углублённое чтение и смысловое прочтение конкретного платоновского текста предполагает его последовательное языковое и смысловое «декодирование» читателем, а также требует в процессе такого декодирования активного включения языкового чутья и, в определённом смысле, интеллектуальной и творчески ориентированной подготовленности читателя. Подобное особое аналитическое восприятие текста приводит к возникновению часто неожиданных и даже не всегда логически оправданных интерпретаций, что или изначально заложено в текст, задумано и предопределено Платоновым, или, в свою очередь, обусловлено восприятием самого читателя и иногда срабатывает с его стороны уже где-то на подсознательном уровне.

Новые смыслы, коннотации, образы, символы, рождаемые особыми авторскими окказиональными решениями Платонова, репрезентуют в языке многие платоновские философские концепты в их взаимодействии, которое предопределяется особой формальной природой внутритекстовых элементов

микроконтекста «Котлована». Язык Андрея Платонова относится как раз к тому редчайшему случаю, когда, по словам К.А. Баршта, «новый смысл может быть построен только с помощью осознанного отклонения от принятой языковой нормы» [5, с. 10]. Рассматривая необычные платоновские окказиональные конструкции и говоря об определённой трудности их восприятия, исследователь так объясняет эти особые свойства языка Платонова:

«<...> этот описываемый язык является сам для себя нормой, понимается, выходя как ненормальность с любой другой языковой позиции. Изучение этих норм и правил невозможно без нахождения закономерностей в конструкции платоновской картины мира, художественно-онтологический и поэтико-языковой аспекты оказываются двумя сторонами одной и той же медали – платоновского художественного текста. Здесь, как и в любом другом языке, есть своя лексика, своя грамматика, свои способы сцепления слов, свои повторяющиеся устойчивые конструкции <...>» [5, с. 10].

Творческий метод и авторский стиль Андрея Платонова во многом определяются именно тем, что играющие смыслообразовательную роль при создании его художественных текстов авторские окказиональные словосочетания отличаются также и особыми формально-структурными языковыми характеристиками. Это означает, что специфическое платоновское содержание определяется специфической платоновской формой. Таким образом, подобная «формальная» природа прозаических текстов Платонова состоит именно в том, что план содержания формируется планом выражения, когда формально идиостиль и языковая структура текста играют решающую роль в образовании смыслов и в построении содержания и сюжета. По словам Е.М. Толстой-Сегал, «у зрелого А. Платонова язык всё более становится «фактором конструкции» – на уровень слова и словосочетания выводятся основные мировоззренческие понятия и скрытые смысловые слои» [6, с. 109]. Специфические черты, характерные именно для творческого почерка Платонова, позволяют нам отнести главные произведения его прозы к особой «литературе авторского стиля». Платоновские тексты помимо своего формального своеобразия от-

личаются неповторимой самобытностью, текстовой уникальностью, единичностью своего литературного материала, своеобразным сюжетным и композиционным построением.

Одной из главных особенностей языка Платонова является сознательное отражение в его художественных текстах всех характерных черт Новояза, нового языка советской эпохи, который выступает в определённой социальной сфере общественно-речевой практики и формируется под воздействием этой сферы [7]. Платонов повсеместно в своих ранних поэтических и более поздних прозаических текстах, и конкретно, в одной из наиболее знаковых в художественном и идейно-философском плане своих работ – повести «Котлован» [8] – использует наиболее характерные элементы Новояза и клишированной речи идеологии с целью создания острого сатирического эффекта, намеренно смешивая их в речи персонажей с общеупотребительной, сниженной или, напротив, книжной высокой лексикой, и употребляя часто при этом канцеляризм, военную и даже церковную лексику. При этом он не только комически искусно обыгрывает эти политически окрашенные штампы советского времени, но и иронично и изящно конструирует собственные окказиональные словосочетания по типу традиционных идеологическими клише, по их содержанию и форме часто доводя их до откровенного абсурда.

Результаты наших предыдущих исследований подтверждают, что в основе идейно-эстетического и художественно-повествовательного построения повести «Котлован» лежит её жанровый дуализм, который определяется предельно жёстко выстроенной Платоновым художественной коллизией Утопии и Антиутопии как компонентов основной платоновской жанровой дихотомии. В тексте «Котлована» в случаях, когда Платонов не находит возможности выразить свои критические мысли прямо, он вводит клишированную речь идеологии посредством её откровенно гиперболизированного употребления, чем создаёт благодатную почву как для использования иронии и иносказательности, так и для введения в текст эзопова языка. Настойчиво развивая в «Котловане» антиутопическую тему, Платонов борется с агрессивной избыточностью клишированной

речи идеологии через употребление собственных окказиональных конструкций, построенных в форме пародийных клише по подобию реальных советских идеологических штампов, подавая их в тексте через употребление иронии и сарказма, гротеска, мениппеи и карнавализации, и используя также включения в повествование жанровых форм и элементов пастиша и симулякра.

Эти специфические характеристики позволяют нам жанрово рассматривать ключевые произведения Платонова, и в частности, «Котлован», в качестве особых платоновских предтеч появившегося лишь через два десятилетия европейского постмодернизма. Художественное пространство «Котлована» в значительной степени усложнено жанровой постмодернистской природой её текстового материала и художественного контента. К значимым чертам и признакам постмодернизма в «Котловане» можно отнести такие уже упомянутые нами выше и определяющие неповторимое платоновское мироощущение качества его текста, как имплицативность повествования, амбивалентность, фрагментарность, исходный жанровый дуализм (Утопия и Антиутопия) и более широкая общая жанровая многогранность, ирония и самоирония, гротескность, аллегоричность, повсеместное использование средств иносказательности и эзопова языка, карнавализация сюжета и концентрированная мениппейная природа повести.

Как и при обычном рассмотрении любого художественного текста, лингвостилистический анализ функционирования внутри-текстовых элементов повести «Котлован» ставит своей целью выделение основного круга законов поэтики платоновского текста. Такой углублённый анализ способствует наглядному выявлению процесса взаимодействия в тексте платоновских выразительных средств языка с основными положениями писательского дискурса и его картины мира, через язык находящих своё отражение в авторских философских концептах.

Взаимоизменение семантики и сочетаемости (валентности) слов. Этот авторский приём построен на неконвенциональной трансформации первичных, соответствующих языковой норме словосочетаний и со-

стоит в общем изменении их семантики и расширении сочетаемости и валентности входящих в них слов, приводящему к такому изменению [9]. Подобное окказиональное расширение сочетаемости слов позволяет Платонову вовлекать эти слова в необычные для них лексическо-семантические и синтаксические связи с другими словами. Результатом является изменение общего, активного или пассивного, типа валентности слов и изменение обязательного или факультативного характера их валентности, её облигаторности. При анализе вводимых писателем подобных языковых изменений необходимо различать понятия сочетаемости и валентности, учитывая прежде всего то, что валентность – это именно потенция, а сочетаемость является уже её реализацией. А.М. Мухин рассматривает соотношение этих двух терминов на примере сочетаемости и валентности глаголов:

«<...> Сочетаемость и валентность глаголов взаимно дополняют друг друга, хотя первая определяется по отношению к лексемам, то есть единицам того же уровня языка, имеющим лексическую семантику, вторая же – по отношению к синтаксемам, наделенным синтаксической семантикой, которые являются единицами синтаксического уровня. <...> показательной для лексической семантики глаголов может быть не только их сочетаемость, но и валентность, в которой отражаются факты взаимодействия лексических и синтаксических единиц, то есть лексем и синтаксем» [10, с. 62, 63].

Для языка Платонова является характерным модифицирование лексической сочетаемости, и несколько реже это случается с грамматической (синтаксической) сочетаемостью слов. Возможны и комбинированные случаи. В результате разрушения соответствующих норме словосочетаний происходит и расширение семантики слов. В следующем примере из текста повести «Котлован», демонстрирующем сознательное изменение Платоновым лексической и семантической валентности и сочетаемости слов, наречие *навзничь* в обычном своём словоупотреблении обладает ограниченной семантической сочетаемостью с глаголами вертикального движения, имеющими семантику падения *падать – упасть – опрокинуться – откинуться*

навзничь [ср. Опрокинувшись на спину, вверх лицом. *Упасть навзничь*] [11, с. 374]:

Она лежала сейчас навзничь <...> [8, с. 49].

В рассматриваемом нами случае происходит и взаимное неконвенциональное расширение лексической и семантической валентности глагола *лежать*, которое обычно синтаксически не сочетается с наречием *навзничь*, у которого отсутствует соответствующий семантический признак и которое лексически не входит в ограниченный нормой ряд сочетающихся с ним наречий, как, например, в словосочетании *лежать молча*. Соединение Платоновым в окказиональном словосочетании *лежала навзничь* глагола местоположения *лежать* и наречия *навзничь* в контексте описания смерти этого персонажа «Котлована» рождает коннотацию не только лежащего спиной на земле, но и с большой силой отброшенного, вдавненного спиной в землю погибшего человека.

При рассмотрении относительно более редких для Платонова случаев модифицирования *грамматической (синтаксической) валентности и сочетаемости* мы придерживаемся трактовки синтаксической валентности, предложенной В.В. Морковкиным:

«Валентность слова – это такое свойство его содержательной стороны, которое позволяет ему иметь при себе определённый набор синтаксических позиций. Присловная синтаксическая позиция – закреплённая правилами языка возможность употребления вместе с данным словом ряда однотипно связанных с ним распространителей его значения» [12, с. 130].

В следующем примере из «Котлована» в сложноподчинённом предложении с придаточным изъяснительным, поясняющим сказуемое в главной части, мы можем наблюдать неконвенциональное сведение Платоновым сказуемого главного предложения, выраженного формой глагола сов. в., прош. вр., муж. р., ед. ч. *пошёл*, а также выступающего в качестве средства подчинительной связи и обладающего семантикой цели подчинительно-изъяснительного союза *чтобы* придаточного предложения, с одной стороны, с выраженным инфинитивом сказуемым *заметить* придаточного предложения, с дру-

гой стороны. В этой конкретной синтаксической позиции в окказиональной конструкции *пошёл, чтобы заметить* семы её последних двух компонентов в обычных условиях вне платоновского текста синтаксически и семантически строго противоречат друг другу. Вводя в синтаксическую связь компоненты окказиональной конструкции *подойти, чтобы заметить*, Платонов актуализирует здесь расширение синтаксической и лексической сочетаемости и валентности всех участвующих в данной конструкции компонентов:

<...> тогда Воцев подошёл к открытому окну, чтобы заметить начало ночи <...> [8, с. 15].

Такое смоделированное писателем расширение связано с тем, что двухвалентный глагол мыслительной деятельности *заметить* [1. кого-что и с союзом «что». Увидеть, обнаружить. 2. кого-что. Отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-н.] [11, с. 214] предполагает неожиданность, непредсказуемость действия для самого субъекта, что абсолютно *исключает возможность целевой установки* при его употреблении. Неконвенциональное соединение слов с противоположной семантикой способствует эксплицированию образно-эмоциональной контекстуальной коннотации, рождающей ощущение абстрактной, почти сюрреалистической алогичности этого действия, поэтической атмосферы призрачности, зыбкой воздушности и космичности пространства, мимолетности, физической осязаемости природы. Художественно введённое Платоновым модифицирование валентности, а также лексической и грамматической сочетаемости компонентов рассматриваемой конструкции способствует расширению категориальной семантики этих слов и повышению ассоциативной образности повествования.

Платоновское окказиональное словообразование. При осуществлении авторской стилизации под язык современной ему эпохи Андрей Платонов в качестве стилистического приёма активно задействует различные традиционные словообразовательные модели. Наряду с ними он также прибегает к использованию различных моделей авторского окказионального словообразования, отражая

благодаря этому в своём тексте характерное для Новояза стремление к экономии и унификации языковых средств.

Так, при образовании своих окказиональных новообразований в качестве традиционных словообразовательных моделей Платонов использует образования с суффиксами *-ец*, *-щик*, *-щин-*, которые, по словам А.М. Селищева, «в новом советском языке выражают отрицательное отношение говорящего к предметам или явлениям, названным именем с этими суффиксами: *перерожденец*, *аллилуйщик*, *штурмовщина*» [13, с. 141-147]:

– *Значит, я переугожденец?* – всё более догадываясь, пугался профуполномоченный.

– *У нас есть в профбюро один какой-то аллилуйщик, а я, значит, переугожденец?* [8, с. 23].

Острый саркастический оттенок имеют у Платонова и образования с суффиксами *-щина*, *-щество*, относящиеся к социально-поведенческим явлениям негативного свойства. Писатель прибегает к использованию словообразовательных моделей с этими суффиксами, внося в повествование благодаря введению в него своих новых авторских окказионализмов особый иносказательно-иронический подтекст. Это также позволяет Платонову успешно передать в тексте насыщенность речи своих персонажей искусственными формами:

<...> в лежащей директиве отмечались маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины <...> [8, с. 90].

В тексте «Котлована» Платонов также употребляет словообразовательную модель семантического стяжения, в основе которой лежит приобретение одним из компонентов исходного словосочетания значения всей конструкции. Использование этой продуктивной и распространённой в то время словообразовательной модели позволяет писателю добиться через компрессию и сжатие текста уменьшения его объёма и при этом его лаконизации, то есть его «сокращения с сохранением полного объёма информации» [14, с. 24].

В новом языке советской эпохи можно найти множество примеров подобных совет-

ских неологизмов в форме субстантивированных прилагательных и причастий, образованных по модели семантического стяжения: *звеньевой*, *постовой*, *проверяющий*, *уполномоченный*, *профуполномоченный*, *оперуполномоченный*, *месткомовский*, *пионервожатый*, *планирующий*, *ответственный* и т. д. Платонов прибегает к использованию модели семантического стяжения не только с целью расширения стилистической и экспрессивно-эмоциональной выразительности текста, но и из-за необходимости более точного именованя явлений новой советской жизни.

Многие советские неологизмы, образованные по модели семантического стяжения, получали широкое распространение благодаря их употреблению в ситуациях обозначения классовой принадлежности граждан, превращаясь в политические и идеологические ярлыки: *красный*, *белый*, *партийный*, *беспартийный*, *сознательный*, *несознательный*, *раскулаченный*, *сочувствующий*, *убеждённый*, *(идеологически) подкованный*, *прозаседавшие* (Маяковский), *перевоспитанный*. По словам Д.Н. Шмелёва, «в социальном плане осуществление стяжения зависит, естественно, от общественной значимости тех ситуаций <...> Социальная характеристика данной ситуации предопределяет как стилистическую значимость соответствующего словоупотребления, так и его способность стать общеязыковым фактом» [15, с. 181]. Платонов не только в «Котловане», но и в тексте другой своей повести «Ювенильное море» пользуется приёмом семантического стяжения именно в функции субстантивированных слов-ярлыков:

«Раза два–три в месяц невыясненные приходили в учреждение, получали жалованье и спрашивали: «Ну как, я не выяснен ещё?» – «Нет, отвечали им выясненные, всё ещё пока что нет о вас достаточных данных, чтобы дать вам какое-либо назначение, будем пробовать выяснять!» [8, с. 102].

В этом фрагменте текста Платонов достигает немислимой для того времени и вопорядка степени философского обобщения, описывая общество, состоящее из *выясненных* и *невыясненных*, и критически оценивая породившую такое положение систему. В качестве авторской модели писатель упот-

ребляет здесь семантическое стяжение, образованное с помощью использования эллипсиса, определяемого как «усеченное и служащее номинацией реалии словосочетание, структурная полнота и смысл которого восстанавливаются из конкретной ситуации или исторического контекста», например: *1-я Конная* [16, с. 592].

Семантическое стяжение образуется Платоновым также в результате одновременного усечения определяемого существительного как стержневого компонента словосочетания и отсутствия облигаторного распространителя при определении. В следующем примере из текста «Котлована» для образования двух разных семантических стяжений писателем используются страдательное причастие прошедшего времени *организованный* и прилагательное *неорганизованный*:

Организованные сели на землю и курили с удовлетворительным чувством <...> неорганизованные же стояли на ногах, превозмогая свою тщетную душу <...> [8, с. 70].

Причастие *организованный* вне текста «Котлована» обладает активной валентностью и в обычных условиях должно облигаторно сочетаться с различными актантами: *организованный для чего-то, на что-то, куда-то, где-то, как-то, каким-то образом* и т. д. [*Организованный*. 1. Объединённый в организацию, сплочённый. 2. Планомерный, отличающийся строгим порядком. 3. То же, что дисциплинированный] [11, с. 456]. Контекст «Котлована» предполагает употребление этого причастия именно в своём 1-м словарном значении и требует присутствия после него распространителя в винительном падеже с предлогом, например, *организованный/ые в колхоз люди/крестьяне*. При платоновском семантическом стяжении это слово выступает уже в качестве окказионального субстантивированного причастия и выполняет в предложении функцию подлежащего. В тексте Платонова стяжение изменяет семантику этого причастия, объединившего в себе семантику двух других усечённых компонентов словосочетания, и соответственно, семантику всего обычного словосочетания с этим причастием. Свойства семантического стяжения и *субстантивации*, то есть обретения субстантивом семантики и

синтаксических свойств имени, в тексте Платонова распространяются также и на субстантивированное прилагательное *неорганизованный*. Ввод в текст этих двух окказиональных семантических стяжений вызывает коннотацию горькой авторской иронии и ассоциируется с политикой навешивания политических ярлыков и массовых гонений в стране на целые социальные группы.

Семантическое стяжение является для Платонова действенным средством достижения большей экспрессивности благодаря лаконизации лексической формы и способствует созданию оригинальной авторской стилизации под клишированный язык современной ему эпохи. Языковое конструирование Платоновым новых окказиональных словообразовательных моделей по аналогии с уже существующими нормативными моделями имеет своим результатом появление неконвенциональных авторских наименований, которые вносят яркую эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску в текст «Котлована» и других ключевых произведений автора при описании им жизни советского общества на рубеже 1920–1930-х гг. в широком спектре от пародийности до глубокого драматизма описываемых событий и явлений.

Платоновские образные средства художественной выразительности. Семантический плеоназм как риторическая фигура и стилистический приём. Посредством введения в свой текст авторских окказиональных новообразований, построенных по словообразовательной модели семантического стяжения, Платонов решает языковую и художественную задачу лаконизации лексических форм. В свою очередь, при помощи использования в тексте стилистического приёма семантического плеоназма, построенного на сознательном художественном использовании в тексте языкового механизма периссологии, то есть многословия, синонимического повтора или содержательной избыточности, являющейся другим важным признаком клишированной речи идеологии, по форме противоположным лаконизации лексических форм, писатель успешно и гротесково реализует в своём тексте вербальное отражение современной ему искаженной реальности. Для клишированной речи не толь-

ко идеологии, но и бюрократии характерным является то, что специально создаваемая в ней смысловая избыточность проявляется в пространном и противоречащем языковым нормам выражении того, что можно выразить короче, без намеренного тавтологического дублирования лексем. Поэтому такие сознательные платоновские стилистические трансформации в тексте по форме и содержанию соответствуют устной трафаретно-лозунговой речи идеологии, казённой природе штампованной речи бюрократии и канонам классовой и политической агитации:

«<...> тавтологические сочетания в тексте выделяются на фоне остальных слов, это даёт возможность, прибегая к тавтологии, обратить внимание на особо важные понятия, <...> тавтологический повтор может придавать высказыванию особую значительность, афористичность, <...> тавтологические сочетания повышают эмоциональность публицистической речи» [17, с. 20].

Включение в текст в качестве художественного приёма семантического плеоназма можно наблюдать в разных прозаических текстах Платонова. Так, в следующем примере из текста повести «Ювенильное море» Платонов при помощи введения в текст плеонастической модели целенаправленно модифицирует лексическую избыточность, характерную для бюрократической речи и мышления. Это позволяет ему в яркой гротесковой форме вскрыть в целом бюрократическую природу советских учреждений, являющихся наглядным и пугающим казённым олицетворением государства:

«Всё же достаточной ясности о вас для нас пока не существует, будем пробовать пытаться выяснить ваше состояние», – отвечало Умрищеву учреждение [8, с. 101].

Глаголы неполной предикации *пробовать* [3. с неопр. Пытаться, стараться что-н. сделать] [18, с. 446] и *пытаться* [с неопр. Стараться делать что-н.] [18, с. 471] являются синонимами, обладают облигаторной активной валентностью и требуют при себе зависимого компонента, выражаемого инфинитивом и присоединяемого к ним связью примыкания. При помощи сознательного дубли-

рования этих схожих слов Платонов добивается окказиональной их постановки относительно друг друга одновременно и в функции стержневых, и в функции зависимых слов ненормативного многокомпонентного подчинительного глагольного словосочетания. Такое нанизывание друг на друга этих слов утяжеляет, усложняет всю получившуюся синтаксическую конструкцию и благодаря объединению их смыслов имеет своим результатом расширение общего для них семантического поля.

Объединение в одном ряду этих лексически и синтаксически не сочетающихся слов рождает коннотацию затянутости и бюрократической цикличности любого административного действия и метко передаёт атмосферу деятельности советского бюрократического аппарата, обозначаемую выражением «бюрократическая волокита». Существительное *волокита* относится к разговорному стилю и в словаре Ожегова определяется как [разг./ Недобросовестное затягивание дела или решения какого-н. вопроса, а также медленное течение дела, осложняемое выполнением мелких формальностей, излишней перепиской] [11, с. 98]. Это окказиональное использование авторского плеоназма в качестве стилистического приёма, позволяющего Платонову сделать особый акцент на типичной тавтологичности речи бюрократии, можно считать примером ярчайшей авторской языковой аномалии.

В следующем примере уже из текста «Котлована» избыточность выразительных средств способствует стилистической передаче Платоновым заштампованной фальшивости, присущей речи административного деятеля среднего звена, постоянно пытающегося выделиться перед своим партийным начальством. Такая избыточность моделируется Платоновым посредством ввода лексического плеоназма *печально заскучать*. Как и в других схожих случаях у писателя, употребление этой стилистической фигуры позволяет отразить в тексте такую черту языка утопии, как многословие:

<...> товарищ Паишкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу <...> [8, с. 56].

Согласно языковой норме, в русском языке нельзя *печально скучать по чему-либо, кому-либо*. С помощью такой писательской иронической стилизации при описании тавтологического образа мысли персонажа и такого же способа вербального выражения им того, что должно быть сказано короче и яснее, вся по его собственному расчёту и представлению пафосная и высокопарная фраза обретает напыщенное и неуклюжее, косноязычное воплощение.

Платонов не ограничивается употреблением стилистического приёма плеоназма для передачи особенностей только языка действующей утопии и стилистически использует в тексте «Котлована» уже вошедшие в народную этимологию конструкции, свойственные разговорной и народно-поэтической речи и построенные по модели факультативного плеоназма:

<...> *Пашкин постоянно думал светлые думы* <...> [8, с. 56].

«*Дозволь нам горе горевать в остатную ночь* <...>» [8, с. 71].

Платонов использует здесь устойчивые формы, синтаксически построенные по принципу народной этимологии с актуализацией в них внутреннего объекта содержания посредством его извлечения из самого действия: *думать думу, горе горевать*. Эти словосочетания получены вследствие симметрического звукового повтора корневых морфем *дум-/дум-* и *гор-/гор-*. Употребляя эти устойчивые формы фольклора особой народно-поэтической окрашенности, Платонов помещает их в разные контексты повествования – от контекста иронично-критического (*думал светлые думы* – в случае с товарищем Пашкиным) до контекста, наполненного острым щемящим чувством и народно-поэтически окрашенного (*дозволь нам горе горевать*) в случае описания физических и духовных страданий репресслируемых в ходе коллективизации крестьян.

Не только время, но и различные духовные понятия, действия и даже невидимый в обычной жизни звук в процессе их смысловой и стилистической реализации в тексте «Котлована» материализуются, обретая вещественный, осязаемый статус субстанции. Такому стилистическому и смысловому эф-

фекту способствует ввод в платоновский текст окказионального плеоназма *произнести во рту*:

Сафронов произнёс во рту какой-то нравоучительный звук <...> [8, с. 37].

Абсурдность этой семантической коллизии очевидна – естественно, что звуки речи формируются и артикулируются именно при помощи рта. Но если воспринимать звук по-платоновски как материальную субстанцию, то чисто гипотетически возможно вообразить его материализованное выговаривание, физическое «высвобождение» изо рта.

В следующем примере Платонов, художественно реализуя в тексте «Котлована» сознательное использование стилистического приема плеоназма, также актуализирует физическую природу звука. Глагол *простонать* не обладает переходностью. Окказиональное расширение Платоновым его валентности вызывает ассоциативное расширение смыслов, подразумевающее художественную материализацию *стона* и *звука* как физических субстанций:

<...> *он простонал звук* <...> [8, с. 19].

В этом примере глагольная лексема *простонать* [Издать стон: проговорить, сказать что-н. со стоном] [18, с. 481], обладающий семей «звук», неконвенционально обретает при себе актанта *звук*, также обладающий семей «звук». Глагол *простонать* при таком возникающем в платоновском тексте окказиональном расширении своей семантической сочетаемости чисто ассоциативно может допустить своё участие в таких словосочетаниях, как *простонать крик, простонать вопль, простонать шум*. Стилистически совмещая и сталкивая в одном словосочетании семантически близкие слова *простонать* и *звук*, Платонов посредством целенаправленного смыслового дублирования достигает художественного эффекта аномальной тавтологической избыточности, вызывающего коннотацию метафизического, умозрительно-отвлечённого, абстрактно-философского звучания этого словосочетания и допускающего его глубокие экзистенциальные трактовки.

Для неконвенциональных авторских конструкций, образованных Платоновым с помощью языкового моделирования и использования стилистического приёма факкультативного семантического плеоназма, характерными являются речевая избыточность, гиперболизированность, подчёркнутая искусственность и перифрастичность. Художественное применение этого стилистического приёма позволяет Платонову успешно отображать в своих прозаических текстах особенности языка, коммуникации и мышления в данную политическую эпоху. Стилистическое применение приёма семантического плеоназма создаёт для Платонова дополнительные возможности для ввода в текст ярко окрашенных элементов народной этимологии и для художественного воплощения в тексте повести экзистенциально-онтологических принципов и идей писателя.

Таким образом, благодаря анализу образно и эмоционально насыщенных метафор, и, в целом, тропов, стилистических фигур, форм литературно-художественной условности, а также семантических, синтаксических, лексико-стилистических и словообразовательных окказионально модифицированных моделей, которыми Платонов художественно плотно и целенаправленно заполняет все свои ключевые прозаические тексты, мы можем глубже понять и постигнуть общий творческий механизм и особые возможности платоновского языка и стиля – и, соответственно, его уникальный писательский метод. Платонов использует все эти многочислен-

ные яркие лингвостилистические средства для сознательного смыслового и образного усложнения и обогащения своих текстов с целью повышения их выразительности и экспрессивности, а также достижения гротескового и жанрово многоуровневого эмоционально-психологического воздействия на читателя.

В ходе лингвостилистического анализа его прозаических текстов Платонова находят своё подтверждение как одна из главных особенностей его языка, которая связана с активным и сознательным использованием писателем языка его эпохи, так и наши выводы о художественно смоделированной автором в «Котловане» платоновской коллизии утопии и антиутопии, которая на уровне языка и микроконтекста «Котлована» находит своё отражение в искусственном смешении в тексте словаря эпохи с элементами коллективного идиостиля и других стилей. Подобное противоестественное смешение, как и в реальной жизни того времени, создаёт онтологический эффект, предопределяемый одновременно утопической и антиутопической природой «Котлована», его жанровым дуализмом. В основе писательского метода Платонова лежит его авторский идиостиль, который формирует языковой и художественный механизм соединения несовместимого и служит созданию актуального для всего повествования художественного конфликта, имеющего в своей основе коллизию Утопии и Антиутопии также на уровне языка и микроконтекста «Котлована».

Список литературы

1. Шкловский В.Б. Искусство как приём. «Поэтика». Сборники по теории поэтического языка (I–II). Сборник II. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. URL: http://imwerden.de/pdf/poetika_vyp_1_i_2_1919.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
2. Елистратов В.С. О структуре прозы А. Платонова (письменный текст и его звуковое исполнение) // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1989. № 2. С. 68-74.
3. Гершензон М.О. Избранное / сост. С.Я. Левит. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Мудрость Пушкина. С. 5-37.
4. Платонов А.П. Пушкин – наш товарищ // Литературный критик. 1937. № 1.
5. Барит К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. 2-е изд., доп. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. 480 с.
6. Толстая-Сегал Е.М. Стихийные силы: Платонов и Пильняк. (1928–1929) // Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Сборник славистики университета Иерусалима. Т. 3. Jerusalem: The Magnes Press, 1978. С. 89-109.
7. Буйлов В.В. Андрей Платонов и язык его эпохи // Русская словесность. 1997. № 3. Май–июнь. С. 30-35.
8. Платонов А.П. Котлован. М.: Кн. палата, 1988. 318 с.

9. Буйлов В.В. Изменение семантики и валентности слов в контексте прозы Андрея Платонова // Вопросы функционирования современного русского языка: сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Бельчиков. М.: Изд-во Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1996. С. 60-66.
10. Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 52-64.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
12. Морковкин В.В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов: сб. ст. Вып. 145. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1979. С. 129-140.
13. Селищев А.М. Революция и язык. Выразительность и образность языка революционной эпохи. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 141-158.
14. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 1997. 278 с.
15. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
17. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника. М.: Высш. шк., 1976. 208 с.
18. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 704 с.

References

1. Shklovskiy V.B. *Iskusstvo kak priyem. «Poetika». Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka (I–II). Sbornik II* [Art as a Device. “Poetics”. Collections on the Theory of Poetic Language (I–II). Collection II]. Petrograd, 18th State Typography, 1919. (In Russian). Available at: http://imwerden.de/pdf/poetika_vyp_1_i_2_1919.pdf (accessed 10.06.2021).
2. Elistratov V.S. О структуре прозы А. Платонова (pis'mennyy tekst i ego zvukovoye ispolneniye) [On the structure of A. Platonov's prose (written text and its sound performance)]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya – Moscow University Philology Bulletin. Series 9*, 1989, no. 2, pp. 68-74. (In Russian).
3. Gershenzon M.O. *Izbrannoye* [Selected]. Moscow, Universitetskaya Kniga Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2000, vol. 1, pp. 5-37. (In Russian).
4. Platonov A.P. Pushkin – nash tovarishch [Pushkin is our comrade]. *Literaturnyy kritik – Literary Critic*, 1937, no. 1. (In Russian).
5. Barsht K.A. *Poetika prozy Andreyaya Platonova* [Poetics of Andrei Platonov's Prose]. St. Petersburg, Faculty of Philology SPbU Publ., 2005, 480 p. (In Russian).
6. Tolstaya-Segal E.M. Stikhiynyye sily: Platonov i Pil'nyak. (1928–1929) [Elemental Forces: Platonov and Pilnyak. (1928–1929)]. *Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Sbornik slavistiki universiteta Iyerusalima. T. 3* [Slavica Hierosolymitana. Vol. 3 / Collection of Slavic Studies of the University of Jerusalem. Vol. 3]. Jerusalem, The Magnes Press, 1978, pp. 89-109. (In Russian).
7. Buylov V.V. Andrey Platonov i yazyk ego epokhi [Andrei Platonov and the language of his era]. *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature], 1997, no. 3, May–June, pp. 30-35. (In Russian).
8. Platonov A.P. *Kotlovan* [The Foundation Pit]. Moscow, Book Chamber Publ., 1988, 318 p. (In Russian).
9. Buylov V.V. Izmeneniye semantiki i valentnosti slov v kontekste prozy Andreyaya Platonova [Changes in the semantics and valence of words in the context of Andrei Platonov's prose]. *Voprosy funktsionirovaniya sovremennogo russkogo yazyka* [Questions of the Functioning of the Modern Russian Language]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 1996, pp. 60-66. (In Russian).
10. Mukhin A.M. Valentnost' i sochetayemost' glagolov [Valence and compatibility of verbs]. *Voprosy yazykoznaneya – Linguistic Issues*, 1987, no. 6, pp. 52-64. (In Russian).
11. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 917 p. (In Russian).
12. Morkovkin V.V. Sochetayemostnyye svoystva slova i problema ikh sistemnoy leksikograficheskoy intepretatsii [Combinable properties of a word and the problem of their systemic lexicographic interpretation]. *Problemy sochetayemosti slov. Vyp. 145* [Word Collocation Problems. Issue 145]. Moscow, M. Thorez MSPIFL Publ., 1979, pp. 129-140. (In Russian).
13. Selishchev A.M. *Revolutsiya i yazyk. Vyrizitel'nost' i obraznost' yazyka revolyutsionnoy epokhi. Izbrannyye trudy* [Revolution and Language. Expressiveness and Imagery of the Language of the Revolutionary Era. Selected Works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968, pp. 141-158. (In Russian).
14. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 1997, 278 p. (In Russian).
15. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Vocabulary Analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p. (In Russian).

16. Yartseva V.N. (ed.-in-chief). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1990, 682 p. (In Russian).
17. Golub I.B. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Leksika. Fonika* [The Stylistics of the Modern Russian Language. Vocabulary. Phonica]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976, 208 p. (In Russian).
18. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Malyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Small Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 704 p. (In Russian).

Информация об авторе

Буйлов Василий Витальевич, доктор философии (Filosofian tohtori/FT), старший лектор кафедры русского языка и перевода Гуманитарного отделения Филологического факультета, Университет Восточной Финляндии, г. Йоэнсуу, Финляндская Республика, vassili.bouilov@uef.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Вклад в статью: идея, концепция исследования, анализ научной литературы и словарей, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 16.08.2021
Одобрена после рецензирования 30.08.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Vassili V. Bouilov, Doctor of Philosophy, Senior Lecturer of Russian Language and Translation Department Humanities Division Faculty of Philosophy, University of Eastern Finland, Joensuu, Republic of Finland, vassili.bouilov@uef.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Contribution: idea, study conception, scientific literature and dictionaries analysis, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 16.08.2021
Approved after reviewing 30.08.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Текстовые категории и текстообразующий потенциал многокомпонентных соподчинительных конструкций со значением обусловленности

Наталья Павловна ГАЛКИНА

ФГКВОУ ВПО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко»
156015, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Горького, 16
✉ gnpav@mail.ru

Аннотация. В ряду комплексного изучения многокомпонентных или полипредикативных сложных предложений актуальным является их рассмотрение в качестве микротекста. До сих пор существуют дискуссионные вопросы, касающиеся исследования текста: количество и состав категорий, средства их выражения, различие понятий «текстовая характеристика» и «текстообразующая функция». На материале многокомпонентных сложных предложений рассмотрены универсальные текстовые категории, свойственные любому тексту, и факультативные, присущие лишь определённым видам текста. Уже в пределах микротекста-предложения реализуются такие ведущие категории текста, как связность, когезия, когерентность, цельность, логичность, континуум. Анализ многокомпонентных конструкций осуществлён в триедином ключе: с учётом взаимосвязи их формы, значения и функции. Показано, что порядок следования однородных придаточных обусловлен их содержанием и коммуникативной задачей высказывания. В этой связи по мере развёртывания высказывания от одного придаточного к другому выявляется либо конкретизация значения обусловленности, либо его интенсификация. С другой стороны, подключение к придаточным обусловленности сочинительных союзов и лексических актуализаторов способствует выражению категории информативности, которая подразумевает отражение в тексте степени новизны или значимости информации. На примере контаминированных конструкций с различными типами связи (сочинительной, подчинительной, бессоюзной) описаны разнообразные способы и приёмы, составляющие тектонические средства текстообразования. Сделан вывод, что многокомпонентное сложное предложение, являющееся переходной структурой от сложного предложения к тексту, даёт возможность изучить взаимодействие лексических и синтаксических средств в формировании смысла и реализации коммуникативной установки.

Ключевые слова: связность, когезия, придаточное предложение, авторская установка, текстуальность, интенциональность, текстообразующая функция

Для цитирования: Галкина Н.П. Текстовые категории и текстообразующий потенциал многокомпонентных соподчинительных конструкций со значением обусловленности // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 578-586. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-578-586>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Text categories and text-forming potential of multicomponent collaterally subordinating constructions with the meaning of conditionality

Natalia P. GALKINA

Marshal Semyon Timoshenko NBC Protection Military Academy
16 Gorky St., Kostroma 156015, Russian Federation

✉ gnpav@mail.ru

Abstract. In a series of complex study of multicomponent or polypredicative complex sentences, it is relevant to consider them as a microtext. In the text study discussion issues still exist: the number and composition of categories, the means of their expression, the difference between the concepts of “textual characteristic” and “text-forming function”. Based on the material of multicomponent complex sentences, we consider universal text categories inherent in any text, and optional, inherent only to certain types of text. The principal categories of the text, such as cohesion, coherence, integrity, consistency, continuum are realized even within the limits of a microtext-sentence. The analysis of multicomponent structures is carried out in a triune way: taking into account the relation of their form, meaning and function. We show that the sequence of homogeneous subordinate clauses is determined by their content and the communicative task of the statement. In this regard, as the utterance unfolds from one subordinate clause to another, either the concretization of the meaning of conditionality or its intensification is revealed. On the other hand, the connection to the subordinate clauses of constructive conjunctions and lexical actualizers contributes to the expression of the category of informativeness, which implies the reflection in the text of the degree of novelty or significance of information. On the example of contaminated structures with various types of communication (compositional, subordinate, non-union), various methods and techniques are described as tectonic means of text formation. Thus, we conclude that a multicomponent complex sentence, which is a transitional structure from a complex sentence to a text, makes it possible to study the interaction of lexical and syntactic means in the formation of the meaning and implementation of the author’s communicative intention.

Keywords: coherence, cohesion, subordinate clause, author’s intention, textuality, intentionality, text-forming function

For citation: Galkina N.P. Tekstovyye kategorii i tekstoobrazuyushchiy potentsial mnogokomponentnykh sopodchinitel’nykh konstruktsiy so znacheniyem obuslovlennosti [Text categories and text-forming potential of multicomponent collaterally subordinating constructions with the meaning of conditionality]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 578-586. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-578-586> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Современная лингвистика пока не выработала единой теории текста, его универсальных характеристик, базовых категорий и средств их выражения. В научной литературе по проблемам исследования текста встречается большое количество определений, понятий, школ, направлений, о чём свидетельствует обширный библиографический список и к данной публикации, включающий труды на разных языках.

Сама терминология, используемая при изучении категорий текста, находится в настоящее время в процессе формирования: для обозначения категорий текста встречаются термины признак, свойство, критерий, которые можно считать синонимами. Одним из дискуссионных вопросов современной теории текста является вопрос о количестве и составе текстовых категорий, набор которых может варьироваться от одного (О.И. Мос-

кальская) [1] до десяти (И.Р. Гальперин) [2] или двенадцати (В.А. Кухаренко) [3]. В зарубежной лингвистике доминирующей призна на модель текстуальности по Р. Богранду и В. Дресслеру, включающая семь критериев: когезию, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность [4]. Отечественная наука изначально тяготела к грамматике текста, или текстообразованию, считающейся специфической отраслью именно русской версии лингвистики текста. И.Р. Гальперин в качестве текстообразующих категорий называет информативность, членимость, когезию, континуум, автосемантию, ретроспекцию, проспекцию, модальность, интеграцию и завершённость текста [2, с. 22]. Несмотря на существующие разногласия, большинство лингвистов важнейшим признаком текста называют связность. Для наименования связности текста используются термины «когезия», «когерентность», «целостность». Согласимся с выводом многих исследователей о том, что можно выделить универсальные текстовые категории, обнаруживающиеся в любом речевом произведении, и факультативные, свойственные лишь определённым видам текста [5, с. 163]. Спорным также является вопрос о разграничении понятий «текстовая категория» (признак, свойство) и «текстообразующая категория» (функция, средство). Текстовая категория – это категория, которая проявляется на уровне текста, тогда как текстообразующая категория – это категория, участвующая в построении текста. Представляется, что текстовая категория необязательно и не всегда выполняет текстообразующую функцию, тогда как текстообразующая категория всегда является и текстовой¹. По мнению Т.М. Николаевой: «Размытость терминов и понятий лингвистики текста – не только показатель её современности, но и её онтологическая черта» [6, с. 36-37].

В современной науке используется интегрированный подход к изучению лингвистических явлений. Текст как объект лингвистического исследования трактуется как

¹ Стратийчук Е.Ю. Персональность и текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2006.

структурированное единство, состоящее из языковых единиц, которые служат для передачи содержания, отвечающего целям коммуникации. «Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью её формы, значения и функции» [7, с. 108]. По мнению многих исследователей, определённым случаем текста при соблюдении коммуникативно-прагматических условий является предложение, тем более, если оно включает в себя несколько предикативных единиц. «Многие предложения с несколькими придаточными в произведениях художественной литературы и публицистики можно рассматривать как текст в миниатюре» [8, с. 45].

Текстообразующие свойства предложений со значением обусловленности чрезвычайно велики. «Любая конструкция обусловленности содержит отсылку к каким-то другим, связанным с первой <...>. Эти другие отсылают и отсылаются к третьим и т. д. Благодаря комплексу перекрёстных отсылок в тексте образуется некий континуум (семантическое пространство обусловленности), являющийся одним из краеугольных компонентов архитектоники практически всех разновидностей текстов» [9, с. 28]. Обусловленность, объединяя в себе такие значения, как условие, основание, обоснование, доказательство, целевую мотивировку, довод, стимул, аргумент, представляет тот круг отношений, который является чрезвычайно актуальным в публицистике. Описание событий, предоставление информации неразрывно связано с выражением (явно или неявно, прямо или косвенно) авторской позиции, обращением к читателю, привлечением внимания, пробуждением интереса к излагаемому материалу, воздействием на аудиторию. Помимо простого изложения фактов, необходимо описать условия, указать причины, дать обоснование, учесть противоречия, рассмотреть нюансы, выделить главное, взвесить варианты, оценить последствия. В любом тексте эти отношения тесно связаны друг с другом, каждый последующий вытекает из предыдущего или является следующим звеном в описании и рассуждении. Выражению такой взаимосвязи наилучшим образом служат сложные предложения со значением обусловленности.

В данной работе проанализируем многокомпонентные (их также называют полипредикативные, усложнённые) сложные предложения (далее МСП), имеющие в своём составе два и более придаточных, относящихся к категории обусловленности (условия, причины, цели, уступки, следствия). Являясь переходной структурой между сложным предложением и текстом, МСП характеризуются наличием текстовых признаков, что позволяет их рассматривать и анализировать в качестве микротекста. См., например, исследования в этом плане Н.С. Ганцовой, Г.Ф. Калашниковой, Л.Д. Беднарской, Е.Ю. Ивковой [8; 10–13].

Широкие возможности текстообразования обеспечиваются полипредикативными конструкциями, включающими несколько придаточных со значением обусловленности. Прежде всего, это МСП с однородными придаточными (условия, причины, цели, уступки), находящимися в отношении соподчинения к главному предложению. См., например: *Никто не может жить долго, если впереди мрак, если у человека нет никакой надежды на лучшее будущее* (Ф.Г. Углов)². Это сравнительно небольшое многокомпонентное (трёхкомпонентное) предложение можно рассматривать как микротекст, так как оно демонстрирует такие категории текста, как когезия, ретроспекция, проспекция, тематичность, интенциональность. В формально-грамматическом плане условные придаточные находятся в постпозиции, следуя одно за другим, в отношении соподчинения к главной части (однородное соподчинение). Таким образом реализуется свойство когезии как средства формальной внутритекстовой связи. Когезия – это взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста: грамматико-синтаксическая, лексическая, ритмическая, графическая [14, с. 78]. В содержательном плане в рамках данного МСП происходит уточнение, конкретизация условного значения: от первого ко второму придаточному наблюдается проспекция. И наоборот, от второго к первому – ретроспекция. Проспекция и ретроспекция способны «возвращать или предвосхищать концепту-

ально или коммуникативно значимые части текста», а также «выражать динамику развёртывания старого и нового знания» [15, с. 31]. Данное предложение иллюстрирует и такое свойство текста, как тематичность: общая сема безысходности, обречённости присутствует в лексике каждой из предикативных частей предложения (*никто – мрак – никакой*). Устремлённость в будущее также передаётся словами, объединёнными общей временной семантикой (*долго – впереди – будущее*). В смысловом (прагматическом/коммуникативном) отношении следует обратить внимание на порядок однородных придаточных, который, очевидно, выбран автором не случайно, а в соответствии с интенцией/коммуникативной ситуацией. При имеющемся расположении зависимых частей второе условное придаточное, с одной стороны, раскрывает, конкретизирует понятие «*мрак*», высказанное в первом придаточном, а с другой стороны, противопоставляет ему другое условие, говорящее о надежде, имплицитно предлагая читателю «*надежду на лучшее будущее*». Ср., например, при перестановке порядка придаточных наблюдается усиление, интенсификация содержания условного компонента: *Никто не может жить долго, если у человека нет никакой надежды на лучшее будущее, если впереди мрак*. Соответственно, происходит преобразование авторской (коммуникативной) задачи: надежда «закрывается» более «мрачным» условием. Очевидно, что здесь проявляется интенциональность, как текстовая характеристика и средство текстообразования. «Интенциональность (Intentionalität) как обусловленность текстового целого коммуникативной целью тесно связана с адресованностью, то есть коммуникативно-прагматической направленностью на адресата» [14, с. 78].

Следующее МСП в текстовом рассмотрении имеет сходные (с проанализированным выше предложением) структурно-семантические характеристики, с тем лишь отличием, что условные придаточные находятся в препозиции к главной части и выражают отношения ирреального условия. См.: *Если б что-либо подобное произошло, если б я вернулся... я бы привнёс некоторые изменения в*

² Углов Ф.Г. Человеку мало века. С. 16. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (дата обращения: 25.04.2019).

это поэтическое дело (В. Полухина)³. В содержательном плане второе условное придаточное уточняет смысл первого. Кроме того, в первой препозитивной придаточной части, а также в главной, занимающей финальную позицию в предложении, имеется лексика, отсылающая нас к предшествующим компонентам текста: *что-либо подобное, изменения в это поэтическое дело*. Таким образом, реализуется текстообразующее свойство ретроспекции.

Рассмотрим полипредикативную конструкцию с однородными условными придаточными, соединёнными разделительным союзом *или*: *Если ожирение уже зашло слишком далеко и привело к расстройствам функций желудочно-кишечного тракта, печени, сердца и других органов или если ожирение вызвано различного рода нарушениями обмена веществ, то о характере питания надо посоветоваться с врачом* (Ф.Г. Углов)⁴. В рамках данного построения условные компоненты представлены в форме альтернативы и не выделяются иерархией по отношению к финальной главной части. Они связаны общей тематикой, лексически представленной в каждой части МСП (*ожирение, расстройство – ожирение, нарушения – характер питания*). Однако текстообразующее свойство ретроспекции определяет именно такой порядок компонентов в данной конструкции, как составляющей более широкого контекста (текста). На семантическую, смысловую связь предложения с предшествующей информацией указывает частица *уже* (*уже зашло, слишком далеко*) в первой придаточной части – этим и обеспечивается её начальное положение среди двух альтернативных придаточных. Ретроспекция также определяет тема-рематическое распределение и, соответственно, порядок слов в главной части: *о характере питания* – тема (очевидно, об этом шла речь в предшествующем контексте); *надо посоветоваться с врачом* – рема (новое, вывод, следствие из сказанного в условной части МСП).

Рассмотрим подобный пример с однородными придаточными причинами, оформ-

ленными соединительным парным союзом *и... и...*: *После распада СССР такие убийства, напротив, стали обыденностью для нас и редкостью для США. И потому что мы действительно скатились по многим показателям на уровень стран третьего мира, и потому что США установили у себя такой режим контроля и слежки, обдурить который не под силу никакой Аль-Каиде (К. Сёмин)⁵. С точки зрения структуры СПП в данном случае имеет место парцелляция и параллелизм причинных придаточных, которые оформлены в виде отдельных предложений, расположенных после главного. Такой приём, наряду с другими (повтор, градация, контраст и др.), относится к тектоническим текстообразующим средствам, которые рассмотрим ниже. Здесь же, в рамках текущего изложения, отметим такие свойства текста, как логичность, проспекцию и ретроспекцию. С одной стороны, лексические соответствия в предикативных компонентах МСП (*распад СССР – скатились на уровень стран третьего мира; США – США*) указывают на то, что порядок изложения фактов в главном предложении определяет порядок последующего причинного обоснования, то есть мы наблюдаем проспекцию. С другой стороны, при рассмотрении содержания однородных парцеллированных придаточных в более широком контексте, с отсылкой к предшествующей главной части отмечается ретроспекция: вводный компонент *действительно (действительно скатились)* указывает на то, что предшествующая информация соотносится с темой упадка, разрушения.*

В целом средствами данного микротекста обеспечиваются базовые текстовые характеристики, по-разному обозначаемые лингвистами, но сходные по своей сути: когезия (на уровне структурной организации текста) и когерентность (семантико-когнитивная связность) у В. Дресслера и Р. Богранда; когезия и континуум у И.Р. Гальперина [2, с. 22], связность, логичность у М.Н. Кожинной, Л.Р. Дускаевой (цит. по: [16, с. 759]). Выскажем в связи с этим некоторые замечания. Категория связности текста описывается через понятия когезии и когерент-

³ Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. С. 32. URL: <http://rubooks.net/book.php?book=7351> (дата обращения: 20.04.2019).

⁴ Углов Ф.Г. Указ. соч. С. 25.

⁵ Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы. С. 24. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2019).

ности, составляющие по сути разные аспекты связности: формальный и содержательный (внешний и внутренний). Об этом говорят многие исследователи [14; 16–18]. Если на этапе становления лингвистики текста когезия трактовалась как средство формальной внутритекстовой связи, то с развитием лингвистической теории текста когезию стали рассматривать значительно шире, как фактор не только структурной, но и смысловой целостности речевого произведения. Ср., например две хронологически отдалённые цитаты: «Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [19]. «Оппозиция «когезия – когерентность» – это оппозиция поверхностной структуры и глубинно-смыслового уровня» [14, с. 78]. Несмотря на расхождение толкования терминов, многие учёные склонны рассматривать текстовую категорию когезии как «единство всех внутритекстовых связей вне их отрыва от содержания текста» [17]. Это избавляет от необходимости выделять термин «когерентность», которого нет, например, у И.Р. Гальперина. Автор известного труда «Текст как объект лингвистического исследования» связывает понятия когезии и континуума: «Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [20, с. 73]. Таким образом, когезия обеспечивает единство и целостность (цельность) – ведущие, универсальные категории текста.

Выше (примеры 1, 2) мы отмечали структурно-семантическое соответствие однородных придаточных, обусловленное раскрытием, уточнением условного значения. В следующем примере конкретизация условного значения сопровождается его интенсификацией: *Но если исходить из уроков истории, если действительно всерьёз изучить тысячелетнюю историю России, станет совершенно ясно, что неоднократно Русь была как бы на краю гибели* (В.В. Кожинов)⁶. Ср. лексику первого придаточного, второго и

⁶ Кожинов В.В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России. М.: Яуза: Эксмо, 2005. С. 8. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=159420> (дата обращения: 10.06.2019).

затем главной части: *исходить из уроков – действительно всерьёз изучить, тысячелетнюю историю – станет совершенно ясно*.

Приведём также пример с нарастанием/интенсификацией обобщённо-уступительного значения: *Как бы ни интересен был труд, как бы он ни увлекал человека, последний сознательно должен делать перерывы и отдыхать от своей работы* (Ф.Г. Углов)⁷. Действительно, по мере развёртывания высказывания от первого придаточного ко второму прослеживается усиление значения обстоятельств (*интересен – увлекал*), препятствующих тому, о чём говорится в главной части. При изменении порядка частей такое усиление (и соответственно, авторская установка) нивелируется. Ср.: *Как бы труд ни увлекал человека, как бы интересен он ни был, человек сознательно должен делать перерывы и отдыхать от своей работы*.

Рассмотрим подобный пример с нарастанием значения уступительности в однородных придаточных, оформленных словом *пусть*: *Только жить! Пусть будет трудно, пусть будут боли – жить, жить во что бы то ни стало!* (Ф.Г. Углов)⁸. Смысловое усиление здесь происходит по мере развёртывания высказывания. Оно достигается лексическими (*будет трудно – будут боли – во что бы то ни стало*), синтаксическими (призывное *пусть*, а не нейтральное *хотя*, инфинитив, повтор, параллелизм), графическими (знаки восклицания) средствами. Следуя терминологии Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, такое объединение разнообразных способов и приёмов использования языковых, паразыко-языковых и тематических средств можно квалифицировать как «тектонические средства текстообразования» (цит. по: [16, с. 760]). Среди многокомпонентных сложных предложений в контаминированных конструкциях с различными типами связи (сочинительной, подчинительной, бессоюзной) данное явление встречается довольно часто.

В исследуемом материале отмечено большое количество МСП с однородными придаточными причинами. В них часто порядок придаточных эксплицитно фиксируется лексическими актуализаторами (*во-первых... во-вторых; не только... но...*). См., напри-

⁷ Углов Ф.Г. Указ. соч. С. 12.

⁸ Углов Ф.Г. Указ. соч. С. 1.

мер: *Из всех форм тирании (гнёта, насилия, произвола) самой страшной является тирания глупости: во-первых, потому, что мы эту тиранию храним в себе, во-вторых, потому, что тирания глупости является основой всех остальных тираний* (Ю.И. Мухин)⁹. *Это не столько потому, что он действительно помнит «чудное мгновенье», сколько потому, что слова, нечто в языке, выкладываются этим гармоническим образом, и эта гармония указывает на какое-то психологическое состояние* (В. Полухина)¹⁰. *Это происходит не потому, что они таким образом соблюдают равновесие, а потому, что у них наблюдаются глубокие дегенеративные изменения в суставах* (Ф.Г. Углов)¹¹. *Прибавлю от себя: «и пророческое». Пророческое не потому, что он пророчил какие-то беды, грозы или, наоборот, светлое будущее России, но прежде всего потому, что он явился пророческим явлением в литературе как человек, который уделяет внимание психологической мотивировке* (В. Полухина)¹². Таким образом автор, явно указывая на очередность причинных компонентов, распределяет их по степени значимости в соответствии с коммуникативной задачей высказывания (проявляется категория / свойство текста – интенциональность). С точки зрения текстообразования обнаруживаем, что уже в пределах микротекста-предложения реализуются такие ведущие категории текста, как связность, логичность или континуум (по И.Р. Гальперину), который трактуется как логическая

последовательность, взаимозависимость фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве [20, с. 74]. Приведённые выше примеры иллюстрируют и отмечаемую некоторыми лингвистами текстовую категорию информативности. Информативность подразумевает отражение в тексте степени/меры ожидаемости/неожиданности, известности/неизвестности предъявляемых адресату смысловых образований. Принимая во внимание тезис немецкого учёного Г. Фатера о том, что текст, содержащий известное, не является информативным так же, как и текст, сообщающий только неизвестное [21, S. 55], подчеркнём, что информативность как признак текстуальности обеспечивается не просто изложением какой-то информации, а соответствующим коммуникативной ситуации отражением (явно или не явно, прямо или косвенно) степени её новизны, важности для адресата. Как видно, в приведённых примерах подключение лексических актуализаторов (перечислительных, выделительных, противопоставительных и т. п.) непосредственно способствует реализации этой задачи.

Анализ МСП в тройственном ключе, объединяющем его семантическую природу, структурное оформление и функциональное/коммуникативное предназначение, позволяет раскрыть их текстообразующие потенции и рассмотреть различные проявления текстовых категорий. Статус МСП как переходной структуры от сложного предложения к тексту даёт возможность изучить взаимодействие лексических и синтаксических средств в формировании смысла. С другой стороны, такой подход ярче высвечивает собственную, внутреннюю, автономную структуру и семантику МСП.

⁹ Мухин Ю.И. Тирания глупости. С. 10. URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-глупости.html#book> (дата обращения: 19.06.2019).

¹⁰ Полухина В. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Углов Ф.Г. Указ. соч. С. 24.

¹² Полухина В. Указ. соч. С. 49.

Список литературы

1. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС Эдиториал, 2005. 144 с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Высш. шк., 1988. 190 с.
4. Beaugrande R.-A., Dressler W. Einführung in Textlinguistik. Tübingen, 1981.
5. Таюпова О.И. Текст как система категорий // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: материалы 4 науч.-практ. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 163-165.
6. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 5-39.
7. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001. 368 с.

8. Ганцовская Н.С. Textoобразующая роль репризы как средства когезии в усложнённом сложноподчинённом предложении в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» // Язык и стиль Л.Н. Толстого: межвуз. сб. науч. тр. Тула, 1992. С. 40-45.
9. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке. СПб., 1997. 198 с.
10. Ганцовская Н.С. О типах содержательной информации в композиционной структуре усложнённых сложноподчинённых предложений // Исследования по семантике русского языка: межвуз. сб. науч. работ. Кострома, 1990. С. 130-137.
11. Калашиникова Г.Ф. История изучения полипредикативных (многокомпонентных) сложных предложений // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы. Вып. 3. Харьков: ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. С. 9-19.
12. Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений. М.: ФЛИНТА, 2015. 152 с.
13. Ивкова Е.Ю. Текст как фактор композиционного развёртывания усложнённых сложноподчинённых предложений в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Наследие Л.Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки: сб. материалов 36 Междунар. Толстовских чтений, посвящ. 190-летию со дня рожд. Л.Н. Толстого. Тула, 2018. С. 240-244.
14. Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2 (005). С. 77-83.
15. Чиговская-Назарова Я.А. Textoобразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 31-34.
16. Жаббарова Ф.У. Категории текста // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 759-762.
17. Акимова Э.Н. Лингвистика текста в диахронии и синхронии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 7-17. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.1>
18. Прохорова А.А. Теоретические проблемы текста и текстообразования // Вестник ИГЭУ. 2007. Вып. 1. С. 78-81.
19. Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. L.: Longman, 1976.
20. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
21. Vater H. Einführung in die Textlinguistik. 2., überarb. Aufl. München: Fink, 1994. 203 S.

References

1. Moskalskaya O.I. *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 183 p. (In Russian).
2. Galperin I.R. *Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2005, 144 p. (In Russian).
3. Kukhareno V.A. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988, 190 p. (In Russian).
4. Beaugrande R.-A., Dressler W. *Einführung in Textlinguistik*. Tübingen, 1981. (In German).
5. Tayupova O.I. *Tekst kak sistema kategoriy* [Text as a system of categories]. *Materialy 4 nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nemetskiy yazyk v Bashkortostane: problemy i perspektivy»* [Proceedings of the 4th Research and Practice Conference "The German Language in Bashkortostan: Problems and Prospects"]. Ufa, EL BashGU Publ., 2009, pp. 163-165. (In Russian).
6. Nikolayeva T.M. *Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Linguistics of the text. Current state and prospects]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, issue 8, pp. 5-39. (In Russian).
7. Zolotova G.A. *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, 2001, 368 p. (In Russian).
8. Gantsovskaya N.S. *Tekstoobrazuyushchaya rol' reпризы kak sredstva kogezi v uslozhnennom slozhnopodchinennom predlozhenii v romane L.N. Tolstogo «Voskreseniye»* [The text-forming role of a reprise as a means of cohesion in a complicated, complex sentence in the novel by L.N. Tolstoy's "Resurrection"]. *Yazyk i stil' L.N. Tolstogo: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [The Language and Style of L.N. Tolstoy: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Tula, 1992, pp. 40-45. (In Russian).
9. Evtuykhin V.B. *Kategoriya obuslovlennosti v sovremenном russkom yazyke* [Conditionality Category in Modern Russian]. St. Petersburg, 1997, 198 p. (In Russian).

10. Gantsovskaya N.S. O tipakh sodержatel'noy informatsii v kompozitsionnoy strukture uslozhnennykh slozhnopodchinennykh predlozheniy [On the types of informative information in the compositional structure of complicated complex sentences]. *Issledovaniya po semantike russkogo yazyka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh rabot* [Research on the Semantics of the Russian Language: Interuniversity Collection. Scientific Works]. Kostroma, 1990, pp. 130-137. (In Russian).
11. Kalashnikova G.F. Istoriya izucheniya polipredikativnykh (mnogokomponentnykh) slozhnykh predlozheniy [History of the study of polypredicative (multicomponent) complex sentences]. *Razvitiye teorii PSP v rusle traditsiy Khar'kovskoy lingvisticheskoy shkoly. Vyp. 3* [Development of the Theory of PSP in Line with the Traditions of the Kharkov Linguistic School. Issue 3]. Kharkiv, KhNPU named after G.S. Skovoroda Publ., 2012, pp. 9-19. (In Russian).
12. Bednarskaya L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnykh slozhnykh predlozheniy* [Patterns of Grammatical Division of Multicomponent Complex Sentences]. Moscow, FLINTA Publ., 2015, 152 p. (In Russian).
13. Ivkova E.Y. Tekst kak faktor kompozitsionnogo razvertyvaniya uslozhnennykh slozhnopodchinennykh predlozheniy v romane-epopeye L.N. Tolstogo «Voyna i mir» [Text as a factor in the compositional deployment of complicated, complex sentences in the epic novel by L.N. Tolstoy “War and Peace”]. *Sbornik materialov 36 Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chteniy, posvyashchennykh 190-letiyu so dnya rozhdeniya L.N. Tolstogo «Naslediye L.N. Tolstogo v paradigmakh sovremennoy gumanitarной nauki»* [Collection of Proceedings From the 36th International Tolstoy Readings Dedicated to the 190th Anniversary of the Birth of L.N. Tolstoy “The Legacy of L.N. Tolstoy in the Paradigms of Modern Humanities”]. Tula, 2018, pp. 240-244. (In Russian).
14. Chernyavskaya V.E. Kognitivnaya lingvistika i tekst: neobkhodimo li novoye opredeleniye tekstual'nosti? [Cognitive linguistics and text: is a new definition of textuality necessary?]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2005, no. 2 (005), pp. 77-83. (In Russian).
15. Chigovskaya-Nazarova Y.A. Tekstoobrazuyushchiye kategorii prospektsii i retrospektsii v nauchnom tekste (sravnitel'no s khudozhestvennym) [Text-forming categories of prospection and retrospection in scientific text (comparing with fictional text)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2009, no. 6, pp. 31-34. (In Russian).
16. Zhabbarova F.U. Kategorii teksta [Text categories]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2011, vol. 16, no. 3, pp. 759-762. (In Russian).
17. Akimova E.N. Lingvistika teksta v diakhronii i sinkhronii [Text linguistics in diachrony and synchrony]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 7-17. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.2.1>. (In Russian).
18. Prokhorova A.A. Teoreticheskiye problemy teksta i tekstoobrazovaniya [Theoretical problems of text and text formation]. *Vestnik IGEU – Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University*, 2007, no. 1, pp. 78-81. (In Russian).
19. Halliday M., Hasan R. *Cohesion in English*. London, Longman Publ., 1976.
20. Galperin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 138 p. (In Russian).
21. Vater H. *Einführung in die Textlinguistik. 2., überarb. Aufl.* München, Fink Publ., 1994, 203 p. (In German).

Информация об авторе

Галкина Наталья Павловна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, г. Кострома, Российская Федерация, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Вклад в статью: общая концепция статьи, отбор и анализ данных, систематизация, написание текста статьи, редактирование материала.

Статья поступила в редакцию 07.05.2021
Одобрена после рецензирования 11.06.2021
Принята к публикации 24.06.2021

Information about the author

Natalia P. Galkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Foreign Languages Department, Marshal Semyon Timoshenko NBC Protection Military Academy, Kostroma, Russian Federation, gnpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7019-2413>

Contribution: main study conception, data selection and analysis, systematization, manuscript text drafting, material editing.

The article was submitted 07.05.2021
Approved after reviewing 11.06.2021
Accepted for publication 24.06.2021

Проблемы русской нефилологии: к истории терминов военной лексики (на примере слова *ординарец*)

Дмитрий Андреевич ВОЛОТОВ

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»
125993, Российская Федерация, ГСП-3, А-80, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

✉ vadmit87@mail.ru

Аннотация. Проанализирована семантика, структура и употребление французского заимствования военной тематики *ординарец* с момента его вхождения в русский на рубеже XVII–XVIII веков и до настоящего времени. Дан этимологический и исторический анализ слова, рассмотрена эволюция его семантики в русском языке вследствие функционального многообразия его употребления в языке-реципиенте. Прослежена история терминологического становления лексемы и её производных в русском литературном языке нового периода, особенности функционирования её как представителя сферы батальной лексики в соприкосновении с иными сферами живого русского языка, при этом подчёркнуто положение о полном заимствовании слова из французского языка в русский литературный язык со стороны его формы (фонетика, грамматика, особенности словоупотребления) и значения. Указаны и детально проанализированы источники изучения слова в синхронно-диахронном аспекте, лексикографические, документально-исторические и художественно-текстовые как на материале современного русского литературного языка, так и в предшествующие периоды его становления, что способствует выявлению постепенной трансформации его семантической структуры. Особое внимание уделено раскрытию объёмного валёра значения слова в тексте романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», который является ценнейшим источником изучения лексико-семантической системы русского языка послепушкинской эпохи. На ряде примеров разных сфер современного узуса русского языка показано изменение функционально-стилистической окраски слова и приобретение словом других дополнительных оттенков. Сделан вывод о неизбежности угасания активности его употребления в современных условиях ведения боевых операций, превращение его в историзм, что ведёт к корреляции его места в составе литературного русского языка и перемещению в пассивный словарный запас.

Ключевые слова: галлицизм, батальный, заимствование, семантика, ассимиляция, Лев Толстой

Для цитирования: Волотов Д.А. Проблемы русской нефилологии: к истории терминов военной лексики (на примере слова *ординарец*) // Нефилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 587–595. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-587-595>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian neophylogology issues: to the history of military terms (on the example of the word *batman*)

Dmitry A. VOLOTOV

Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamskoe Highway, GSP-3, A-80, Moscow 125993, Russian Federation
✉ vadmit87@mail.ru

Abstract. We analyze the semantics, structure and use of French military borrowing *batman* from the moment of its entry into Russian at the turn of the 17–18th centuries to the present. We give an etymological and historical analysis of the word, we consider the evolution of its semantics in Russian due to the functional diversity of its use in the recipient language. We trace the history of the terminological development of the lexeme and its derivatives in the Russian literary language of the new period, the peculiarities of its functioning as a representative of the military vocabulary in contact with other spheres of the Russian language, while the provision we emphasize for the complete borrowing of a word from the French language into the Russian literary language from its form (phonetics, grammar, features of word usage) and meaning. We indicate and analyze in detail sources of the word study in the synchronous-diachronic aspect, lexicographic, documentary-historical and artistic-text, both on the material of the modern Russian literary language and in the previous periods of its formation, which helps to identify the gradual transformation of its semantic structure. We pay particular attention to the disclosure of the voluminous meaning of the word in the text of the novel-epic by L.N. Tolstoy “War and Peace”, which is a valuable source for studying the lexico-semantic system of the Russian language after Pushkin era. A number of examples of different spheres of the modern usages of the Russian language show a change in the functional-stylistic color of the word and the acquisition of other additional shades by the word. We conclude about the inevitability of fading the activity of its use in modern conditions of conducting military operations, turning it into historicism, which leads to the correlation of its place in the literary Russian language and the transfer to passive vocabulary.

Keywords: gallicism, military, borrowing, semantics, assimilation, Leo Tolstoy

For citation: Volotov D.A. Problemy russkoy neofilologii: k istorii terminov voyennoy leksiki (na primere slova *ordinarets*) [Russian neophylogology issues: to the history of military terms (on the example of the word *batman*)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 587-595. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-587-595> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Лексикология – наука очень молодая: самый термин появился всего 20–30 лет тому назад, причём и понимается она по-разному», – писал в начале 60-х гг. прошлого века Б.А. Ларин, обсуждая имеющиеся тогда неудачные попытки создать общетеоретическую лексикологию и историческую лексикологию, называя последнее «пока ещё исканиями, нащупыванием лучших методов и материалов» в исторической лексикологии [1, с. 102]. Также и структуралистский полевой метод исследования лексики он находил «неплодотворным» в силу антиисторизма и

произвольности создания семантических полей [1, с. 103]. И сейчас, когда лексикология как бы достигла расцвета и по количеству и разнообразию методов исследований далеко оставила за собой другие направления языковедения, слова Б.А. Ларина о необходимости конкретных разработок в лексикологии продолжают оставаться в силе. И это особенно актуально для русского языка, словарный запас которого количественно чрезвычайно богат, многообразен и многофункционален.

Так, лексика военной (батальной) сферы русского языка, являющаяся важной частью современного лексикона, но подверженная изменению своих элементов в качественном и количественном отношении в силу естественных причин, требует углублённых нефилологических штудий. На русской почве существует немало глубоких исследований батальной лексики в рамках её обширного пространственно-временного континуума, например, монографии Ф.П. Сороколетова [2], Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой и Л.Л. Кутиной, [3], А.Н. Кожина [4], «Военный словарь» под ред. М.С. Тучкова [5], Военный энциклопедический словарь [6] и обширное количество разножанровых других опорных источников по этой теме, где можно найти информацию обо всех типах батальной лексики, отечественного происхождения или иноземного, в русском языке разных периодов (например, Устав воинский 1716 г.; Артикул воинский 1715 г.; Словарь военных терминов А.М. Плехова; Военная энциклопедия В.Ф. Новицкого).

Протяжённый ряд русских художественных произведений, из которых, пожалуй, на одном из первых мест стоит «Война и мир» Л.Н. Толстого, также дают нам представление о составе и особенностях функционирования тех или иных элементов тематической группы батальной лексики. Отталкиваясь от толстовского материала в «Войне и мире» принципов подачи разных лексико-семантических групп военной лексики времён войны с французами 1812 г., остановимся на характеристике одного из образцов заимствованной агентивной военной лексики, представленном тогда во всём расцвете своих структурно-семантических качеств и достигшем к этому времени пика употребительности – слове ординарец. Оно сохранило свою актуальность и во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., дожило до наших дней и практически знакомо всем россиянам хотя бы через школьный курс литературы.

Это слово привлекло наше внимание как пример долговременного и многофункционального употребления специального термина иноязычного происхождения, впоследствии вышедшего за пределы своей первоначальной терминосферы и неоднократно менявшего семантико-стилистические коорди-

наты, чья история показательна для понимания судеб заимствованной лексики в русском языке.

Полагаем целесообразным изучить филиацию его значения за тот доступный для наблюдения временной отрезок существования русского языка, когда слово появилось и стало использоваться как военный термин, руководствуясь методикой всестороннего историко-культурного исследования лексики, предложенной Б.А. Лариным. Согласно его заветам, следует установить те компоненты «словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, то есть обнаруживают прочные, устойчивые связи»; затем, «когда такие устойчивые группы будут намечены, следующая задача исторической лексикологии – установить их взаимодействие»; далее идёт «установление циклов, чередование медленного, эволюционного развития и переломов в развитии словарного состава...» [1, с. 103]. Как определяет учёный, «это большие и далёкие задачи. Начинать же приходится с истории отдельных слов» [1, с. 103].

Рассмотрение истории слова *ординарец* в группе агентивной военной лексики начнём с его употребления в современном русском языке. Прежде всего обратимся к Толковому словарю русского языка под ред. Д.Н. Ушакова, так как членом его редакции был Б.А. Ларин. Слово имеет помету «(воен.)» и два значения. Первое, актуальное ‘Конный посыльный при штабе, при командире части’, иллюстрированное цитатой из Шолохова, второе, с пометой «(устар.)» – ‘Офицер для поручений при командующем’ снабжено цитатой из «Войны и мира» [7, с. 848]. Примерно такое же толкование находим в синоптических по содержанию и форме словарных статьях словарей русского литературного языка более позднего периода [8, с. 457; 9, т. 2, с. 638; 10, т. 8, с. 1015] и в Военном энциклопедическом словаре [6, с. 519].

Так, в словаре под ред. С.И. Ожегова (напомним, что С.И. Ожегов вместе с Б.А. Лариным работал в редакции «ушаковского» словаря) содержится только одно значение без помет: ‘Военнослужащий, состоящий при командире или штабе для служебных поручений, для передачи приказаний’ [8, с. 457]. В Словаре русского языка (МАС)

представлены те же значения, что и в Словаре под ред. Д.Н. Ушакова, но в обратном порядке; *устар.* значение также снабжено цитатой из «Войны и мира», а актуальное – цитатой из произведения Казакевича времён Великой Отечественной войны: «Посреди шалашного городка... стоял полковник Сербиченко, вокруг собрались командиры полков, подполковники и майоры, а немного поодаль – адъютанты и ординарцы» [9, т. 2, с. 638]. Точно такую же формулировку, как в Словаре Ожегова, видим и в БАС (*Ординарец*, рца, м. Военнослужащий, состоящий при командире или войсковом штабе для выполнения поручений, передачи приказаний и т. п. ... – Гейм, Слов. 1801: ординарец. – Нем. *Ordonanz*, от франц. *Ordonnance*) [10, т. 8, с. 1015] и в Военном энциклопедическом словаре (франц. *ordonnance* – денщик, от лат. *ordino* – приводить в порядок), военнослужащий, состоящий при ком-ре (команд.) или штабе для выполнения их поручений, гл. обр. для связи и передачи устных или письм. распоряжений. В Сов. Армии О. (обычно из солдат) выделялись строевым ком-рам в воен. время.) [6, с. 519]. Кроме того, в БАС зафиксировано однокоренное *ординарческий* ‘относящийся к ординарцу’, с которым лексема формирует словообразовательное гнездо [10, т. 8, с. 1016].

Ординарец, это иноязычное слово, и его семантическую структуру, строение и особенности функционирования в русском речевом узусе нужно рассматривать со стороны степени его освоения русским языком, выявляя с возможной полнотой особенности его функционирования как члена определённой структурно-семантической группы. При этом следует точно выявить его происхождение, исходную типичную сферу употребления, те группы лексики, с членами которых это слово может контактировать, последующую филиацию его значений при дальнейшем его употреблении в различные эпохи существования русского языка, предугадывая возможности выхода его из употребления, превращение в архаизм. Мы ранее неоднократно описывали иноязычные галлицизмы в русском языке (последняя наша публикация была посвящена судьбе слова *партизан* [11]) и должны заметить, что на тему разновременных заимствований из разных языков в на-

стоящее время существует большая литература (см., например, такие исследования последнего времени, как [12–14], что свидетельствует об актуальности обсуждаемых проблем усвоения заимствований).

Как активный элемент батальной лексики слово вошло в русский язык в петровскую эпоху, в первую волну массового проникновения в русский язык заимствований из европейских языков [3, с. 37], хотя, по словам Ф.П. Сороколетова, первые галлицизмы военной тематики начали поступать в русский язык на столетие раньше петровских реформ [2, с. 269]. В эпоху Петра I в Табели о рангах, составленной по образцу европейской системы чинов и званий, в тематической группе «Наименования лиц по роду военной деятельности» среди наиболее фреквентивной группы агентивной лексики (25 % всего количества батальной лексики) встречается и слово *ординарец* [15, с. 56–61]. Некоторые из наименований этой группы (генерал, генерал-лейтенант, генерал-майор, майор, капитан, лейтенант) до сих пор не вышли из употребления и являются элементами терминосистемы современных воинских званий в России. Менее используемыми в настоящее время носителями русского языка, но актуальными в начале XIX века были французские по происхождению лексемы, которые называют солдат или офицеров определённых родов войск (*кавалергард*, *драгун*, *корнет*, *гренадёр*, *мушкетёр*), а также различных служащих и должностных лиц, состоящих в рядах армии (*бригадир*, *дивизионер*, *жандарм*, *интендант*, *каптенармус*, *карабинер*, *корнет*, *ординарец*, *партизан*, *рекрут*) – большая часть этих слов сейчас ушла в разряд пассивной лексики русского литературного языка.

В большинстве словарей в качестве языка-донора слова *ординарец* указан французский язык, однако в некоторых источниках находим, что заимствование могло прийти через немецкий язык. Поскольку иноязычное происхождение этого слова в русском языке неочевидно (слово по многим позициям, особенно грамматическим, хорошо вписалось в русский язык), спорным является и вопрос об его этимологии. Корень латинского глагола *ordinare* ‘приводить в порядок’ послужил основой для образования слова

Ordonnanz в немецком языке и слова *ordonnance* во французском языке, ставших, по разным версиям, источником для заимствования в русский язык. М. Фасмер отмечает, что лексема *ординарец* произошла из нем. *Ordonnanz* от франц. *ordonnance* «ординарец»: *ordonner* «приказывать» [16, с. 150]. В БАС дана помета о заимствовании лексемы наряду с французским также через немецкий язык, тогда как в МАС в качестве языка-источника указан только французский язык. Военный словарь под ред. М. С. Тучкова определяет происхождение слова *ординарец* следующим образом: «ординарец – испорченное французское слово, «приказной» или «для приказаний», значит человека, посланного к начальнику для отдавания его повелений. Ординарцы посылаются к начальникам по их чинам, и бывают Обер- и Унтер-офицерского звания» [5, с. 57]. Из определения следует, что ординарец – не воинское звание, а должность в армии при командующем, военачальнике, и что военнотружущие в этой должности могли носить воинские чины как младшего, так и старшего ранга.

Ординарцем среди реально существовавших личностей можно назвать Петра Семёновича Исаева (в русском фольклоре известного как Петька), ординарца В.И. Чапаева, среди вымышленных персонажей всем знакомы храбрый солдат Швейк из романа Я. Гашека и Николай Ростов, ординарец князя П.И. Багратиона во время сражения при Аустерлице из романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

История и точное время появления ординарцев в русской армии неизвестны. В книге «История русской армии, 1812–1864 гг.» отмечается, что ординарцы состояли на службе в русской армии в первой половине XIX века: «Генеральный штаб (свита императора по квартирмейстерской части) имел блестящих представителей, таких как князь Волконский, Довре, Толь, Дибич. Остальные офицеры тоже были хороши, хотя Генеральный штаб вообще был импровизированным, без большой подготовки... Число офицеров невелико: на корпус не более двух, на дивизию – один. Служба главным образом на коне; письменной работой занимались мало. Даже диспозиции составлялись не Генеральным штабом, а в ходе дежурства: собирались офицеры Ге-

нерального штаба и ординарцы, и дежурный генерал диктовал им диспозицию; затем она запечатывалась в конверт с надписью «вскрыть в таком-то часу» и передавалась офицеру штаба для доставки соответствующему начальнику» [17, с. 99]. Некоторые источники указывают, что ординарцы были на военной службе уже со времён Петра I [16, с. 150], но слово имело формы *ординанц* и *ордонанц*, схожие по звучанию с исходной лексемой *ordonnance* из языка-источника. Эти формы являются промежуточными вариантами слова *ординарец* в процессе его адаптации в русском языке, поскольку в первой половине XIX века слово приобрело звучание, более привычное современному носителю русского языка, где формант *-ец* стал восприниматься как суффикс (где беглый *-е-* этому способствовал). Можно сказать, что лексическая единица *ординарец* именно в это время прочно укоренилась в русском языке, получив в процессе морфонологического приспособления финальное *-ец*, схожее с русским суффиксом *-ец* со значением «субъект по действию» [18].

В «Войне и мире», где уже отсутствуют устаревшие формы слова *ординарец*, насчитывается 10 употреблений этого слова. Его значение в романе идентично значениям, приведённым в словарях русского языка: «*Жерков, после своего изгнания из главного штаба, не остался в полку, говоря, что он не дурак во фронте ляжку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше, и умел приспособиться ординарцем к князю Багратиону*» [19, кн. 1, с. 178]; «*Сменившись из цепи, Ростов успел соснуть несколько часов перед утром и чувствовал себя весёлым, смелым, решительным... Все желания его исполнялись в это утро; давалось генеральное сражение, он участвовал в нём; мало того, он был ординарцем при храбрейшем генерале; мало того, он ехал с поручением к Кутузову, а может быть, и к самому государю*» [19, кн. 1, с. 345].

Из контекстов ясно, что ординарцы выполняли функции посыльных, передавая различного рода поручения, приказы командующих. Они состояли на службе у командующих разных чинов и званий – генералов, маршалов, князей – и были в их личном подчинении. Так, Николай Ростов был ординар-

цем «при храбрейшем генерале», а Жерков – личным ординарцем князя Багратиона. Быть ординарцем было престижно, поскольку они находились чаще всего в непосредственной близости с командующими армией и подвергались меньшему риску, чем солдаты и офицеры, принимающие участие в боевых действиях. Неслучайно Жерков говорит, что «он не дурак во фронте ляжку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше». От ординарцев, точнее от их умения выполнять задания командования, мог зависеть результат отдельного боя или целого сражения вследствие несвоевременной доставки донесения или гибели ординарца: «Когда диспозиция была готова в должном количестве экземпляров, был призван офицер и послан к Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполнения. Молодой кавалергардский офицер, **ординарец** Кутузова, довольный важностью данного ему поручения, отправился на квартиру Ермолова» [19, кн. 2, с. 469]. Как мы видим из примера, ординарцы принимались на службу из числа кавалергардских офицеров и имели лошадь для быстроты передвижения и передачи поручений.

Для выполнения таких функций солдаты и офицеры были необходимы в любой армии. Из текстов «Войны и мира» видно, что посыльные служили не только в русской, но и в армиях Австрии, Франции, при маршалах Наполеона и многих других армиях. Лексема **ординарец** могла иметь разнообразные синтагматические связи, в том числе свободно сочетаться с приложением (см., например, у Л.Н. Толстого *молодцы-ординарцы*).

Наряду с ординарцами, схожими функциональными обязанностями были наделены адъютанты и денщики. Адъютанты состояли при военачальнике или при штабе того или иного формирования (начиная с дивизионного уровня и вплоть до корпуса, армии, фронта) для исполнения служебных поручений или для выполнения штабной работы [9, т. 1, с. 26]. В распоряжении одного командующего могло находиться несколько адъютантов и ординарцев, причём их численность не всегда была оправдана: «К главнокомандующему вам ходить нечего, – говорил князь Андрей, – ...из этого дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и **ординарцев**, скоро будет батальон...» [19, кн. 1, с. 305-306]. Различие

ординарцев и адъютантов состояло в том, что адъютанты имели более широкие задачи. Кроме функции вестовых, которую на лошадях выполняли ординарцы, адъютанты также занимались штабной работой и исполняли иные служебные поручения. Денщики сначала нанимались из дворян и имели значимое воинское звание, но в послепетровское время их стали набирать из низших чинов для служения при офицере или чиновнике [20, с. 415]. В данной триаде близких по семантике лексем *ординарец–адъютант–денщик* (с общей архисемой ‘служащий при офицере’), дифференциальными признаками выступают семы ‘конный вестовой-помощник’, ‘соратник-сотоварищ’, ‘слуга у военного (а впоследствии и у невоенного)’ человека.

В настоящее время в связи с изменением форм ведения боя и обмена информацией пропала необходимость иметь вестовых и других лиц для передачи приказов, поэтому все три лексемы в своём основном терминологическом значении перешли в разряд историзмов и упоминаются в письменных источниках при описании военных действий: «Приемлю же смелость донести Вашему Сиятельству о находившихся при мне в должностях дежурного штаб-офицера 50-го егерского полка майоре Бурмане, адъютантах... также и о бывших у меня на ординарцах Астраханского гранодерского полка подпоручике Юницком» [21]. Примечательно, что здесь мы видим лексему ординарец в составе фразеологического оборота \diamond *Быть на ординарцах*, то есть ‘быть в подчинении’.

В современной литературе можно встретить случаи употребления слова ординарец и в бытовой ситуации, не связанной с какими-либо военными действиями. В романе Т.Ю. Соломатиной автор называет ординарцем человека, выполняющего роль слуги при некоей мадам, женщине: «И вообще, назначается сегодня личным ординарцем при мадам Тарасовой» [22]. В произведении А.Г. Наймана слово употребляется в составе перифразного оборота *служить ординарцем архангелу*, то есть ‘быть в подчинении у архангела’ в значении ‘умереть’: «У костра чифирил я когда-то со Шварцем – он архангелу служит теперь ординарцем» [23].

Обобщая сказанное, отметим, что некогда высокоупотребительное (особенно в пе-

риод военных действий) и ассимилированное к русской действительности заимствованное слово-термин *ординарец* к середине XX века теряет свою актуальность в связи с упразднением статуса ординарцев после Второй мировой войны и фактически переходит в разряд батальных историзмов русского языка. В его употреблении мы намечаем три временных этапа: XVIII–XIX вв. (см. иллюстрации из «Войны и мира» Л.Н. Толстого); начало XX – середина XX в. (иллюстрации в академических словарях из произведений М.А. Шолохова и Э.Г. Казакевича); конец XX – начало XXI в. (см. цитаты из произведений Т.Ю. Соломатиной и А.Г. Наймана).

Можно сделать вывод, что к настоящему времени слово *ординарец* как военный тер-

мин окончательно не покидает состав современного русского литературного языка, передвигаясь в его пассивную зону употребления, благодаря чему мы опознаём его значение и функции в стилях и жанрах книжной и разговорной речи русского языка разных периодов. Также оно продолжает функционировать, как мы это видели выше, и в разговорно-бытовой сфере языка, в своей номинации сохраняя лишь подобие военного термина, на самом деле выступая как аналог «гражданской» лексемы, обозначающей человека, выполняющего по отношению к своему патрону роль доверенного лица с функцией обслуживания.

Список литературы

1. Ларин Б.А. Историческая лексикология (вводные лекции к спецсеминару) // Филологическое наследие: сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 952 с.
2. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 384 с.
3. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
4. Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. 328 с.
5. Тучков М.С. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат / соч. г. М.С. Тучкова. Ч. 1–2. От А до О; От О до Я. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. 251 с.
6. Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии С.Ф. Ахромеев. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1986. 863 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. Т. 2. 1039 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1: А–Й. М.: Рус. яз., 1985. 702 с.; Т. 2: К–О. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950–1965.
11. Волотов Д.А. Судьба заимствований в русском языке (к истории слова партизан) // Неофилология. 2020. Т. 6. № 24. С. 653–659. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-653-659
12. Е Линь. Синонимические ряды с заимствованными словами в русском языке // Неофилология. 2018. Т. 4. № 15. С. 17–24. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-17-24
13. Сенько Е.В., Цахилова Л.В. Словообразовательная активизация японских заимствований в современном русском языке // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 429–438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438
14. Гончарова Н.А., Швецова В.М. Иноязычные слова в родной речи: обогащение языка или символ чужой? // Неофилология. 2018. Т. 4. № 14. С. 5–10. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-14-5-10
15. Табель о рангах – Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/tabel.htm> (дата обращения: 18.01.2021).
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 830 с.

17. Орлов Н.А. История русской армии, 1812–1864 гг. Война за освобождение Германии в 1813 г. СПб.: Полигон, 2003. 719 с.
18. Гимпелевич В.С. О членимости заимствованных слов в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова: сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 192-198.
19. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. М.: АСТ, 2010. Кн. 1, 2.
20. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: современная версия. Т. 19. М.: Эксмо, 2006.
21. Горчаков А.И. Документы (1812) // Бородино: Документальная хроника. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
22. Соломатина Т.Ю. Девять месяцев, или «Комедия женских положений». М.: Эксмо, 2010.
23. Найман А.Г. Жизнь и смерть поэта Шварца // Октябрь. 2001. Вып. 10.

References

1. Larin B.A. Istoricheskaya leksikologiya (vvodnyye lektsii k spetsseminaru) [Historical lexicology (introductory lectures to the special seminar)]. *Filologicheskoye naslediyе* [Philological Heritage]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2003, 952 p. (In Russian).
2. Sorokoletov F.P. *Istoriya voyennoy leksiki v russkom yazyke XI–XVII vv.* [History of Military Vocabulary in the Russian Language 11–17th Centuries.]. Moscow, Book House “Librokom” Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
3. Birzhakova E.E., Voynova L.A., Kutina L.L. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language In the 18th Century. Language Contacts and Borrowings]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 431 p. (In Russian).
4. Kozhin A.N. *Leksiko-stilisticheskiye protsessy v russkom yazyke perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Lexico-Stylistic Processes in the Russian Language during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 328 p. (In Russian).
5. Tuchkov M.S. *Voyenny slovar', zaklyuchayushchiy naimenovaniya ili terminy, v Rossiyskom sukhoputnom voyske upotreblayemyye, s pokazaniyem roda nauki, k kotoromu prinadlezhat, iz kakogo yazyka vzyaty, kak mogut byt' perevedeny na rossiyskiy, kakoye onykh upotrebleniye i k chemu sluzhat. Pt 1–2* [A Military Dictionary Containing the Names or Terms Used in the Russian Land Forces, Indicating the Type of Science to which They Belong, from which Language They are Taken, how They Can be Translated into Russian, what are They Used and what They Serve]. Moscow, S. Selivanovskiy Typography, 1818, 251 p. (In Russian).
6. Akhromeyev S.F. (chair of the main ed. com.). *Voyenny entsiklopedicheskiy slovar'* [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Voenizdat Publ., 1986, 863 p. (In Russian).
7. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, State Publishing House of Foreign And National Dictionaries, 1938, vol. 2, 1039 p. (In Russian).
8. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 921 p. (In Russian).
9. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 2* [Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Vol. 1, Moscow, Russian Language Publ., 1985, 702 p.; vol. 2, Moscow, Russian Language Publ., 1986, 736 p. (In Russian).
10. Chernyshev V.I. (ed.-in-chief). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950–1965. (In Russian).
11. Volotov D.A. Sud'ba zaimstvovaniy v russkom yazyke (k istorii slova partizan) [The fate of borrowings in Russian language (to the history of the word partisan)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 653–659. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-653-659 (In Russian).
12. E Lin. Sinonimicheskiye ryady s zaimstvovannymi slovami v russkom yazyke [Synonymic rows with loanwords in the Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 15, pp. 17-24. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-15-17-24 (In Russian).
13. Senko E.V., Tsakhilova L.V. Slovoobrazovatel'naya aktivizatsiya yaponskikh zaimstvovaniy v sovremenном russkom yazyke [Word-formation activation of Japanese borrowings in the modern Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 429-438. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-429-438 (In Russian).

14. Goncharova N.A., Shvetsova V.M. Inoyazychnye slova v rodnoy rechi: obogashchenie yazyka ili simbol chuzhoj? [Borrowed words in native speech: enriching the language or the alien symbol?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 5-10. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-14-5-10 (In Russian).
15. Mankov A.G. (executive ed.). *Tabel' o rangakh – Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Table of Ranks – Russian Legislation of the 10–20th Centuries: in 9 Vols. Vol. 4: Legislation of the Period of Formation of Absolutism]. Moscow, Jurisprudence Literature Publ., 1986. (In Russian). Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm> (accessed 18.01.2021).
16. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 3* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ., 1987, 830 p. (In Russian).
17. Orlov N.A. *Istoriya russkoy armii, 1812–1864 gg. Voyna za osvobozhdeniye Germanii v 1813 g.* [History of the Russian Army, 1812–1864 War of Liberation of Germany in 1813]. St. Peterburg, Poligon Publ., 2003, 719 p. (In Russian).
18. Gimpelevich V.S. O chlenimosti zaimstvovannykh slov v russkom yazyke [On the articulation of borrowed words in Russian]. *Razvitiye sovremennogo russkogo yazyka. 1972. Slovoobrazovaniye. Chlenimost' slova* [Development of the Modern Russian Language. 1972. Word Formation. Articulation of the Word]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 192-198. (In Russian).
19. Tolstoy L.N. *Voyna i mir: v 2 kn.* [War and Peace: in 2 bks]. Moscow, AST Publ., 2010, bk 1, 2. (In Russian).
20. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Ilyustrirovannyi entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: sovmennaya versiya. T. 19* [Illustrated Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockgauz and I.A. Efron. Vol. 19]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. (In Russian).
21. Gorchakov A.I. Dokumenty (1812) [Documents (1812)]. *Borodino: Dokumental'naya khronika* [Borodino: Documentary Chronicle]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2004. (In Russian).
22. Solomatina T.Y. *Devyat' mesyatshev, ili «Komediya zhenskikh polozeniy»* [Nine Months, or “The Comedy of Women’s Positions”]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. (In Russian).
23. Nayman A.G. *Zhizn' i smert' poeta Shvarisa* [The Life and Death of the Poet Schwartz]. *Oktyabr'* [October], 2001, no. 10. (In Russian).

Информация об авторе

Волотов Дмитрий Андреевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математических и инженерных специальностей, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация, vadmit87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>

Вклад в статью: общая концепция статьи, обзор литературы, анализ данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 09.03.2021
Одобрена после рецензирования 29.04.2021
Принята к публикации 27.05.2021

Information about the author

Dmitry A. Volotov, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Foreign Languages for Physics, Mathematics and Engineering Department, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation, vadmit87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0665-1555>

Contribution: main study conception, literature review, data analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 09.03.2021
Approved after reviewing 29.04.2021
Accepted for publication 27.05.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.373.211
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-596-604

Героические меморативы в российском топонимиконе

Сергей Александрович ПОПОВ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
✉ spo@bk.ru

Аннотация. Рассмотрено место героических меморативов в топонимическом пространстве Российской Федерации (на уровне ойконимии, оронимии, урбанонимии). Цель исследования – на примере российской топонимии показать эффективную роль коммеморативных практик, являющихся частью государственной топонимической политики и направленных на сохранение для потомков исторической памяти о героическом прошлом нашей страны. Сделан вывод, что государственная идеология является одной из основных причин появления топонимов-меморативов, приводит основные категории героических личностей, в честь которых назывались географические объекты (герои военных сражений начального периода Древней Руси и России до XVIII века, Отечественной войны 1812 г., Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., других военных кампаний, боевых действий в «горячих точках» в мирное время, героев труда). В заключение отмечено, что в рассмотренных наименованиях географических объектов переплелись разные исторические эпохи, в которые наши предки проявили мужество и героизм при защите Отечества от внешних и внутренних врагов, а также совершали трудовые подвиги на благо родной страны.

Ключевые слова: ономастика, топонимия, ойконимы, урбанонимы, оронимы, меморативы, коммеморация, топонимическая политика

Для цитирования: Попов С.А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 596-604. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-596-604>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Heroic memoratives in the Russian toponymicon

Sergey A. POPOV

Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation

✉ spo@bk.ru

Abstract. We consider the place of heroic memoratives in the toponymic space of Russian Federation (at the level of oikonymy, urbanonymy, oronymy). The purpose of research is to show the effective role of commemorative practices, which are part of the state toponymic policy and aimed at preserving the historical memory of the heroic past of our country for posterity, using the example of Russian toponymy. We conclude that the state ideology is one of the main reasons for the appearance of toponyms-memoratives, gives the main categories of heroic personalities after whom geographical objects were named (heroes of military battles of the initial period of Russia before the 18th century, Patriotic War of 1812, October Revolution of 1917 and Russian Civil War, Great Patriotic War of 1941–1945, fighting in “hot spots” in peacetime, heroes of labor). In conclusion, we note that in the names of geographical objects considered, different historical epochs were intertwined, in which our ancestors showed courage and heroism in defending the Fatherland from external and internal enemies, and also performed labor feats for the benefit of their native country.

Keywords: onomastics, toponymy, oikonoms, urbanonyms, oronyms, memoratives, commemoration, toponymic policy

For citation: Popov S.A. Geroicheskiye memorativy v rossiyskom toponimikone [Heroic memoratives in the Russian toponymicon]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 596-604. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-596-604> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Топонимика, исследующая наименования географических объектов (топонимы), помогает историкам, этнографам, географам и лингвистам глубже понять основные этапы заселения, хозяйственного освоения, социально-экономического и культурного развития как целых стран, так и их отдельных регионов. Совокупность топонимов определённой территории составляет её топонимическое пространство, или топонимикон.

Один из основоположников отечественной ономастики В.А. Никонов отмечал, что географическое название – это «история, выраженная средствами языка... Историзм – не одна из группочек названий, а основа всех названий. Только история побуждает обращаться к географическим признакам или, например, к личным именам» [1, с. 26].

Как показывают результаты многочисленных исследований отечественных и зарубежных топонимистов, названия многим географическим объектам (в первую очередь, населённым пунктам и внутригородским объектам: улицам, бульварам, проспектам, площадям, паркам, скверам, набережным, аэропортам, орографическим объектам и др.) были даны в память выдающихся личностей, известных в различных сферах человеческой деятельности. Среди них доминируют меморативы в честь героев прошлого и настоящего.

Для обозначения указанного масштабного топонимического явления мы ввели в научный оборот термин «героическая топонимия», который означает «совокупность топонимов, несущих в себе информацию о героическом военном прошлом страны. Это названия, данные географическим объектам в честь выдающихся военачальников, рядовых

воинов и труженников тыла, совершивших ратные и трудовые подвиги в период военного времени, в память о воинских соединениях, участвовавших в освобождении населённых пунктов от врага. Стоит отметить, что указанный термин относится ко всем периодам отечественной истории, когда наши предки сражались за свободу и независимость своей Родины (борьба с татаро-монгольским игом, Смута, Отечественная война 1812 г., русско-турецкие войны, Первая мировая война, Великая Отечественная война и др.)» [2, с. 64].

В научной литературе встречается также термин «милитаронимные ойконимы» – «названия населённых пунктов, происходящие от имён военачальников, выдающихся военных деятелей (в том числе от имён военных деятелей – собственников поселений); от имён мифологических, деических, тотемных, фетишных покровителей войн и воинов; от событий военной истории» [3, с. 117], который, на наш взгляд, не в полной мере отражает широту ономастического взгляда на данную научную проблему.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью настоящего исследования является выявление роли героических меморативов в топонимическом пространстве России.

По классическому определению Н.В. Подольской, *мемориальное имя* (меморатив, имя-посвящение) – это «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [4, с. 119].

В данном исследовании ставятся следующие задачи:

- выявить причины появления топонимов-меморативов в российском топонимиконе на уровне ойконимии, урбанонимии, оронимии;
- выявить типологию основных категорий героических личностей, в честь которых назывались географические объекты;
- привести сведения по личностям людей, имена и фамилии которых доминируют среди героических меморативов России;
- разработать предложения по разработке коммеморативных практик сохранения памяти героев, в честь которых названы географические объекты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственная идеология является одной из основных причин появления топонимов-меморативов. И это не случайно. Д.П. Шульгина и О.В. Шульгина справедливо заметили: «Россия не единожды испытала угрозу государственной безопасности, когда обращение к национальным святыням и подвигам прошлого способствовало подъёму патриотизма и укреплению гражданского и воинского духа; при решении проблем воспитания подрастающего поколения не раз приходилось искать в собственной истории достойные примеры стойкости» [5, с. 14].

Во многих странах в разные исторические периоды на высшем уровне государственного управления почитались определённые личности, с приходом к власти новых людей и при смене политических режимов система идеологических ценностей также пересматривалась руководством страны, зачастую диаметрально противоположно по сравнению с предшественниками. Например, в Советском Союзе по идеологическим соображениям на протяжении ряда десятилетий происходило массовое переименование населённых пунктов и внутригородских объектов в честь погибших (умерших) и даже здравствовавших героев Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., Гражданской войны, видных деятелей коммунистической партии и правительства СССР, зарубежных компартий: г. *Андропов*, г. *Брежнев*, г. *Будёновск*, г. *Георгиу-Деж*, г. *Горький*, г. *Ленинград*, г. *Свердловск*, г. *Сталинград*, г. *Ульяновск*, г. *Устинов*, г. *Черненко*, многочисленные улицы и площади Ленина, Сталина, Кагановича, Будённого, Ворошилова, Карла Маркса, Розы Люксембург, Фридриха Энгельса, Фрунзе, Чапаева и др.

Однако многим переименованным географическим объектам впоследствии были возвращены их исторические наименования либо присвоены новые, лишённые советской идеологии: г. *Волгоград*, г. *Екатеринбург*, г. *Ижевск*, г. *Лиски*, г. *Нижний Новгород*, г. *Рыбинск*, г. *Санкт-Петербург*, пр. *Ахмата Кадырова* в г. Грозный (бывший пр. Ленина), ул. *Сергиевская* в г. Тверь (ул. Розы Люксембург), в г. Москва: *Большой Предтеченский переулок* (ул. Большевицкая), ул. Старая

Басманная (ул. Карла Маркса), *Павелецкая площадь* (Ленинская площадь), ул. *Тверская* (ул. Горького), в г. Санкт-Петербург: *Александровский парк* (парк Ленина), *Виленский пер.* (ул. Красной Связи), ул. *Гороховая* (ул. Комиссаровская, ул. Дзержинского) и др.

Проанализировав многочисленный топонимический материал, мы выявили типологию основных категорий героических личностей, в честь которых в России назывались географические объекты. Не всегда эти люди при жизни были связаны с названными в их честь населёнными пунктами, горными вершинами, улицами, бульварами, площадями, скверами, переулками, однако в ряде случаев такая связь всё же прослеживалась.

Итак, среди героических меморативов российского топонимикона преобладают имена и фамилии:

– **героев военных сражений начального периода Руси до XX века:** древнерусских полководцев, участников Земского ополчения 1611–1612 гг. в период борьбы русского народа против польско-литовской и шведской интервенций, героев мест боевых событий Отечественной войны 1812 г., русско-турецких войн, флотоводцев и др.;

– **героев Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, отважных лётчиков, исследователей, передовиков производства, видных советских и партийных деятелей;**

– **героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.;**

– **участников боевых действий в «горячих точках» в мирное время (афганская, кавказская, сирийская военные кампании и др.).**

Рассмотрим конкретные примеры употребления меморативов в основных разрядах топонимии.

На уровне ойконимии выделим *героические ойконимы-меморативы* – названия населённых пунктов в честь конкретных личностей. В основном в честь героев переименовывались уже существовавшие города, поселки, сёла, деревни, хутора, в редких случаях указанные названия присваивались вновь образованным населённым пунктам:

– в честь полководца Древней Руси, князя *Александра Невского* (1221–1263) получили названия деревня *Александровская*

Станица в Куйтунском районе Иркутской области, станица *Александровская* Выселковского района Краснодарского края, село (станция) *Александров-Невская* в Дагестане и др.;

– в честь великого русского полководца, генералиссимуса *А.В. Суворова* (1730–1800) в Российской Федерации названо несколько населённых пунктов: г. *Суворов* Тульской области (до 1954 г. – д. Суворова, пос. Суворовский), станица *Суворовская* Ставропольского края, в 1901 г. с. Новая Шукша переименовано в *Суворово* в честь бывшего владельца – генералиссимуса А.В. Суворова (в н. в. – Лунинский район Пензенской области) и др.; кроме того, в честь него также названы улицы, проспекты, площади, переулки во многих населённых пунктах страны;

– в 1946 г. прусский город Прёйсиш-Эйлау, оказавшийся после окончания Великой Отечественной войны в Калининградской области, был переименован в *Багратионовск* в честь героя Отечественной войны 1812 г., генерала от инфантерии *П.И. Багратиона* (1765–1812);

– в 1946 г. пос. Сиротому на Сахалине был переименован в г. *Макаров* в честь героя Русско-японской войны, адмирала *С.О. Макарова* (1849–1904);

– имя героя Гражданской войны, видного советского военачальника *С.М. Будённого* (1883–1973) носит г. *Будёновск* в Ставропольском крае (прежние названия: Святой Крест, Карабаглы, Прикумск), в 1919 г. в честь него был переименован г. Бирюч современной Белгородской области (носил это название до 1958 г.);

– в честь героя Гражданской войны *К.Е. Ворошилова* (1881–1969) были переименованы областной центр Ставрополь (*Ворошиловск* в 1935–1943 гг.), город Уссурийск (*Ворошилов* в 1935–1957 гг.);

– в результате широкой популярности героев книги Д. Фурманова «Чапаев» и одноимённого фильма братьев Васильевых имя героя Гражданской войны, командира Красной армии *В.И. Чапаева* (1887–1919) было присвоено множеству населённых пунктов;

– в 1949 г. с. Вангоу Приморского края переименовано в село *Лазо* в честь советского военачальника и государственного деятеля

ля, принимавшего активное участие в установлении советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, участника Гражданской войны *С.Г. Лазо* (1894–1920); в Дальнереченском городском округе Приморья также есть село и станция Лазо;

– в память о советском легендарном лётчике-испытателе, комбриге, Герое Советского Союза *В.П. Чкалове* (1904–1938) в 1938 г. Василёво, в котором он родился, переименован в г. *Чкаловск* (современная Нижегородская область); с 1938 по 1957 гг. г. Оренбург назывался *Чкаловым*;

– в 1946 г. г. Инстербург (нем. Insterburg) переименован в г. *Черняховск* (Калининградская область) в честь командующего войсками 3-го Белорусского фронта, генерала армии *И.Д. Черняховского* (1907–1945);

– в 1974 г. с. Угодский завод Калужской области переименовано в *Жуково* в честь советского полководца, маршала *Г.К. Жукова* (1896–1974), родившегося в соседней деревне Стрелковка (в 1996 г. с. Жуково было объединено с пос. Протва, получило статус города и наименование *Жуков*);

– в 1968 г. с. Чепухино Белгородской области переименовано в *Ватутино* в честь советского полководца, Героя Советского Союза, генерала армии *Н.Ф. Ватутина* (1904–1944), уроженца села;

– в 1968 г. г. Гжатск Смоленской области был переименован в г. *Гагарин* в честь первого космонавта Земли *Ю.А. Гагарина* (1934–1968), родившегося близ этого населённого пункта.

Героические меморативы наиболее масштабно представлены в урбанонимии России (*героические урбанонимы-меморативы*). Как отмечает Р.В. Разумов, «подобные урбанонимы появились уже на дореволюционном этапе истории страны, когда власть впервые стала использовать городские названия в качестве средства увековечивания памяти об известных людях. Особенно интенсивно данный процесс стал протекать в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения» [6, с. 155].

А.С. Щербак считает, что «при наименовании адресных линейных внутригородских объектов одним из главных концептуальных признаков является признак *«персонафика-*

ция», который отражает антропоцентрическую направленность: название внутригородского объекта восходит к антропониму. В пределах этого концептуального признака выделяются так называемые мемориальные названия, являющие собой урбаноминиаци-посвящения в честь выдающихся личностей (государственные и исторические деятели, представители науки, культуры, искусства и т. д.)» [7, с. 6-7].

Героические мемориальные наименования внутригородским объектам в России присвоены в честь следующих категорий выдающихся личностей:

– **героев военных сражений начального и среднего периода истории Руси:** выдающегося государственного деятеля, полководца, князя, святого Русской православной церкви *Александра Невского*, организаторов и руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг. в период борьбы русского народа против польско-литовской и шведской интервенций *К. Минина* и *Д. Пожарского* (в ряде населённых пунктов названы улицы; в Нижнем Новгороде есть площадь *Минина и Пожарского*);

– **героев Отечественной войны 1812 г.** «Наибольшее количество улиц с данными названиями сосредоточено в Москве – городе, в котором решалась судьба страны и который сильно пострадал от наполеоновского нашествия. Эти улицы размещены в Западном административном округе, появились они в основном в связи с празднованием 100- и 150-летия данного события или незадолго до того. Так на карте Москвы появились: в 1912 г. – Кутузовский проезд и Кутузовский переулок; в 1952 г. – Филевские улицы; в 1956 г. – Багратионовский проезд; 1962 г. – улицы 1812-го года, Баркляя, Василисы Кожинной, Герасима Курина, Генерала Ермолова; в преддверии 150-летия – Кутузовский проспект, Багратионовский проезд, улица Дениса Давыдова, Дохтуровский переулок, улицы Генерала Дорохова, Раевского и Кутузова, Тучковская и Тарутинская улицы; в 1971 г. – улицы Неверовского и Кульнева» [5, с. 16]. В честь русского полководца, государственного деятеля и дипломата, генерал-фельдмаршала *М.И. Кутузова* (1745–1813) названы также набережная в Санкт-Петербурге, улицы по многих населённых пунктах

России; в 1961 г. одна из улиц Москвы была названа в честь генерала от кавалерии *Н.Н. Раевского* (1771–1829), именем генерала от инфантерии и артиллерии *А.П. Ермолова* (1777–1861) названы улицы в Москве, Дербенте, Можайске, Пятигорске, Кисловодске, Черкесске, Ессентуках, Георгиевске, Михайловске; улицы в честь *П.И. Баграциона* (1765–1812) есть в Симферополе, Смоленске, Липецке, Калининграде, Минске, Иркутске, Владивостоке, Правдинске, Омске;

– **российских военачальников и флотоводцев XIX – начала XX в.:** адмиралов *Ф.Ф. Ушакова* (1745–1817), *М.П. Лазарева* (1788–1851), *П.С. Нахимова* (1802–1855), *С.О. Макарова* (1849–1904) и др.;

– **героев Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, советских и партийных деятелей:** в большинстве населённых пунктов России сохранились урбанонимы в честь *В.И. Ленина* (1870–1924), *Я.М. Свердлова* (1885–1919), *В.И. Чапаева* (1887–1919), *Г.И. Котовского* (1881–1925), *С.М. Будённого* (1883–1973), *К.Е. Ворошилова* (1881–1969), *Ф.Э. Дзержинского* (1877–1926), *М.В. Фрунзе* (1885–1925) и др.;

– **героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** Как мы отмечали ранее, «меморативы ономастического пространства большинства крупных населённых пунктов Российской Федерации вне зависимости от ведения на их территории боевых действий в годы Великой Отечественной войны представлены однотипными общеизвестными урбанонимами, в которых отразились военные события и фамилии известных героев (видных военачальников, красноармейцев, партизан, подпольщиков, мирных жителей)» [8, с. 14]. Среди них – маршалы *Г.К. Жуков* (1896–1974), *Р.Я. Малиновский* (1898–1967), *К.К. Рокоссовский* (1896–1968), генералы *Д.М. Карбышев* (1880–1945) и *И.В. Панфилов* (1893–1941), красноармейцы *Зоя Космодемьянская* (1923–1941), *Александр Матросов* (1924–1943), лётчик *Николай Гастелло* (1907–1941), герои-молодогвардейцы *Олег Кошевой* (1926–1943), *Иван Земнухов* (1923–1943), *Ульяна Громова* (1924–1943), *Сергей Тюленин* (1925–1943), *Любовь Шевцова* (1924–1943) и мн. др. Большинство внутригородских объектов также называлось в честь героев Великой

Отечественной войны, родившихся в указанных населённых пунктах.

В населённых пунктах, на территории которых в годы Великой Отечественной войны велись активные боевые действия, помимо указанной выше также имеется своя специфика героической урбанонимической номинации: в них внутригородские объекты названы в честь защитников данных населённых пунктов (как с указанием на воинские звания, виды и рода войск, в которых они служили, так и без указания: в Воронеже – улицы *Беспаловой*, *Тулбердиева*, *Зенитчиков*, *Лётчика Демьянова*, в Волгограде – *4-х связистов*, *имени Тани Скоробогатовой* и др.), в честь военачальников, чьи подразделения освобождали населённый пункт (как правило, с указанием воинского звания и фамилии: в Воронеже – улицы *Генерала Лизюкова*, *Маршала Жукова*, *Генерала Ватутина*, в Волгограде – *Гвардии капитана Курсекова*, *Майора Сачко*, *имени Маршала Чуйкова* и др.), в честь наименований воинских соединений, участвовавших в освобождении населённого пункта от немецко-фашистских захватчиков (в Воронеже и Воронежской области – улицы *8-й Воздушной Армии*, *95-й Гвардейской*, *60-й Армии*, *Добровольческого коммунистического полка*, *106-й Танковой Бригады*, *219-й Стрелковой Идрицкой дивизии* и др.).

Вполне закономерно, что, например, в городе-герое Волгограде 160 урбанонимов связаны с событиями Сталинградской битвы, из них 138 названы именами героев, совершивших личный подвиг, командующих фронтами или воинскими подразделениями; 14 связаны с названиями воинских подразделений, проявивших особый героизм в период Сталинградской битвы; 8 имеют собирательные названия [9, с. 219].

Героические мемориальные наименования внутригородским объектам также присвоены в честь **участников боевых действий в «горячих точках» в мирное время** (афганская, кавказская, сирийская военные кампании и др.): улица *Константина Гнездилова* (пгт. Анна Воронежской области; *К.В. Гнездилов* (1964–1983) погиб при исполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан); переулок *Ярослава Белова* (микрорайон Репное г. Во-

ронежа; *Я.В. Белов* (1969–2000) – оперуполномоченный УБОП, выполнял служебный долг в зоне вооружённого конфликта в Чеченской Республике); улицы имени военного лётчика, гвардии майора *Романа Филипова* (1984–2018), погибшего при выполнении боевого задания в Сирийской Арабской Республике, посмертно удостоенного звания Героя России, появились в городах Борисоглебск, Владивосток, Воронеж, Тюмень.

Среди героических урбанонимов-меморативов также встречаются фамилии **героев труда (передовиков производства, учёных, испытателей, космонавтов и др.)**: выдающегося русского учёного-естествоиспытателя *М.В. Ломоносова* (1711–1765), русского и советского учёного и философа, основоположника современной космонавтики *К.Э. Циолковского* (1857–1935), советского шахтёра, новатора угольной промышленности, Героя Социалистического Труда *А.Г. Стаханова* (1905–1977), русского естествоиспытателя, специалиста по физиологии растений *К.А. Тимирязева* (1843–1920), русского биолога и селекционера *И.В. Мичурина* (1855–1935), легендарного советского лётчика-испытателя *В.П. Чкалова* (1904–1938), первого в мире космонавта, Героя Советского Союза *Ю.А. Гагарина* (1934–1968), первой в мире женщины-космонавта, Героя Советского Союза *В.В. Терешковой* (род. в 1937 г.) и др.

Героические меморативы также встречаются и в оронимии (*героические оронимы-меморативы*) – собственных именах любого элемента рельефа земной поверхности (положительного и отрицательного), то есть любого орографического объекта [4, с. 99–100]: пик *Георгия Жукова* (Северо-Чуйский хребет на территории Республики Алтай), пик *Героев-Панфиловцев* в горах Азутау, *Гора Военных Разведчиков*, гора *Павла Фитина* на территории Республики Северная Осетия – Алания (генерал-лейтенант *П.М. Фитин* – руководитель внешней разведки в годы Великой Отечественной войны), горы на хребте Кузнецкий Алатау на территории Кемеровской области – Кузбасса, названные в память о сражавшихся в период Великой Отечественной войны Герое Российской Федерации *В.Д. Волошиной*, Героях Советского Союза *Ю.М. Двужильном*, *С.Х. Марковцеве*, *В.Ф. По-*

луновском, *М.Г. Хорькове* и *В.Г. Юдине*: гора *Волошиной*, гора *Двужильного*, гора *Марковцева*, гора *Полуновского*, гора *Хорькова*, гора *Юдина* и др.

Имена героев также присвоены *иным географическим объектам* (скалам, мысам, островам, банкам и др.): мыс *Измаила Зайдулина* на территории Кингисеппского муниципального района Ленинградской области (в честь капитана 1 ранга, командира подводной лодки, участника Великой Отечественной войны *И.М. Зайдулина*), на территории Сахалинской области в пределах территориального моря Российской Федерации: мыс *Маршала Крылова* (для увековечивания памяти маршала *Н.И. Крылова*), скала *Пономарёва* (для увековечивания памяти капитана 1 ранга *Д.Г. Пономарёва*) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из приведённых примеров, на протяжении всей истории нашей страны защитники Отечества в случае необходимости, не раздумывая, приходили на помощь родному государству и народу. Имена и фамилии этих отважных людей прочно зафиксировались в топонимах-меморативах.

Наглядным примером топонимической памяти о героическом прошлом нашей Родины может служить село Ямное Рамонского муниципального района Воронежской области, пригород областного центра, в котором, по подсчётам Г.Ф. Ковалёва, встречаются «14 названий улиц и переулков только с названиями маршалов (Л.А. Говоров, А.И. Ерёмченко, Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, С.К. Тимошенко, В.И. Чуйков). Мало того, ещё 34 улицы с фамилиями генералов, да к тому же и 7 улиц с фамилиями... атаманов! Видимо, руководитель военной застройки в Ямном был человеком из военных, да ещё с потугами на знание истории. Хотя фамилии основных освободителей Воронежа в его список так и не попали» [10, с. 15]. Яменские меморативы отражают также имена героев, начиная с Отечественной войны 1812 г. и заканчивая современными военачальниками: ул. *Генерала Бакланова*, ул. *Генерала Берзарина*, ул. *Генерала Болдина*, ул. *Генерала Бескоровного*, ул. *Генерала Вельяминова*, ул. *Гене-*

рала Грекова, ул. Генерала Грибкова, ул. Генерала Ермолова, ул. Генерала Карбышева, улица и переулок Генерала Раевского, улица и переулок Генерала Родимцева, улица и переулок Генерала Романова, ул. Генерала Румянцева, ул. Генерала Трошева, ул. Генерала Черняховского, улица и переулок Генерала Шереметьева и мн. др. [10, с. 147-149].

Таким образом, героические меморативы топонимического пространства Российской Федерации служат сохранению исторической памяти нашего народа о сложном героиче-

ском прошлом России для последующих поколений россиян. В рассмотренных наименованиях географических объектов переплелись разные исторические эпохи, в которые наши предки проявили мужество и героизм при защите Отечества от внешних и внутренних врагов, зачастую ценою собственной жизни, а также совершали трудовые подвиги на благо родной страны. Героические топонимы-меморативы надёжно сохраняют для последующих поколений россиян память об этих выдающихся людях.

Список литературы

1. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
2. Попов С.А. Топонимическое наследие Великой Победы // Царицынские рождественские чтения: сб. материалов конф. Вып. 4 / под ред. В.И. Супруна. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 63-75.
3. Постников С.В., Немчинов А.В. Милитаронимные ойконимы: сущность и связи с военным подъязыком // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 2 (73). С. 117-128.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
5. Шульгина Д.П., Шульгина О.В. Отражение Отечественной войны 1812 года в топонимике России: историко-географическое исследование // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5 (11). С. 14-23.
6. Разумов Р.В. Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 155-159.
7. Щербак А.С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. Т. 4. № 13. С. 5-11.
8. Попов С.А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населённых пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 10-23.
9. Соловьёва С.В. Сталинградские снайперы в топонимике Волгограда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 218-222.
10. Ковалёв Г.Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017. Т. 1: А-Л. 410 с.

References

1. Nikonov V.A. *Vvedeniye v toponimiku* [Introduction to Toponymy]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 179 p. (In Russian).
2. Popov S.A. *Toponimicheskoye naslediyе Velikoy Pobedy* [Toponymic heritage of the Great Victory]. *Sbornik materialov konferentsiy «Tsaritsynskie rozhdestvenskiye chteniya»*. Вып. 4 [Collection of Conference Proceedings "Tsaritsyno Christmas Readings". Issue 4]. Volgograd, Fortess Publ., 2019, pp. 63-75. (In Russian).
3. Postnikov S.V., Nemchinov A.V. *Militaronimnyye oykonimy: sushchnost' i svyazi s voyennym pod'yazykom* [Military okonyms: the essence and relationship with the military single language]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Current Issues of the Humanities and Socio-Economic Sciences], 2020, no. 2 (73), pp. 117-128. (In Russian).
4. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 187 p. (In Russian).
5. Shulgina D.P., Shulgina O.V. *Otrazheniye Otechestvennoy voyny 1812 goda v toponimike Rossii: istoriko-geograficheskoye issledovaniye* [Reflection of the Patriotic War of 1812 in the toponymy of Russia: a his-

- torical and geographical study]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya – History Magazine: Researches*, 2012, no. 5 (11), pp. 14-23. (In Russian).
6. Razumov R.V. Memorativy pisatelyam, poetam i literaturnym kritikam v sistemakh urbanonimov Rossiyskoy Federatsii [Personal memoratives to writers, poets and literary critics in urbanonymic systems of the Russian Federation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*, 2017, no. 3, pp. 155-159. (In Russian).
 7. Shcherbak A.S. Universal'noye svoystvo urbanonimicheskoy kategorii [Universal property of urbanonymical categorization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 5-11. (In Russian).
 8. Popov S.A. Memorativy onomasticheskogo prostranstva gorodov-geroyev, gorodov voinskoy slavy i naselennykh punktov voinskoy doblesti [Memoratives of the onomastic space of hero cities, cities of military glory and localities of military valor]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2020, no. 1 (36), pp. 10-23. (In Russian).
 9. Solovyeva S.V. Stalingradskiy snaypery v toponimike Volgograda [Stalingrad snipers in the toponymy of Volgograd]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2018, no. 4, pp. 218-222. (In Russian).
 10. Kovalev G.F. *Slovar' mikrotoponimov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Microtoponyms of Voronezh Region: in 2 vols.]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2017, vol. 1, 410 p. (In Russian).

Информация об авторе

Попов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация, spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Вклад в статью: общая концепция статьи, изучение источников, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021
Одобрена после рецензирования 14.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Sergey A. Popov, Candidate of Philology, Associate Professor of Public Relations, Advertising and Design Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Contribution: main study conception, sources study, manuscript drafting and design.

The article was submitted 02.08.2021
Approved after reviewing 14.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.2

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-605-610

Эстетический компонент прозвищ российских военнослужащих

Надежда Андреевна РОДИНА

ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева»
125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., 9

✉ esperance84@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены прозвища в среде современных российских военнослужащих, выявлен их эстетический потенциал и особенности употребления в речевой коммуникации. На материале ответов на вопросы анонимных анкет, заполненных российскими военнослужащими различных возрастных групп, установлено, что номинация прозвищ для нарекающих и нарекаемых содержат в себе различные виды оценки, в том числе эмоциональной, которая проявляется в бинарных оппозициях «хорошо – плохо», «позитив – негатив», «прекрасно – безобразно». Выявлено, что индивидуальные прозвища в среде современных российских военнослужащих отражают эстетическую функцию и используются только теми, кто равен его носителю. Коммуниканты склонны маркировать в прозвищах эстетически положительные характеристики. В неформальную коммуникацию вовлекаются единицы из различных пластов национального языка (литературная, разговорная, жаргонная лексика). Доказывается, что в среде военнослужащих одинаковых прозвищ не возникает, даже в том случае, когда мотивировка является одинаковой (высокий рост – Длинный, цвет волос – Рыжий). В процессе вербальной коммуникации языковая личность с помощью прозвища демонстрирует национально-культурную специфику представителя социума и национально-культурную специфику самой ситуации общения.

Ключевые слова: неформальное общение, языковая личность, российский военнослужащий, прозвище, эстетическая оценка

Для цитирования: *Родина Н.А.* Эстетический компонент прозвищ российских военнослужащих // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 605-610. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-605-610>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Aesthetic component of nicknames of Russian servicemen

Nadezhda A. RODINA

Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
9 Miusskaya Sq., Moscow 392000, Russian Federation
✉ esperance84@mail.ru

Abstract. We consider nicknames in the environment of modern Russian servicemen identify their aesthetic potential and features of their use in speech communication. Based on the answers to the questions of anonymous questionnaires filled out by Russian servicemen of various age groups, we establish that the nomination of nicknames for naming and naming contains various types of assessment, including emotional, which is manifested in the binary oppositions “good – bad”, “positive – negative”, “beautiful – ugly”. We reveal that individual nicknames among modern Russian servicemen reflect an aesthetic function and are used only by those who are equal to its bearer. Communicators tend to label aesthetically positive characteristics in nicknames. Units from various layers of the national language (literary, colloquial, slang vocabulary) are involved in informal communication. We prove that the same nicknames do not arise among the military, even if the motivation is the same (tall – Long, hair color – Red). In the process of verbal communication, a linguistic personality with the help of a nickname demonstrates the national-cultural specificity of a representative of the society and the national-cultural specificity of the communication situation itself.

Keywords: informal communication, linguistic personality, Russian serviceman, nickname, aesthetic evaluation

For citation: Rodina N.A. Esteticheskiy komponent prozvizhch rossiyskikh voyennosluzhashchikh [Aesthetic component of nicknames of Russian servicemen]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 605-610. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-605-610> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Одной из особенностей любого естественного языка является отражение определённого способа восприятия и организации мира. Язык представляет собой конституирующую когнитивную способность человека и является его «зеркалом» во взаимодействии с окружающим миром, в результате чего объективированный в языке целостный опыт образует языковую картину мира [1]. Сама метафора «картина мира» обычно применяется с целью рассмотрения вопросов отношения человека к среде, которая может быть представлена в трёх формах: 1) реальная картина мира – объективная окружающая реальность; 2) концептуальная картина мира – преломление действительной картины через призму понятий, базирующихся на чувственных представлениях человека, прошедших через

его сознание; 3) языковая картина мира – отражение окружающего мира через культурную картину мира средствами языка [2].

Как известно, языковая картина мира выполняет две основные функции: интерпретативную, обеспечивающую видение мира, и регулятивную, служащую ориентиром человека в мире. Кроме того, она включает идентификацию явлений мира, экспликацию результатов категоризации явлений действительности, именованное предметов, признаков, явлений, событий и т. п., а также ориентацию в окружающем мире, социализацию и отнесение к определённой культуре, к определённому обществу [3]. В связи с этим выделяется специфический вид антропонимов – прозвища, которые, по мнению А.С. Щербак и А.А. Бурыкина, «представляют собой от-

крытый список, так как базируются на открытых для пополнения лексических ресурсах языка...» [4, с. 213]. Эти лексические ресурсы, наряду с другими, участвуют в формировании структурной модели языковой личности.

По мнению некоторых лингвистов, под языковой личностью понимается «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей», тогда как собственно речевая личность представляет собой набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками коммуникативной ситуации [5].

Языковая картина мира личности (в том числе коллективной) проявляется на всех уровнях языковой системы. «Составными частями картины мира являются слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» [6, с. 107].

В неформальном общении языковая личность применяет различную нейтральную и окрашенную лексику, поскольку такие ситуации общения не имеют строгой регламентированности. Одним из проявлений фамильярности, эстетической оценки, недопустимой в официальной коммуникации, являются прозвища. Следует отметить, что они являются социальным маркером, ономастическим знаком и играют важную роль в социализации личности в коллективе [7]. Прозвищами активно пользуются представители силовых структур во внеслужебное время, поскольку, согласно п. 67 Устава ВС РФ, «Искажение воинских званий, употребление нецензурных слов, кличек и прозвищ, грубость и фамильярное обращение несовместимы с понятием воинской чести и достоинством военнослужащего» [8].

Как и все имена собственные, прозвища содержат разнообразные сведения, в числе которых выделяется и эстетический компонент, по-разному воспринимаемый как самим носителем, так и его окружением.

Следует отметить, что в социально-психологическом плане прозвища могут служить специфическим средством эпатажа, поскольку их бытование наиболее активно в неформальной коммуникации представителей закрытых социумов. Прозвища выступают важным со-

циально-эстетическим явлением, и эстетический план проявляют оппозиции: «хорошо – плохо», «прекрасно – безобразно», «возвышенно – низменно», «трагично – комично», «поэтичное – прозаично» и т. п.

Наделение эстетичностью прозвищ обусловлено, прежде всего, фактором адресата, который участвует в наречении субъекта и избирательно ориентирует лексические единицы, которые поддерживаются всем социально однородным коллективом и во многом зависят от характера социальной среды временно характера (такова среда военнослужащего).

Эстетическое имеет несколько трактовок в качестве самостоятельной категории. Так, А.Г. Баумгартен понимал его как чувственное познание, А.В. Лосев – как выразительное бытие, Л.С. Столович – как ценностное отношение к тому, что в окружающем мире выражает чувства, М.С. Каган – как форму ценностного сознания, К.З. Аюбян – как родовое понятие для определённого класса ценностей, которое отличается способностью эмоционального воздействия на субъекта, вызывая у него определённую реакцию. Речь идёт о таких эстетических качествах, как симпатия, антипатия, фантазия, креатив и других, отражающихся в оценочной номинации прозвищ.

Оценка является важнейшим когнитивным компонентом и завершает процесс познания новой реалии и включение её в сферу жизненных интересов человека. Согласно формуле Е.М. Вольфа, главными элементами оценочной модальности являются «её субъект и объект, связанные оценочным предикатом, где субъектом оценки является лицо или социум, дающий оценку, а объект оценки – лицо, предмет или ситуация, к которой относится оценка [9].

Оценка представляет собой ценностную, функциональную характеристику объекта с точки зрения его значимости для человека. Эта способность отражается в практической деятельности людей, в их языковом сознании и коммуникативном поведении.

Эстетическая оценка указывает на отклонение от нормы. Наиболее наглядно оценка проявляется в бинарных оппозициях «хорошо – плохо», «позитив – негатив», «прекрасно – безобразно». Положительное отно-

шение к окружающему миру проявляется в виде восторга, наслаждения от воспринятого, радости и т. п. Зачастую безобразное, нуждаясь в коррекции, описывается субъектом в насмешливой форме, что подразумевает ироническое эмоционально-ценностное отношение, воплощённое в вербальной форме.

По мнению В.И. Супруна, ономастическая лексика обладает высоким художественно-эстетическим потенциалом, разнообразием коммуникативно-выразительных возможностей имён собственных, в частности – антропонимов [10, с. 1-3]. Прозвища обладают ярко выраженной метафорической семантикой.

В военном социуме в неформальном общении прозвища выступают как армейский подъязык, отражая поведенческие особенности военнослужащих. Представители военного коллектива проявляют повышенную внимательность к объектам окружающей действительности, метафорически характеризуют сослуживцев по разным критериям: особенности ФИО, манеры поведения, какие-то видимые внешние проявления, особенности жизненных обстоятельств и другие характеристики, в целом отражающие эстетический потенциал прозвищ российских военнослужащих.

В анонимных анкетах, заполненных российскими военнослужащими различных возрастных групп, были поставлены вопросы: «Есть ли у вас прозвище?», «Нравится ли вам ваше прозвище?».

Вопросы были нацелены на выявление мотивации именованного в соотношении с эмоциональной установкой носителя. Дополнительная информация, конкретизирующая чувства, возникающие у носителя по отношению к прозвищу, была получена в процессе интервьюирования.

Рассмотрим наиболее яркие примеры прозвищ, содержащих эстетическую оценку:

«ХОРОШО – ПЛОХО»,

«ПОЗИТИВ – НЕГАТИВ»,

«ПРЕКРАСНО – БЕЗОБРАЗНО».

К числу прозвищ, отражающих семантику положительных эмоций, можно отнести такие, как *Годный*, *Зима*, *Легенда*, *Русяй*. Все они, согласно комментариям носителей, вызывают только положительные эмоции, в результате чего отношение в анкете оценивается как «хорошее». Так, отфамильное прозвище *Годный* вызывает у курсанта Годянов-

ского ассоциации с чем-то «соответствующим критериям, оптимальным». Мысли о «прекрасном и чистом» возникают у военнослужащего Зималина, носителя прозвища *Зима*. Курсант, показывающий большие успехи в спорте, получил прозвище *Легенда*, которое у него ассоциируется с такими понятиями, как слава и память. Патриотичное прозвище *Русяй*, образованное от фамилии Русяев, напоминает носителю и другим военнослужащим, использующим в коммуникации это прозвище, «о русском народе и России».

Напротив, «безобразными» носители считают такие прозвища, как: *Сафон*, *Тощий*, *Шарик*, *Шурик*. Прозвище *Сафон*, образованное от фамилии Сафонов, созвучно жаргонному апеллятиву *сифон*, обозначающему венерическое заболевание сифилис. В прозвище *Тощий* содержится ассоциация с болезненностью и реальными физическими способностями носителя-атлета. Отфамильные прозвища *Шарик* (Шаров) и *Шурик* (Александров) являются для носителей слишком фамильярными. Прозвище *Шарик* прочно закрепилось в восприятии как стереотипная кличка собаки.

Поскольку юмор как средство эмоциональной разрядки играет важную роль в военном социуме, то среди прозвищ военнослужащих отмечается частотность прозвищ, содержащих «комическую» оценку, например, отфамильное прозвище *Пони* (Поникаров) ассоциируется с милым низкорослым копытным животным, однако оно не соответствует высокому спортсмену крепкого телосложения. В отличие от «безобразных», «комические» прозвища вызывают положительное отношение у носителя, в данном случае военнослужащий описывает его как «отличное». Фамилию курсанта Салосятова офицер прочитал неправильно, в результате чего образовалось прозвище *Сысолятов* – неблагозвучное, но вызывающее абсолютно у всех участников коммуникации приятные воспоминания об исходной ситуации.

К «героическим» прозвищам отнесём такие, как *Богатырь*, *Калаш*, *Матросов*, *Супермен*. Курсант Богатырёв носит отфамильное прозвище *Богатырь*, которое ассоциируется с древнерусским могучим воином-защитником. Другой военнослужащий имеет прозвище *Супермен*, так как помогает, выру-

чает сослуживцев даже в самых безвыходных ситуациях. За героический характер курсант Мартосов получил прозвище *Матросов*, которое имеет двоякое понимание, поскольку оно не только отражает деятельность военнослужащего, но и созвучно фамилии.

Одним из символов русской армии стал автомат Калашникова, поэтому военнослужащий – однофамилец великого советского оружейника получил прозвище *Калаш*, что «навязывает» ему героическую характеристику, так как сам носитель, как он поясняет в комментарии анкеты, «пока никак не проявил себя в экстраординарных ситуациях».

Таким образом, картина мира лежит в основе восприятия субъектом (человеком или социумом) мира и является основой самосознания (индивидуального или коллективного). Концептуальная картина мира включает в себя понятийную составляющую отражающего субъекта, в ней взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное. Язык же выполняет познавательную функцию.

В процессе вербальной коммуникации языковая личность демонстрирует национально-культурную специфику представителя социума и национально-культурную специфику самой ситуации общения.

В неформальную коммуникацию вовлекаются единицы из различных пластов национального языка (литературная, разговорная, жаргонная лексика).

В среде военнослужащих одинаковых прозвищ не возникает, даже в случае одина-

ковой мотивировки (высокий рост – *Длинный*, цвет волос – *Рыжий*).

Наиболее частотными прозвищами являются те, семантику которых отражают понятия «прекрасное», «комическое» и «героическое», поскольку военнослужащие в процессе наблюдения друг за другом выделяют черты, наилучшим образом характеризующие личность и закрепляют её в неформальном антропониме. Носители таких прозвищ удовлетворены, так как испытывают по отношению к ним положительные эмоции. Большинство этих прозвищ является ассоциативными, причём эмоционально-логические ассоциации у имядателей возникают чаще всего по особенностям фамилий и характеру действий называемого товарища.

Следует отметить, что личное отношение военнослужащих к прозвищам, содержащим негативный компонент оценки, делает «безобразные» прозвища наименее приемлемыми в армейской коммуникации: носители огорчаются.

С другой стороны, человек, стремящийся от «безобразного» к «прекрасному», прикладывает максимум усилий к контролю своих нежелательных эмоций, поступков, физических параметров, старается управлять собой, уменьшая область «безобразного» в своей жизни. Иронические прозвища способствуют самоопределению и самосовершенствованию человека, поэтому можно констатировать моделирующую эстетическую функцию прозвищ.

Список литературы

1. *Кубрякова Е.С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. Вып. 2. С. 67-75.
2. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
3. *Гончарова Н.Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396-405.
4. *Щербак А.С., Бурыкин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. № 9 (77). С. 213-217.
5. *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.
6. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука, 1988. 244 с.
7. *Родина Н.А.* Современные детские и молодёжные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 24 с.
8. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации / под ред. Д. Волковой. М.: Феникс, 2018. 253 с.

9. Белогривцева Н.И. Эстетическая оценка как фрагмент лингвокультурной картины мира (на материале лексики английского, французского, испанского языков XII–XV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2019. 21 с.
10. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 43 с.

References

1. Kubryakova E.S. O sovremennom ponimaniі termina «kontsept» v lingvistike i kul'turologii [On the modern understanding of the term “concept” in linguistics and cultural studies]. *Mezhdunarodnyy mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Real'nost', yazyk i soznaniye»* [International Interuniversity Collection of Scientific Works “Reality, Language and Consciousness”]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ, 2003, issue 2, pp. 67-75. (In Russian).
2. Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, TetraSistems Publ., 2008, 272 p. (In Russian).
3. Goncharova N.N. Yazykovaya kartina mira kak ob'yekt lingvisticheskogo opisaniya [Linguistic picture of the world as an object of linguistic description]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Izvestiya Tula State University*, 2012, no. 2, pp. 396-405. (In Russian).
4. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvizhch ot lichnogo imeni [To a problem of revealing of distinctive features of nicknames from a personal name]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, Tambov, 2009, no. 9 (77), pp. 213-217. (In Russian).
5. Klobukova L.P. Fenomen yazykovoy lichnosti v svete lingvodidaktiki [The phenomenon of linguistic personality in the light of linguodidactics]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, 1997, issue 1, pp. 25-31. (In Russian).
6. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshleniye* [The role of the human factor in language: Language and thinking]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 244 p. (In Russian).
7. Rodina N.A. *Sovremennyye detskiye i molodezhnyye prozvizhcha: strukturno-semanticheskyy i funktsional'no-dinamicheskyy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern Children's and Youth Nicknames: Structural-Semantic and Functional-Dynamic Aspects. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kaliningrad, 2014, 24 p. (In Russian).
8. Volkova D. (ed.). *Ustav vnutrenney sluzhby Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow, Phoenix Publ., 2018, 253 p. (In Russian).
9. Belogrivtseva N.I. *Esteticheskaya otsenka kak fragment lingvokul'tur-noy kartiny mira (na materiale leksiki angliyskogo, frantsuzskogo, ispanskogo yazykov XII–XV vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Aesthetic Assessment as a Fragment of the Linguocultural Picture of the World (based on the Vocabulary of English, French, Spanish Languages of the 12th–15th Centuries). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2019, 21 p. (In Russian).
10. Suprun V.I. *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskyye potentsial: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2000, 43 p. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, г. Москва, Российская Федерация, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Вклад в статью: концепция исследования, набор первичного материала, поиск и анализ литературы, сбор данных, анализ полученных результатов, обработка результатов исследования, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021
Одобрена после рецензирования 24.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russian Federation, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Contribution: study conception, source material acquisition, literature search and analysis, data acquisition, obtained results analysis, study results processing, manuscript drafting and design.

The article was submitted 17.07.2021
Approved after reviewing 24.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1(Платонов А.П.)
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617

Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы»)

Надежда Борисовна БУГАКОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
✉ ya_witch@mail.ru

Аннотация. Проанализированы особенности функционирования ономастических единиц, являющихся культурно-ономастическими константами, в повести А. Платонова «Епифанские шлюзы». Обосновано особое внимание, которое привлекает специфика введения автором ономастических единиц разных разрядов. Показано, что имя собственное – это особый художественный элемент, не существующий в тексте самостоятельно и всегда взаимосвязанный с другими элементами текста, поскольку это необходимо автору для создания художественного образа. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической единицы. Выявлены особенности функционирования онимной лексики в качестве идентификатора хронотопа в повести А. Платонова «Епифанские шлюзы». Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда неслучайно, подобный выбор всегда обусловлен непосредственно ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. Анализ употребления автором гидронимов как ономастических единиц в качестве маркёров хронотопа в повести «Епифанские шлюзы» дал следующие результаты: при помощи гидронимов, обозначающих названия рек и морей, А. Платонов вербализует масштабность описываемого пространства, подчёркивает его безграничность; вводя в текст гидроним *Иван-озеро*, автор вербализует хронотоп бездны. Сделан вывод, что пространство как категория в картине мира А. Платонова занимает важное место.

Ключевые слова: гидроним, «Епифанские шлюзы», хронотоп, пространство, время

Для цитирования: Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 611-617. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Water as a linguocultural constant of A. Platonov's creativity: an onomastic aspect (based on the story "The Sluices of Epifany")

Nadezhda B. BUGAKOVA

Voronezh State Technical University
84 20 letiya Oktyabrya St., Voronezh 394026, Russian Federation
✉ ya_witch@mail.ru

Abstract. We analyze the features of onomastic units functioning, which are cultural-onomastic constants, in the A. Platonov's story "The Sluices of Epifany". We substantiate the special attention that is drawn to the specificity of the introduction by the author of onomastic units of different categories. We show that a proper name is a special artistic element that does not exist independently in the text and is always interconnected with other elements of the text, since it is necessary for the author to create an artistic image. An interaction analysis of all these systems makes it possible to more accurately understand the author's intention and the purpose of introducing one or another onomastic unit into the text. We reveal the features of onymic vocabulary functioning as an identifier of the chronotope in A. Platonov's story "The Sluices of Epifany". It is obvious that the introduction by the author of specific onomastic units into a work is always not accidental, such a choice is always caused directly by the author's associations related to a particular name. The analysis of the author's use of hydronyms as onomastic units as chronotope markers in the story "The Sluices of Epifany" gives the following results: by the means of hydronyms denoting the names of rivers and seas, A. Platonov verbalizes the scale of the described space, emphasizes its limitlessness; introducing the hydronym Ivan-lake into the text, the author verbalizes the chronotope of abyss. We conclude that space as a category in A. Platonov's picture of the world occupies an important place.

Keywords: hydronym, "The Sluices of Epifany", chronotope, space, time

For citation: Bugakova N.B. Voda kak lingvokul'turnaya konstanta tvorchestva A. Platonova: onomasticheskiy aspekt (na materiale povesti «Epifanskiye shlyuzy») [Water as a linguocultural constant of A. Platonov's creativity: an onomastic aspect (based on the story "The Sluices of Epifany")]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 611-617. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Епифанские шлюзы» – повесть А. Платонова, основанная на историческом материале, содержащая обращения к эпохе Петра I, поскольку именно в этот период в России происходили значимые преобразования. Речь в рассматриваемом произведении идёт о строительстве канала, который соединил бы, по проекту Петра I, реки Дон и Оку; подобное сооружение должно было способствовать улучшению функционирования российского флота, включить Россию в пространство западной цивилизации. В письме от 5–6 января 1927 г. А. Платонов, находясь в командировке в г. Тамбов, о работе по соз-

данию повести «Епифанские шлюзы» своей жене, М.А. Платоновой, пишет так: «...меня ждёт работа о волго-донском канале Петра. Очень мало (совсем нет) исторического материала» [1, с. 194]. А в письме от 8–9 января 1927 г. появляется первая конкретная информация по созданию «Епифанских шлюзов»: «Пишу последнюю вещь для сборника рассказов – «Епифанские шлюзы» – из времён Петра I. Через неделю, наверное, кончу» [1, с. 197].

Это произведение, на наш взгляд, построено на сочетании исторического, документального опыта и личного опыта писате-

ля по обустройству мелиоративных мероприятий, накопленного писателем во время работы в Тамбове, когда А. Платонов начинает понимать, что теория и практика, мечты и реальность не всегда совпадают. Английский инженер Бертран Перри приезжает в Санкт-Петербург по приглашению своего брата, который на тот момент уже работает в России, воплощая проекты Петра I, оправдывая его ожидания; здесь иностранцам платят большие деньги, этим и соблазняется Бертран, собираясь проработать несколько лет в России и вернуться в любимую Англию обеспеченным человеком, в надежде спокойно прожить жизнь с любимой девушкой Мери. Но буквально с первых страниц повести начинает реализовываться платоновская концепция о расхождении теории и практики: не успев ещё выехать к месту строительства шлюзов, Бертран получает письмо, в котором Мери сообщает о том, что вышла замуж. С этого момента всё пребывание Бертрана Перри на территории России омрачено мыслями о предавшей его невесте. Все повествование построено на противопоставлении желаемого действительному, и апогеем выступает тот факт, что строительство шлюзов, столь важная часть в проекте канала между Волгой и Окой, не удалось отчасти по причине того, что не были учтены некоторые климатические особенности – засуха, столь характерная для тех мест, отчасти из-за того, что «народ не шёл на работы» [1, с. 204]. Не оправдав надежды Петра, Бертран погибает. Царь приказывает его казнить, и в письме от 25 января 1927 г. А. Платонов жене М.А. Платоновой пишет об этом так: «Пётр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач – гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно» [1, с. 203].

А. Платонов большое внимание уделял языку своих произведений, что и подчёркивал неоднократно, отправляя рукописи жене, которая занималась работой с издательствами. «Епифанские шлюзы» – текст, языку которого автор уделяет особое внимание: «Вот – «Епифанские шлюзы». Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью – тягучим слогом. Это может многим не понравиться» [1, с. 204]. Несмотря на опасения, что текст не будет воспринят читателем именно из-за

сложности языка, которым написано произведение, А. Платонов подчёркивает важность для целостного восприятия произведения именно языка: «Посылаю «Епифанские шлюзы». ...передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость точного сохранения моего языка» [1, с. 213].

Целью статьи является рассмотрение особенностей функционирования в произведении А. Платонова «Епифанские шлюзы» ономастических единиц, являющихся культурно-ономастическими константами, выявление индивидуально-авторской специфики употребления онимной лексики для обозначения пространственно-временных отношений.

Ономастические единицы в творчестве А. Платонова являются необходимыми элементами создания художественного мира, что отмечается многими исследователями – Г.Ф. Ковалёвым, Н.В. Корниенко, Чыонг Тхи Фыонг Тхань [2–5]. Принято считать, что имя собственное – это «уникальный элемент художественного целого, без осознания значимости которого невозможно адекватное понимание текста» [6, с. 3]. Однако имя не существует в тексте самостоятельно: оно всегда взаимосвязано с другими элементами текста, поскольку это необходимо для создания художественного образа. Соответственно, исследовательский интерес учёных, занимающихся проблемами литературной ономастики, заключается прежде всего в поисках связей между онимом и текстом, в пространстве которого он функционирует. Известно, что «писатель подбирает либо конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения. Он знает характеры, занятия, душевные и физические данные персонажей. И в этой ситуации имя не может не войти в какие-то связи с уже известными свойствами персонажа и задачами произведения» [7, с. 11]. Эти связи могут оказаться многоплановыми и разнообразными, но они не всегда специально запланированы, осознанно введены автором. Имя в художественном произведении может сказать больше, чем задумал писатель [8, с. 36]. Анализ взаимодействия всех этих систем позволяет точнее понять замысел автора и цель введения в текст той или иной ономастической едини-

цы. Очевидно, что введение автором в произведение конкретных ономастических единиц всегда неслучайно, подобный выбор всегда обусловлен непосредственно ассоциациями автора, связанными с тем или иным именем. Имя может отражать автобиографическую информацию, историко-культурную, хронологическую и т. п. [6, с. 3]. Эта позиция, безусловно, находит подтверждение и у исследователей творчества А. Платонова. Так, например, самый авторитетный знаток биографии А. Платонова – Н.В. Корниенко – считает, что «...платоновский текст автобиографичен и точен в реалиях» [3, с. 11].

Судьба А. Платонова связана с Воронежем, где родился, жил и создавал свои произведения писатель. В связи с этим творчество А. Платонова тщательнейшим образом исследуется воронежскими учёными, в том числе и представителями Воронежской ономастической школы. Г.Ф. Ковалёв считает, что интерпретация названия напрямую влияет на понимание произведения [2, с. 328]. Хотелось бы отметить справедливость суждений Г.Ф. Ковалёва. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что название, заглавие произведения – это важнейший компонент композиции произведения, поскольку текст произведения должен представлять собой развернутое заглавие; идеальной считается ситуация, когда заглавие содержит в себе краткое изложение сюжета произведения, демонстрирует систему образов, авторское отношение к героям и пр. Название повести – «Елифанские шлюзы» – настраивает читателя на обращение к водной стихии, поскольку лексема *шлюз*, употреблённая в названии во множественном числе, обозначает, в соответствии с данными словарей, «сооружение на реке, канале для пропуска судов при разном уровне воды на пути их следования, состоящее из камеры с воротами» [9, с. 801]. Помимо отсылки к водной стихии, название повести содержит и непосредственное указание на пространство, в котором, очевидно, будут происходить основные события текста. Епифань – в современной России посёлок в Тульской области¹.

Согласно принятой в литературной ономастике терминологии, названия водоёмов

принято классифицировать как гидронимы; гидронимы являются одним из подвидов топонимов. В текст повести «Елифанские шлюзы» автор вводит большое количество гидронимов, что обусловлено, полагаем, тематикой анализируемого произведения. Рассмотрим случаи употребления таких гидронимов в тексте: «– Вот он, *Танаид!* – подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водную ход кораблям» [10, с. 131].

Танаид – древнегреческое название реки *Танаис*, известной ныне под названием Дон. Дон – это река, протекающая на территории Воронежской, Липецкой, Ростовской, Волгоградской и Тульской областей. Название *Танаис* эта река имела в период существования на ней греческого города Танаис около 2000 лет назад на территории около современного Таганрога. А. Платонов вводит в текст рассматриваемого произведения гидроним *Танаид*, заменяя согласную на конце слова, то есть употребляет гидроним намеренно неправильно. Полагаем, подобный приём призван продемонстрировать читателю, что приехавший из-за границы Бертран Перри изначально ошибочно понимает, что окружает его в России и что его здесь ждёт. Однако необходимо отметить, что Бертран Перри, приехавший из европейской страны, не будучи избалован большим количеством пространства, в России оказывается покорён в первую очередь теми просторами, той шириной, которая предстаёт перед его взором. Увиденная им территория, необъятная, масштабная, приводит его в трепет. Гидроним *Танаид* введён автором в текст для того, чтобы подчеркнуть безбрежность русского пространства, ограниченного лишь линией горизонта, в качестве которой и выступает река *Танаид*, обозначая собой также финал, конец: «Перри остановил экипаж и вышел. На дальнем горизонте, почти на небе, блестела серебряной фантазией живая полоса, как снег на горе» [10, с. 131]. Мы видим, что в данном случае реализована концепция вертикального устройства платоновского пространства, поскольку горизонт имеет окончание почти на небе.

Достаточно частотны обращения автора в тексте рассматриваемого произведения к

¹ Епифань. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.01.2021).

гидронимам *Дон*, *Ока*. Обусловлено это тем, что описываемое в «Епифанских шлюзах» историческое событие – это строительство канала между этими реками с целью их объединения, как уже отмечалось выше. Ситуации употребления онимов, обозначающих названия этих рек, указывают на то, что пространство в картине мира А. Платонова действительно безгранично, и автор обращает внимание на это: «Задание царя сводилось к тому, чтобы создать сплошной судовой ход меж Доном и Окою, а через то – всего придонского края с Москвою и волжскими провинциями» [10, с. 134]. Становится очевидно, что Дон – река, протекающая по территории Воронежской, Липецкой, Ростовской, Волгоградской и Тульской областей, и Ока (название которой возникло, как известно, от древнерусского слова «вода»), а «Словарь русских народных говоров» даёт следующие трактовки лексем *ока*: 1) всякая вода; 2) мера жидкости [11, с. 102]) – река, протекающая по территории Калужской, Московской, Орловской, Рязанской, Тульской и Нижегородской областей и являющаяся самым крупным притоком Волги, – олицетворяют масштабность территории России, масштабность пространства, окружающего приехавших на строительство канала иностранных инженеров, которые были приглашены не просто так, А. Платонов подчёркивает важность строительства канала: «Ведь канал меж Доном и Окой немалое дело, и тут потребно усердие большое и пущее знание» [10, с. 130]. Река для А. Платонова – это всегда важнейшая точка народного местобытия [12, с. 63], именно по этой причине гидронимам, называющим реки, в повести «Епифанские шлюзы» отводится ведущая роль.

Помимо названий рек, в тексте рассматриваемого произведения автором используются названия озёр, относимые также к гидронимам. Употребление таких имён собственных является менее частотным, то есть количество гидронимов, обозначающих название озёр, существенно меньше, чем количество гидронимов, обозначающих название рек. Нами был выявлен один гидроним, обозначающий название озера, но употребление его в тексте достаточно частотно. Обратимся к примерам из текста:

«На Иван-озере, на самом низком дне, он обнаружил бездонный колодезь-окно» [10, с. 142]. Очевидно, что гидроним *Иван-озеро* вводится автором в текст исследуемого произведения для того, чтобы подчеркнуть безграничность пространства: колодезь, обнаруженный на дне озера, не имеет границ; таким образом автор исследуемого произведения вербализует хронотоп бездны.

Встречаются также случаи употребления гидронимов, обозначающих названия морей: «Царь желает создать сплошной водный тракт меж Балтикой и Черным и Каспийским морем, дабы превозмочь обширные пространства континента в Индию, в Средиземные царства и в Еуропу» [10, с. 135]. Полагаем, что введение в текст подобных гидронимов преследует цель маркировать хронотоп пространства, акцентируя внимание на необъятности территорий: *Балтийское*, *Черное* и *Каспийское моря* в данном случае символизируют границы России. «Через оные работы крепко решено нами в сношение с древлеазийскими царствами сквозь Волгу и Каспий войти и весь свет с образованной Европой, поелику возможно, обручить» [10, с. 136]. Гидроним *Волга*, обозначающий великую русскую реку Волгу, впадающую, как известно, в Каспийское море, демонстрирует, что для А. Платонова Волга выступает своеобразным проводником между Европой и Азией, и призвана помочь в осуществлении просветительской миссии. *Каспий* – это территория, отграничивающая «образованную Европу» от «древлеазийских царств». Данные примеры демонстрируют нам важность категории пространства в мироконструировании А. Платонова.

Анализ употребления автором художественного текста ономастических единиц, являющихся культурно-ономастическими константами, чрезвычайно важен для понимания художественного замысла создаваемого произведения. Для А. Платонова пространство – основа миропорядка, в нём сочетается духовное и материальное. Анализ употребления автором гидронимов как ономастических единиц в качестве маркеров хронотопа в повести «Епифанские шлюзы» дал следующие результаты: при помощи гидронимов, обозначающих названия рек и морей, А. Платонов вербализует масштабность описываемого

пространства, подчёркивает его безграничность; вводя в текст гидроним *Иван-озеро*, автор вербализует хронотоп бездны. Опираясь на сказанное, можно сделать вывод, что

пространство, репрезентируемое гидронимами, является одной из основополагающих категорий в картине мира А. Платонова.

Список литературы

1. Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / под ред. Н. Корниенко, Е. Шубиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2019. 717 с.
2. Ковалёв Г.Ф. «Чевенгур» – к спорам о смысле названия // Ковалёв Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. 447 с.
3. Корниенко Н.В. Невозвращение Платонова // Литературная газета. 1999. № 35.
4. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. 164 с.
5. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и автобиографические произведения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 17 с.
6. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2020. 40 с.
7. Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика. Красноярск, 2009. 138 с.
8. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2003.
10. Платонов А. «Епифанские шлюзы» // Платонов А. Повести и рассказы. Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1969. С. 122-151.
11. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Сорокалетов, Ф.П. Филин. Л., 1965–2016. Вып. 23. Одале – Осесть.
12. Дырдин А.А. Хронотоп воды/реки в раннем творчестве А. Платонова // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 62-68.

References

1. Platonov A. «...ya prozhil zhizn'»: *Pis'ma. 1920–1950 gg.* [...I Have Lived My Life]: Letters. 1920–1950]. Moscow, AST Publ., 2019, 717 p. (In Russian).
2. Kovalev G.F. «Chevengur» – k sporam o smysle nazvaniya [“Chevengur” – to disputes about the meaning of the name]. In: Kovalev G.F. *Izbrannoye. Literaturnaya onomastika* [Favorites. Literary Onomastics]. Voronezh, 2014, 447 p. (In Russian).
3. Korniyenko N.V. Nevozvrashcheniye Platonova [Non-return of Platonov]. *Literaturnaya gazeta – Literary Newspaper*, 1999, no. 35. (In Russian).
4. Chyong Tkhi Fyong Tkhan. *Onomastika rannikh i avtobiograficheskikh proizvedeniy Andreya Platonova* [Onomastics of Andrey Platonov's Early and Autobiographical Works]. Voronezh, Nauka-Unipress Publ., 2019, 164 p. (In Russian).
5. Chyong Tkhi Fyong Tkhan. *Osobennosti onomastiki Andreya Platonova (ranniye i avtobiograficheskiye proizvedeniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of Andrey Platonov's Onomastics (Early and Autobiographical Works). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2019, 17 p. (In Russian).
6. Skuridina S.A. *Onomasticheskiy kod khudozhestvennykh tekstov F.M. Dostoyevskogo: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Onomastic Code of Literary Texts by F.M. Dostoevsky. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2020, 40 p. (In Russian).
7. Vasilyeva S.P., Voroshilova E.V. *Literaturnaya onomastika* [Literary Onomastics]. Krasnoyarsk, 2009, 138 p. (In Russian).
8. Karpenko Y.A. *Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature* [Proper name in fiction]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 1986, no. 4, pp. 34-40. (In Russian).
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. (In Russian).
10. Platonov A. «Epifanskiye shlyuzy» [“The Sluices of Epifany”]. In: Platonov A. *Povesti i rasskazy* [Novels and Stories]. Voronezh, Central Black Earth Book Publ., 1969, pp. 122-151. (In Russian).

11. Sorokaletov F.P., Filin F.P. (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, 1965–2016, issue 23, Odale – Oset. (In Russian).
12. Dyrdin A.A. Khronotop vody/reki v rannem tvorchestve A. Platonova [Water/river chronotope in early works of A. Platonov]. *Filologicheskiy klass – Philological Class*, 2016, no. 4 (46), pp. 62-68. (In Russian).

Информация об авторе

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ya_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, анализ художественного текста, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 25.05.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
08.07.2021
Принята к публикации 30.08.2021

Information about the author

Nadezhda B. Bugakova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ya_witch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Contribution: literature search and analysis, literary text analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 25.05.2021
Approved after reviewing and revision 08.07.2021
Accepted for publication 30.08.2021

Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка

Людмила Николаевна ВЕРХОВЫХ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1
✉ lverhovyh@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы методики преподавания русского родного языка, включённого в систему основного общего образования и имеющего важное значение для обучения школьников. Среди актуальных выделяются проблемы, связанные с осознанием важности курса русского родного языка как педагогами, так и школьниками не только для углубления знаний, но и для воспитания патриотизма, а также проблемы, обусловленные подготовкой педагогов и недостаточным обращением учителей к лингвокраеведческому материалу, отражающему основы национального языка и культуры. На основании анализа нормативно-правовых источников и научно-методической литературы обоснована возможность решения возникших проблем путём углубленного изучения студентами-филологами профильных дисциплин в рамках специалитета, а также с помощью применения в обучении русскому родному языку лингвокраеведческого подхода, способствующего изучению национальных основ русского языка, воспитанию патриотизма.

Ключевые слова: русский язык, русский родной язык, методика преподавания русского родного языка, лингвокраеведение, патриотизм

Для цитирования: *Верховых Л.Н.* Актуальные вопросы методики преподавания русского родного языка // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 618-625. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Current issues of teaching methods of Russian native language

Lyudmila N. VERKHOVYKH

Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation

✉ lverhovyh@mail.ru

Abstract. We consider the issues of teaching methods of Russian native language, which is included in the system of basic general education and is important for teaching school students. Among the current ones, there are issues associated with the awareness of the importance of the Russian native language course by both teachers and school students, not only for deepening knowledge, but also for fostering patriotism, as well as issues caused by the training of teachers and the insufficient appeal of teachers to linguo-regional material, reflecting the foundations of the national language and culture. Based on the analysis of regulatory sources and scientific and methodological literature, the work substantiates the possibility of solving the problems that have arisen by in-depth study of specialized disciplines by students-philologists within the framework of a specialty, as well as by using the linguistic-ethnographic approach in teaching Russian native language, contributing to the study of national foundations Russian language, education of patriotism.

Keywords: Russian language, Russian native language, teaching methods of Russian native language, linguo-regional studies, patriotism

For citation: Verkhoviykh L.N. Aktual'nyye voprosy metodiki prepodavaniya russkogo rodnogo yazyka [Current issues of teaching methods of Russian native language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 618-625. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-618-625> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Вопросы методики обучения русскому языку в настоящее время достаточно полно освещены в научно-методической литературе, и актуальные проблемы, связанные с реализацией требований ФГОС, активно решаются современными методистами, учителями-практиками.

Недавно введенный в школьную программу курс «Русский родной язык» поставил перед научным сообществом новые задачи – разработку методики преподавания названного выше курса, решение возникших проблем преподавания русского родного языка.

Целью данной работы и является рассмотрение актуальных вопросов методики русского родного языка и характеристика их возможных вариантов решения. Основным методом, используемым в работе, является описательный с элементами сравнительно-сопоставительного анализа.

Действующие образовательные стандарты предусматривают «реализацию права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России...»¹, «воспитание ценностного отношения к родному языку и родной литературе как хранителю культуры, включение в культурно-языковое поле своего народа»², при этом особое внимание уделя-

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 413 от 17.05.2012). URL: <http://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34bc16ce9baf6e0/#friends> (дата обращения: 25.01.2021).

² Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1897 от 17.12.2010 (в редакции приказа Минобрнауки России № 1577 от 31.12.2015). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=>

ется воспитанию патриотизма школьников: «любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции и др.»³.

Курс «Русский родной язык», реализуемый в основной общеобразовательной школе, безусловно, является важнейшей составляющей гуманитарного образования школьника и позволит решить поставленные образовательными документами задачи.

Авторитетные учёные, методисты среди вопросов, актуальных для преподавания родного русского языка, отмечают в том числе и следующие: решение задачи понимания «духа языка», «биения пульса языка»; использование образцов «живой речи»; недостаточное разъяснение значений слов через примеры, пословицы, загадки [1].

Представляется, что требуют внимательного изучения и другие моменты методики преподавания русского родного языка:

– на ментальном уровне:

1) чёткое понимание как педагогами, так и школьниками важности курса русского родного языка не только с целью углубления знаний по русскому языку, но и для формирования гражданской самоидентификации школьника, воспитания патриотизма;

2) осознание необходимости изучения данной дисциплины школьниками для более глубокого понимания русского языкового мира, национального языка и культуры, отражённой в нём, в том числе и региональной;

– на уровне практической реализации:

3) полное обеспечение учителей методической литературой к данному курсу;

4) подготовка будущих педагогов по вопросам методики преподавания русского родного языка на всех уровнях обучения (уровень среднеспециального образования, уровень высшего образования, последиplomное обучение – уровень повышения квалификации);

5) обращение учителей к лингвокраеведческому материалу, который и содержит

непосредственно русский родной, диалектный, народный язык, ведь «языковая картина мира, объективируемая говором, в большей степени проявляет русскую ментальность как самобытный синтез многовекового опыта народа» [2, с. 11].

Указанные выше и иные актуальные вопросы преподавания курса русского родного языка в некоторой степени коррелируют с теми или иными особенностями преподавания учебных дисциплин в педагогических вузах и университетах, имеющих педагогические направления подготовки.

Эффективным способом решения проблем преподавания русского языка и русского родного языка является, на наш взгляд, обращение к углубленному изучению студентами-филологами профильных дисциплин.

В вузовской практике преподавания в условиях реализации бакалавриата (особенно при реализации двух профилей) на изучение специальных дисциплин выделяется сравнительно мало часов (зачётных единиц)⁴. Предусматривается значительное число практик по программам прикладного бакалавриата, а на подробное изучение специальных предметов в учебном плане уделяется недостаточное количество часов: так, сократились часы на изучение истории русского языка (исторической грамматики), русской диалектологии, старославянского языка (в отдельных вузах студенты-филологи его сейчас не изучают), истории русского литературного языка, филологического и лингвистического анализов текста. Здесь мы не указываем даже лингвокраеведение, которое было включено в образовательные программы классического вузовского преподавания в виде курсов по выбору.

Отсюда и часть проблем преподавания курса «Русский родной язык», основой которого является изучение глубинной сущности русского языка (системного устройства, отражающего национальную самобытность русского языка), ведь все дисциплины бака-

[doc&base=LAW&n=193504&dst=100000001%2C0#0275374547931337](http://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/#friends) (дата обращения: 17.01.2021).

³ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 413 от 17.05.2012). URL: <http://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/#friends> (дата обращения: 25.01.2021).

⁴ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).

лавриата, поддерживающие в вузах курсы русского языка, и в том числе русского родного языка, значительно сокращены по часам по сравнению с учебными программами классического специалитета.

Выход видится в изменении системы подготовки обучающихся, то есть во введении специалитета в педагогическое образование. Ранее мы указывали на необходимость возврата к специалитету при решении проблемы подготовки компетентного выпускника, востребованного на рынке труда [3]. Специалитет даст возможность студентам-филологам углубленно изучить профильные дисциплины на аудиторных занятиях, поскольку те часы, которые предусмотрены рабочими программами, в значительной степени предполагают самостоятельное изучение материала (особенно студентами заочной формы обучения), кроме того, будет возможность включать в образовательные программы и специальные, углубляющие основной курс современного русского литературного языка, дисциплины по лингвокраеведению, региональной ономастике, региональным особенностям языка.

Теоретическое и методическое обоснование вузовских курсов по региональной лингвистике, лингвокраеведению, региональной ономастике в конце XX – начале XXI века является достаточно полным (см. работы М.Ю. Беляевой, Р.Ф. Богачёвой, В.Д. Бондалетова, Е.В. Брысиной, А.В. Войтенко, А.Ф. Войтенко, Т.В. Карасёвой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалёва, Л.К. Лыжовой, В.И. Супруна, И.А. Салтановой, Т.В. Майоровой, А.П. Моисеева, Т.Ф. Новиковой, С.В. Пискуновой, И.В. Поповичевой, А.С. Щербак, Е.Н. Поляковой, С.А. Попова, А.В. Текучева, В.Ф. Филатовой, А.Д. Черенковой, Т.В. Шмелевой, М.Р. Шумариной и др.).

Актуализированные цели изучения курса «Русский родной язык» состоят из основных компонентов, которые условно можно представить следующими блоками:

1) осознание гражданской идентичности, воспитание патриотизма и гражданской позиции через формирование осознанного интереса, уважения и любви к русскому языку и языкам народов России;

2) работа над совершенствованием культуры устной и письменной речи;

3) углубление знаний относительно структуры и системности языка, его национальной специфики;

4) совершенствование аналитических умений и навыков, связанных с анализом и классификацией языковых явлений, а также умений, связанных с преобразованием информации;

5) развитие проектно-исследовательского типа мышления⁵.

Обобщённая цель курсов лингвокраеведения в школе и вузе – воспитание у обучающихся патриотизма, любви и уважения к русскому языку и русской культуре, а также к языкам и культурам народов Российской Федерации через изучение родного слова, языка своего края (зачастую имеющего многонациональный состав) в соотношении с духовной культурой, литературой и историей региона. Указанная цель коррелирует с задачами изучения курса «Русский родной язык», и применение лингвокраеведения может стать одним из способов решения актуальных вопросов методики преподавания русского родного языка.

Л.А. Климкова отмечает, что «лингвокраеведение – одно из направлений патриотического воспитания молодежи, любви к своей отчизне, малой Родине, как к частице Родины в целом. Эта работа приобретает особую значимость в наше время – время глобализации, а в связи с этим – ослабления национальной идентичности» [4, с. 457].

Лингвокраеведческий материал вполне корректно укладывается в систему преподавания русского родного языка, задания по лингвистическому краеведению могут оказать существенную помощь учителю в наполнении дидактическим материалом разделов курса, например, раздела «Русский язык и культура» / «Язык и культура». Также лингвокраеведческий материал мог бы включаться в качестве дополнительного и в разделы «Культура речи», «Речь. Текст» / «Речь. Речевая деятельность. Текст», а сами задания

⁵ См.: Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования // Реестр примерных основных общеобразовательных программ. URL: <https://fgosreestr.ru/reestr/primernaya-rabochaya-programma-po-uchebnomu-predmetu-russkij-rodnoj-yazyk-dlya-obshheobrazovatelnyh-organizatsij-5-9-klassov/> (дата обращения: 15.03.2021).

по лингвистическому краеведению дают хорошие возможности реализовать комплекс интерактивных технологий. Кроме того, лингвокраеведение является плодотворной основой интеграции образовательных дисциплин (см.: [5]), что актуально для объединения образовательных областей «Русский родной язык» и «Родная русская литература», курса «Русская словесность».

На уроках, посвящённых изучению русского родного языка, лингвокраеведческий материал может использоваться в качестве учебного и в качестве дидактического. Разнообразные способы применения лингвокраеведческого материала предлагаются, например, в учебном пособии «Лингвокраеведение», разработанном учёными Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина [6].

Прокомментируем возможности использования лингвокраеведческого материала на уроках русского языка в 5–6 классах с опорой на предлагаемые нами методические материалы (см.: [7]).

При изучении блока «Язык и культура» учебный материал может быть прокомментирован с помощью дополнительных лингвокраеведческих сведений. Приведём лишь отдельные примеры такого комментирования. Тема «Язык – волшебное зеркало мира и национальной культуры» может быть рассмотрена с приведением примеров русских личных имён собственных, с комментарием их происхождения, возможно также приведение примеров антропонимов и топонимов региона, имеющих славянское и неславянское происхождение (обычно в регионе, взаимодействуя, сосуществуют разные системы имён, системы топонимов).

Тема «История в слове: наименования предметов традиционной русской одежды» может быть изучена с приведением примеров слов-названий традиционной народной одежды в регионе, учитель может организовать и экскурсию (реальную или виртуальную) в местный краеведческий музей, где есть образцы народной одежды. Подобным образом может изучаться и тема «История в слове: наименования предметов традиционного русского быта» – плодотворной работой было бы изучение слов-названий традиционного народного быта в регионе (в сопоставле-

нии с литературными лексемами, а не противопоставлении! (см.: [8, с. 233])). На этом уроке также возможно посещение местного краеведческого музея.

Тема «Живое слово русского фольклора», безусловно, может и должна изучаться в том числе и на богатом региональном материале (сказки, топонимические легенды, поговорки и др.). Кроме анализа образных языковых средств в произведении того или иного фольклорного жанра, школьнику можно предложить задание подумать, какое значение имеют местные слова (диалектизмы), употребленные в текстах, а также почему герои русских народных сказок носят такие имена, что обозначают эти именованья, с какой целью употреблены именно такие имена. Кроме того, учащимся может быть предложено и задание подготовить иллюстрацию к одной из сказок, назвать эту иллюстрацию. Попутно (при изучении разных тем) учитель работает комплексно над различными видами разбора слов.

Тема «О чём могут рассказать имена людей и названия городов» в полной мере может быть раскрыта на примере изучения имён в семье, школьном коллективе, названий городов как в родном регионе, так и в Российской Федерации. Варианты творческих заданий при изучении данной темы следующие: написание сочинений об именах в семье школьника, выполнение школьниками индивидуальных учебных исследовательских проектов (мини-проектов), посвящённых именам людей и названиям городов. Возможности изучения школьниками антропонимов и топонимов, в том числе и литературных, подробно описываются Г.Ф. Ковалёвым [9; 10].

Особым видом групповых проектных заданий могут быть интегрированные исследовательские проекты, основанные на умениях школьников использовать междисциплинарные знания, умения и навыки: это проекты «Литературно-антропонимическая карта Воронежского края» (создание карты Воронежского края, на которую будут нанесены фамилии всех поэтов / поэтов и писателей края с краткой информацией о личности и творчестве поэта или писателя), «Электронный справочник «Фамилии в моём классе», «Электронная энциклопедия «Улицы моего

города», «Электронная энциклопедия «Названия городов моего края», «Электронная энциклопедия «Названия рек моего края». Данные проекты выполняются на стыке русского языка, русского родного языка, родной литературы, краеведения, истории, информатики.

Задания по лингвистическому краеведению являются плодотворной почвой для формирования гармоничной личности школьника, любящего свой край, родной язык, уважающего историю, литературу и культуру своей родины, ценности многонационального российского общества. Обладая высоким познавательным потенциалом и глубоким национально-культурным содержанием, лингвокраеведческий материал по-

могает решать не только образовательные, но и воспитательные задачи (см.: [11–14]).

В данном исследовании нами были предложены лишь некоторые способы решения отдельных вопросов методики преподавания русского родного языка, важнейшими из них считаем осознанное изучение школьниками курса русского родного языка, углубленное изучение филологических дисциплин в педагогических вузах в рамках специалитета, активное использование учителями лингвокраеведческого материала в обучении. Вопросы методики преподавания русского родного языка требуют дальнейшего изучения и анализа возможных способов совершенствования процесса обучения.

Список литературы

1. *Добротина И.Н.* Преподавание курса «Русский родной язык»: вопросы и решения («Круглый стол «Русский язык как родной: проблемы содержания и методики преподавания») // Языковое бытие человека и этноса: 17 Междунар. Березинские чтения. М.: МГЛУ, 2020. URL: <https://www.riash.ru/jour/announcement/view/31> (дата обращения: 17.01.2021)
2. *Щербак А.С.* Семантика ономастики с диалектной основой (на материале Тамбовской области) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 10. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 10-15.
3. *Верховых Л.Н.* О необходимости введения специалитета в педагогическое образование // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Борисоглеб. ф-ла ФГБОУ ВО «ВГУ». М.: Изд-во «Перо», 2020. С. 484-487.
4. *Климкова Л.А.* Лингвокраеведение: объём, содержание, значимость // Русское слово и костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 457-465.
5. *Ковалёв Г.Ф.* Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности // Русский язык в школе. 2017. № 12. С. 22-28.
6. Лингвокраеведение: учеб. пособие для 8–9 кл. общеобразоват. учреждений / авт.-сост.: С.В. Пискунова (отв. ред.), И.В. Поповичева, А.С. Щербак, Л.С. Моисеева, М.И. Иванова, В.В. Губарева, Т.В. Махрачёва. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2005. 187 с.
7. *Верховых Л.Н.* Лингвокраеведение в школе. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. 255 с.
8. *Ковалёв Г.Ф.* Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2014. 440 с.
9. *Ковалёв Г.Ф.* Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Изд.-полиграф. центр «Научная книга», 2014. 447 с.
10. *Ковалёв Г.Ф.* Ономастическое комментирование на уроках русской словесности. Учебное пособие для учителя русского языка и литературы. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. 214 с.
11. *Щербак А.С.* Лингвокраеведение: учебно-методическое пособие для бакалавров и магистрантов по направлению «Филология», профиль «Отечественная филология» (русский язык и литература) и для иностранных студентов-филологов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. 64 с.
12. Лингвокраеведение в средней школе: учеб. пособие для 8–9 классов общеобразовательных учреждений / авт.-сост.: С.В. Пискунова, А.С. Щербак, И.В. Поповичева, Л.С. Моисеева, В.В. Губарева, М.И. Иванова, Т.В. Махрачева. № 8572 от 26.09.2006 г., номер государственной регистрации 0320601276.
13. *Щербак А.С.* Ономастика и краеведение // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 183-200.

14. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. 285 с.

References

1. Dobrotina I.N. Prepodavaniye kursa «Russkiy rodnoy yazyk»: voprosy i resheniya («Kruglyy stol» «Russkiy yazyk kak rodnoy: problemy sodержaniya i metodiki prepodavaniya») [“Teaching the course” “Russian native language”: questions and solutions (Round table “Russian as a native language: problems of content and teaching methods”)]. *17 Mezhdunarodnyye Berezinskiye chteniya «Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa»* [17 International Berezinsky Readings “Linguistic Being of Man and Ethnos”]. Moscow, MSLU Publ., 2020. (In Russian). Available at: <https://www.riash.ru/jour/announcement/viyew/31> (accessed 17.01.2021).
2. Shcherbak A.S. Semantika onomaleksemey s dialektnoy osnovoy (na materiale Tambovskoy oblasti) [Semantics of onomalexeme with dialect basis (on the material of the Tambov area)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, 2005, no. 10, vol. 1, humanities, pp. 10-15. (In Russian).
3. Verkhovyykh L.N. O neobkhodimosti vvedeniya spetsialiteta v pedagogicheskoye obrazovaniye [On the need to introduce a specialty into teacher education]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Borisoglebskogo filiala FGBOU VO «VGU» «Epistemologicheskiye osnovaniya sovremennogo obrazovaniya: aktual'nyye voprosy prodvizheniya fundamental'nogo znaniya v uchebnyy protsess»* [Proceedings of the International Scientific and Practice Conference of the Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University “Epistemological Foundations of Modern Education: Topical Issues of Promoting Fundamental Knowledge in the Educational Process”]. Moscow, “Pero” Publ., 2020, pp. 484-487. (In Russian).
4. Klimkova L.A. Lingvokrayevedeniye: ob'yem, sodержaniye, znachimost' [Linguistics: volume, content, significance]. *Russkoye slovo i kostromskoy kray: sbornik statey* [The Russian Word and the Kostroma Region: Collection of Works]. St. Petersburg, Nestor History Publ., 2013, pp. 457-465. (In Russian).
5. Kovalev G.F. Izucheniye onomastiki v shkole kak mezhpredmetnaya integratsiya na urokakh russkoy slovesnosti [The study of onomastics at school as an interdisciplinary integration in the lessons of Russian literature]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2017, no. 12, pp. 22-28. (In Russian).
6. Piskunova S.V. (otv. red.), Popovicheva I.V., Shcherbak A.S., Moiseyeva L.S., Ivanova M.I., Gubareva V.V., Makhracheva T.V. (authors-compilers). *Lingvokrayevedeniye: uchebnoye posobiye dlya 8–9 kl. obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Lingo-Regional Studies: Textbook for 8–9 Grades Educational Institutions]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2005, 187 p. (In Russian).
7. Verkhovyykh L.N. *Lingvokrayevedeniye v shkole* [Lingo-Regional Studies at School]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2017, 255 p. (In Russian).
8. Kovalev G.F. *Izbrannoye. Etnonimika. Voronezhskoye lingvokrayevedeniye. Raznoye* [Favorites. Ethnonymy. Voronezh Lingo-Regional Studies. Miscellanea]. Voronezh, Scientific Book Publishing House, 2014, 440 p. (In Russian).
9. Kovalev G.F. *Izbrannoye. Literaturnaya onomastika* [Favorites. Literary Onomastics]. Voronezh, Scientific Book Publishing House, 2014, 447 p. (In Russian).
10. Kovalev G.F. *Onomasticheskoye kommentirovaniye na urokakh russkoy slovesnosti. Uchebnoye posobiye dlya uchitelya russkogo yazyka i literatury* [Onomastic Commenting at the Lessons of Russian Literature. Textbook for the Teacher of the Russian Language and Literature]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2005, 214 p. (In Russian).
11. Shcherbak A.S. *Lingvokrayevedeniye: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya bakalavrov i magistrantov po napravleniyu «Filologiya», profil' «Otechestvennaya filologiya» (russkiy yazyk i literatura) i dlya inostrannykh studentov-filologov* [Linguistics: a Teaching Aid for Bachelors and Undergraduates in the Direction of “Philology”, Profile “Domestic Philology” (Russian Language and Literature)” and for Foreign Students-Philologists]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2011, 64 p. (In Russian).
12. Piskunova S.V., Shcherbak A.S., Popovicheva I.V., Moiseyeva L.S., Gubareva V.V., Ivanova M.I., Makhracheva T.V. (auth.-compilers). *Lingvokrayevedeniye v sredney shkole: ucheb. posobiye dlya 8–9 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Linguistics in Secondary School: Textbook. Manual For Grades 8–9 of Educational Institutions]. No. 8572 dated September 26, 2006, state registration number 0320601276. (In Russian).
13. Shcherbak A.S. Onomastika i krayevedeniye [Onomastics and local history]. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Onomastic and Derivatological Research]. Maykop, Magarin O.G. Publ., 2017, pp. 183-200. (In Russian).

14. Mayorova T.V. *Lingvisticheskoye krayevedeniye i ego rol' v formirovanii lichnostnykh kachestv podrostka* [Linguistic Local History and its Role in the Formation of the Personality Traits of a Teenager]. Tula, Tula State Lev Tolstoy University Publ., 2007, 285 p. (In Russian).

Информация об авторе

Верховых Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, г. Борисоглебск, Воронежская область, Российская Федерация, lverhovyh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2690-5716>

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ материала, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 16.04.2021
Одобрена после рецензирования 24.05.2021
Принята к публикации 27.05.2021

Information about the author

Lyudmila N. Verkhovykh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Social And Humanitarian Disciplines Department, Borisoglebsk Branch of Voronezh State University, Borisoglebsk, Russian Federation, lverhovyh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2690-5716>

Contribution: main study conception, material analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 16.04.2021
Approved after reviewing 24.05.2021
Accepted for publication 27.05.2021

Формирование оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке

Людмила Алексеевна ФУРС, Елизавета Андреевна ФИНАЕВА ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ liza.finaeva@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является формирование оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке. Актуальность исследования определяется когнитивным подходом, в русле которого рассматривается уровневая принадлежность оценочных концептов и раскрываются средства их репрезентации. В качестве основного метода заявлен концептуально-дефиниционный анализ, с опорой на который выявлены характеристики концепта UPBRINGING и установлены оценочные ориентиры субъекта оценки в отношении различных аспектов воспитательной деятельности, представленной в виде фрейма. Определено, что на суперординатном уровне оценочное знание базируется на приемлемости тех или иных показателей и их соответствии социальным нормам. На этом уровне оценка репрезентируется прилагательными *acceptable/unacceptable* и *proper*. Оценочное знание базового уровня репрезентируется прилагательными *good, bad, perfect, great, fine*. Для наблюдателя в этом случае не являются важными частнооценочные смыслы, оценка представлена гештальтно и указывает на одобрение наблюдателя в силу соответствия определённой объективной характеристики стандарту. На субординатном уровне оценка спроецирована на различные значимые для наблюдателя частные оценочные ориентиры. Сделан вывод, что оценочное знание о воспитательной деятельности формируется на пересечении объективных и оценочных характеристик.

Ключевые слова: концепт, фрейм, воспитательная деятельность, оценка, уровни оценочной концептуализации

Для цитирования: Фурс Л.А., Финаева Е.А. Формирование оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 626-635. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-626-635>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Development of evaluative knowledge about educational activities in modern English

Liudmila A. FURS, Elizaveta A. FINAEVA ✉

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ liza.finaeva@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to develop evaluative knowledge about educational activities in modern English. The relevance of the study is determined by the cognitive approach, in the framework of which the level belonging of evaluative concepts is considered and the means of their representation are revealed. As the main method, the conceptual-definitional analysis is declared, on the basis of which the characteristics of the UPBRINGING concept are revealed and the evaluative benchmarks of the subject of assessment are established in relation to various aspects of educational activity, presented in the form of a frame. We determine that at the superordinate level, evaluative knowledge is based on the acceptability of certain indicators and their compliance with social norms. At this level, assessment is represented by the adjectives *acceptable/unacceptable* and *proper*. Evaluative knowledge of the basic level is represented by the adjectives *good, bad, perfect, great, fine*. For the observer, in this case, private evaluative meanings are not important, the assessment is presented in a gestalt manner and indicates the approval of the observer due to the compliance of a certain objective characteristic with the standard. At the subordinate level, the assessment is projected onto various private assessment benchmarks that are significant for the observer. It is concluded that the evaluative knowledge about educational activities is formed at the intersection of objective and evaluative characteristics.

Keywords: concept, frame, educational activity, assessment, levels of evaluative conceptualization

For citation: Furs L.A., Finaeva E.A. Formirovaniye otsenochnogo znaniya o vospitatel'noy deyatel'nosti v sovremennom angliyskom yazyke [Development of evaluative knowledge about educational activities in modern English]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 626-635. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-626-635> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Внимание исследователей к оценке как языковому явлению привлекалось неоднократно как в русле структурно-семантического подхода, где были разграничены общая и частная оценки, рассмотрены различные типы частнооценочных значений и показаны структурные компоненты оценочного суждения [1–3], так и в русле когнитивного подхода [4; 5]. В частности, Н.Д. Арутюнова отметила, что общая оценка реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. В этом случае выражается «холистическая оценка, аксиологический итог». Группа прилагательных,

реализующих частную оценку, более обширна и разнообразна. Эти прилагательные выражают оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения [6].

Оценочное знание, как указывает Н.Н. Болдырев, «представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую и ценностную, идеальную» [4]. Это положение свидетельствует о том, что формирование оценочного знания базируется на пересечении характеристик объекта оценки и оценочных характеристик, представляющих ценностные ориентиры субъекта оценки.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Целью данного исследования является изучение процесса формирования оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке в русле когнитивного подхода. Заявленный подход позволяет рассмотреть уровневую принадлежность оценочных концептов, спроецированных на когнитивную область «воспитательная деятельность», и раскрыть средства их репрезентации. В качестве основного метода исследования определён концептуально-дефиниционный анализ, с опорой на который выявляются характеристики концепта UPBRINGING и устанавливаются оценочные ориентиры субъекта оценки в отношении различных аспектов воспитательной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объективные характеристики, составляющие содержательный план концепта UPBRINGING, были установлены при помощи концептуально-дефиниционного анализа одноимённых лексем *upbringing*, *to bring up* и их синонимов. Они включают такие характеристики, как: 1) обращение родителей с детьми в период их детства (the treatment received by a child from its parents throughout its childhood); 2) обучение детей родителями в период их детства (the instruction received by a child from its parents throughout its childhood); 3) обучение детей (teach – to cause to know something)¹. С учётом выявления в дефиниции лексемы *upbringing* смыслового компонента «educate» установлены дополнительные концептуальные характеристики: 4) образование посредством привития навыков и профессиональных умений (to train by formal instruction and supervised practice especially in a skill, trade, or profession); 5) развитие интеллектуальных, моральных и эстетических навыков (to develop mentally, morally, or aesthetically); 6) пре-

доставление информации (to provide with information)².

Выделенные характеристики свидетельствуют о комплексной структуре знания, в которой можно выделить разнообразные компоненты и спроецировать на этой основе фрейм ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Важным при этом является определение фрейма как «особой унифицированной конструкции знания или связанной схематизации опыта» [7]. Применительно к области лингвистики фрейм определяется как система концептов, связанных таким образом, что для понимания любого из них мы должны понимать целостную структуру, в состав которой они входят [8].

При обращении к концептуально-дефиниционному анализу представляется возможным определить обязательные и факультативные компоненты фрейма ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Обязательными компонентами являются *Субъект 1 – акт воспитательной деятельности – Субъект 2* («воспитательная деятельность изначально направлена к воспитаннику, зависима от ответной деятельности воспитанника и может быть осуществлена только во взаимодействии деятельности воспитателя и деятельности воспитанника» [ТП³]). К факультативным компонентам фрейма относятся *способ, результат, место*.

В результате концептуально-дефиниционного анализа всех групп синонимов с доминантой “upbringing” и “to bring up” были определены и оценочные ориентиры, значимые для сознания человека при конструировании оценочного знания о воспитательной деятельности на материале современного английского языка: “acceptable”, “good”, “great”, “bad”, “fine”, “perfect”, “excessive”, “appropriate”, “protective”, “polite”, “correct”, “reasonable”, “successful”, “rough”, “gentle”, “useful”, “thorough”, “responsible”, “careful”, “proper”, “effective”, “strict”, “educated”, “mature”, “elegant”, “polished”, “wise”. Данные оценочные ориентиры представляют основу для выделения оценочных концептов. В

¹ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021); Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 20.07.2021).

² Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: 26.07.2021).

³ ТП – Теория педагогики. Системный словарь терминов. URL: <http://teoria.ru/sistemnyj-slovar-terminov> (дата обращения: 25.07.2021).

свою очередь, концептуально-дефиниционный анализ одноимённых лексем позволил определить уровневую принадлежность выделенных оценочных концептов в проекции на когнитивную область «воспитательная деятельность». Важным в этом случае является принцип соотнесённости при анализе средств репрезентации таких концептов. Как указывают У. Крофт и А. Круз, в соответствии с этим принципом средства репрезентации категорий нижестоящего уровня определяются через компоненты смысла средств репрезентации категорий вышестоящего уровня [9]. Такой подход является основным при установлении уровневого статуса того или иного оценочного концепта. Например, в словарных дефинициях *respectable* (something or someone respectable is honest, good, and proper⁴) и *reasonable* (fairly good, although not extremely good⁵) выявлены общеоценочные смыслы “good” и “bad”, что позволяет определить оценочные концепты базового уровня – это концепты GOOD и BAD. С опорой на эти концепты воспитательная деятельность оценивается гештальтно без конкретизации отдельных аспектов. В этом случае оценка является результатом соотнесения воспитательной деятельности с нормами и стандартами, существующими в обществе. Аналогично были проанализированы все выделенные прилагательные, репрезентирующие оценочные ориентиры в проекции на воспитательную деятельность.

На основе заявленного выше принципа соотнесённости установлено, что суперординатный уровень представлен оценочными концептами ACCEPTABLE/UNACCEPTABLE:

good – right or acceptable⁶; of high quality or an acceptable standard⁷; *bad* – below an acceptable standard⁸, failing to reach an acceptable

standard⁹; *well* – in a good, right or acceptable way¹⁰; *badly* – in unacceptable way¹¹.

Важным является также выявление синонимичных оценочных смыслов с целью упорядочения области оценочного знания в преломлении к воспитательной деятельности. Так, было установлено, что *great* (very good), *perfect* (being the best possible), как и *fine* (very good)¹² репрезентируют лишь более высокую степень оценочного компонента «good», следовательно, должны рассматриваться как оценочные концепты базового уровня. Остальные ценностные ориентиры, отмеченные выше, будут относиться к оценочным концептам субординатного уровня, так как спроецированы на частные оценочные смыслы в отношении воспитательной деятельности.

Обращение к фактологическому анализу позволило определить особенности формирования оценочного знания о воспитательной деятельности:

*She has reached an **acceptable** standard of English*¹³.

Объектом оценки суперординатного уровня выступает характеристика «развитие интеллектуальных, моральных и эстетических навыков», представляющая результат воспитательной деятельности. Для наблюдателя значимость имеет достижение удовлетворительного, одобряемого результата (satisfactory and able to be agreed to or approved of¹⁴), что профилируется прилагательным *acceptable*.

*Finally, violence against children is **unacceptable** and preventable*¹⁵.

В данном случае объектом оценки выступает способ воспитательной деятельности (*violence against children*), который признаётся неприемлемым.

⁴ Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/> (accessed: 18.07.2021).

⁵ Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 18.07.2021).

⁶ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 20.07.2021).

⁷ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (accessed: 26.07.2021).

⁸ LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 18.06.2021).

⁹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: 26.07.2021).

¹⁰ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (accessed: 26.07.2021).

¹¹ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

¹² The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 20.07.2021).

¹³ Sentencedict.com. URL: <https://sentencedict.com/> (accessed: 20.07.2021).

¹⁴ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

¹⁵ Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/unacceptable/> (accessed: 24.07.2021).

*As a mother, you might know what it takes to manage the household and take **proper** care of your little baby at the same time¹⁶.*

В этом примере также представлена оценка суперординатного уровня. Прилагательное *proper* (showing standards of behaviour that are socially and morally acceptable)¹⁷ характеризует поведение воспитателя в обращении с детьми в период их детства с положительной точки зрения, указывая на соответствие моральным нормам поведения.

Наряду с оценочными концептами суперординатного уровня часто активизируются и концепты базового уровня:

*A **good teacher** planted the love of learning in students¹⁸.*

Объектом оценки в этом примере является преподаватель, осуществляющий обучение детей. Наблюдатель положительно оценивает его профессиональные качества, что подчёркивается и контекстом за счёт указания на конечный результат (*the love of learning in students*). Более того, в результате метафорического переноса создаётся ассоциация о том, как воспитывается любовь к знаниям. Знание о том, как выращивают растения (*plant – to put a plant into the ground or into a container of soil so that it will grow¹⁹*), проецируется на воспитательную деятельность. За счёт этой структурной метафоры имплицитно подразумевается смысловой компонент «бережно, продуманно». По аналогии с тем, как аккуратно и внимательно нужно подходить к уходу за растениями, чтобы добиться хороших результатов, также нужно относиться и к воспитанию и образованию студентов.

Гештальтно, без выделения конкретных оценочных фокусов, оценивается место и объект обучения:

*So what's he going to do about getting my son into a **good** local secondary school, then?²⁰*

*A **good** student thrives in school due to their eagerness to gain knowledge²¹.*

Характерно, что репрезентация оценочного знания во втором примере сопровождается в контексте указанием на критерии позитивной оценки. Хороший студент преуспевает, так как полон желания приобретать знания.

Значимость для наблюдателя имеет и оценка идеального образа воспитателя:

*Many people believe in the myth of the **perfect** parents – the ideal mother and father who raise happy, well-adjusted problem-free children²².*

Средством репрезентации оценки является прилагательное *perfect* (complete and correct in every way, of the best possible type or without fault²³), указывающее на отсутствие изъянов в характере родителей, что способствует воспитанию счастливых, не имеющих проблем детей.

Другие оценочные концепты базового уровня, такие как GREAT, BAD, FINE, также спроецированы на оценку соответствия тех или иных аспектов воспитательной деятельности норме или стандарту.

Рассмотрим примеры, репрезентирующие формирование оценки на основе концептов субординатного уровня:

***Protective** parents are perfectly natural²⁴.*

В данном примере объектом оценки также является воспитатель. Значимость для наблюдателя имеет оценочная характеристика «защитающий, предохраняющий», средством профилирования которой выступает прилагательное *protective* (providing or intended to provide protection²⁵).

*Chandler endured a **rough upbringing**, which helped mold him into the **mature, hard-working** student-athlete he is today²⁶.*

²¹ STEM Education Guide. URL: <https://stemeducationguide.com/> (accessed: 20.07.2021).

²² Healthychildren.org. URL: <https://healthychildren.org/> (accessed: 23.07.2021).

²³ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

²⁴ Яндекс. Переводчик. URL: https://translate.yandex.ru/?utm_source=wizard&text=protective+parent&lang/ (дата обращения: 24.07.2021).

²⁵ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (accessed: 26.07.2021).

²⁶ Онлайн-словари bab.la. URL: <https://babla.ru/rough-upbringing/> (дата обращения: 26.07.2021).

¹⁶ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

¹⁷ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

¹⁸ Sentencedict.com. URL: <https://sentencedict.com/> (accessed: 20.07.2021).

¹⁹ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

²⁰ Collins Dictionary. URL: <https://www.collins-dictionary.com/dictionary/english> (accessed: 20.07.2021).

Объектами оценки наблюдателя выступают акт воспитательной деятельности, представленный характеристикой «обращение родителей с детьми в период их детства», и его результат. В первом случае репрезентируется негативная оценка, профилируемая прилагательным *rough* (not gentle or careful; violent²⁷). Во втором случае результат как «развитие интеллектуальных, моральных и эстетических навыков» оценивается положительно за счёт таких компонентов смысла в семантике прилагательного *mature*, как «полностью» и «в сбалансированном виде» (fully developed and balanced in their personality and emotional behavior²⁸). Это предложение представляет интерес для анализа с точки зрения контрастных оценочных фокусов. С одной стороны, жесткость и насилие в воспитательном процессе неприемлемо для наблюдателя, а с другой стороны, такой тип воспитания привёл к успешному становлению личности воспитанника.

*Children need the wise and loving guidance of their parents in order to grow into conscious, intelligent, happy individuals*²⁹.

Оценка репрезентируется прилагательным *wise* (able to make sensible decisions and give good advice because of the experience and knowledge that you have³⁰), а объектом оценки выступает характеристика «обучение детей родителями в период их детства». Разумный подход к обучению детей оценивается положительно, при этом фокус оценки усиливается за счёт указания на благоприятный результат обучения (*to grow into conscious, intelligent, happy individuals*).

*The researchers also found that excessive homework was correlated with high levels of stress and health problems*³¹.

В приведённом примере оценка репрезентируется с помощью прилагательного *excessive* (exceeding a normal, usual,

reasonable, or proper limit³²), объектом оценки выступает обучение детей на основе домашнего задания (*homework*), чрезмерный объём которого оценивается негативно, так как приводит к нежелательным последствиям (*high levels of stress and health problems*).

Другим оценочным фокусом субординатного уровня выступает концепт APPROPRIATE:

*This program is appropriate for children ages five and up, and their families*³³.

В этом случае посредством прилагательного *appropriate* (suitable or right for a particular situation or occasion³⁴) оценивается образовательная программа как содержательный аспект обучения детей с точки зрения соответствия возрастным особенностям детей.

*We might, for example, compliment the child on her polite behavior, and ask her parents if it might be a good idea for their child to communicate with drawings or a journal*³⁵.

В данном примере объектом позитивной оценки выступает характеристика «развитие моральных навыков». Прилагательное *polite* (behaving in a way that is socially correct and shows understanding of and care for other people's feelings³⁶) подчёркивает одобрение наблюдателем уровня развития моральных качеств ребёнка.

*These two studies demonstrate that young children's understanding of conjunctions is still developing several years after correct usage has been observed in speech production tasks*³⁷.

Объектом оценки является характеристика «образование посредством привития навыков и профессиональных умений». За счёт прилагательного *correct* (in agreement with the true facts or with what is generally accepted³⁸) подчёркивается сформированность навыков употребления союзов в речи детей.

³² The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed: 20.07.2021).

³³ Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: 26.07.2021).

³⁴ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

³⁵ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

³⁶ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

²⁷ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (accessed: 26.07.2021).

²⁸ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 20.07.2021).

²⁹ Theunboundedspirit.com. URL: <https://theunboundedspirit.com/parenting-lessons/> (accessed: 20.07.2021).

³⁰ Oxford Learner's Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (accessed: 26.07.2021).

³¹ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

*Authoritative parents are **reasonable** and nurturing, and set high, clear expectations*³⁹.

Объектом оценки являются родители, осуществляющие воспитательную деятельность. Посредством прилагательного *reasonable* (based on or using good judgment and therefore fair and practical⁴⁰) подчёркивается, что авторитет родителей обеспечивается разумным подходом к воспитанию детей.

Другим фокусом в оценке родителей является их мягкий характер:

*He's very **gentle** with his kids*⁴¹.

Прилагательное *gentle* (not violent, severe, or strong⁴²) характеризует воспитателя с положительной стороны.

Важность для наблюдателя имеет также осуществление контроля со стороны воспитателя в процессе воспитательной деятельности:

*Remember that your baby should only be placed on her tummy when she is awake and when she is closely supervised by you or another **responsible** adult*⁴³.

Прилагательное *responsible* (to have control and authority over something or someone and the duty of taking care of it, him, or her⁴⁴) подчёркивает качества, которые должны быть присущи хорошему воспитателю.

Другим значимым оценочным фокусом выступает результативность профессиональной деятельности преподавателей:

*While some teachers write lessons that focus on what they will be doing, the most **effective** teachers Double Plan, or plan for what they and their students will do each step of the way*⁴⁵.

Посредством прилагательного *effective* (successful or achieving the results that you want⁴⁶) подчёркивается, что эффективность

образовательной деятельности зависит от планирования каждого этапа урока с учётом действий двух участников этого процесса – преподавателя и учащихся.

*All people can be good **successful** students, if they try hard and use self discipline to push them self harder*⁴⁷.

В этом примере даётся оценка объекту воспитательной деятельности. Добиться успеха может тот, кто дисциплинирован и прилежно учится (*successful* – achieving the results wanted or hoped for⁴⁸).

*Each family member from child to grandmother actively participates in **useful** physical labor*⁴⁹.

В данном случае объектом оценки выступает способ воспитательной деятельности (*physical labor*). Средством репрезентации оценки является прилагательное *useful* (effective; helping you to do or achieve something⁵⁰), подчёркивающее эффективность физического труда в воспитательном процессе.

*Each NHPT course has **thorough** lessons, practice problems with video explanations, and review games that can be completed as many times as needed by the learner*⁵¹.

В данном примере оценка репрезентируется с помощью прилагательного *thorough* (detailed and careful⁵²). Объектом оценки выступает такой способ образовательного процесса, как урок. Основательность и детальная разработанность проводимых занятий оценивается позитивно.

*Since the campaign, Mr. Obama has raised expectations among early learning advocates with his endorsements of public investments in the **careful** nurturing of young children, especially the disadvantaged*⁵³.

Объектом оценки выступает характеристика «обращение родителей с детьми в период их детства». Прилагательное *careful*

³⁹ Brighthorizons.com. URL: <https://brighthorizons.com/family-resources/parenting-style-four-types-of-parenting/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁰ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁴¹ Sentencedict.com. URL: <https://sentencedict.com/> (accessed: 20.07.2021).

⁴² Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁴³ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁴ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁵ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁶ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁷ Bartleby Research. URL: <https://bartleby.com/essay/Successful-Student> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁸ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁵² Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁵³ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

(giving a lot of attention to what you are doing so that you do not have an accident, make a mistake, or damage something⁵⁴) подчёркивает важность внимательного подхода со стороны воспитателя особенно к детям с различными отклонениями в развитии. В контексте даётся указание на важность инвестиций для оказания поддержки всем, кто связан с воспитанием таких детей.

Ряд примеров демонстрируют оценку результата образования посредством привития навыков и профессиональных умений:

*The most successful mixed marriages are those between **educated** individuals who have been brought up liberally and with religious tolerance⁵⁵.*

Оценочное прилагательное *educated* (having learned a lot at school or university and having a good level of knowledge⁵⁶) репрезентирует высокий уровень образованности у объекта оценки. Положительная оценка усиливается в контексте за счёт формы степени сравнения *the most successful*.

*It was an **elegant** explanation, Westendorf said – one he wanted to share with other teachers who might be struggling to explain the same notion to their students⁵⁷.*

В этом случае результат образовательной деятельности представлен умением продуцировать умные объяснения простым языком, что наблюдателем оценивается позитивно (*elegant* – an elegant idea, plan, or solution is clever but simple, and therefore attractive⁵⁸).

*They understand that there's a time and place for **polished** work to shine, but they also know the process of learning is something to be proud of⁵⁹.*

В качестве результата значимость для наблюдателя имеет также уровень сформированности навыка в процессе образовательной деятельности (*polished* – showing great skill⁶⁰).

⁵⁴ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁵⁸ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

⁵⁹ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁶⁰ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

Интерес представляет формирование оценочного фокуса посредством прилагательного *strict*:

(1) *She envied her best friend with the **strict** parents, because they cared and loved her⁶¹.*

(2) *You want to be firm with your child, but you don't want to be unreasonable either, which is what **strict** parents often are⁶².*

В приведённых примерах объектом оценки выступает характеристика «обращение родителей с детьми в период их детства». Прилагательное *strict* (strongly limiting someone's freedom to behave as they wish, or likely to severely punish someone if they do not obey⁶³) имеет отрицательную коннотацию, так как несёт в себе смысл, связанный с ограничением свободы и наказанием. Однако в первом примере контекст указывает на позитивную оценку воспитателя (*cared and loved her; envied*). Во втором случае контекст репрезентирует негативную оценку (*unreasonable*). Это подчёркивает субъективный характер оценочных ориентиров наблюдателя.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ свидетельствует, что формирование оценочного знания о воспитательной деятельности в современном английском языке осуществляется на разных уровнях. На суперординатном уровне оценочное знание базируется на приемлемости тех или иных показателей и их соответствии социальным нормам. На этом уровне оценка репрезентируется прилагательными *acceptable/unacceptable* и *proper*. Оценочное знание базового уровня репрезентируется прилагательными *good, bad, perfect, great, fine*. Для наблюдателя в этом случае не являются важными частнооценочные смыслы, оценка представлена гештальтно и указывает на одобрение наблюдателя в силу соответствия определённой объективной характеристики стандарту. На субординатном уровне оценка спроецирована на различные значимые для наблюдателя частные оценочные

⁶¹ Linguazza.com. URL: <https://linguazza.com/> (accessed: 24.07.2021).

⁶² Ibid.

⁶³ Cambridge Dictionary. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (accessed: 24.07.2021).

ориентиры. Так, негативно наблюдателем характеризуется жесткость и насилие со стороны родителей, ограничение свободы и наказание при оценке обращения родителей с детьми в период их детства, а позитивно оценивается внимательность. При оценке обучения детей родителями в период их детства в фокусе внимания наблюдателя находится разумный подход. В процессе формирования оценки об образовании посредством привития навыков и профессиональных умений важным для наблюдателя является уровень сформированности навыков. В ходе оценки процесса обучения детей для наблюдателя имеет значение способ и результат. В частности, позитивная оценка урока связана с его детальной разработанностью, а оценка образовательной программы – с соответствием возрастным особенностям. Роль физического труда в воспитательном процессе оце-

нивается с точки зрения его эффективности, а роль домашнего задания оценивается негативно, если оно превышает разумный предел. Результат образовательного процесса оценивается на основе оценки уровня образования, сформированности речевых навыков и развития моральных качеств. В фокусе внимания наблюдателя находится также оценка участников воспитательного процесса – воспитателя и воспитанника. Для воспитателя важными качествами являются мудрость, мягкость, ответственность, строгость, а для воспитанника – трудолюбие и нацеленность на успех.

Необходимо отметить также, что как обязательные компоненты фрейма ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, так и факультативные компоненты являются объектами оценки наблюдателя.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
5. Фурс Л.А. Регулирующая функция оценочных категорий // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 657-665.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52-92.
8. Fillmore C.J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981. Seoul: Hanship, 1982. P. 111-137.
9. Croft W., Cruse A.D. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 355 p.

References

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka, sobytiye, fakt* [Types of Language Values: Assessment, Event, Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 339 p. (In Russian).
2. Volf E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS, 2002, 280 p. (In Russian).
3. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 143 p. (In Russian).
4. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku: kurs lektsiy* [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: a Course of Lectures]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2014, 236 p. (In Russian).
5. Furs L.A. *Reguliruyushchaya funktsiya otsenochnykh kategoriy* [Regulating function of evaluative categories]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2016, pp. 657-665. (In Russian).
6. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and World]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1999, 896 p. (In Russian).
7. Fillmor C. *Freymy i semantika ponimaniya* [Frames and semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, 1988, issue 23, pp. 52-92. (In Russian).

8. Fillmore C.J. Frame semantics. *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981*. Seoul, Hanship Publ., 1982, pp. 111-137.
9. Croft W., Cruse A.D. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 355 p.

Информация об авторах

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liudmila.furs@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0353-748X>

Финаева Елизавета Андреевна, аспирант, ассистент кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, liza.finaeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7021-0327>

Вклад в статью: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 18.08.2021
Одобрена после рецензирования 28.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the authors

Liudmila A. Furs, Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liudmila.furs@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0353-748X>

Elizaveta A. Finaeva, Post-Graduate Student, Assistant of Foreign Philology and Applied Linguistics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, liza.finaeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7021-0327>

Contribution: all authors made an equivalent contribution to the preparation of publication.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 18.08.2021
Approved after reviewing 28.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Корпусное исследование «морских» идиом английского языка

Ольга Владимировна ЩАГИНА

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
✉ ol-gas@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка изучить отражение истории мореплавания в английской фразеологии. Географическое расположение Британии и зависимость от окружающего её морского пространства в значительной мере повлияли на язык всех англоговорящих стран мира. Опираясь на критерии, предложенные Дж. Суэйлзом, а также на идеи В. Тойберта, выявлено англоязычное дискурсивное сообщество мореплавателей. Оценка исторических и социальных условий позволила определить причины и степень воздействия профессионального языка этого дискурсивного сообщества на весь английский язык. Разграничивая два основных подхода при работе с языковым корпусом (corpus-based и corpus-driven), проведено исследование, опираясь именно на данные, полученные при анализе корпуса (corpus-driven approach). На материале англоязычного языкового корпуса NOW (News on the Web) изучен контекст и степень распространения семи фразеологизмов с компонентами с семантикой мореплавания в двух основных вариантах английского языка: британском и американском. Полученные данные показали частичные грамматические и синтаксические расхождения, а также допустимые вариации лексической структуры некоторых единиц. Изучение первоначального морского значения позволило объяснить метафорический перенос, лежащий в основе значения данных идиом.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, языковой корпус, «морские» идиомы, дискурсивное сообщество, движимый корпусом подход

Для цитирования: Щагина О.В. Корпусное исследование «морских» идиом английского языка // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 636-644. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-636-644>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

A corpus study of English “nautical” idioms

Olga V. SHCHAGINA

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

✉ ol-gas@mail.ru

Abstract. We attempt to study nautical history influence on the phraseology of contemporary English. Britain’s geographical location and consequently its dependence on the surrounding seas greatly affected the language of all English-speaking countries. On the basis of criteria defined by J. Swales and ideas of W. Teubert, we identify the English-speaking discourse community of seafarers. The assessment of historical and social conditions made it possible to determine the causes and the impact of the highly specialized language of this discourse community on the entire English language. Following the study of two main approaches when working with language corpora (corpus-based and corpus-driven), we conduct corpus-driven research relying totally on the data obtained from the corpus. Using the material from the English language corpus NOW (News on the Web), we study the context and extent of distribution of seven phraseological units with components with the semantics of navigation in two main variants of the English language: British and American. The data obtained showed partial grammatical and syntactic discrepancies, as well as acceptable variations in the lexical structure of some units. The study of original nautical meanings allows us to understand the metaphorical mapping underlying the sense of the idioms.

Keywords: corpus linguistics, language corpus, “nautical” idioms, discourse community, corpus-driven approach

For citation: Shchagina O.V. Korpusnoye issledovaniye «morskikh» idiom angliyskogo yazyka [A corpus study of English “nautical” idioms]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 636-644. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-636-644> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, язык не существует вне культуры. Совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни отражается, хранится и передаётся именно через язык. Язык играет важнейшую роль в формировании как отдельной личности, так и целого народа и нации. В идиоматике как раз и проявляется вся национально-культурная специфика языка, хранится система ценностей, традиции, история и география той или иной общности, объединённой одной культурой. Именно поэтому этот пласт лексики всегда являлся объектом повышенного внимания лингвистов.

В настоящей статье предпринята попытка изучить лингвистическое наследие морской истории Британии. Фразеологический состав английского языка содержит большое

количество единиц, «пришедших из моря», часть из них прямо говорит о своём морском происхождении (shipshape, sail close to the wind, run a tight ship, etc), другие же можно отнести к разряду менее очевидных (loose cannon, aloof, etc). Задачи исследования: выявить первоначальное морское значение идиом, отобранных для анализа, а также рассмотреть их употребление и сферу распространения в современном английском языке через призму корпуса.

Теоретической базой для проведения исследования послужили труды учёных в области корпусной лингвистики: Дж. Синклер [1], Е. Тонини-Бонелли [2], Э. Дейнан [3]; в области социолингвистики: М. Нистранд [4], Дж. Суэйлз [5], В. Тойберт с соавт. [6]. При изучении практического материала, помимо стандартных словарей английского языка, бесценным подспорьем является словарь,

составленный адмиралом Уильямом Генри Смитом [7]. Впервые изданная ещё в 1867 г. книга содержит свыше 14000 морских слов и выражений, включая как технические термины, так и жаргонизмы, свойственные речи моряков. Значимость этого источника подтверждается и фактом его переиздания уже в XXI веке.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Понятие «дискурсивное сообщество» (*discourse community*) до сих пор является предметом научных споров. Дж. Суэйлз (*Swales*) подчёркивает, прежде всего, социориторический характер дискурсивных сообществ, определяя их как узкоспециализированные группы, разделяющие специфические языковые формы. В отличие от речевых сообществ, где коммуникативные потребности группы, необходимые для социализации или групповой солидарности, как правило, оказывают определяющее влияние на развитие и формирование дискурса, в дискурсивном сообществе детерминантом языкового поведения выступает функция [5, р. 24], то есть общение в первую очередь направлено на достижение конкретных целей. Суэйлз выделяет шесть характерных черт любого дискурсивного сообщества: 1) общая цель; 2) наличие механизмов коммуникации между членами сообщества; 3) использование собственного общего механизма для передачи информации; 4) использование определённых речевых жанров для выражения коммуникативных целей; 5) использование специальной лексики; 6) наличие порогового уровня количества участников с достаточной степенью предметной и речевой компетенции [5, р. 24-27]. В рамках нашего исследования определение Суэйлза помогает идентифицировать общность людей, чья жизнь и жизнедеятельность, так или иначе, связаны с морем. Следует также отметить, что опора на предложенные Суэйлзом критерии позволяет выделить и более узконаправленные области дискурса [8, р. 169] (военно-морскую, рыболовную, китобойную и т. д.).

В. Тойберт (*Teubert*), говоря о дискурсивном сообществе, акцентирует внимание именно на лингвистической составляющей вербальной коммуникации. Отмечая дина-

мический характер дискурса, его способность постоянно обновляться и изменяться по мере поступления новых элементов, которые проверяются и принимаются членами дискурсивного сообщества [6, р. 58], Тойберт указывает и на диахронический характер самого дискурсивного сообщества [9, р. 4]. С этой точки зрения мы можем рассматривать англоязычное сообщество как единое целое, объединяющее как культуры, в которых английский язык является официальным (Великобритания, США, Австралия и т. д.), так и те, в которых английский язык – лишь один из нескольких официальных языков (Индия, ЮАР и т. д.), а также страны, где английский выступает как средство общения в ограниченных сферах социальных контактов, например, в деловом общении. Кроме того, указание на диахронию в контексте изучения дискурсивных сообществ позволяет в некоторой степени объяснить процесс развития морской лексики и появление семантических неологизмов.

В истории Британии море и всё, что с ним связано, играет особую роль. Ещё в IX веке король Уэссекса Альфред Великий построил флот для противостояния экспансии викингов. Вплоть до XIII века морская деятельность носила исключительно локальный, оборонительный и временный характер, однако после потери Нормандии морские торговые пути продолжились до Испании и Португалии. Во время правления Елизаветы I флот превратился в главную оборонительную силу Англии, а разгром испанской «Непобедимой армады» в 1588 г. заложил основы для создания будущей Британской империи¹. К 1763 г. деятельность почти 10 % мужского населения Великобритании была связана с флотом [8, р. 454]. Конечно, при таком положении дел дискурсивное сообщество, объединяющее моряков и всех причастных к мореплаванию, не могло не оказывать влияния как на сам английский язык, так и на культурное самосознание. Специальная лексика моряков значительно обогатила фразеологический состав современного английского языка, а также стала основой для создания системы метафорических моделей, например, политика может ассоциироваться с

¹ Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Royal-Navy> (accessed: 10.04.2021).

кораблём; глава государства выступать в роли капитана корабля, парламентарии – команда корабля и т. д. [10].

В настоящее время языковой корпус становится основным источником для научного изучения языка. Лингвистическое исследование не может считаться достоверным без проверки реальных языковых данных, и именно корпус, благодаря гораздо менее энергозатратному подходу, позволяет проанализировать большие объёмы текстов и выявить закономерности, которые могли бы ускользнуть от внимания исследователя при обычной ручной выборке. Хотя первый электронный корпус текстов (the Brown Corpus) появился ещё в 1961 г., объектом пристального внимания учёных корпусная лингвистика стала только в конце XX века. В 1991 г. началось создание Британского национального корпуса (The British National Corpus), в 2004 г. появился Национальный корпус русского языка, также в 2000–2003 гг. Марк Дэвис создавал корпус современного американского английского языка (The Corpus of Contemporary American English). Интерес к корпусной лингвистике послужил основой создания не только обобщённых национальных, но и специализированных корпусов, например, The Michigan Corpus of Academic Spoken English содержит стенограммы академической речи Мичиганского университета, The Coronavirus Corpus создан в мае 2020 г. для отражения социальных, культурных и экономических последствий COVID-19. В рамках нашего исследования мы использовали корпус NOW (News on the Web)², насчитывающий более 12 миллиардов словоупотреблений, собранных из текстов англоязычных электронных газет и журналов 20 стран в период с 2010 г. по настоящее время. Корпус NOW является мониторингом, каждый месяц объём корпуса увеличивается на 100–200 миллионов словоупотреблений, последнее обновление корпуса, на момент написания настоящей статьи, датируется 17 апреля 2021 г. Именно возможность получить наиболее актуальные данные, а также проследить употребление той или иной анализируемой единицы в разных вариантах английского языка

² The NOW Corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed: 24.04.2021).

и послужили главным критерием выбора данного корпуса.

Е. Тонини-Бонелли (Tognini-Bonelli) выделяет два подхода при работе с корпусом: corpus-based и corpus-driven. В первом случае данные корпуса используются для подтверждения, опровержения или уточнения теории или гипотезы; во втором – сам корпус выступает как основа для выдвижения гипотезы [2]. Хотя, как отмечает Е. Тонини-Бонелли, в чистом виде подобные исследования встречаются довольно редко и чаще всего исследователь комбинирует оба подхода [2], наша работа в большей степени является «движимой корпусом» (corpus-driven).

Для анализа мы отобрали семь «морских» идиом современного английского языка: *shipshape (and Bristol fashion)*; *loose cannon*; *high and dry*; *batten down the hatches*; *aloof*; *a shot across the bow*; *sail close to the wind* и ограничились лишь двумя вариантами из 20 возможных (Великобритания, США).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Shipshape (and Bristol fashion). Прилагательное *shipshape* (ship-shapen) в отношении идеального состояния корабля было в ходу ещё в первой половине XVII века, вторая часть – *Bristol fashion* – была добавлена в XIX веке, когда после модернизации гавани именно Бристоль стал центром военного и торгового мореплавания. Полная форма выражения, как отмечается, имеет сейчас уже отчётливо устаревший вид [11, p. 169] и используется нечасто, что подтверждается и поиском по корпусу: только 9 случаев в секции «Великобритания», один в «США»; однако отдельно прилагательное *shipshape* встречается гораздо чаще (96 – Великобритания; 76 – США). Идиома *shipshape (and Bristol fashion)* довольно прозрачно намекает на своё морское происхождение и даже в современном значении “clean and neat; in good condition and ready to use”³ нередко используется в текстах, так или иначе, связанных с морем:

The world's largest cruise line isn't shipshape right now (The Motley Fool).

³ Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2013. 8th edition.

Featuring a shipshape cast singing songs including "I am a Pirate King" ...with plenty of onboard japes from the swashbuckling crew who are braving the high seas with rum and hand-sanitizers for a socially distanced, Covid-secure show (Broadway World).

Но также в своём современном значении выражение *shipshape* позволяет поддерживать идеальное состояние практически любого предмета: *get the city looking shipshape; kept his body shipshape; return the car, shipshape and unmarred; shipshape arrangement; keep my accounts in shipshape; my emotional life must be shipshape; their relationship and understanding appears shipshape; Chelsea shipshape but shot-shy* (о футбольном клубе «Челси») и т. д.

Встречаются и случаи каламбурного обыгрывания выражения, например, в статье с заголовком "*Shipshape*" *new library for town* рассказывается о строительстве библиотеки в форме корабля – *A library designed to look like a ship is to grace the seafront at Portishead in celebration of the town's maritime heritage* (BBC). Подпись под фотографией Кейт Миддлтон *shipshape Kate* не просто описывает безупречный стиль, но и подчёркивает морскую тематику наряда герцогини Кембриджской (тёмно-синие брюки и блуза в белую и тёмно-синюю полоску). Явная игра слов присутствует и в следующем предложении:

In darkness or in light, have a pencil ready. Some of my attempts to connect the dots to make this ship shape were less than shipshape (The New York Times).

Также обыгрывается и присутствие Бристоля:

All in all, X marks the spot for another shipshape and Bristol-brilliant family treat from the Old Vic (The Telegraph).

Loose cannon. Первоначально выражение *loose cannon* означало пушку, сорвавшуюся с лафета, что представляло особую опасность в эпоху парусных кораблей. Хотя нет никаких документальных свидетельств использования этого выражения моряками британского флота, ситуацию с пушкой, сорвавшейся с крепления во время шторма, описал Виктор Гюго в своём романе «Девяносто третий год» (1874). Само же выражение *loose cannon* впервые появилось в романе

Генри Кингсли "Number Seventeen" (1875): "At once, of course, the ship was in the trough of the sea, a more fearfully dangerous engine of destruction than Mr. Victor Hugo's celebrated loose cannon"⁴. К XX веку эта фраза, возможно, была бы забыта, если бы не Теодор Рузвельт. Уильям Уайт, журналист и близкий друг Рузвельта, в своей автобиографии делится воспоминаниями: "He said: "I don't want to be the old cannon loose on the deck in the storm"⁵. Такой метафорический перенос и лёг в основу современного значения: *loose cannon* – an unpredictable person or thing likely to cause unintentional damage⁶. Как показал корпусный анализ, это выражение можно считать более типичным для американского английского (485 упоминаний), чем для британского (268 случаев употребления). Чаще всего *loose cannon* используется для описания именно человека:

President Trump was (and still is) a loose cannon, inclined to act impulsively and for personal gain (The Washington Post).

Prince Harry "resents the perception that Prince William is the sensible one while he is the loose cannon" (International Business Times).

Now, with a loose cannon in the White House and groveling bootlickers holding a majority in the Senate, trade wars are the order of the day (The Register).

Но и перенос на неодушевлённый предмет также возможен:

The immune system can't fire off like a loose cannon at every foreign cell, it has to decide when something is a threat (NICE).

Russia was as much a "loose cannon" threat to global security as North Korea with regard to Russian President Vladimir Putin's emphasis on a resurgent Russia (The Inquisitr).

High and dry. Таким термином называли корабли, оказавшиеся на мели (на берегу, на рифах и т. д.) после отлива. Слово *dry* в составе данной единицы подчёркивает, что судно находилось вне воды достаточно долгое время⁷. Выражение почти в равной сте-

⁴ The Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/> (accessed: 24.04.2021).

⁵ Ibid.

⁶ Oxford Dictionary of Idioms. N. Y.: Oxford University Press, 2004. 2nd edition.

⁷ The Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/> (accessed: 24.04.2021).

пени характерно как для американского (660 случаев употребления), так и для британского английского (503). Первоначальное морское значение естественно присутствует и сейчас:

*The surge overwhelmed many of the expensive yachts moored there, either partially sinking them or smashing them against nearby rocks, where they were stranded **high and dry*** (The Daily Mail).

*A floating dock sits **high and dry** on the lakebed of Suesca lagoon, in Suesca, Colombia* (The Boston Globe).

Однако сфера применения прямого морского значения значительно расширилась:

*Now, with wider beaches, the pier is often **high and dry*** (CTPost).

*I spotted all these jellyfish **high and dry** on the shore* (The Daily Mail).

*Some mangroves were left **high and dry** as the sea level dropped about 20 centimetres* (YahooNews).

Очевидно, что приведённые примеры описывают негативные последствия, однако поиск по корпусу выявил и случаи употребления с положительной оценкой ситуации. Так, в статье о наводнении предложение *The PD checked on nursing homes and reports they are **high and dry*** (Beaumont Enterprise) подчёркивает именно безопасность. Положительный момент наблюдается и в рекламном тексте: *Plus, they wick away sweat so you and your outfit can stay **high and dry*** (BuzzFeed News). Кроме того, прямое значение прилагательных high и dry может служить основой для игры слов, например:

*Much of Los Angeles, whose average elevation is 305 above sea level, will still be **high and dry**, but scores of multi-million dollar homes in parts of Marina Del Rey will be underwater* [Patch].

В своём переносном значении идиома high and dry выражает какие-либо затруднения, чаще всего финансовые:

*People on low incomes who are told to self-isolate are being left "**high and dry**" with no financial support* (The York Press).

*The French worry that Democrats will leave Europe **high and dry** as they try to withdraw from the Middle East and from the war on terrorism* (The Atlantic).

Batten down the hatches. На море это выражение означало в буквальном смысле запечатывание люков (hatches) с помощью брезента, края которого плотно прижимались деревянными рейками (battens) при надвигающемся шторме [7]. Корпусный анализ показал небольшое расхождение в количестве упоминаний этого выражения: 380 в британском английском, 283 в американском. Сейчас эта единица используется в своём фигуральном значении – to prepare for a period of difficulty or trouble⁸.

*Chile's government said it would **batten down the hatches** starting next Monday while it seeks to speed up its vaccination campaign* (International Business Times).

Однако прямое морское значение проявляется в сообщениях о надвигающихся природных катаклизмах (штормовые предупреждения):

*The region is preparing to **batten down the hatches** as Storm Ciara sweeps across the country bringing winds of 70 miles-an-hour and heavy rain to Norfolk* (Eastern Daily Press).

Поиск по корпусу также выявил несколько случаев искажения данного выражения – baton down the hatches (13 случаев употребления), bat down the hatches (2), button down the hatches (3).

*When you go through a recession you tend to **baton down the hatches** and when you come into recovery you can invest ahead of growth* (The Telegraph).

*<...> small boutiques not paying up on their orders, or proving to be too much of a credit risk going forward, and department stores panicking and **batting down the hatches*** (BoF).

*It is shocking to hear one of the leading members of the opposition in full-on combat mode, proudly explaining how the party plans to **button down the hatches** to ward off the country's fury when it deliberately tanks the economy* (City A.M.).

Вполне вероятно, что это так называемый eggcorn, то есть идиосинкразическая замена слова или фразы словом или фразой, которые похожи или одинаковы по звучанию на диалекте говорящего. Также были обнаружены ещё две интересные замены слова batten:

⁸ Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2013. 8th edition.

*He looks sick of being Everyman and might have taken a leaf out of Allan Border's book, which is to say **buckle down the hatches** and give 'em nothing* (ESPNcrinfo).

*If that's the case, Crowley deserves credit for keeping his team small (just 100 people), **bolting down the hatches**, and going for profitability now* (Business Insider).

Aloof. Технический термин парусной навигации начала XVI века использовался как наречие и означал приказ держать нос корабля по ветру, тем самым не позволяя приближаться к нему с подветренной стороны. От этого и пошло современное значение уже прилагательного *aloof*: *apart, withdrawn, without community spirit*⁹. Корпусные данные свидетельствуют о высокой степени распространённости слова по обеим сторонам Атлантики (США – 1954 случая употребления; Великобритания – 1291). Наиболее часто встречающиеся коллокации также совпадают в обоих вариантах английского языка: глаголы – *be, remain, stand, stay*; прилагательные – *cold, arrogant, distant*.

<...> with a “kind of United States of Europe” but believed that the U.K. itself should remain aloof (The Wall Street Journal).

*He was seen by many as **arrogant and aloof*** (BBC).

*Being **cold, aloof, and controlled** are among some of Hillary Clinton's less admired characteristics <...>* (Quartz).

Прилагательное *aloof* относится к категории мёртвых метафор, первоначальное значение и привязка к парусному судоходству забыты настолько, что сейчас в словарях английского языка указывается только одно современное (уже переносное) значение.

A shot across the bow(s). Данное выражение, как и *loose cannon*, относится к военно-морской сфере. Речь идёт о предупредительном выстреле, при котором пушечное ядро, в буквальном смысле, пролетало над носовой частью (*bow*) корабля противника¹⁰. Предупреждение, цель которого заставить противника изменить свои намерения, и стало основой современного значения идиомы: *something that you say or do as a warning to sb*

⁹ Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 24.04.2021).

¹⁰ Oxford Dictionary of Idioms. N. Y.: Oxford University Press, 2004. 2nd edition.

about what might happen if they do not change, etc¹¹. Примечательно, что корпус показал существенные расхождения частоты употребления идиомы в двух вариантах английского языка в зависимости от формы единицы. Так, форма *shot across the bow* гораздо чаще встречается в американском английском (423 случая употребления и лишь 69 в британском), но это же выражение со словом *bow* во множественном числе (*bows*), наоборот, больше типично для британского варианта (131 против лишь 29). Вместо определённого артикля могут стоять притяжательные местоимения:

*I assumed the government may fire **a shot across our bows*** (The Register).

*Former President George W. Bush entered the political fray this week with a speech that never mentioned Trump by name, but was widely interpreted as **a shot across his bow*** (The Hill).

Интерес представляет также и последующее употребление предлогов в отношении «направления удара». Как в американском, так и в британском английском наиболее употребительным является предлог *of*:

*<...> Biden's executive order on sanctions against Russia issued Thursday is a well-timed **shot across the bow of the territory-hungry Putin*** (The Boston Globe).

*The decision will be seen as **a shot across the bows of the UK** ahead of negotiations on the future relationship with the bloc* (The Guardian).

На втором же месте по частоте употребления в британском варианте идёт предлог *for*, а в американском *at*.

*This is the first **shot across the bow for all government agencies with significant budgets to rein in their spending**, <...>* (The Guardian).

*It's a major **shot across the bow at other wireless and cable providers*** (The Seattle Times).

Sail close to the wind. Парусные суда не могут передвигаться без ветра. Не всегда дует попутный ветер, а значит, его приходится укрощать, чем острее курс относительно ветра, тем выше скорость. Такие маневры всегда сопряжены с опасностью «не поймать ветер», что существенно затруднит продвижение судна [7] и в определённых условиях

¹¹ Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2013. 8th edition.

может привести к катастрофе. Именно риск и стал основой метафорического переноса: to take a risk by doing sth that is dangerous or that may be illegal¹². Корпусный анализ показал существенное превосходство в употреблении данного выражения именно в британском английском. Кроме того, хотя значение данной идиомы и так подразумевает риск и опасность, эффект зачастую усиливается благодаря использованию дополнительных наречий-модификаторов: very, too, close, pretty, dangerously, alarmingly, perilously.

He said the prime minister was "sailing very close to the wind" and not "entirely in accord with spirit" (The New European).

The get-up, inspired by jockey silks, sailed dangerously close to the wind and almost breached the rules on branding (Daily Mail).

Таким образом, суммируя все случаи традиционного (словарного) употребления идиомы и варианты с использованием различных усилителей, мы обнаружили 107 примеров в британском английском и лишь 13 в американском. Примечательно, что для передачи заложенного смысла может использоваться и редуцированная форма выражения:

The results often sail close to the limits of good taste, and Fen Court is no exception (The Guardian).

He was never afraid to be bold, to be a chancer in the transfer market even if it meant

sailing close to the sun and getting singed a few times (Chronicle Live).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги можно сказать, что хотя все отобранные для анализа единицы одинаково понятны как жителям Великобритании, так и жителям США, есть некоторая разница в их распространении и использовании. Например, выражение loose cannon чаще встречается в американском английском, в то время как sail close to the wind гораздо больше типично для британского. То же самое характерно и для лексических форм shot across the bow / shot across the bows.

Даже при таком небольшом объёме выборки корпус предоставил достаточно доказательств влияния морской лексики на современный английский язык повседневного общения. Перейдя на сушу, морские выражения не только обогатили язык, сделав его более разнообразным и красочным, но и позволяют достаточно ёмко выражать сложные идеи, что особенно важно для публицистики, где объём печатных знаков ограничен. Учитывая распространённость употребления этого пласта лексики в современном английском языке, подобные исследования в дальнейшем могут послужить основой для изучения её влияния на более узкоспециализированные области дискурса.

¹² Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2013. 8th edition.

Список литературы

1. Sinclair J. Corpus. Concordance. Collocation. Oxford: OUP, 1991. 200 p.
2. Tognini-Bonelli E. Corpus linguistics at work. Amsterdam: John Benjamins, 2001. 224 p.
3. Deignan A. Metaphor and Corpus Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. 236 p.
4. Nystrand M. What Writers Know: The language, process, and structure of written discourse. N. Y.: Academic Press, 1982. 391 p.
5. Swales J. Genre Analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.
6. Hoey M., Mahlberg M., Stubbs M., Teubert W. Text, discourse and corpora: theory and analysis. L.: Continuum, 2007. 264 p.
7. Smith W.H. The Sailor's Word Book. L.: Conway Maritime Press, 2010. 744 p.
8. Crystal D. The Stories of English. L.: Allen Lane, 2004. 584 p.
9. Teubert W. My Version of Corpus Linguistics // International Journal of Corpus Linguistics. 2005. Vol. 1. Issue 1. P. 1-13. <https://doi.org/10.1075/ijcl.10.1.01teu>
10. Щагина О.В. Метафорическое моделирование морской лексики в британском политическом дискурсе: корпусно-ориентированный подход // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2020. Т. 25. Вып. 2. С. 360-365. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020.2.23>
11. Flavell L., Flavell R. Dictionary of Idioms and their Origins. L.: Kyle Cathie LTD, 1992. 216 p.

References

1. Sinclair J. *Corpus. Concordance. Collocation*. Oxford, OUP Publ., 1991, 200 p.
2. Tognini-Bonelli E. *Corpus linguistics at work*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2001, 224 p.
3. Deignan A. *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2005, 236 p.
4. Nystrand M. *What Writers Know: The language, process, and structure of written discourse*. New York, Academic Press, 1982, 391 p.
5. Swales J. *Genre Analysis: English in academic and research settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 260 p.
6. Hoey M., Mahlberg M., Stubbs M., Teubert W. *Text, discourse and corpora: theory and analysis*. London, Continuum Publ., 2007, 264 p.
7. Smith W.H. *The Sailor's Word Book*. London, Conway Maritime Press, 2010, 744 p.
8. Crystal D. *The Stories of English*. London, Allen Lane Publ., 2004, 584 p.
9. Teubert W. My Version of Corpus Linguistics. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2005, vol. 1, issue 1, pp. 1-13. <https://doi.org/10.1075/ijcl.10.1.01teu>
10. Shchagina O.V. Metaforicheskoye modelirovaniye morskoy leksiki v bri-tanskom politicheskom diskurse: korpusno-orientirovannyu podkhod [Metaphorical patterns of maritime expressions in British political discourse: corpus-based approach]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, Ufa, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 360-365. <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020.2.23>. (In Russian).
11. Flavell L., Flavell R. *Dictionary of Idioms and their Origins*. London, Kyle Cathie LTD, 1992, 216 p.

Информация об авторе

Щагина Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, ol-gas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0327-8991>

Вклад в статью: идея исследования, поиск и анализ научной литературы, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 20.06.2021
Принята к публикации 24.06.2021

Information about the author

Olga V. Shchagina, Senior Lecturer of Foreign Languages for Humanities Department, Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, ol-gas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0327-8991>

Contribution: study idea, scientific literature search and analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 12.05.2021
Approved after reviewing and revision 20.06.2021
Accepted for publication 24.06.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-645-652

**Автор «Екатеринбургской недели»
Константин Аполлонович Большаков:
особенности творческой манеры непрофессионального
литератора в контексте газетной литературы**

Илья Владимирович КОЗЛОВ^{1,2}

¹ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

²Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
620108, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

✉ i.v.kozlov@urfu.ru

Аннотация. Исследованы основные тенденции уральской газетной литературы конца XIX века. На примере творчества К. Большакова, печатавшегося в первой неофициальной газете Урала «Екатеринбургской неделе», в рамках историко-литературного анализа рассмотрены попытки начинающего непрофессионального стихотворца встроиться в литературную иерархию общенациональной литературной традиции, найти литературных «учителей» и «покровителей». В то же время контекст уральского культурного гнезда, газетная форма бытования литературных произведений оказывала своё влияние на творчество К. Большакова. Сопоставление публикаций в газете и архивных данных (черновики, стихотворения, не предназначавшиеся для публикации) позволяет говорить о том, что контекст газетной литературы, воля редакции оказывали непосредственное влияние на литераторов этого времени. Проанализирован в том числе и социальный состав литераторов газеты «Екатеринбургская неделя», газета объединила непрофессиональных авторов, стремившихся при разработке общезначимых социальных тем к соединению с общенациональной традицией. Провинциальная газетная литература стремилась к изображению экзотических сюжетов, подхватывала литературные новшества, приходящие из столиц. На этом фоне творчество К. Большакова производило впечатление достаточно традиционного, однако выбор в качестве «литературного учителя» С. Надсона для ученика Д. Мамина-Сибиряка был довольно неожиданным. Социальные зарисовки, описания профессионального быта, философические размышления предназначались автором для печати в том числе и в газете. Стихотворения «на случай», шуточные стихотворения остались в черновиках, хотя газетная периодика позволяла публиковать и такие тексты, что свидетельствовало о сознательном отборе автором текстов для публикаций. К. Большаков становится – наряду с Сивковым, Холодковским, И. Поповым, Галиным, Ив. Белоусовым, Миляевым – одним из авторов «Екатеринбургской недели», обратившейся в конце 1880–1890-х гг. к философским размышлениям «ночной поэзии», тем не менее продолжающим традиции гражданской поэзии Н. Некрасова (что в том числе заметно и в выборе стихотворных размеров). За пределы газетной литературы ему выйти не удалось, и тем лучше в его произведениях прослеживаются общие тенденции газетной литературы того времени.

Ключевые слова: русская поэзия XIX века, газетная литература, литературный статус, непрофессиональный литератор, гражданская поэзия

Для цитирования: Козлов И.В. Автор «Екатеринбургской недели» Константин Аполлонович Большаков: особенности творческой манеры непрофессионального литератора в контексте газетной литературы // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 645-652. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-645-652>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-645-652

Konstantin Apollonovich Bolshakov, author of “Yekaterinburg week”: features of creative manner of a non-professional writer in the context of newspaper literature

Ilya V. KOZLOV^{1,2}

¹Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation

²The institute of history and archaeology, Ural branch of Russian Scientific Academy
16 S. Kovalevskoy St., 620108 Yekaterinburg, Russian Federation

✉ i.v.kozlov@urfu.ru

Abstract. We investigate the main trends in Ural newspaper literature of the late 19th century. On the example of K. Bolshakov’s work, published in the first unofficial Ural’s newspaper “Yekaterinburg week”, within the framework of the historical and literary analysis, the attempts of a novice non-professional poet to integrate into the literary hierarchy of the national literary tradition, find literary “teachers” and “patrons” are considered. At the same time, the context of the Ural cultural nest, newspaper form of the existence of literary works exerted its influence on K. Bolshakov’s work. Comparison of publications in the newspaper and archival data (drafts, poems that were not intended for publication) allows us to say that the context of newspaper literature, the will of the editorial board had a direct impact on the writers of that time. We analyze, among other things, social composition of writers of the newspaper “Yekaterinburg week”, newspaper has united non-professional authors who, while developing generally significant social topics, sought to combine with the national tradition. Provincial newspaper literature sought to depict exotic plots, picked up literary innovations coming from the capitals. Against this background, K. Bolshakov’s work gave the impression of being quite traditional, but the choice of S. Nadson as a “literary teacher” for D. Mamin-Sibiryak’s student was quite unexpected. Social sketches, descriptions of professional life, philosophical reflections were intended by the author for publication, including in the newspaper. Poems “in case”, humorous poems remained in the drafts, although newspaper periodicals allowed publishing such texts, which testified to the deliberate selection of texts for publication by the author. K. Bolshakov became – along with Sivkov, Kholodkovsky, I. Popov, Galin, I. Belousov, Milyaev – one of the authors of the “Yekaterinburg week”, which addressed in the late 1880s – 1890s to the philosophical reflections of “night poetry”, nevertheless continuing the traditions of the civic poetry of N. Nekrasov (which is also noticeable in the choice of poetic meter). He did not manage to go beyond the limits of newspaper literature, and so much the better in his works the general tendencies of newspaper literature of that time can be traced.

Keywords: Russian poetry of the 19th century, newspaper literature, literary status, non-professional writer, civic poetry

For citation: Kozlov I.V. Avtor «Ekaterinburgskoy nedeli» Konstantin Apollonovich Bol’shakov: osobennosti tvorcheskoy manery neprofessional’nogo literatora v kontekste gazetnoy literatury [Konstantin Apollonovich Bolshakov, author of “Yekaterinburg week”: features of creative man-

ner of a non-professional writer in the context of newspaper literature]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 645-652. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-645-652> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В последние годы были предприняты усилия по изучению уральской литературы рубежа XIX–XX веков. В сборниках статей «Дергачёвские чтения» и «Литература Урала: история и современность» описаны литературные отделы основных уральских газет и журналов, введён в научный оборот большой массив материалов. В том числе была исследована и екатеринбургская периодика, в частности газеты «Екатеринбургская неделя», «Рудокоп»¹. Тем не менее, в обзорных статьях сложно сосредоточиться на биографии и творчестве отдельных представителей уральской печати. Но на примере одного автора можно при этом проследить основные тенденции, действовавшие в региональной литературе второй половины XIX века: основные темы, за разработку которых брались литераторы, варианты их представления читателю, самоопределение писательской позиции в иерархии общенациональной литературы.

В 1887 г. в разных номерах газеты «Екатеринбургская неделя» (первой екатеринбургской газеты, издававшейся с 1879 по 1896 г.) появилось три стихотворения К. Большакова.

Редакции «Екатеринбургской недели» удалось собрать довольно пёструю в социальном отношении группу постоянных авторов. Здесь печатались священники (например, Л. Катанский, печатавшийся под псевдонимом Л. Безродный в 1883 и 1887 гг.). Коллежский секретарь Иван Яковлевич Короваев, служивший одним из помощников правителя канцелярии пермского губернатора и опубликовавший несколько стихотворений в 1883 г.², Михаил Павлович Холодковский, автор стихотворений «Тайна» [1] и «Волостной сход пред набором до 1864 г.» [2], имел чин надворного советника и служил

лесничим 1-го разряда Верхотурского лесничества³. Павел Михайлович Сивков, оставивший воспоминания о «Екатеринбургской неделе» и её редакторе П.Н. Галине, автор стихотворного послания «В. А. К.» (см.: [3]), начинал с небольших корреспонденций и рассказов из Кунгура, а затем, закончив Техническое училище и переехав в Екатеринбург, стал заведующим конторой и типографией в редакции «Екатеринбургской недели», опубликовал несколько прозаических произведений в разных периодических изданиях Урала и России (см.: [4–7]).

Возможно, автором стихотворений «Родимый север», «Призыв» [8; 9], подписанных «Ив. Белоусов», был Иван Матвеевич Белоусов, «сельский обыватель», бухгалтер Пермской городской управы⁴. А автором стихотворений «Осень» [10], «На волю!» [11], «Элегия» («Как я хранил вас, юные мечты...») [12], «Забытый сад» [13] был Василий Герасимович Миляев, титулярный советник, делопроизводитель из Управления Пермского уездного воинского начальника⁵.

Фёдор Фёдорович Филимонов, частный поверенный из Ирбита, стал одним из самых известных на Урале сатирических поэтов, начав печататься именно в «Екатеринбургской неделе». Алексей Гаврилович Туркин, в то время «работавший по заводским конторам» – все они, активно публиковавшие свои произведения в разных периодических дореволюционных изданиях, – стали известными на страницах именно «Екатеринбургской недели».

«Екатеринбургская неделя» была первой неофициальной газетой Екатеринбурга. Её создатели и первые редакторы полагали, что у провинциальной газеты должны быть особые задачи. «Провинция же стоит лицом к лицу с обыденной трудовой жизнью и яснее

¹ См.: Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург, 2016. 424 с.

² Адрес-календарь Пермской губернии на 1886 г. Пермь, 1885. С. 255.

³ Там же. С. 255, 275.

⁴ Адрес-календарь. Памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь, 1896. С. 28.

⁵ Там же. С. 36.

видит те грубые ошибки, которые натворили господа писатели-теоретики. Вот почему весьма важно, чтобы провинциальная пресса заняла место повиднее того, какое она занимала до сих пор» [14], – писал редактор газеты Павел Капитонович Штейнфельд. Сходную задачу выполняли и художественные произведения, появлявшиеся на страницах газеты. Часто они были посвящены описанию событий, действительно имевших место (с необходимой попыткой обобщения ситуации; так в указанном выше стихотворении Холодковского «Волостной сход пред набором до 1864 г.»), иногда за художественным вымыслом проглядывала непосредственная реальность (так, в поэме [15]).

Тем не менее провинциальная газетная литература стремилась к изображению экзотических сюжетов (чтобы продемонстрировать, что и она – «не хуже столичных образцов»), подхватывала литературные новшества, приходящие из столиц.

К. Большаков в своих стихотворениях, опубликованных в «Екатеринбургской неделе», воспользовался основными темами, активно разрабатывавшимися в то время в печати. Он подхватывает мотивы гражданской поэзии: внимание к униженным и оскорблённым, желание помочь обездоленным, хотя бы привлекая внимание к ним печатным словом, приверженность не только к «искусству ради искусства», но искусство для людей, в помощь им.

При этом он не избегал философских тем. Одно из стихотворений посвящено власти судьбы, «классифицирующей» людей, причём принцип этого разделения таинствен, неподвластен воле человека и поэтому трагичен:

Ласки её нежны,
 Ей горька утрата:
 Одному даст звёзды,
 А другим заплату.
 Под другой заплатой
 Честно сердце бьётся
 И ума палата –
 Да не так живётся.
 Люди, не ищите
 Счастья, воли светлой:
 Нет их, и не ждите
 В доле беспросветной.

Вылейтесь, слёзы
 Жгучие, людские,
 Замолчите, грёзы,
 Думы дорогие... [16].

Рядом с этим философским произведением – «зарисовка» из профессионального быта бурлаков. Тема, казалось бы, известная в литературе второй половины XIX века, – бурлак часто становился символом нелёгкой жизни человека в этом мире (например, судьбы Пилы и Сысойки, описанные в романе «Подлиповцы» другого уральца – Ф.М. Решетникова). Но эту тему Большаков развивает в своеобразном стихотворении «Песня бурлака», своим стихотворным размером как будто передающим размеренную, монотонную поступь героя:

Солнышко знойное,
 В полдень спокойное,
 Смотрит с высокого
 Неба далёкого.
 Дождиком вымочит,
 Солнышком высушит,
 Ветром обдует –
 Всё на ходу!
 Дело привычное,
 Лямка отличная,
 Только впрягись в неё –
 Сонный пойдёшь!
 Скверно, коль тонкое
 Место неловкое:
 Больно уж грузнет
 В берег нога...
 Встать бы маленько,
 Грудь порасправить,
 Да уж темненько –
 Скоро ночлег:
 На ночь прикроет нас
 Ночка холодная,
 На ночь накормит нас
 Доля голодная...
 Песня тоскливая,
 Лямка тяжёлая,
 Поступь унылая,
 Грудь изнурённая... [17].

А в стихотворении с вызывающим названием «Из современных идиллий» изображены люди, но – с точки зрения самоубийцы, лежащего на тротуаре. На него никто не обращает внимания, все спешат по своим делам:

Лежал на плитах ты холодных безмолвный;
 А город шумел многолюдной толпой:

Автором этих стихотворений был нотариус из Шадринска Константин Аполлонович Большаков. В архиве В.П. Бирюкова, хранящемся в ГАСО, есть информация о нём и фотографическое изображение (рис. 1). Константин Аполлонович Большаков родился в 1858 или 1859 г. Умер в Шадринске около 1910 г. По-видимому, учился в екатеринбургской мужской гимназии, потом – в Казанском университете с братом Мамина-Сибиряка – Владимиром Наркисовичем Маминым. Он не был лишён «литературной родословной»: в юности он был домашним учеником Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге. В архиве сохранилось несколько деловых бумаг, писанных его рукой.

В архиве сохранилась фотография, в надписи к которой неизвестной рукой Большаков был представлен именно в качестве «шадринского нотариуса, поэта». По-видимому, этот статус был «присвоен» ему современниками уже в конце XIX века. Сохранились и черновики с неизвестными стихотворениями Большакова. По сравнению с газетными публикациями в них поэт обнаруживает себя очень разным, постоянно ищущим себя стихотворцем. Ему принадлежат и шуточные стихотворения на случай, и стихотворные послания поэтическому «собрату»:

Ода!
Подражание Державину («Бог»)
Он!

О! Ты, который всех таскает
Туда, отколь возврата нет.
Отколь лишь утром выпускает
С помятой рожею во свет
* *
*

К тебе взываю я с мольбою:
«Оставь меня и не тащи».
А ты октавою густою
Мне отвечаешь: не пищи!!! [19]

Такая «профессиональная зарисовка» из быта юристов и приставов той поры неожиданно дополняет авторский образ К. Большакова, не чуждавшегося таких шуточных стихотворных строк, и всерьёз разрабатывавшего тему обращения с женщинами:

Тот сердце женщин знает плохо, –
Тот вовсе их не мог понять, –

Кто лишь мольбой и силой вздоха –
Старался страсть в них пробуждать.

....
Умей сдержанность порывы ласки,
Хотя б она в крови кипит.
Будь дерзок с нею, лжив и [нрзб.]
Под внешним льдом наружной маски
Умей в ней чувства раздражить,
Тогда она начнёт любить [20].

Однако преобладающим настроением стихотворений Большакова всё-таки было философское. Элегические размышления о смысле жизни, человеке, задаче его часто появляются в стихотворных строках:

Пойми себя – всеильно то познанье;
Оно перед тобой рассеет ночи тьму,
Даст жизни цель и честное желанье
Вступить с собой в тяжёлую борьбу.
Но не страшись её, отдайся ей с любовью,
Она тебя возвысит, оживит.
И в кровь застывшую вольётся новой кровью
И от безумных слов неволью отрезвит [21].

И в конечном итоге, сам Большаков обращается в стихотворном послании к тому поэту, на которого ориентируется в своей поэтической деятельности:

Я пожал твою честную руку, поэт,
Брат-страдаец за брата родного
В чутких песнях твоих всё искал я ответ,
Помощь братскую, ласку родного [22].

Для многих С. Надсон в 1880–1890-е гг. был образцом поэтического существования в мире. Ему адресовано множество стихотворных посланий. Среди них – творчество уральского почитателя его таланта, а в какой-то степени и подражателя – нотариуса из Шадринска Константина Аполлоновича Большакова.

Таким образом, в творчестве непрофессионального литератора отразились основные характерные черты газетной литературы Урала конца XIX – начала XX века. Большаков не был литератором, он исполнял должность нотариуса, но тем не менее находил возможность создавать стихотворные произведения и публиковать их в первой неофициальной газете Урала. Выше было показано, что социальный состав авторов «Екатеринбургской недели» был довольно пёстрым, в него попадали чиновники, священники, ино-

гда крестьяне. Поэтому отголоски непосредственной профессиональной деятельности можно найти в стихотворениях этих авторов и, в частности, Большакова. Кроме того, сотрудничество шадринского нотариуса в газете подтверждало ещё одну важную тенденцию: стремление редакции максимально расширить географию своих стихотворных

корреспонденций, «Екатеринбургская неделя» претендовала на статус общеуральской газеты. В то же время прямое обращение к Надсону (впрочем, так и не опубликованное) обозначало устремление Большакова соотнести свою творческую практику с теми поэтическими образцами, которые были уже признаны в общенациональной литературе.

Список литературы

1. *Холодковский М.* Тайна // Екатеринбургская неделя. 1881. № 17. С. 284.
2. *Холодковский М.* Волостной сход пред набором до 1864 г. // Екатеринбургская неделя. 1881. № 32. С. 437.
3. *Сивков П.М. В. А. К.* // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 404.
4. *Сивков П.* Лелькина ёлка (Рождественский рассказ) // Уральская жизнь. 1906. № 279 (25 дек.). С. 3.
5. *Сивков П.* Дома // Уральская жизнь. 1913. № 133 (16 июня). С. 2; № 139 (23 июня). С. 2.
6. *Сивков П.* Из прошлого уральской печати. Памяти П.Н. Галина // Уральский край. 1911. № 212 (30 сент.). С. 2.
7. *Сивков П.* Газетное дело на Урале тридцать лет назад (вместо автобиографии) // Пермский краеведческий сборник. Вып. IV. Пермь, 1928. С. 218-235.
8. *Белюсов И.* Родимый север // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 308.
9. *Белюсов И.* Призыв // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 340.
10. *Миляев В.* Осень // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 307.
11. *Миляев В.* На волю! // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 332.
12. *Миляев В.* Элегия («Как я хранил вас, юные мечты...») // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1892. С. 346.
13. *Миляев В.* Забытый сад // Литературный отдел «Екатеринбургской недели». Екатеринбург, 1893. С. 178.
14. *Штейнфельд П.К.* <От редактора> // Екатеринбургская неделя. 1883. № 22. С. 358.
15. *Л. Д-ть.* Виновата ли она // Екатеринбургская неделя. 1879. № 11. С. 130-131.
16. *Большаков К.* Песня неволи // Екатеринбургская неделя. 1887. № 7. С. 147.
17. *Большаков К.* Песнь бурлака // Екатеринбургская неделя. 1887. № 14. С. 296.
18. *Большаков К.* Из современных идиллий // Екатеринбургская неделя. 1887. № 50. С. 1188.
19. *Большаков К.* Ода // ГАСО. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 3357. Л. 223.
20. *Большаков К.* «Тот сердце женщин знает плохо...» // ГАСО. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 3357. Л. 228.
21. *Большаков К.* Пойми себя // ГАСО. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 3357. Л. 235.
22. *Большаков К.* С.Я. Надсону // ГАСО. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 3357. Л. 251.

References

1. Kholodkovskiy M. Tayna [Secret]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1881, no. 17, p. 284. (In Russian).
2. Kholodkovskiy M. Volostnoy skhod pred naborom do 1864 g. [Volost gathering before recruitment until 1864]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1881, no. 32, p. 437. (In Russian).
3. Sivkov P.M. V. A. K. [V. A. K.]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of "Yekaterinburg Week"]. Yekaterinburg, 1892, p. 404. (In Russian).
4. Sivkov P. Lel'kina elka (Rozhdestvenskiy rasskaz) [Pavel. Lelkin's Christmas tree (Christmas story)]. *Ural'skaya zhizn'* [Ural Life], 1906, no. 279 (25 Dec.), p. 3. (In Russian).
5. Sivkov P. Doma [At home]. *Ural'skaya zhizn'* [Ural Life], 1913, no. 133 (16 June), p. 2; no. 139 (23 June), p. 2. (In Russian).
6. Sivkov P. Iz proshlogo ural'skoy pechati. Pamyati P.N. Galina [From the past of the Ural press. In memory of P.N. Galina]. *Ural'skiy kray* [Ural Region], 1911, no. 212 (30 Sep.), p. 2. (In Russian).

7. Sivkov P. Gazetnoye delo na Urale tridtsat' let nazad (vmesto avtobiografii) [Newspaper business in the Urals thirty years ago (instead of an autobiography)]. *Permskiy krayevedcheskiy sbornik. Vyp. IV* [Perm Local Lore Collection. Issue 4]. Perm, 1928, pp. 218-235. (In Russian).
8. Belousov I. Rodimyy sever [Dear North]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1892, p. 308. (In Russian).
9. Belousov I. Prizyv [Appeal]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1892, p. 340. (In Russian).
10. Milyayev V. Osen' [autumn]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1892, p. 307. (In Russian).
11. Milyayev V. Na volyu! [On will]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1892, p. 332. (In Russian).
12. Milyayev V. Elegiya («Kak ya khranil vas, yunyye mechty...») [Elegy (“How I kept you, young dreams ...”)]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1892, p. 346. (In Russian).
13. Milyayev V. Zabytyy sad [Forgotten garden]. *Literaturnyy otdel «Ekaterinburgskoy nedeli»* [Literary Department of “Yekaterinburg Week”]. Yekaterinburg, 1893, p. 178. (In Russian).
14. Shteynfel'd P.K. <Ot redaktora> [<From the editor>]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1883, no. 22, p. 358. (In Russian).
15. L. D-t. Vinovata li ona [Is she to blame]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1879, no. 11, pp. 130-131. (In Russian).
16. Bolshakov K. Pesnya nevoli [Bondage song]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1887, no. 7, p. 147. (In Russian).
17. Bolshakov K. Pesn' burlaka [Song of the barge hauler]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1887, no. 14, p. 296. (In Russian).
18. Bolshakov K. Iz sovremennykh idillyi [Of modern idylls]. *Ekaterinburgskaya nedelya* [Yekaterinburg Week], 1887, no. 50, p. 1188. (In Russian).
19. Bolshakov K. Oda [Ode]. *GASO* [SASR], fund 2266, list 1, file 3357, p. 223. (In Russian).
20. Bolshakov K. «Tot serdtse zhenshchin znayet plokhо...» [“That one who heart of women knows badly...”]. *GASO* [SASR], fund 2266, list 1, file 3357, p. 228. (In Russian).
21. Bolshakov K. Poymi sebya [Understand yourself]. *GASO* [SASR], fund 2266, list 1, file 3357, p. 235. (In Russian).
22. Bolshakov K. S.Y. Nadsonu [To Y. Nadson]. *GASO* [SASR], fund 2266, list 1, file 3357, p. 251. (In Russian).

Информация об авторе

Козлов Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, департамент «Филологический факультет», Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; научный сотрудник центра истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация, i.v.kozlov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, набор первичного материала, в том числе архивного, подбор первичного материала, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 19.04.2021
Одобрена после рецензирования 04.05.2021
Принята к публикации 27.05.2021

Information about the author

Ilya V. Kozlov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, “Philological Faculty” Division, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Research Scholar of Literary History Center, The Institute of history and archaeology, Ural branch of Russian Scientific Academy, Yekaterinburg, Russian Federation, i.v.kozlov@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-4492>

Contribution: main study conception, literature analysis, source material acquisition, including archival material, source material selection, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 19.04.2021
Approved after reviewing 04.05.2021
Accepted for publication 27.05.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-653-660

Проблематика и поэтика малой прозы Д. Рубиной 1970–1980-х годов

Наталья Владимировна СОРОКИНА ✉,
Людмила Евгеньевна АБРАМЕНКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ sorok_tam@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены тематические, жанрово-композиционные, стилевые особенности произведений Д. Рубиной раннего периода её творчества. Основное внимание сосредоточено на анализе рассказов «По субботам», «Этот чудной Алтухов», «Дом за зелёной калиткой», «Терновник», вошедших в сборник малой прозы Д. Рубиной 1970–1980-х годов. Актуальность исследования связана с необходимостью изучения творчества одного из ведущих авторов современной литературы с целью уточнения общей картины литературного процесса рубежа XX–XXI веков и места в нём конкретного художника. Сформулированы основные черты ранних произведений Д. Рубиной, заключающиеся в повышенной роли автобиографического начала, наличии особых героев – представителей творческих профессий, внимании к проблемам детства и взаимоотношений старшего и молодого поколений, введении мистических элементов, близости рассказов новеллистическому жанру. Проведены параллели с некоторыми поздними произведениями писательницы в ракурсе развития образов, художественных приёмов. Определены перспективы исследования малой прозы Д. Рубиной: изучение сквозных мотивов рассказов, повестей и романов писательницы от начального до настоящего периода творчества, анализ интертекстуальных связей произведений автора с классической и современной русской и зарубежной литературой.

Ключевые слова: ранний период творчества Д. Рубиной, малая проза, художественный мир детства, новеллистическое начало, автобиографизм рассказов

Для цитирования: Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е. Проблематика и поэтика малой прозы Д. Рубиной 1970–1980-х годов // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 653–660. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-653-660>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Problems and poetics of short prose by D. Rubina 1970–1980s

Nataliya V. SOROKINA ✉,
Lyudmila E. ABRAMENKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ sorok_tam@rambler.ru

Abstract. We consider thematic, genre-compositional, stylistic features of D. Rubina's works of the early period of her work. We focus on the analysis of stories "On Saturdays", "This wonderful Altukhov", "The House behind the Green Gate", "Thorns", which were included in the collection of short prose by D. Rubina of the 1970s–1980s. The relevance of study is associated with the need to study the work of one of the leading modern literature authors in order to clarify the general picture of the literary process at the turn of the 20th–21st centuries and the place of a particular artist in it. We formulate the main features of D. Rubina's early works, which consist in the increased role of the autobiographical beginning, the presence of special heroes-representatives of creative professions, attention to the problems of childhood and the relationship between the older and younger generations, the introduction of mystical elements, the proximity of stories to the novelistic genre. We draw parallels with some of the writer's later works from the perspective of development of images, artistic techniques. We define the prospects for the study of D. Rubina's short prose: the study of the cross-cutting motives of writer's stories, novellas and novels from the initial to the present period of creativity, the analysis of the intertextual connections of author's works with classical and modern Russian and foreign literature.

Keywords: early period of D. Rubina's work, short prose, artistic world of childhood, novelistic beginning, autobiography of stories

For citation: Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Problematika i poetika maloy prozy D. Rubinyo 1970–1980-kh godov [Problems and poetics of short prose by D. Rubina 1970–1980s]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 653–660. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-653-660> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Творчество Д. Рубиной 1970–1980-х годов принято определять как ранний период её творчества, представленный малой прозой. На вопрос, какую форму – малую или крупную – предпочитает, писательница ответила: «Это разное приложение сил и разные сферы деятельности. Всё равно что вы спросите – что тяжелее: поднять стокилограммовую штангу или расписать палехскую шкатулку» [1].

Исследование произведений рассматриваемого периода представляется основополагающим при характеристике творческого пути писательницы. В это время закладывались основы поэтики художественного мира автора, формировался круг ведущих тем и мотивов, которые получают развитие в более позд-

них произведениях. Цель данной работы – выявить и описать основные черты, характеризующие творчество Д. Рубиной указанного времени.

Материалом настоящего исследования послужил сборник «Отлично поёт товарищ прозаик!», выпущенный в 2016 г. издательством «Эксмо» как первый том составленной в хронологическом порядке специальной серии «Малая проза Дины Рубиной» [2].

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, творчество Д. Рубиной как представителя современного литературного процесса постоянно порождает споры и диаметрально противоположные оценки. Во-вторых, в научной среде в настоящий момент особое распространение

получил интертекстуальный подход, который необходим при исследовании раннего творчества Д. Рубиной.

Наиболее основательной работой по творчеству Д. Рубиной на данный момент является монография Э.Ф. Шафранской «Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной)» [3]. К.В. Загороднева [4], Д.Д. Зиятдинова [5], Г.С. Зуева [6], В.Ю. Пановица [7] сосредотачивают своё внимание на жанрово-стилистических особенностях произведений писательницы (преимущественно крупных форм).

Раннее же творчество Д. Рубиной, в особенности рассказы, остаётся вне поля зрения исследователей. Возможно проследить последовательную рецепцию лишь в отношении повести «Когда же пойдёт снег?» [8–10]. В настоящем исследовании не только рассмотрена ранняя проза Д. Рубиной, но и определены черты, которые получили развитие в дальнейшие периоды творчества писательницы.

Сборник «Отлично поёт товарищ прозаик!» включает восемь рассказов и две повести, написанные в 1970–1980-х годах. В данной статье последовательно рассматриваются рассказы «По субботам», «Этот чудной Алтухов», «Дом за зелёной калиткой», «Терновник», повесть «Когда же пойдёт снег?». Именно в этих произведениях, на наш взгляд, наиболее чётко проступают особенности зарождающегося индивидуального стиля Д. Рубиной, оформившегося в более поздних её работах.

Ни один сборник малой прозы Д. Рубиной не обходится без предисловия. В нём она выражает взгляды на творчество, делится историей создания тех или иных произведений. Книга «Отлично поёт товарищ прозаик!» открывается предисловием, написанным уже зрелым автором. Эта преамбула с несколько пафосным заглавием «Великая сила печатного слова» дана в «Содержании» как самостоятельная часть в ряду других художественных произведений сборника. Писательница критически относится к своему раннему творчеству: самые первые рассказы она называет «торжествующим щенячьим визгом» [2, с. 8]. Здесь же обозначены условия становления писателя: несчастная лю-

бовь, самоирония, дистанцирование от окружающего мира.

Название сборнику дала фраза из рассказа «Концерт по путёвке «Общества книголюбов». В заглавии «Отлично поёт товарищ прозаик!» чувствуется самоирония, как будто автор с высоты прожитых лет, литературного и житейского опыта говорит о себе юном. В самом рассказе, наполненном прозрачными автобиографическими подробностями, эта оценка выступления юной писательницы дана начальником колонии, в которой состоялся первый большой «неожиданный концерт» героини-прозаика, от лица которой и ведётся повествование. При всей курьёзности описанной ситуации финал рассказа содержит серьёзные размышления об эмоциональном и воспитательном воздействии искусства на личность человека: «Я вообще далека от мысли, что искусство способно вдруг раз и навсегда перевернуть человеческую душу. Скорее, оно каплей точит многовековой камень зла, который тащит на своём горбу человечество. И если хоть кто-то из тех бритоголовых моих сверстников сумел, отбив срок, каким-то могучим усилием характера противостоять инерции своей судьбы и выбраться на орбиту человеческой жизни, я лъщу себя мыслью, что, может быть, та давняя капля, тот мой наивный концерт тихой тенью сопутствовал благородным усилиям этой неприкаянной души...» [2, с. 174].

Открывается сборник рассказом «По субботам». Из названия следует, что речь пойдёт о чём-то типическом, однако Д. Рубина предпочитает заголовки с возможностью множественной интерпретации. Обыденность в названии рассказа обманчива. Эта суббота стала для героини особенной: Ева случайно столкнулась с отцом. Мать и отец расстались, у отца новая семья, мать уехала в другой город. Героиня чувствует себя одинокой. Отец надеется на прощение со стороны дочери, но она, разговаривая с ним достаточно миролюбиво, продолжать общение не намерена.

В этом произведении всё не то, чем кажется: суббота оказалась необычной, Ева вовсе не такой равнодушной, как она декламировала, а любвеобильный Акундин – чутким и добрым, готовым взять ответственность за чужого ребёнка, пойти ради него на

определённые жертвы. Посредством изображения одного дня достигается создание представления обо всей предшествующей жизни героини и намечаются пути её развития.

Уже в ранней прозе Д. Рубиной можно выявить переключки с произведениями русских писателей разных эпох. Главным героем рассказа-портрета «Этот чудной Алтухов» является настоящий чудак, в некотором отношении близкий «чудикам» В.М. Шукшина. Он живёт в мире фантазий, имеет склонность к самопожертвованию, герой оригинален, загадочен, остроумен. Внешняя привлекательность в нём контрастирует с внутренним магнетизмом. Не удивительно поэтому, что рассказчица, называя Алтухова «уродом» [2, с. 30], симпатизирует ему, а затем и вовсе влюбляется. Перед нами разворачивается история несостоявшейся любви.

Рассказ исполнен житейского юмора, столь характерного для творчества Д. Рубиной, но вместе с этим в нём поднимается ряд экзистенциальных вопросов: смысл жизни, тотальное непонимание людьми друг друга, отношение к себе, вечные поиски своего места в мире.

Героиня рассказа «Дом за зелёной калиткой», как и Ева из рассмотренного ранее «По субботам», испытывает недовольство собой. Она идёт по выбранному не ею пути: занимается музыкой только потому, что в доме стоит музыкальный инструмент. Ей присущи критическое отношение к миру взрослых, чувствительность к фальши, подтекстам. Особенность рассказа в том, что в нём сочетаются взгляд на события взрослого и ребёнка. Учительница музыки не понимает девочку, не желает её услышать. Она не становится наставником. Искусство не облагораживает учительницу, она проявляет мелочность и категоричность в записке, адресованной матери девочки. Противопоставляются две учительницы: преподаватель музыки и мать героини. Одна смотрит на ситуацию лишь под одним углом, другая милосердна и снисходительна к ошибкам детей. Музыкант, с её прекрасными данными и способностями, нанесла девочке психологическую травму.

Проблеме отношений родителей и детей посвящён рассказ «Терновник». Он уникален тем, что главным героем становится мальчик,

сначала посещающий детский сад, а затем идущий в школу. Ранние произведения Д. Рубиной автобиографичны, поэтому в них выражена гендерная диспропорция: чаще мы погружаемся во внутренний мир представительниц женского пола. В данном рассказе, как и в ряде других ранних произведений Д. Рубиной, представлен по-детски наивный взгляд на мир. Наблюдается материализация, буквальное восприятие ряда лексем: забавно выглядят размышления мальчика о загадочном слове «кооператив». Здесь же уместно обратиться к рассказу «Дом за зелёной калиткой», где девочка, услышав фразу «Ноги моей не будет в этом доме!», представляет, как ногу отца берут и тащат куда-то помимо его воли, а он возражает против такого самоуправства. Наряду с этим герой рассказа «Терновник» не по-детски наблюдателен. Когда он находит в столе отца нежно подписанную фотографию матери, он не решается взять её, чувствуя, что отец тоскует по бывшей жене. Эту же тоску маленький герой ощущает, когда видит, что отец хранит его игрушки в надежде на воссоединение семьи.

Отношение к матери главного героя меняется по ходу чтения произведения. Вначале создаётся впечатление, что она эмоционально неустойчива, между ними часто возникают конфликты. Однако затем мы понимаем, что она жалеет сына. Так, мальчик освоил некоторые приёмы манипулирования матерью: он придаёт лицу страдальческое выражение, благодаря чему сердце матери смягчается. Более того, мы понимаем, что мальчику интересно с мамой. Он воспринимает её как подружку, нередко называет по имени. Между тем наблюдается извечный конфликт отцов и детей: детям нужно внимание, родителям необходимо зарабатывать. Мальчик не понимает взрослые проблемы: он с ненавистью отзывается о таинственнойлевой Работе матери, которой она занимается по вечерам, что ведёт к раздражительности последней. Однако показательно, что, даже будучи занятой, мать находит время ответить на вопросы сына, не остаётся равнодушной, давая ему таким образом важные уроки милосердия. В рассказе поднимается и проблема ксенофобии, ведь дети молочницы – представители иной национальности (напомним, что детство Д. Рубиной прошло в мно-

гонациональном Ташкенте). Девиз матери следующий: «<...> ты у меня вырастешь человеком. А если не человеком, то я убью тебя собственными руками!» [2, с. 84]. Она помогает ему пережить трудности социализации в школе, помогает в самоидентификации, даёт советы. Мать воплощает образ сильной женщины.

Прослеживается противопоставление отца и матери: он – воплощение праздника (с ним мальчик проводит выходные, он покупает ребёнку игрушки), она – обыденности (делают вместе уроки, беседуют, покупает предметы обихода). У них разное отношение к страданию: она никогда не пройдёт мимо чужой беды, он же равнодушен к обездоленным. Их разность проявляется и в воспитании мальчика: мать беседует с ним даже на «взрослые» темы, а отец третий год рассказывает ему наивную сказку. Ребёнок выступает, как дипломат: он стремится не обидеть ни мать, ни отца. Мальчик чётко осознаёт: дом там, где мать. Они очень близки. Мальчик уже на второй день разлуки начинает скучать по матери, представляет, что она ласкова с другим ребёнком.

Напротив окна мальчика растёт терновник. Данный образ приобретает значение символа. Мать рассказывает сыну историю о человеке, на которого надели терновый венец, – об Иисусе Христе. Страдание является лейтмотивом рассказа: страдает мать, которой приходится тяжело трудиться, страдает отец в разлуке с женой и сыном, страдает мальчик, которому приходится лавировать между родителями. Показательна в этом отношении история соседки главных героев – бабы Шуры. Её муж погиб на фронте, она в двадцать один год осталась вдовой. Во время скитаний с дочерью она повидала многое: один солдат ценой собственной жизни защитил девочку, другой сам просил помощи. Баба Шура, как и мать главного героя, не может пройти мимо страдающих: увидев мальчика, напрасно пытающегося получить молоко от мёртвой матери, она берёт его с собой. Из-за этого её не принимают родители мужа, посчитав ребёнка нагулянным. Апофеозом страдания становится эпизод, когда в отчаянии она решается сброситься с крутого берега в реку, но её останавливает восклица-

ние младенца [2, с. 90]. Эта женщина пережила многое, но осталась человеком.

Повесть «Когда же пойдёт снег?», на первый взгляд, подобно многим ранним рассказам писательницы, посвящена семейным отношениям. Отец главной героини спустя пять лет после смерти жены вновь собирается жениться. У него есть двое детей: юноша и девочка-подросток. Представлен мужской и женский взгляд на ситуацию: Нина (главная героиня) полагает, что отец должен хранить верность матери, а Максим (её брат) понимает, как тяжело ему быть одному и постоянно тосковать по бывшему.

Произведение позволяет увидеть мир глазами девочки, чему способствует использование несобственно-прямой речи, что является одной из характерных черт поэтики Д. Рубиной. Повесть начинается с описания обычного двора. Неординарность, мечтательность героини, её любовь к художественному беспорядку видны в этом фрагменте: её раздражают дворники, так как они убирают «прекрасные мёртвые листья» [2, с. 205]. Утро в семье начинается с безрадостных для девочки вестей о женитьбе отца. Далее автор применяет неожиданный сюжетный поворот, возникает интрига: девочке звонит незнакомец, который уверяет, что увидел её в театре и влюбился в неё с первого взгляда. Интрига впоследствии разрешается: выясняется, что они стали жертвой розыгрыша соседа Нины, а понравилась Борису другая девушка. Но юноша оценил оригинальность героини и заинтересовался ей. Девушка, в свою очередь, влюбляется в красивого загадочного незнакомца.

В центре повести – экзистенциальные проблемы. Судьба играет героями. Как и принято в художественном мире Д. Рубиной, всё оказывается не тем, чем кажется. Так, в сознании Нины сформирована идиллическая картина взаимоотношений родителей. Они встретились, когда матери исполнилось шестнадцать лет, и сразу же начали жить вместе, поняв, что нашли друг друга. Однако позднее от брата она узнаёт семейную тайну: мать в последнее время любила другого мужчину, о чём, возможно, не подозревал даже отец. А её рождение – попытка сохранить отношения. Столь стремительное развитие событий спустя годы повторяется в исто-

рии самой Нины и Бориса. Важной проблемой является проблема памяти, которая имеет материальное воплощение: это портреты художника, отца Нины, фотография, которую спустя много лет получает бабушка Бориса.

Произведение наполнено смертями. Погибает в авиакатастрофе мать главной героини, умирает в больнице нежная и задумчивая рыжая девушка, дыхание смерти ощущает сама Нина, которая тяжело больна. Смерти боится даже соседка Нина – доктор медицинских наук («Свет не будем гасить, да? Страшно...») [2, с. 242]). Практически все истории любви в повести заканчиваются смертью. Бабушка Бориса ждала возлюбленного с войны, они поженились, но прожили вместе всего семь месяцев. Его жестоко убили, а ей отрубили пальцы на обеих руках. От решительного шага от жизни к смерти, как и в рассказе «Терновник», спасает воплощение новой жизни – ребёнок. Тема любви во время войны, сильные женские характеры будут представлены в рассказах «Дед и Лайма», «Адам и Мирьям». Любовь и смерть – важнейшие онтологические составляющие – идут рука об руку.

Таким образом, на основе анализа ранних рассказов Д. Рубиной 1970–1980-х годов можно выделить следующие черты, характеризующие начальный период её творчества.

1. Д. Рубина предпочитает обращаться к собственному опыту, её произведениям присущ автобиографизм.

2. У подростков в художественном мире Д. Рубиной несчастливое детство, они рано взрослеют и много рефлексируют. Нередко это сироты или дети разведённых родителей.

3. В центре внимания писательницы уже в ранних произведениях оказываются творческие люди: музыканты, художники. В дальнейшем творчестве особенно ярко это проявится в трилогии «Люди воздуха».

4. В рассказах появляются мистические образы, которые в дальнейшем трансформируются до инфернальных: зеркало, Арлекин [11; 12].

5. Произведениям Д. Рубиной присуще стремительное и неординарное начало. Они близки новеллам: писательница активно использует непредсказуемые сюжетные ходы.

6. Писательницу занимает экзистенциальная проблематика: герои ищут своё место в мире, нередко считают себя непонятыми, страдают от одиночества. Любовь и смерть стали доминантами рассматриваемых рассказов и повестей.

Ценность этих рассказов в том, что в них зафиксирован иной взгляд на вещи, детское мировосприятие.

Представленное исследование имеет перспективы в плане расширения материала исследования и методов анализа малой прозы. Отдельного внимания заслуживает изучение приёмов введения автобиографических деталей в поздних произведениях и интертекстуальность как ранней, так и зрелой прозы Д. Рубиной.

Список литературы

1. Блаус С. Мы все родом из детства // Еврейский обозреватель. 2008. № 5/168. URL: http://jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=2376 (дата обращения: 10.05.2021).
2. Рубина Д. Отлично поёт товарищ прозаик! М.: Изд-во «Эксмо», 2016. 320 с.
3. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Своё изд-во, 2012. 470 с.
4. Загороднева К.В. Роман Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы»: художественное новаторство и традиции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 3. С. 67-73.
5. Зиятдинова Д.Д. Специфика функционирования жанровой модели травелога в современной русской литературе (Д. Рубина, Л. Улицкая) // Филология и культура. Казань, 2014. № 3 (37). С. 238-243.
6. Зуева Г.С. Живописный экфрасис как способ создания образа героя-художника в прозе Дины Рубиной: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2018. 22 с.
7. Пановица В.Ю. Метафорическая модель «жизнь – это театр кукол» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 258-262.
8. Дзюба Е.М., Кожевникова Т.Е. Жанровая специфика прозы о становлении молодого человека в русской и польской литературе (Д. Рубина «Когда же пойдёт снег?», Я.Л. Вишневецкий «Мартина») //

- Аксиология славянской культуры: Междунар. сб. науч. ст. молодых учёных, аспирантов, студентов. Н. Новгород, 2017. С. 174-183.
9. *Кавракова Д.Ш.* Тропеические средства создания художественного образа в повести Дины Рубиной «Когда же пойдёт снег?» // Актуальные проблемы культуры речи: сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 166-178.
 10. *Шустина И.В.* Компаративные конструкции как отражение детского мировосприятия в повести Д. Рубиной «Когда же пойдёт снег?» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: материалы Междунар. науч. конф. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 196-202.
 11. *Сорокина Н.В., Абраменкова Л.Е.* Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 518-525. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>
 12. *Логвинова И.В.* Образ зеркала в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо»: к вопросу о магическом реализме // Культура в фокусе научных парадигм. 2017. № 5. С. 198-202.

References

1. Blaus S. My vse rodом iz detstva [We all come from childhood]. *Evreyskiy obozrevatel'* [Jewish Observer], 2008, no. 5/168. (In Russian). Available at: http://jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=2376 (accessed 10.05.2021).
2. Rubina D. *Otlichno poyet tovarishch prozaik!* [Comrade Prose Writer Sings Excellently!]. Moscow, Eksmo Publ., 2016, 320 p. (In Russian).
3. Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki (Mifopoetika prozy Diny Rubinoy)* [Dove Syndrome (Mythopoetics of Prose by Dina Rubina)]. St. Petersburg, Svoe Publ., 2012, 470 p. (In Russian).
4. Zagorodneva K.V. Roman D. Rubinoy «Belaya golubka Kordovy»: khudozhestvennoye novatorstvo i traditsii ["White dove of Cordova" by D. Rubina: artistic innovations and traditions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, vol. 1, no. 3, pp. 67-73. (In Russian).
5. Ziyatdinova D.D. Spetsifika funktsionirovaniya zhanrovoy modeli traveloga v sovremennoy russkoy literature (D. Rubina, L. Ulitskaya) [Travelogue: the features of the genre model functioning in modern Russian literature (D. Rubina, L. Ulitskaya)]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, Kazan, 2014, no. 3 (37), pp. 238-243. (In Russian).
6. Zuyeva G.S. *Zhivopisnyy ekfrasis kak sposob sozdaniya obraza geroya-khudozhnika v proze Diny Rubinoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Picturesque Ekphrasis as a Way to Create the Image of the Hero-Artist in the Prose of Dina Rubina. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2018, 22 p. (In Russian).
7. Panovitsa V.Y. Metaforicheskaya model' «zhizn' – eto teatr kukol» v romane Diny Rubinoy «Sindrom Petrushki» [The metaphorical model “life is a puppet theater” in Dina Rubina’s novel “Petrushka’s Syndrome”]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*, 2013, no. 1 (7), pp. 258-262. (In Russian).
8. Dzyuba E.M., Kozhevnikova T.E. Zhanrovaya spetsifika prozy o stanovlenii molodogo cheloveka v russkoy i pol'skoy literature (D. Rubina «Kogda zhe poydet sneg?», Y.L. Vishnevskiy «Martina») [Genre specificity of prose about the formation of a young man in Russian and Polish literature (D. Rubina “When will it snow?”, Y.L. Vishnevsky “Martina”)]. *Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey molodykh uchenykh, aspirantov, studentov «Aksiologiya slavyanskoy kul'tury»* [International Collection of Scientific Works by Young Scientists, Post-Graduate Students, Students “Axiology of Slavic Culture”]. Nizhniy Novgorod, 2017, pp. 174-183. (In Russian).
9. Kavrakova D.S. Tropeicheskiye sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza v povesti Diny Rubinoy «Kogda zhe poydet sneg?» [Tropeic means of creating an artistic image in the story by Dina Rubina “When will it snow?”]. *Sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye problemy kul'tury rechi»* [Collection of Scientific Works Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practice Conference “Current Issues of the Culture of Speech”]. Moscow, 2019, pp. 166-178. (In Russian).
10. Shustina I.V. Komparativnyye konstruksii kak otrazheniye detskogo mirovospriyatiya v povesti D. Rubinoy «Kogda zhe poydet sneg?» [Comparative constructions as a reflection of children's perception of the world in the story by D. Rubina “When will it snow?”]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Semantika i funktsionirovaniye yazykovykh edinit v raznykh tipakh rechi»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Semantics and Functioning of Linguistic Units in Different Types of Speech”]. Yaroslavl, YSPU Publ., 2016, pp. 196-202. (In Russian).

11. Sorokina N.V., Abramenkova L.E. Traditsii magicheskogo realizma v romane Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo» [Magical realism traditions in the Dina Rubina's novel "Style of Leonardo"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 518-525. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-20-518-525>. (In Russian).
12. Logvinova I.V. Obraz zerkala v romane Diny Rubinoy «Pocherk Leonardo»: k voprosu o magicheskom realizme [The image of the mirror in the novel by Dina Rubina "Style of Leonardo": on the question of magical realism]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigim – Culture in the Focus of Scientific Paradigms*, 2017, no. 5, pp. 198-202. (In Russian).

Информация об авторах

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, sorok_tam@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание части текста статьи, обработка и редактирование материала, окончательное одобрение рукописи.

Абраменкова Людмила Евгеньевна, научный сотрудник Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, luda9898@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>

Вклад в статью: обзор литературы, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021
Одобрена после рецензирования 30.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the authors

Nataliya V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, sorok_tam@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Contribution: main study conception, part manuscript text drafting, materials processing and editing, final manuscript approval.

Lyudmila E. Abramenkova, Research Worker of International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, luda9898@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0561-5963>

Contribution: literature review, literary text analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 18.06.2021
Approved after reviewing 30.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021

Ещё раз о пророческой миссии русского писателя (на материале романа Ю.В. Бондарева «Берег»)

Людмила Евгеньевна ХВОРОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ xworowa.mila@yandex.ru

Аннотация. Продолжаются поэтико-философские исследования автора данной статьи о творчестве крупнейшего русского советского прозаика, участника Великой Отечественной войны Ю.В. Бондарева (1924–2020). На основе исследования романа «Берег» (1975) и публицистических высказываний писателя середины 1970-х гг. XX века в рамках культурно-аксиологической парадигмы предпринята попытка осмысления одного из центральных диалогов представителей творческой интеллигенции России и Запада. Разговор русского советского писателя Никитина, бывшего фронтовика, посетившего немецкий город Гамбург спустя 26 лет после войны, и немецкого журналиста-издателя Дицмана прочитывается как своеобразная философская квинтэссенция как данного романа, так и, возможно, творчества писателя в целом. Конфликт России и Запада видится Ю.В. Бондареву в сложнейшей метафизической парадигме борьбы во многом противоположных культурных устоев, несмотря на общую христианскую основу. Констатирована сложность, многомерность, полифонизм бондаревского типа художественного высказывания, его восхождение к традициям русской литературной классики и, прежде всего, в данном случае к творчеству Ф.М. Достоевского. Отмечено ключевое, кульминационное значение указанного диалога-размышления, предпринятого в главе второй части третьей «Ностальгия» Дицмана и Никитина, имеющего некоторое очевидное сходство с автором как для дальнейшего развития характера последнего в поэтико-философском пространстве романа, так и для его художественного «завершения» в финале произведения. Осмыслена актуальность бондаревских метафизических констант в первой четверти XXI века, пророчески выписанных около полувека назад.

Ключевые слова: духовность, Россия, Запад, конфликт, христианская цивилизация, отчуждение, полифонизм, свобода, дискуссия, соборность

Для цитирования: *Хворова Л.Е.* Ещё раз о пророческой миссии русского писателя (на материале романа Ю.В. Бондарева «Берег») // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 661-669. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-661-669>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Once again about the prophetic mission of the Russian writer (based on material of Y.V. Bondarev's novel "The Shore")

Liudmila E. KHVOROVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ xworowa.mila@yandex.ru

Abstract. We conduct continuous poetical and philosophical research on the work of Y.V. Bondarev (1924–2020), the greatest Russian Soviet prose writer and a participant in the Great Patriotic War. Based on the study of the novel "The Shore" (1975) and the writer's journalistic statements of the mid-1970s of the 20th century, within the framework of cultural-axiological paradigm, we attempt to comprehend one of the central dialogues between representatives of the creative intellectuals of Russia and West. The conversation between Russian Soviet writer Nikitin, a former front-line soldier who visited the German city of Hamburg 26 years after the war, and the German journalist and publisher Dietzman is read as a kind of philosophical quintessence of both this novel and, possibly, the writer's work as a whole. The conflict between Russia and West is seen by Y.V. Bondarev in the most complex metaphysical paradigm of the struggle of largely opposite cultural foundations, despite the common Christian basis. We state the complexity, multidimensionality, polyphonism of the Bondarev type of artistic expression, its ascent to the traditions of Russian literary classics and, above all, in this case to the work of F.M. Dostoevsky. We note the key, culminating significance of this dialogue-reflection undertaken in the chapter of the second chapter of the third part "Nostalgia" by Dietzman and Nikitin, which has some obvious similarities with the author both for the further development of latter's character in the poetical and philosophical space of novel, and for its artistic "completion" in work finale. We comprehend the relevance of Bondarev's metaphysical constants in the first quarter of the 21st century, prophetically written out about half a century ago.

Keywords: spirituality, Russia, West, conflict, Christian civilization, alienation, polyphonism, freedom, discussion, collegiality

For citation: Khvorova L.E. Eshche raz o prorocheskoy missii russkogo pisatelya (na materiale romana Y.V. Bondareva «Bereg») [Once again about the prophetic mission of the Russian writer (based on material of Y.V. Bondarev's novel "The Shore")]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 661-669. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-661-669> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В 1976 г., почти синхронно с публикацией нового романа «Берег», Ю.В. Бондарев в статье «Имя этого судьи – правда» с горечью подчёркивал: «Главная проблема Запада – пропасть между духовными запросами человека и его материально-плотским существованием, – рождает отчаяние в тщетном искании жизнеспособной моральной доктрины» [1, т. 6, с. 176].

Вопрос в «Береге», однако, поставлен глубже и трагичнее. Не могут ли проблемы, актуальнейшие в послевоенной Западной Ев-

ропе, стать со временем всеобщими, объединяющими не только всех не любовью, а, как это ни парадоксально – «отъединением»? Ведь, как с болью рассуждал писатель, в современном ему мире 1970-х гг., со стремительно развивающимся научно-техническим прогрессом всё сложнее и сложнее, да и практически невозможно отгородиться странам, народам друг от друга. «Человечество объединено единым земным шаром, в двадцатом столетии он стал удивительно тесен, чрезвычайно уменьшен невероятными ско-

ростями и устройствами новой науки», – уточнил он в той же статье. На Западе, к примеру, искусство, подобно спорту, давно, по его мнению, «превратилось в прибыльную коммерцию» [1, т. 6, с. 176].

Нет никакого сомнения, что «конфликт России и Запада постепенно приобретал в его романах и публицистике метафизическую глубину», по справедливому мнению Л.С. Шкурат. Он поэтапно начинал осознаваться, как она подчёркивала, «как борьба христианских и антихристианских начал в мире» [2, с. 106]. В нашем контексте понимания, однако, проблему необходимо несколько уточнить. А не конфликт ли это в большей степени внутренний, конфликт *внутри* христианской цивилизации, развивающийся на протяжении многих веков?

Вадим Никитин, приехав в Гамбург, спустя двадцать шесть лет после войны, погружается не просто в антихристианский мир. На послевоенном Западе, по выражению его собеседника и оппонента журналиста Дицмана, «старые боги и добродетели умерли, их нет и нет, к примеру, уже понятия прежней семьи, любви, брака» [1, т. 4, с. 316]. Отчуждение, отъединение – понятия с таким семантическим наполнением, когда решительно перечёркнуты без какого-либо сожаления, без борьбы все допустимые грани, весь прежний привычный образ жизни. То, что видит Никитин в реалиях ночного западногерманского города, – это уже даже не признаки антихристианства, а приметы всякого отсутствия обычной, скажем так, «светской» нравственности, всяких норм приличия.

Мир откровенного продажного секса, наркоманов и проституток – вот что предстаёт взорам Никитина и его спутника на улицах ночного Гамбурга. Вместо людей их окружают «чёрные толпы». Реалии германского города глазами Никитина и Самсонова изображаются, как «современный Содом, мир <...> духовной смерти» [2, с. 107]. Журналист и издатель Дицман абсолютно адекватно всё объясняет. Диалог его с Никитиным строится по следующему принципу: немец предельно откровенен, Никитин – вежлив и корректен. Внутренне он потрясён всем увиденным и произошедшим с ним в современной Германии, однако это откровенное состояние Бондарев почти очевидно

отправляет в подтекст. «Подтекстное» потрясение героя объясняется с помощью ретроспективно-ассоциативных глав, где читатель встретится с героями в мае 1945 г. в поверженной Германии.

В современном писателю литературоведении обычно объяснялось состояние Вадима Никитина и его внезапное физическое состояние на обратном пути домой, прежде всего, неожиданной встречей с Эммой и «возвращением» героя в мир воспоминаний и грёз. Это, разумеется, так, однако, думается, что это неполное прочтение. Будь только в этом дело, не было бы смысла говорить о художественно-философской «спирали Бондарева». Никогда не следует забывать о невероятной сложности, многомерности, полифонизме бондаревского типа художественного высказывания. На наш взгляд, диалог, имеющий место между западногерманским журналистом Дицманом и русским писателем Никитиным перед открытой аудиторией в главе второй части третьей «Ностальгия» о происходящем в мире, имеет едва ли не ключевое значение для дальнейшего развития характера Вадима Никитина и его «завершения» – в финале романа.

По степени обнажённости и даже безжалостности суждений, по масштабу высказанных мыслей представителей двух противоположных духовных и социальных систем и, вероятно, все же можно сказать, цивилизаций, этому диалогу трудно найти аналоги в современных писателю произведениях середины 1970-х гг. других авторов, а возможно, и созданных позднее. Показательно, что откровенную «правду-матку» безжалостно «режет» представитель «побеждённой» стороны. В самом деле, гражданин поверженной и тем самым униженной Германии перечисляет гигантское количество материальных благ, грубо уточняя при этом, что «немцы зажрались, как свиньи»; его собеседник Никитин вежливо корректирует разговор.

По логике Дицмана, Западная Германия потеряла память, да она ей и попросту не нужна, поскольку все материальные блага приобрела и в этом смысле вышла победителем. Победителем она стала потому, что выиграла, по Дицману, войну экономическую. Победу немецкий журналист называет «парадоксальной», так как в «период железного

занавеса» между Западом и Востоком «Америка начала вкладывать миллионы долларов в разрушенную германскую промышленность, очень широко открыла западным немцам кредиты, ввезла современное оборудование. <...> И наступил бум, что значит – обилие всех товаров, стабильная марка, расцвет экономики...» [1, т. 4, с. 315]. Дицман даёт понять Никитину, что страшные сороковые годы давно забыты западным немцем, «он живёт в новом измерении, он сыт и не помнит про карточки и эрзацы» [1, т. 4, с. 315]. События Никитина высказывает опасение, что и Советский Союз также может «зажраться» через какое-то количество лет, и тоже «исчезнет духовная жизнь»: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе» [1, т. 4, с. 315]. И далее – очевидно, самое страшное резюме как для Никитина, так и для автора: «И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания...» [1, т. 4, с. 315]. Страшно забвение для автора и его героя, разумеется, не в возможном материальном благополучии, а, конечно же, в потере духовности – той, что всегда составляла самое существо их родины. Вопрос для Бондарева и его героя Никитина гораздо глубже, он лежит в метафизической плоскости: возможно ли следование духовности в «сытом» и «овеществленном» обществе, где всё решают денежные знаки, а боги – это даже уже не много ликов, как в язычестве, а вещизм? На предложение неверующего в Абсолют Дицмана скрестить христианство с марксизмом Никитин возражал пафосно, и, в конце концов, спор вывел оппонентов на размышления о Ф.М. Достоевском. Самое главное у Достоевского, по оценке западного журналиста, – «тонко рвущаяся грань... между добром и злом». И это наиболее интересная сторона внутреннего мира современного человека, зыбкость границы, – это ваш Достоевский, самое главное в его романах, которые пользуются на Западе большой популярностью» [1, т. 4, с. 319].

Уточнения Никитина принципиальны. Главное в Достоевском, по его мнению – поиск истины в человеке и поиск Бога в мире и в себе. В конце концов, в контексте рассуждений о Достоевском Никитин признаётся, что, по его убеждению, «существует в мире абсолют» [1, т. 4, с. 319-320]. Принципиаль-

ный спор, в котором упоминаются и идеи Маркса чуть ли ни в контексте с Достоевским, весьма скептически относившегося к идеям немецкого классика экономики, на самом деле касается основополагающих вопросов: а возможен ли «чистый марксизм», экономическая теория, вне духовно-культурных основ? По философскому исследованию А.В. Лесевицкого, «Ф.М. Достоевский, как и некоторые представители экзистенциальной философии, критикует философские системы Г. Гегеля и К. Маркса. В глобальных системах этих мыслителей человек выступает либо одной из миллионов песчинок познания Абсолютным духом самого себя, либо, как в философии К. Маркса, *личность есть лишь слепок экономических отношений, царящих в обществе*. В теории К. Маркса, например, отстаивается концепция пролетарской революции, в которой «идеальное» коммунистическое общество выступает как цель, а жизнь представителей привилегированных сословий как средство. Ф.М. Достоевский глубоко исследует эту этическую проблему в романе «Братья Карамазовы», квинтэссенцией которого является постулат о том, что личность есть высшая цель, но никогда не средство достижения социального прогресса» (выделено нами. – Л. Х.) [3].

На самом деле на выделенный нами вопрос о соотношении марксизма и о том, устоит ли общество исключительно и только на чисто-экономическом базисе, – ответ очевиден. Он – в миропредставлении и поведенческом кредо Дицмана. А его кредо таково. Он не женат и не потому, что не встретил настоящую любовь, а по той причине, что это его принципиальная позиция. Любовь в современном обществе для него «лишена ложных предрассудков, и свободной цивилизацией опрокинуты ложные сигналы «стоп»; «архаичные запреты, которые сковывали свободу человеческих чувств между ним и ею, или... между ним и ним, или ею и ею... Каждый свободен в выборе партнера». Никитин, безусловно, догадывается, что речь идёт о гомосексуализме, об «извращённой любви». Духовности нет, а есть лишь телесный культ: «в эпоху сексуального взрыва... сорваны все покровы с человеческого тела» [1, т. 4, с. 320].

Примечательно, что Дицман всё понимает и, вполне возможно, различает важные, принципиальные для Ф.М. Достоевского грани добра и зла. Как известно, для него были крайне важны, значимы вопросы, осознаёт ли человек, где благо, а где грех, даже если он совершает преступление, понимает ли он эту меру. Так вот, скорее всего, Дицман это понимает, судя по навязанным Никитину в дискуссии проблемам. Однако важный штрих заключается в том, что немецкому журналисту, несмотря ни на какие понимания, *удобно жить* именно так. И он сам признаётся, что всё общество погружается в бездуховную стихию. Наглядная иллюстрация ночного клуба – доказательное тому подтверждение, что из человека сам человек по доброй воле «вытряхнул» всё человеческое. В этом заключалась любимая и в то же время «больная» и трагичная мысль Бондарева как писателя и как человека.

Продолжая дискуссию, Никитин напомнил Дицману, что именно «маньяк из Мюнхена» (Гитлер) назвал себя «вторым Иисусом Христом, мессией, спасителем человечества. От славянской заразы и коммунизма. И пятьдесят шесть миллионов погибло в Европе и Азии» [1, т. 4, с. 318]. Никитин констатирует истину, неоднократно высказанную в исторических документах. Достоевское «человекобожество» (противоположность, как известно – «Богочеловек»), хотя и не называется таковым открыто на страницах романа, тем не менее, подоплека рассуждений абсолютно очевидна. Если Никитин просто констатирует открытую Достоевским истину, то Дицман явно запутан в своём мировоззрении, когда заявляет, что он – «неверующий» и «не верит в очистительных мессий» [1, т. 4, с. 317]. Понятно, что он не верит в Божественный Абсолют, однако не верит в разновидности так называемого «человекобожества». Дицман, рассуждая о некоей абсолютной свободе, не понимает, что попадает в зависимость, то есть в несвободу от прагматизма, поклонения вещицизму. То есть, в оценке «свобода – несвобода» он противоречит сам себе, попадая под влияние им же «сформулированных» «богов». Машина, квартира, холодильник, загородный коттедж – вот современные «боги».

В принципе, сам журналист называет «нового Бога»: «Истоки и модель – Америка» [1, т. 4, с. 316]. И здесь вновь вспоминается Ф.М. Достоевский, контур поведения Свидригайлова («Преступление и наказание»). Как известно, приняв где-то, в тайниках своей души, решение о самоубийстве, этот «загадочный» (потому что «новый», в середине 1860-х гг. не вполне понятный) персонаж объявляет о своём решении перебраться в Америку. Его решение, разумеется, воспринимается как некий символ. В данном случае решение о «переезде в Америку» тождественно самоубийству. И Свидригайлов это понимает. Он отдаёт себя Дьяволу (как известно, самоубийство – непростительный грех, высшая степень отъединения, с точки зрения Православия). Свидригайлов – «духовно нечистоплотный», соблазнитель детей, совершающий на протяжении своей жизни массу других отвратительных, богопротивных поступков. Фактически отрицающий любовь, он, в конце концов, по-своему «наказан» любовью к Дунечке. Сопровождая последние описания его поведения накануне страшного и решительного шага, Достоевский строит повествование на границе «явь – сон – бред»: в средствах поэтической выразительности он был уникален, вопреки некоторым утверждениям среди аналитиков его творчества.

Возвращаясь к роману середины XX столетия, мы обнаруживаем, что пророчества писателя сбываются потрясающим образом. Человечество (напомним, что Бондарев на протяжении всего своего творческого пути старался постичь человека, сберечь его) в 1970-е гг. находится на пути обречения себя на духовное самоубийство. И средства поэтической выразительности в «Береге» также повторяют некоторые «достоевские» принципы художественного письма как в плане содержания, так и формы. Бондарев, к примеру, как и в ранних произведениях, активно использует приёмы «сна-яви» в разных ситуациях и с различными целями. Так, в описываемом нами диалоге Дицмана и Никитина немецкий журналист даёт весьма жёсткую характеристику современному западному человеку: по его мнению, это «...химически очищенный, оголённый субъект рода человеческого, который двигается, как во сне» (вы-

делено нами. – Л. Х.). По мнению Дицмана, независимая частная жизнь становится невозможной, «возникло бессилие человека перед эпохой, расщепление личности проблемами: а зачем, а что дальше?» [1, т. 4, с. 323].

Ещё одна особенность – наступление тотального «машинного» века. Об этой серьёзной проблеме в 1970-е гг. высказывались многие деятели культуры, философы, историки и даже сами физики. Так, в частности, академик Д.С. Лихачёв неоднократно подчёркивал, что бесконтрольное, необдуманное использование достижений научно-технического прогресса может привести к обратному эффекту: человек попадет в серьёзную зависимость от машинной цивилизации и, в конце концов, это может обернуться духовной катастрофой для человечества в целом. Об этой опасности писал и Ю.В. Бондарев на страницах своих публицистических произведений. «Когда мы говорим о научно-технической революции, <...> о высокомеханизированной цивилизации двадцатого века, мы, конечно же, думаем о науке, как об импульсе прогресса, как о рычаге, поворачивающем индивида не к миру вещей, его поглощающих, а к духовному богатству для всех» [1, т. 6, с. 177]. И далее – самое важное, что должен усвоить человек во взаимодействии и непосредственном контакте с техникой. «Подчиняясь нравственным законам, человек должен осознать, что век электроники и кибернетики, господство машин – это не самоцель, не прогресс ради прогресса, а ступень исторической судьбы человечества, рубеж познания, через который ему суждено пройти, если издержки цивилизации – засорение биосферы (основы людского существования), смог над перенаселёнными городами, различные токсические соединения, отравленные реки и водоёмы, предельные децибелы – не создадут угрозу для существования самого совершенного биологического вида на Земле.

Люди готовы обвинять технику, забывая о том, *что техника подчинена людям, действительным виновникам убийства природы, а значит, вместе с ней и самих себя*» (выделено нами. – Л. Х.) [1, т. 6, с. 177].

Выделенное нами – типичный тезис, который отстаивался многими представителями советской интеллигенции в те годы от-

кровенно, дружно, принципиально и жёстко. Достаточно вспомнить, к примеру, так называемую «проблему Байкала» – серьёзные дискуссии на страницах печати, радио и телевидения – доминирующих в те годы средств массовой информации. Однако от представителя западной цивилизации слышится откровенно противоположное. Став рабами тотальной системы потребления, представители западной интеллигенции уже дошли до того, что считали самого человека «извращением природы» [1, т. 4, с. 323]. На это утверждение Дицмана Никитин возразил: «Человек на земле – не случайность. Это, как известно, частица природы, познающая саму себя» [1, т. 4, с. 325].

Дискуссия оппонентов движется по такой траектории, что выводит и на обсуждение роли науки как в современном обществе, так и в целом. В свою очередь, Дицману не откажешь в начитанности и разумности. Поэтому в вопросе Никитину о формуле Э. Золя, что он, якобы, «знает о человеке всё», слышится определённая провокационность. Ему важно услышать ответ Никитина, поскольку, с одной стороны, он уверен, что ответ будет иным, а с другой – он, как антипод советской системы и установок советской методологии, убеждён, что ответ будет именно в этом ключе. Однако Никитин вольно или невольно выступает сторонником традиционных концепций русской литературной классики о непознаваемости мироздания. Он выступает оппонентом концепции Золя и в целом натурализма и цитирует известное высказывание А.П. Чехова, не называя его фамилии, о том, что «никто не знает настоящей правды».

Спор представителей двух противоположных систем и взглядов, однако, значительно глубже, чем может показаться на первый взгляд. Он восходит вообще к роли науки в «обнаученном» обществе (выражение Дицмана). В Советском Союзе в те годы, кстати, также велись оживлённые дискуссии на эту тему (например, известные споры «физиков и лириков»). Никитин решительно стоит за ту точку зрения, которой придерживается и сам автор: поклоняться науке, как божеству, крайне опасно. В финале романа возвращающийся домой Никитин, находясь в холодном воздушном пространстве, вспо-

нил слова одного молодого знакомого физика: «Смысл существования человечества <...> в ускоренном движении, в завоевании всего космоса, а потом – вселенной. Но в теории относительности есть одна загадка: если скорость превысит скорость света, то куда приведёт нас беспредельно увеличенное движение – в будущее или в прошлое? Представьте, что это забросит нас не на Марс, а вернёт в эпоху Киевской Руси» [1, т. 4, с. 397]. Зачем человеку всё это? – таковы были мысли Никитина на пороге его постижения вечности.

В этой связи стоит процитировать высказывания практически их современника Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), одновременно и врача, и профессора (учёного): «Наука – это система достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности <...>. ...область точной науки ограничена так же, как ограничены и органы научного познания в своей познавательной способности. <...> Странно было бы утверждать, что наука знает или может знать всё бытие. <...> Знание больше, чем наука. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это, прежде всего, интуиция, то есть непосредственное чутьё истины, которое угадывает, прозревает её, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания. Эта интуиция всё более (в последнее время) занимает внимание философии. Ею мы живём гораздо больше, чем предполагаем. Она-то ведёт нас в другую, высшую область духа, – то есть в религию» [4, с. 2-4].

Вполне возможно, что Дицман также был бы согласен с этим очень важным тезисом Луки, однако, как мы уже заметили из содержания сложнейшего и многоаспектного диалога, Дицману *удобно* принимать всё происходящее в мире без Духовного Абсолюта. Но если боги превращены в *сознании человека в вещизм*, то, в самом деле, по этой логике, и сам человек, рано или поздно станет тем, кем (или чем!) его представляет Дицман: очищенным и оголённым субъектом. Этого очень опасался сам Ю.В. Бондарев и высказывал подобные мысли в одной из своих более поздних работ, уже в XXI веке, и именно касательно противоположности двух цивилизаций в духовном плане: «Аме-

риканская и русская цивилизации несовместимы, немыслимо далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Американская цивилизация – сугубо приземлённая (несмотря на небоскрёбы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская. <...> Русская цивилизация со всей её культурой, вариантами, вариациями тонкостями и оттенками по сути своей сплошь духовная, то есть поднебесно-божественная, устремлённая ввысь» [5, с. 30].

Если продолжить рассуждения Бондарева в рамках его логики, то статус «человекобога» (по терминологии Достоевского) в XX–XXI веках получает уже даже не человек, а государство. Это предположение, разумеется, нуждается в уточнениях. В 30-е гг. XX столетия подобная трагедия произошла в Германии, и миру стоило многих жертв, чтоб избавиться от этого гнойника. После победы 1945 г. постепенно подрастал новый монстр. А по тому, что происходило в Германии, хорошо известно, что идеи были заразительны для широких масс населения. Заразительны настолько, что в речах Дицмана так или иначе проскальзывало разочарование, что идея нацизма, в которую верили, не оправдала себя, потерпела крах.

Вроде бы не принимая во внимание духовность, Дицман в финале общения всё же задаёт вопрос Никитину, испытывает ли он ненависть как к нации, которая воевала против России? На что, естественно, Никитин ответил, что никакой ненависти у него нет.

В результате дискуссии обнаруживаются и диаметрально противоположные взгляды на природу войны. Дицман приводит утверждения западных историков, которые высказываются, что «пролитая кровь – это смазочный материал истории, что это закономерность и необходимость, так как вся история – это кровь» [1, т. 4, с. 328]. Согласиться с подобным утверждением Никитин, разумеется, никак не мог. На вопрос о том, что это, очевидно, одна из трактовок современных неонацистов, Дицман замечает, что так считают в Германии очень многие.

Следует особо подчеркнуть, что художественный почерк Бондарева – это максимально корректное, аккуратное повествование, без резких высказываний в адрес даже отнюдь недружественных оппонентов. В стилистике

письма он был близок к авторам русской классической литературы, которые, в свою очередь, как правило, избегали или же, по крайней мере, очень старались это делать «тенденции к завершению героев» (И.А. Есаулов), часто пользуясь приёмом «тайны», «недосказанности», широкими возможностями так называемых «открытых финалов». Для конкретного высказывания тех или иных мыслей существовали иные жанры, нежели художественные: публицистические заметки, дневники, различного рода интервью.

Поступал именно так и Ю.В. Бондарев. В период выхода в печать романа «Берег» многократно выступал с высказываниями, какими-либо объяснениями тех или иных поступков персонажей, моментов дискуссий, изображения экстремальных ситуаций, психологических деталей. Так, в частности, в одной из своих статей, написанной ещё в 1967 г., задолго до выхода в свет «Берега», он подчёркивает те ужасающие характеристики фашизма, отголоски которых явно живописуются в романе западногерманской интеллигенцией, в частности, в анализируемом диалоге: «Фашизм – это злое подчинение разума инстинктам, это «сила выше права», взгляд на человека как на взбесившееся животное, достойное кнута и смерти, это педантично рассчитанное убийство миллионов людей, насилие над мыслью, над любовью, над молодостью, это жирно дымящиеся трубы крематориев в концлагерях, выстрелы в затылок, это презрительное отрицание совести как сентиментальности, мешающей нажать спусковой крючок автомата, нацеленного в ясные глаза ребёнка» [1, т. 6, с. 47]. Собственно, в данном высказывании в сжатом виде содержится некая формула, определение того, что позже будет запечатлено в

диалоге Дицмана и Никитина. Великое «пушкинское» воззвание Всевышнего к писателю – «глаголом жги сердца людей» – то есть взывай к их совести, прозрению, совершенствованию, однако без приговора, без открытого осуждения, без суда. Все эти качества – критерии соборного типа мышления. Высказывания Бондарева – писателя более чем через сто лет после Пушкина, уже автора следующего романа «Выбор», ответственного за слово, переступившего порог творческой зрелости, удивительно «расшифровывают» уникальный смысл пушкинского «Пророка»: «...говорить писатель должен без претензий на дидактическое учительство, <...>, оставляя за собой и другими право на сомнения, вопросы и новые поиски. <...>» [1, т. 6, с. 332].

Следующее высказывание писателя воспринимается как некое резюме диалога двух оппонентов: «Мир должно спасти осознанное людьми чувство общей человеческой хрупкости и уязвимости. Все мы живём под одним небом, на одной земле под угрозой равной для всех опасности и гибели. Причём источником зла являются не слепые силы стихии, а сам человек» [1, т. 6, с. 330].

На циничное высказывание Дицмана, что современному миру машин не нужны ни Шекспир, ни Толстой, ни Достоевский, находим ответ в этой же статье: «Современный писатель должен быть подобен колоколу в смертельной беде человечества. Он должен будить и звать: очнитесь, оглянитесь вокруг и вдумайтесь, как и чем мы живём! Писатель призван страдать болью всех людей, отвергая неправоту и унижение человека человеком. И должен будить в душах людей лучшее: чувство справедливости и доброты, ибо нет ничего на свете выше этих качеств» [1, т. 6, с. 333].

Список литературы

1. Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1986.
2. Шкурят Л.С. Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та, 2016. 364 с.
3. Лесевицкий А.В. Исследование сущности соборной феноменологии творчестве Ф.М. Достоевского // Политика, государство и право. 2012. № 4. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/04/255> (дата обращения: 11.09.2020).
4. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Симферополь, 2008. 37 с.
5. Бондарев Ю.В. Мгновения. М., 2009. 719 с.

References

1. Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1986. (In Russian).
2. Shkurat L.S. *Y.V. Bondarev: tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: The Creative Evolution of the Writer]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2016, 364 p. (In Russian).
3. Lesevitskiy A.V. Issledovaniye sushchnosti sobornoy fenomenologii tvorchestve F.M. Dostoyevskogo [The study of the essence of cathedral phenomenology in the works of F.M. Dostoevsky]. *Politika, gosudarstvo i pravo – Politics, State and Law*, 2012, no. 4. (In Russian). Available at: <http://politika.snauka.ru/20-12/04/255> (accessed 11.09.2020).
4. Svyatitel Luka (Voyno-Yasenetskiy). *Nauka i religiya* [Science and Religion]. Simferopol, 2008, 37 p. (In Russian).
5. Bondarev Y.V. *Mgnoveniya* [Moments]. Moscow, 2009, 719 p. (In Russian).

Информация об авторе

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, xworowa.mila@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Вклад в статью: общая концепция, идея, анализ художественного текста, анализ публицистических и научных источников, написание текста статьи, редактирование.

Статья поступила в редакцию 29.07.2021
Одобрена после рецензирования 27.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Liudmila E. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, xworowa.mila@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8720-7906>

Contribution: main conception, idea, literary texts analysis, journalistic and scientific sources analysis, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 29.07.2021
Approved after reviewing 27.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Государство, власть, народ и человек в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов»

Валерия Геннадьевна АНДРЕЕВА^{1,2}

¹Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25а

²ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»
156007, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

✉ lanfra87@mail.ru

Аннотация. Проанализирована эпическая широта романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», вневременная актуальность размышлений писателя по поводу возможности гармоничного соотношения личной жизни человека и его деятельности на благо страны. Отмечено, что по сравнению с другими произведениями Писемского указанный роман, повествующий о жизни обыкновенного человека, содержит духовную вертикаль, взгляд с позиции вечности, которые придают ему просветленность и эпическую монументальность. Метафизическая линия связи многих явлений и событий расширяет пространство романа. Писемский, позиционирующий себя как максимально правдивый писатель, подравнивает примеры действительности под желаемые образцы, уходит от присущего ему пессимизма, представляя нескольких образцовых героев и если не идеал, то возможный наилучший для России тип государственного и общественного устройства страны. Проанализировано влияние на Писемского концепции журнала «Заря», выдвинуто предположение, что писателю для создания эпического романа с линией утверждения требовалась своеобразная моральная и духовная поддержка славянофилов. Вслед за видными публицистами, юристами и социологами (В.Я. Данилевским, А.Д. Градовским), публиковавшими свои статьи в журнале «Заря», герой Писемского обращается к модели «всесословно-общественного» государства, основанного на народности. Особое внимание в романе уделяется автором мотиву власти над людьми, которая ставит человека в сложные и противоестественные для него условия.

Ключевые слова: Писемский А.Ф., Кашпирев В.В., эпический роман, славянофилы, государственность, хоровое государство, народность, власть, чиновники, журнал «Заря»

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Для цитирования: Андреева В.Г. Государство, власть, народ и человек в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 670-683. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-670-683>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

State, power, people and people in the novel by A.F. Pisemsky “Men of the Forties”

Valeria G. ANDREEVA^{1,2}

¹A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russian Federation

²Kostroma State University
17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156007, Russian Federation

✉ lanfra87@mail.ru

Abstract. We analyze the epic breadth of A.F. Pisemsky “Men of the Forties”, the timeless relevance of writer’s reflections on the possibility of a harmonious relationship between a person’s personal life and his activities for the good of country. We note that, in comparison with other works by Pisemsky, this novel, which tells about life of an ordinary person, contains a spiritual vertical, a view from the position of eternity, which gives it enlightenment and epic monumentality. The metaphysical line of communication between many phenomena and events expands the space of novel. Pisemsky, who positions himself as the most truthful writer, matches the examples of reality to the desired models, moves away from his inherent pessimism, presenting several exemplary heroes and, if not an ideal, then the possible type of state and social structure of the country that is best for Russia. We analyze the influence of the “Dawn” magazine on the Pisemsky concept, we suggest that the writer needed a kind of moral and spiritual support of the Slavophiles to create an epic novel with a line of approval. Following the prominent publicists, lawyers and sociologists (V.Y. Danilevsky, A.D. Gradovsky) who published their articles in the “Dawn” magazine, Pisemsky’s hero turns to the model of a “all-estates-social” state based on nationality. Special attention in the novel is paid by the author to the motive of power over people, which puts a person in difficult and unnatural conditions for him.

Keywords: Pisemsky A.F., Kashpиров V.V., epic novel, Slavophiles, statehood, choral state, nationality, power, officials, “Dawn” magazine

Acknowledgements: The research is funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00102.

For citation: Andreeva V.G. Gosudarstvo, vlast’, narod i chelovek v romane A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov» [State, power, people and people in the novel by A.F. Pisemsky “Men of the Forties”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 670-683. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-670-683> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов», впервые появившийся в только что открытом журнале В.В. Кашпирева «Заря» в 1869 г. (№ 1–9), до сих пор остаётся непонятым в литературоведении, что связано, на наш взгляд, с пристрастностью большинства оценок, отсутствием целостного взгляда на произведение с учётом замысла автора и возможного его изменения, осмысления идей Писемского на фоне эпохи.

В данной статье мы постараемся показать эпическую широту романа Писемского,

вневременную актуальность вопросов, поднятых писателем, осветить его размышления по поводу возможности гармоничного соотношения личной жизни человека и его деятельности на благо страны, государственной службы, оценить возможное воздействие славянофильской редакции журнала «Заря» на Писемского в процессе создания произведения.

Объёмный роман «Люди сороковых годов» повествует о многом: о судьбе целого поколения, о силе и слабости человека, о-

тавленного в круговороте общественной борьбы, о смысле жизни и любви как настоящей движущей силе, о судьбе личности и возможности её изменения. Путь героя в романе соотносится с историей всей страны и народа. Писемский отчасти следовал за А.И. Герценом, показывая проекцию русской действительности на жизнь автобиографического героя, поднимая проблему возможности человека, гражданина влиять на ход событий в обществе и государстве. Но это следование Писемского касалось только метода и постановки вопросов, но, отнюдь не их решения. Наоборот, Писемский возражает западничеству Герцена, представляя фигуру «большого вольнодумца, насмешника и даже богоотступника», человека, живущего замкнуто и чуждого своему народу – Александра Ивановича Коптина, в котором угадывается своеобразная пародия на Герцена [1, т. 4, с. 207]. В отличие от Герцена, всей своей жизнью выражавшего протест официальной власти и по сути дела вступившего в неравную борьбу с нею, потерпевшего личную драму, о которой он рассказывает в «Былом и думах», Писемский не наделил своего автобиографического героя духом противоречия: Павел Вихров не ищет спора с чиновниками и властями, но, попадая в центр этой системы, он вынужден в ней пребывать.

О замысле, созвучном итоговому роману «Люди сороковых годов», Писемский сообщил А.А. Краевскому в письме ещё от 17 августа 1851 г.: «Помещать в вашем журнале я по преимуществу желаю: с будущего же месяца я начну писать для вас, но только буду высылать к вам по частям, на целое не хватит смелости: сюжетом, думаю, выбрать: Автобиографию обыкновенного человека: начну с рождения и буду следить за постепенным развитием человека. <...> Предполагаемый мною сюжет глубоко задушевен для меня, будет он неудобен, возвратите мне его так, не представляя даже в цензуру» [2, с. 42]. Краевский отклонил представление материалов писателем, однако замысел романа был сохранен. Таким образом, автобиографическая канва романа и ряд важных вех в жизни героя были задуманы Писемским ещё в начале 1850-х гг. В итоговом тексте произведения действие начинается в начале 1830-х гг., а завершается примерно в 1856 или 1857 г.

Написанный в конце 1860-х гг., а опубликованный в 1869 г. роман включил многие проблемы пореформенного времени, искусно воплощённые Писемским в тексте, но художественный мир романа наполнен и личными, автобиографическими впечатлениями писателя, взятыми из детства и юности, а также времени службы Писемского секретарём Совестьного комитета в Костроме: «Анализ параллелей между романом «Люди сороковых годов», личностью самого писателя, а также фактами его творческой и служебной деятельности убедительно свидетельствует, что Писемский, опираясь на события собственной жизни, отражает в произведении мир действительности в интересующем его ракурсе, вкладывая в уста героя идеи, мысли и суждения, близкие ему самому» [3, с. 1113].

Роман «Люди сороковых годов» исследователи справедливо сравнивают с предыдущим произведением автора – романом «Взбаламученное море» (1863). Общий фон и построение произведений похожи: в обоих романах писатель повествует примерно о двух десятках лет жизни своих героев – Александра Бакланова и Павла Вихрова. Но вышеуказанные герои – разные люди с диаметрально противоположными ценностями и взглядами. «Написанный поистине с эпическим размахом, «Взбаламученное море» – во многом роман обличительный, констатирующий неспособность к решительным и серьёзным действиям и свершениям человека «сороковых годов». По мере продвижения по жизни главного героя, встреч его с разными людьми, автор изображает всё новые и новые стороны общественной жизни страны» [4, с. 121]. В романе «Люди сороковых годов» помимо линии отрицания и обличения беспредела, происходящего в стране, ярко видна и жизнеутверждающая основа пути главного героя, не разрывающего связи с народом.

Писемский заставил Павла Вихрова пережить не только многие сложности, выпавшие на его собственную долю, но и невзгоды и тяготы современных ему образованных людей, вступавших в неравную борьбу отнюдь не с государством и режимом, а с окружающими несправедливостями, с системой обмана и притворства, выстраиваемой чиновниками на местах. В борьбе Вихрова,

которому не раз достаётся за правду, есть внутренний глубокий смысл, часто упускаемый критиками и исследователями. Несмотря на то, что в романе, наполненном героями и событиями, преимущественно показана земная, обыкновенная жизнь простого грешного человека, не так уж много размышляющего о душе, в художественном мире произведения наряду с подробно описанным движением Вихрова выстраивается и духовная вертикаль. Она скрыта за внешними событиями, слабо обрисована, но именно *взгляд с позиции вечности* придаёт роману не просто пестроту, но и просветлённость, и эпическую монументальность.

Ещё П.В. Анненков отметил, что роман «Люди сороковых годов» выделяется общим если не позитивным, но хотя бы не негативным, не критическим тоном на фоне почти всех произведений Писемского: «Петербургская неудача наложила печать на весь строй его мыслей, на добрую часть всей последующей его деятельности. С неё именно начинается то памфлетическое направление, которое принял Писемский в позднейших своих произведениях. Оно составило господствующую ноту его творчества, за исключением, впрочем, двух произведений: романа «Люди сороковых годов» (1869) и другого, предсмертного, так сказать, романа «Масоны» (1880), которые от него совершенно свободны благодаря близкому личному знакомству автора с живыми типами, в них изображёнными» [5].

Читатель, сравнивающий «Людей сороковых годов» с романами «Взбаламученное море», «В водовороте», «Мещане», сразу чувствует разницу: последние в целом передают «пессимистическое восприятие автором русской действительности. Писемский показывает фрагментарность, отрывочность жизни, теряющей быстрыми темпами свой смысл» [6, с. 139]. Хотя в указанных трёх романах Писемский избегает резко отрицательных характеристик героев, он изображает процесс деградации и духовно-нравственного оскудения дворян, русского человека в целом. Но его Павел Вихров не деградирует, он хоть и позиционировался самим автором как обыкновенный человек, однако среди огромного количества героев романа он *один из лучших людей*. Не случайно Юлия Заха-

ревская – девушка, любовь которой Вихров отверг, говорит: «Я сегодня убедилась, что у Вас прекрасное сердце» [1, т. 5, с. 377].

Некоторую особенность взгляда писателя на жизнь и литературу, её предназначение (хотя этот взгляд, конечно, менялся), можно отметить в ранней статье Писемского 1855 г. «Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души». Часть вторая». В ней Писемский не просто рассуждает о творчестве Гоголя и его поисках идеала, но пытается обозначить *своё место в литературном процессе*, отчасти определяет себя как продолжателя принципов Гоголя. Вместе с тем Писемский считает, что Гоголь удалился от жизненной правды, что «идеал Гоголя был слишком высок; воплотить его всецельно было... делом неисполнимой задачи для искусства» [7]. Эпическое искусство, по мнению Писемского, невозможно без чёткого и строгого следования правде, и в наиболее глубоком отражении истинного положения дел в действительности, по его мнению, и заключается задача большого художника.

Оценивая фигуры второго тома «Мёртвых душ», Писемский говорит о стремлении Гоголя «представить несметное богатство русского духа, представить мужа, одарённого божественными доблестями, и чудную русскую деву, какой не сыскать нигде в мире, со всею дивною красотой женской души, всю составленную из великодушного стремления и самоотвержения» [7]. Отмечая величину задачи и добросовестность писателя, который решил за неё взяться, Писемский называет этот приём искусственным. Он видит в Гоголе художника-критика, считает, что большой писатель не может обойти изображения несовершенств и пороков, а поэтому представить идеальные картины бытия и идеальных людей, которых в жизни просто не бывает. «Отказав «вышнему» (идеальному) человеку Гоголя в эстетической ценности, сам Писемский пытался воплотить человека «обыкновенного», – отмечает Л.Н. Синякова [8, с. 48]. Сравнивая видение личности Гоголем и Писемским, исследовательница отмечает, что «Писемский, как и Гоголь, видит в человеке «низкое» – но Гоголь преодолевает это видение постулированием человека идеального. Мировосприятие Писем-

ского исключает идеализирующее прогнозирование: «пошлое» сопутствует человеку на протяжении всей его жизни и индуцировано «средой», а «низкое» присуще человеческой природе как таковой. ...Гоголь тоже любит-ся чрезмерностью жизненной стихии в своих персонажах, но постоянно помнит о «душе и прочном деле жизни» как родовом качестве человека» [8, с. 49].

Между тем именно в романе об обыкновенном человеке Павле Вихрове Писемский по сравнению со своими остальными произведениями всё-таки приблизился к Н.В. Гоголю. Идеальных людей в романе нет, но на фоне предателей и приспособленцев есть герои честные, есть «подравненный» реальностью пример большой и искренней любви Вихрова к Мари, беззаветной и искренней любви горничной Груши к Вихрову, наконец, есть сознательно изменённый автором образ службы Вихрова.

Выстраивается в художественном мире произведения и особая глубинная, метафизическая линия связи многих явлений и событий. Её обнаружение расширяет пространство эпического романа, позволяет увидеть не просто обыденную реальность и быт, но основополагающие законы жизни. В романе с первых же строк соотносится и разделяется временное и вечное: «...Всё, что было делом рук человеческих, в настоящее время или полуразрушилось, или совершенно было уничтожено, и один только созданный Богом вид на подгородное озеро, на самый городок, на идущие по другую сторону озера луга... оставался по-прежнему прелестен» [1, т. 4, с. 3].

В первый же приезд домой полковника Вихрова читатель видит его становящимся на молитву: «...Он каждый день, с восьми часов до десяти утра и с восьми часов до десяти часов вечера, молился, стоя, по обыкновению, в зале навтыжку перед образом» [1, т. 4, с. 10]. Писемский обозначает глубинные причины страданий и непростой жизни своего героя. Павлу придётся отвечать ещё и за отца, не только потому, что грех смерти замученного наказаниями солдата ещё не оплачен старым полковником.

Обрывочные сведения, которые мы узнаём в романе о матери Павла, умершей, когда мальчик был ещё маленьким, также важны для понимания судьбы героя. Однако

сначала необходимо ещё истолковать слова не глубокого в вере полковника Вихрова, который говорит о жене: «Весь он у меня, братец, в мать пошёл: умная ведь она у меня была, но тоже этакая пречувствительная и претревожная!.. Вот он тоже маленьким болел сделался; вдруг вздумала: «Ай, батюшка, чтобы спасти сына от смерти, пойду сама в Геннадьев монастырь пешком!..» Сходила, надорвалась, да и жизнь кончила, так разве Бог-то требует того?!» [1, т. 4, с. 139]. Полковник не осознаёт подвига супруги: Вихров, как догадывается читатель, оказывается ещё и вымоленным у Бога ребёнком. Не случайно через несколько страниц после этих сведений один из судьбоносных героев в судьбе Вихрова, мужик Макар Григорьев, замечает о матери Павла: «...Она была барыня настоящая, христианка...» [1, т. 4, с. 145].

Есть и ещё знаковые события и оценки, которые заставляют обратить внимание на глубинные смыслы изображённой Писемским жизни. Так, Анна Гавриловна, слыша о недобросовестном и халатном ведении хозяйства Абреевой, отмечает: «Неужели эти-кие баря греха-то не боятся: ведь за это с них Бог спросит!» [1, т. 4, с. 34]. Ещё один значимый факт. Павел переселяется на квартиру к верующему учителю латинского языка Крестовникову, под влиянием которого начинает говеть не просто «для формы», как он собирался это делать, а искренне и с чувством. Пережитый религиозный подъём делает Павла иным человеком. В этой же череде событий нужно упомянуть и встречу Павла с верующим художником, расписывавшим у него иконы – человеком, угодным Богу, поездку Вихрова к скептику и атеисту Коптину, который навлекает на гостя наказание: «Я докажу вам, милостивый государь, и сегодня же докажу, какой я француз, – кричал Коптин и вслед за тем подбежал к иконе, ударил себя в грудь и воскликнул: «Царица Небесная! Накажи вот этого господина за то, что он меня нерусским называет!» [1, т. 5, с. 122]. Две поездки Вихрова к Коптину и две встречи его с вредной становой, также прокли-нающей героя: «За это тебе бог самому счастья-то не даст в жизни» [1, т. 5, с. 421], становятся прецедентными событиями в художественном мире романа.

В романе явлен если не идеал, то возможный наилучший для России, по мнению автора, образец государственного и общественного устройства страны, правда, данный в теории, как план, абстракция, но учитывающий православное мировоззрение русского народа и всю его историю. К этому приблизительно формулируемому образцу лучшего государственного устройства, находящему примеры в истории России, не раз возвращается Вихров, со стороны называемый славянофилом: ««И вот ваше мнение, которое вы сейчас высказали, показывает, что вы славянофил», – продолжал молодой человек. «Может быть, и славянофил!» – отвечал ему Вихров» [1, т. 5, с. 417].

Роман «Люди сороковых годов» Писемский отдал в журнал «Заря», основанный его земляком, В.В. Кашпиревым, также родившимся в Костромской губернии и потратившим на издание журнала всё своё состояние. Множества предложений о публикации у Писемского не было, роман находился ещё в работе, а Кашпиреву необходимы были материалы для издания, поэтому сотрудничество казалось на первый взгляд взаимовыгодным. 12 июля 1868 г. Писемский писал Б.Н. Алмазову: «Кашпирев сам приехал в Москву и сегодня, сиречь, в Пятницу будет у меня вечером, но то горе, что я ему буду читать начало моего романа» [2, с. 231].

На первых порах ожидаемый публикой и по мере публикации получавший одобрение редакции «Зари» роман «Люди сороковых годов» через некоторое время был низведён до уровня неудачного беллетристического произведения. Публикация его в славянофильском журнале настроила против Писемского весь демократический лагерь. Журнал «Дело» до выхода «Зари» и при появлении первых номеров обвинил издание в поклонении монархии. Разгромная статья Н.В. Шелгунова «Люди сороковых и шестидесятых годов» появилась в «Деле» в № 9–12. Шелгунов начинает её с общего образа похорон писателей, воспитанных эстетической критикой, а теперь заживо погребённых. К таким писателям он относит Гончарова, а за ним и Писемского, фактически лишая последнего какого-либо таланта, называя его роман «Люди сороковых годов» «решительно патологическим продуктом авторского самолю-

бия» [9]. Шелгунов высмеивает и обвиняет Писемского, отказывая ему в литературном таланте и понимании жизни. Оставляя в стороне все резкие и субъективные замечания Шелгунова, обратимся лишь к одному его выводу, согласно которому Писемский не вполне раскрыл в своём романе общие мировоззренческие основы людей сороковых годов. Действительно, сущность человека сороковых годов прекрасно показал ранее Тургенев в романе «Рудин» (1855). И не случайно исследователи романа отмечают, что Павел Вихров не встраивается в парадигму людей сороковых годов в том смысле, в каком это наименование бытовало ранее: «Думается, что этот герой А.Ф. Писемского представляет собой вариацию на тему «человека сороковых годов»» [10, с. 55]. Действительно, хоть Вихров выбирает путь учёного (а не службу или военную карьеру), хоть он и начинает писать художественные произведения от обилия времени, он не пассивный демагог, как Рудин в одноимённом романе И.С. Тургенева, он не избегает общения ни со студентами-ровесниками, ни со светским обществом, как Лаврецкий в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Анализируя образы героев сороковых годов у Тургенева, Д.Н. Овсянко-Куликовский находит своеобразные полюса в их изображении в двух указанных романах: «Рисуя Лаврецкого, Тургенев видимо старается обойти и Гегеля, и всякую «доктрину», и кружковые споры, и беспредметные восторги, и всё, что так ярко изображено в «Рудине»» [11, с. 190]. Павел Вихров, конечно, намного ближе к Лаврецкому, он уже не эстет и «малодействующий плод» (таким изображён в романе Писемского его двоюродный дядя Имплев), но человек, свободный от влияния различных кружков, а при этом почти славянофил. Писемский воспользовался в романе схемой, которую отверг Тургенев: он ввёл Вихрова-студента в студенческие кружки и потом вывел его оттуда «славянофилом или, по крайней мере, идеалистом, склоняющимся к национализму и славянофильской идее» [11, с. 191].

Дело ещё и в том, что задача у Писемского была другая – изобразить не тип человека, но людей на своих местах: стоит только в романе «Люди сороковых годов» сделать акцент на лексеме «люди», чтобы понять, что

задача автора заключалась в изображении конкретных личностей, в объяснении читателю того, что качество и честность любой власти определяется тем, какие люди – какого воспитания, ума и сердечных качеств – занимают те или определённые должности. Человек сороковых годов для Писемского – это, прежде всего, самодостаточная личность, сознательно выбирающая свой путь, сохраняющая накопленные поколением духовные богатства.

В советское время в литературоведении в отношении романа «Люди сороковых годов» на первый план выходила точка зрения, созвучная высказанной Шелгуновым. М.П. Еремин назвал фигуры Писемского «сочинёнными», «художественно неубедительными»: «Как только Писемский подходил к тому пункту их жизни, где должна была проявиться их «идейность», он как бы утрачивал и свою наблюдательность и умение обставить повествование впечатляющими деталями» [12, с. 42]. Исследователь писал, что у Писемского в романе появилась «идея, идущая вразрез с основным направлением жизни». Идеология критиков и исследователей мешала правильному восприятию романа, в котором они не усматривали важнейших проблем: ответственности человека за свои поступки, возможности совмещения личной жизни, искреннего сердечного бытия с государственной службой в современном Писемскому обществе. Исследователи не раз отказывали роману «Люди сороковых годов» в композиционной целостности, замечали, что повествование строится лишь на любовном сюжете, усматривали слабость героя в том, что он не деятель, а наблюдатель. Идеологов революции и нового строя возмущала фигура искреннего человека, пытающегося построить своё личное человеческое счастье, говорящего публично правду, но при этом сторонящегося государственной службы.

Поразительнее же всего то, что и редакция журнала «Заря», в частности один из основных сотрудников журнала Н.Н. Страхов, изменила своё отношение к роману Писемского. Причины этого изменения, которое очень хорошо можно проследить в письмах Страхова к Ф.М. Достоевскому, кроются в том числе в редакционных делах и перипетиях журнала. 24 ноября 1868 г., ещё в пред-

дверии открытия журнала, Страхов с восторгом пишет о романе Писемского: «В эти дни мы все слушаем роман Писемского: Люди сороковых годов, главную нашу вещь по беллетристике. Написано со всеми достоинствами и недостатками Писемского. Как целое слабо по идее и по выполнению, но по частям прекрасно и занимательно» [13]. Примечательно, что оценить целое романа Страхов в это время ещё и не мог. А уже в марте 1869 г. у редакции журнала «Заря» появились значительные финансовые трудности, с которыми владельцу журнала В.В. Кашпиреву справляться было нелегко. Надежды на то, что подписка будет идти живее, оправдывались плохо и далее. В письме от 23 ноября 1870 г. Страхов просит Достоевского прислать что-либо для журнала и даже надеется получить от автора заглавие будущего произведения, а при этом достаточно резко замечает о Писемском и Ключникове: «Остаётся манить публику обещаниями. <...> Можно бы обещать Писемского и Ключникова, но, право, это едва ли привлечёт и чуть ли не испугает. Осрамились они в 1869 году, и повредили таки «Заре» [13]. Скорее всего, эта оценка была несколько приукрашена Страховым, чтобы привлечь Достоевского в журнал, при этом на Писемского были переброшены общие неудачи издания. Примечательно, что 22 февраля 1871 г. Страхов писал о неудачах журнала, принимая часть вины уже на самого себя: «Скажу одно – публика очевидно не сочувствует Заре; журнал сразу попал в дурную славу, сразу стал непопулярным, претящим общему вкусу. Если бы он имел блестящие внешние достоинства, был полон, разнообразен, выходил аккуратно – то можно было бы поправить дело. Но в Заре все соединилось для неудачи, а в том числе, пожалуй, и я» [13]. Общей причиной всего было ухудшающееся материальное положение редакции и резкая и агрессивная полемика, которая велась по отношению к журналу противниками из демократического лагеря.

«Заря» была славянофильским журналом, отыскивающим противовесы западным веяниям и в ряде вопросов даже приближающимся к консервативному «Русскому Вестнику». Но, в отличие от М.Н. Каткова, имевшего значительные связи на уровне вла-

стных кругов и высшего света, В.В. Кашпирев большими знакомствами не обладал, а привлечённый им для помощи Н.Н. Страхов, являясь талантливым критиком, не оказался отличным организатором и распорядителем. Ограниченность во времени и деньгах, необходимость кропотливой работы и систематического финансового пополнения издания привела к тому, что журнал просуществовал всего три года. У «Зари» была своя концепция, в которую роман «Люди сороковых годов» в целом вписывался, хотя Писемский, продолжавший работу над произведением, сам во многом ориентировался на установки журнала. Можно предположить, что отчасти под влиянием В.В. Кашпирева и Н.Н. Страхова, а также статей, опубликованных в номерах журнала за 1869 г., Писемским были включены в роман сцены и рассуждения, передающие суть народной жизни, представления об особой хоровой форме русского государства, высказанные его главным героем.

К сожалению, черновые материалы романа и авторский экземпляр окончательной его редакции погибли в 1918 г. при пожаре в издательстве М.О. Вольфа. Текст корректур и готовых сборников просматривался самим Писемским, публикация в «Заре» считается первоисточником, и у исследователей нет возможности сопоставить редакции и черновые материалы с окончательным текстом (это сопоставление, разумеется, могло бы прояснить движение мысли автора и степень влияния на него других материалов, публиковавшихся в журнале «Заря»). Однако, как можно судить по посланию Писемского Страхову от 27 февраля 1869 г. (это самое начало 1869 г., то есть работа Писемского над романом была в разгаре, в первой книжке журнала «Заря» появилось ещё только начало произведения), писатель пытался встроить «Людей сороковых годов» в концепцию издания и согласовать его с одной из больших программных работ – публикуемой в ряде номеров журнала статьей В.Я. Данилевского «Россия и Европа»: «Обращаюсь к Вам с превеликою моей просьбою: я в романе моём теперь дошёл до того, чтобы группировать и поименовывать перед читателем те положительные и хорошие стороны Русского Человека, которые я в массе фактов разбросал по всему роману, о том же или почти о

том же самом придётся говорить и Данилевскому, как это можно судить по ходу-то статей. Вы, кажется, знаете их содержание: не можете ли вы хоть вкратце намекнуть мне о тех идеалах, которые, он полагает, живут в Русском народе, и о тех нравственных силах, которые, по преимуществу, хранятся в Русском Народе, чтобы нам воспеться на этот предмет и дружнее ударить для выражения направления вашего журнала. Вообще статьи Г-на Данилевского производят в мыслящих кружках здесь большое впечатление: об них говорят, спорят, соглашаются с ними и не соглашаются!.. Будьте столько добры – почтите меня вашим ответом и дайте мне возможность поясне послужить направлению Зари» [2, с. 234].

Процитированное выше письмо рождает поводы и для упрёка Писемского в некоторой несамостоятельности, в скудости его размышлений о русском человеке, однако это представление ошибочное. Для рассуждений по поводу диалектики личного и общего требовался объективный взгляд на окружающее, русскую жизнь. Скорее всего, Писемскому требовалась своеобразная моральная и духовная поддержка славянофилов именно для создания эпического романа, для того, чтобы не «скатиться» в изображаемом им широком художественном мире до пессимизма «Взбаламученного моря».

Герой Писемского в одиночестве, может быть, и не выдержал бы падающих на него ударов судьбы, сломался, как ломаются от тяжести непосильных бед и проблем обыкновенные люди. Но, обращаясь к Страхову и «Заре», писатель искал для Павла Вихрова поддержку в вере, в опоре на русский народ, в ощущении героем себя частью большого русского мира.

Уже в самом финале романа, в его пятой части, в гостиной Мари Вихров находит двух своих старых знакомых – Абреева и Плавина, занимающих большие посты, сделавших карьеру, немало проработавших на руководящих должностях. В общем разговоре о русской жизни, народе и власти раздаются различные мнения, причём Писемский не только показывает слабости и промахи собравшихся чиновников, но и сочувствует им, поскольку в целом оба приятеля Вихрова –

неплохие принципиальные люди, к тому же неравнодушные.

Писемский мастерски выстраивает реплики персонажей, представляя различные точки зрения героев, уже прошедших большую школу жизни, высказывающих собственные мнения и остающихся при них, несмотря на возражения оппонентов. Так, ещё до прихода Плавина Абреев говорит о своём собственном губернаторстве, начало которого пришлось на время прихода на государственную службу множества честных и просвещённых людей, количество которых, по словам героя, значительно уменьшилось в последнее время. Рассказывая о неудачах и подлом поведении помощника, Абреев приходит к одному из ключевых для всего романа, но крайнему выводу: «Я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу» [1, т. 5, с. 464]. Скорее всего, сам Писемский, как и его автобиографический герой Вихров, согласился бы только с первой частью этого суждения, о службе государю. Конечно, под обществом Абреев разумеет не русский народ, а чиновников и все виды власти, кроме власти государя, тем не менее, его высказывание, как и его суждение о положении во вверенной ему губернии, субъективно. Точно так же, к примеру, Абреев лишь на основании собственных предположений, без выяснения обстоятельств и учета статистики, пересылает отчёт о состоянии губернии, объявляя, что «помещики до крайности обеднели, мужики все переделались и спились, и хлебопашество упало» [1, т. 5, с. 465]. Вступивший в спор Плавин всю жизнь служит именно государю, но при этом привыкший жить роскошно и добившийся многого благодаря внешней правильности, он считает, что важнейшая обязанность гражданина, а тем более чиновника – служение обществу, под которым понимает прежде всего народ. Одно из ключевых мест в диалоге аристократа Абреева и демократа Плавина приходится на разговор об общине, введённый Писемским в роман в том числе и с целью угодить славянофильской редакции журнала «Заря». В то время как либерал Абреев считает общину навязанной народу, Плавин её своеобразно «отстаивает»: «Общину выдумали, во-первых, не в Петербурге, ... а скорей в Москве; но и там её не выдума-

ли, потому что она долгое время существовала у нашего народа, была им любима и охраняема» [1, т. 5, с. 467].

Наконец, оставаясь наедине с любимой женщиной, не сдерживая более размышлений, Вихров высказывает свою теорию хорошего государства, подчёркивая при этом, что позиции Абреева и Вихрова – две крайности. «Мы строим наше государство медленно, но из хорошего материала; удерживаем только настоящее, и всё ложное и фальшивое выкидываем. ...Сколько вот я ни ездил по России и ни прислушивался к коренным и любимым понятиям народа, по моему мнению, в ней не должно быть никакого деления на сословия – и она должна быть, если можно так выразиться, по преимуществу государством хорошим, где каждый пел бы во весь свой полный, естественный голос...» [1, т. 5, с. 470]. Далее Вихров замечает Мари, что и на государственное устройство он переносит эту систему. По мнению героя Писемского, яркими личностями, привлекающими внимание других людей, могут быть только цари как помазанники Божии, но власть рядового человека или власть партии Вихров ставит под сомнение. Не случайны слова героя, резко разделяющего Запад и Россию (тут, конечно, чувствуется и ориентация на труд В.Я. Данилевского): если на западе идеал правителя определяется силой, то у нас – справедливостью: «У нас же, напротив, наш любимый князь – князь ласковый, к которому потому и сошлись все богатыри земли русской, – князь в совете мудрый, на суде правый» [1, т. 5, с. 470].

Всем романом Писемский пытается показать, что власть над людьми ставит человека в сложные и противоестественные для него условия, не случайно Вихров сначала долго отпирается от службы, а после назначения его чиновником с трудом переносит поручаемую ему работу, выполняя её честно и по-человечески, но при этом напрягая все силы личности, чтобы противостоять абсурду и инерции чиновничьей системы.

Рассуждения Писемского о государстве, власти, народе и личности в романе созвучны не только многим положениям труда В.Я. Данилевского «Россия и Европа», теорией культурно-исторических типов которого Писемский очень заинтересовался, но, к примеру, и выводам А.Д. Градовского. В

мартовском и апрельском номерах журнала «Заря» за 1869 г. вышел обзор А.Д. Градовского «Политические теории XIX века», в котором юрист и философ немалое внимание уделяет основным положениям работ Б. Константа, а также спорит с ним. В первую очередь, примечательно уже само обращение Градовского на страницах «Зари» к понятию свободы личности, рассматриваемому Константом, проблеме регламентации государством прав и свобод человека, свободы личной и политической. Градовский возражает Константу преимущественно по поводу вопроса религиозной свободы, который кажется ему слишком вольно и пространно истолкованным у Константа, а также в связи с тем, что Констант не учитывает культурно-исторической специфики разных стран. Градовский отстаивает право государства на охранение признанных религиозных догматов. Но ключевая идея, которую подхватывает и Градовский, а за ним во многом и Писемский в своём романе, связана с проблемой уважения личности и правильного построения государства на основе соблюдения интересов всех его граждан.

В художественном мире романа Писемского об уважении к человеку вспоминают только единицы – отдельные люди сороковых годов, которых отнюдь не время и дата рождения сделали такими. Начальство, получающее неограниченную власть над подчинёнными, как констатирует Вихров, издевается над ними и над всем народом: «...Не я тут один так страдаю, а сотни и тысячи подчинённых, которыми начальство распоряжается чисто для своей потехи. ...Тираны забавляются своими жертвами, как некогда татары обращались с нами в Золотой Орде, так и мы обращаемся до сих пор с подчинёнными нашими!» [1, т. 5, с. 341].

Нарисованная Вихровым модель из хора голосов очень созвучна рассуждениям Градовского о национальном государстве, законы которого появляются не путём бездумного заимствования, но складываются исторически в ходе анализа и обобщения нравственных предписаний. «Государство в теории А.Д. Градовского предстаёт в качестве организующего начала, аккумулирующего многообразие интересов различных общественных элементов и социальных групп в идею

общего блага» [14, с. 122]. Градовский определил новый тип государства – «всесловно-общественный», основанный на народности. Учёному, кстати, принадлежит и одна из ярких и стройных теорий диалектического, непротиворечивого сочетания интересов человека и общества, власти, которая, по всей видимости, учитывалась Писемским при создании романа. Значительное количество работ Градовского вышли в свет уже после 1869 г., то есть после публикации романа Писемского, однако в 1868 г. был опубликован очерк Градовского «Государственный строй Древней России». В нем учёный, опираясь на исторические данные становления государственности в России (немало исторических примеров слышит читатель и из уст Вихрова), много рассуждает о местном самоуправлении, региональной власти, о слабости политических споров в России, редко поднимающихся на высоту научных положений.

Свои размышления Градовский продолжил в работе «Государство и провинция» 1869 г., в которой ставится вопрос о необходимости сильной централизованной власти, о совместной работе государственных и общественных организаций, во избежание ухищрений и несообразностей: «Сообщение самостоятельности правительственным органам в местности необходимо предполагает организацию общественных сил как противовес этой самостоятельности, противовес, без которого она легко может выродиться в произвол» [15]. Вся деятельность отправленного на службу в губернию Вихрова и поддерживающих его братьев Захаревских, борющихся с самоуправством губернатора, позволяют читателю романа Писемского наглядно оценить указанный Градовским произвол власти.

Для «Зари» в целом был характерен историзм, почти все учёные, публиковавшие статьи на страницах журнала, отталкивались от особенностей становления и развития народной культуры и государственности. И Писемский в этом направлении также шёл за редакцией журнала: его герой Вихров по мере продвижения по жизни всё более задумывается над особенным путём России.

Уже после выхода романа Писемского, в июньском номере «Зари» за 1870 г., была опубликована статья Б. Богишича «О научной разработке истории славянского права»

по результатам прочитанной им лекции, также ставшая во многом программной для журнала [16]. К сожалению, работа известного юриста, считающегося сейчас одним из основателей социологии права, не принесла «Заре» много подписчиков и большого внимания, да и сам Богишич, приглашённый на работу в Россию, не проработал и трёх лет в Новороссийском университете – его взгляды считались недостаточно прогрессивными, Богишич был вынужден уйти фактически из-за студенческих волнений.

Богишич считал себя последователем Савиньи, был сторонником исторической школы права. Однако при этом призывал не довольствоваться внешними историческими фактами, как это обыкновенно делает история римского права, а исследовать духовную взаимозависимость совокупного развития права. Основная проблема, поднятая им в работе, опубликованной на страницах «Зари», была связана со своевременностью, разумностью и уместностью законов, принимаемых в государстве. Богишич на ряде примеров показал опасность законов, спускаемых сверху, но не учитывающих положение народа: «...закон, особенно издаваемый *ab alto*, имеет обыкновенно в виду: не утвердить живущее в народе право, но ввести вместо него новое. Законодательство, которое не обращает внимания на общебытовое положение народа, становится часто в противоречие с целой народной жизнью» [16, с. 52]. Программным ходом был для «Зари» и пункт расхождения Богишича с Савиньи, связанный с пренебрежением юристами и чиновниками народным мнением. Согласно Богишичу, юристы не могут представлять собой народ или народное сознание, которое, как показал своим романом Писемский, слагается из воли и устремлений всех людей.

В юности непримиримый Вихров был намерен как-то бороться с самоуправством чиновников, на что услышал мудрый совет учителя: «Тебя же сошлют на каторгу, а на место того вора пришлют другого, ещё вористее» [1, т. 4, с. 76]. По иронии судьбы за написанные сочинения Вихрова ссылают в одну из губерний на службу без выплаты жалованья, так как у самого Павла есть доход. И то, что Вихров знал со стороны, он теперь в полной мере ощущает на себе: служба сле-

дователем и исполнение ряда тяжёлых поручений приводят его не только к физической и душевной усталости, но к разочарованию в людях: «Уехать со всякого следствия в дорогу было для него всегда величайшим наслаждением. После всех гадостей и мерзостей, которые обыкновенно обнаруживались при каждом почти исследовании деяний человеческих, он видел тихий, мирный лес, цветущие луга, желтеющие нивы, – о, как тогда казалась ему природа лучше людей!» [1, т. 5, с. 288].

Служба Вихрова описывается Писемским с использованием собственных впечатлений. Как отмечают биографы Писемского, в частности, Н.Н. Виноградов, обратившийся к материалам архива Костромского губернского правления, Писемскому «лично пришлось провести несколько дел по преследованию старообрядцев и уничтожению их моленных» [17, с. 2]. Н.Н. Виноградов сопоставляет материалы дела, представляющие официальную версию уничтожения старообрядческой церкви, и соответствующие главы из романа «Люди сороковых годов», приходя к важному и ценному выводу. «9 июня 1850 г. моленная была уничтожена, причём ничего особенного, никаких случайностей, тем более неблагоприятных, не произошло, иначе каждая мелочь была бы отмечена в рапорте...» [17, с. 12]. «По роману видно, даже это как бы намеренно подчёркивается, что Вихров едет на ответственное и довольно рискованное дело в одиночку... Из дела же видно, что А.Ф. Писемский ехал в село Урень вместе с другими чинами администрации, которых в данном случае было даже больше, чем это обыкновенно бывало...». «Автор в романе отмечает чрезвычайную мягкость, гуманность, которую проявлял в этом деле Вихров; <...> Ничего подобного, конечно, не мог делать в качестве официального лица, командированного для уничтожения старообрядческой моленной, А.Ф. Писемский. Прежде всего, как чиновник, служивший по необходимости, из-за жалованья, он не мог рисковать службой и всей своей будущей судьбой, отменяя собственной властью Высочайшее повеление о закрытии раскольнической часовни» [17, с. 18-19].

В свете всех рассуждений в романе о тяготе власти Писемский подравнивает пове-

дение своего героя, допускающего в отличие от самого автора много вольностей в исполнении приказаний, вынужденного чётко следовать не просто букве закона, но и установленным правилам следствия. Вихров сторонится власти и её применения по отношению к людям, старается поступить по-человечески: Писемский на многочисленных примерах показывает, что честная служба в России практически невозможна, что чиновник вынужден поступать вразрез со своей совестью. Вот что пишет Вихров в одном из посланий Мари: «Знаете ли Вы, что, может быть, нет более трагического положения, как положение человека, который бы у нас в России вздумал честно служить. Трудно вообразить себе – до какой деморализации

дошло у нас так называемое чиновничество. На целый губернский город выищется не более двух–трёх сносно честных людей, за которых, вероятно, Бог и терпит сей град на земле, но которых, тем не менее, всё-таки со временем съедят и выживут» [1, т. 5, с. 295].

Помимо того, что убеждения Вихрова были приближены автором к программным положениям журнала «Заря», Писемский, вероятнее всего, подравнивал в романе и собственные переживания и воспоминания. Нельзя исключать, что замысел романа, описанный Краевскому в 1851 г., уже тогда был связан с попыткой писателя переосмыслить и пережить заново в воображении многие события своей службы в Костромской губернии.

Список литературы

1. *Писемский А.Ф.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4, 5. Люди сороковых годов. М.: Правда, 1959.
2. *Писемский А.Ф.* Письма. Москва; Ленинград: Академия наук, 1936. 976 с.
3. *Звягина С.В.* Роль реминисцентного контекста в романе А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 5-5. С. 1108-1113.
4. *Андреева В.Г.* «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского и «Дым» И.С. Тургенева: типологические связи и художественные переключки // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.* 2013. № 5. С. 121-125.
5. *Анненков П.В.* Художник и простой человек (Из воспоминаний об А.Ф. Писемском). URL: <http://pisemskiy.lit-info.ru/pisemskiy/biografiya/annikov-hudozhnik/glava-i.htm> (дата обращения: 12.05.2021).
6. *Андреева В.Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.
7. *Писемский А.Ф.* Сочинения Н.В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или «Мёртвые души». Часть вторая. URL: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0510.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
8. *Синякова Л.Н.* Художественно-антропологические искания Н.В. Гоголя и обыкновенный человек А.Ф. Писемского: эпопейный образ мира («Мёртвые души» и «Взбаламученное море») // *Сибирский филологический журнал.* 2010. № 4. С. 47-52.
9. *Шелгунов Н.В.* Люди сороковых и шестидесятых годов. URL: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovyh.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
10. *Швецова Т.В., Земляникин А.П.* Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // *Верхневолжский филологический вестник.* 2020. № 3 (22). С. 53-60.
11. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. Ч. 1. М.: Типо-литография Русского т-ва, 1907. 200 с.
12. *Еремин М.П.* Выдающийся реалист // *Писемский А.Ф. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1.* М.: Правда, 1959. С. 3-52.
13. *Страхов Н.Н.* Письма к Ф.М. Достоевскому. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1874_pisma_dostoevskomu.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
14. *Грязнова Т.Е.* Концепция национального прогрессивного государства А.Д. Градовского // *Вестник Томского государственного университета.* 2011. № 343. С. 120-124.
15. *Градовский А.Д.* Государство и провинция. URL: http://az.lib.ru/g/gradovskij_a_d/text_1869_gosudarstvo_i_provincia.shtml (дата обращения: 12.05.2021).
16. *Богшиш Б.* О научной разработке истории славянского права // *Заря.* 1870. Июнь. С. 41-67.
17. *Виноградов Н.Н.* Алексей Феофилактович Писемский. Материалы к его биографии и выяснения процесса творчества. Пг.: Тип. Императорской академии наук, 1917. 30 с.

References

1. Pisemskiy A.F. *Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 4, 5. Lyudi sorokovykh godov* [Collected Works: in 9 vols. Vol. 4, 5. Men of the Forties]. Moscow, Pravda Publ., 1959. (In Russian).
2. Pisemskiy A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk Publ., 1936, 976 p. (In Russian).
3. Zvyagina S.V. Rol' reministsentnogo konteksta v romane A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov» [The role of reminiscence context in A.F. Pisemsky's novel "Men of the Forties"]. *Fundamental'nyye issledovaniya – Fundamental Research*, 2014, no. 5-5, pp. 1108-1113. (In Russian).
4. Andreyeva V.G. «Vzbalamuchennoye more» A.F. Pisemskogo i «Dym» I.S. Turgeneva: tipologicheskiye svyazi i khudozhestvennyye pereklichki [“Troubled Seas” by Aleksey Pisemsky and “Smoke” by Ivan Turgenev: typological connections and artistic consonances]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*, 2013, no. 5, pp. 121-125. (In Russian).
5. Annenkov P.V. Khudozhnik i prostoy chelovek (Iz vospominaniy ob A.F. Pisemskom) [The Artist and the Common Man (From the memoirs of A.F. Pisemsky)]. (In Russian). Available at: <http://pisemskiy.lib.info.ru/pisemskiy/biografiya/annenkov-hudozhnik/glava-i.htm> (accessed 12.05.2021).
6. Andreyeva V.G. *O natsional'nom svoyeobrazii russkogo romana vtoroy poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th century]. Kostroma, KGU Publ., 2016, 492 p. (In Russian).
7. Pisemskiy A.F. Sochineniya N.V. Gogolya, naydennyye posle ego smerti. *Pokhozheniya Chichikova, ili «Mertvyye dushi». Chast' vtoraya* [The Works of N.V. Gogol, Found after His Death. Adventures of Chichikov, or “Dead Souls”. Part Two]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/p/pisemskij_a/text_0510.shtml (accessed 12.05.2021).
8. Sinyakova L.N. Khudozhestvenno-antropologicheskiye iskaniya N.V. Gogolya i obyknovenny chelovek A.F. Pisemskogo: epopeynyy obraz mira («Mertvyye dushi» i «Vzbalamuchennoye more») [Gogol's literary anthropology and Pisemsky's “Ordinary Man”: an epical image of the world (“Dead Souls” and “Troubled Sea”)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2010, no. 4, pp. 47-52. (In Russian).
9. Shelgunov N.V. *Lyudi sorokovykh i shestidesyatykh godov* [Men of the Forties and Sixties]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_1869_ludi_sorokovykh.shtml (accessed 12.05.2021).
10. Shvetsova T.V., Zemlyanikin A.P. Problema sozdaniya kognitivnoy modeli postupka literaturnogo geroya (na materiale romana A.F. Pisemskogo «Lyudi sorokovykh godov») [The problem of creating a cognitive model of the act of a literary hero (based on A.F. Pisemsky's novel “Men of the Forties”)]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*, 2020, no. 3 (22), pp. 53-60. (In Russian).
11. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. *Istoriya russkoy intelligentsii. Ch. I* [History of the Russian Intelligentsia. Pt 1]. Moscow, Typo-litografiya Russkogo tovarishchestva Publ., 1907, 200 p. (In Russian).
12. Eremin M. P. Vydayushchiysya realist [Outstanding realist]. In: Pisemskiy A.F. *Sobranie sochininii: v 9 t. T. 1* [Collected Works: in 9 vols. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1959, pp. 3-52. (In Russian).
13. Strakhov N.N. *Pis'ma k F.M. Dostoyevskomu* [Letters to F.M. Dostoevsky]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1874_pisma_dostoyevskomu.shtml (accessed 12.05.2021).
14. Gryaznova T.E. Kontseptsiya natsional'nogo progressivnogo gosudarstva A.D. Gradovskogo [A.D. Gradovskiy's concept of a national progressive state]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 343, pp. 120-124. (In Russian).
15. Gradovskiy A.D. *Gosudarstvo i provintsiya* [State and Province]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/g/gradovskij_a_d/text_1869_gosudarstvo_i_provincia.shtml (accessed 12.05.2021).
16. Bogishich B. O nauchnoy razrabotke istorii slavyanskogo prava [On the scientific development of the history of Slavic law]. *Zarya* [Dawn], 1870, June, pp. 41-67. (In Russian).
17. Vinogradov N.N. *Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy. Materialy k ego biografii i vyyasneniya protsessa tvorchestva* [Alexey Feofilaktovich Pisemsky. Materials for His Biography and Clarification of the Creative Process]. Petrograd, The Imperial Academy of Sciences Typography, 1917, 30 p. (In Russian).

Информация об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
28.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the author

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philology, Leading Research Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor of Domestic Philology Department, Kostroma State University, Kostrom, Russian Federation, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Contribution: main study conception, work with literature references, literary texts analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 06.07.2021
Approved after reviewing and revision 28.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-684-693

О финале романа Е.И. Замятина «Мы»: оптимистическая трагедия?

Хунюань ВАН

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
✉ cnhywang@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена неоднозначность финала романа Е.И. Замятина «Мы» на основе его синтетического характера и воплощённых в нём мировоззренческих идей автора. Отмечая ключевую функцию образа революционерки I-330 в структуре и тематике произведения, мы обратили внимание на другой женский образ О-90, чья судьба составляет кажущуюся «побочной», законченную ранее, но не менее важную сюжетную линию романа. Проанализированы на сюжетном уровне внутритекстовые связи О-90 с другими персонажами, выявлен ряд возможных внетекстовых ассоциаций данного образа с рассуждениями в критических статьях и эссе Замятина. Таким образом, в этом персонаже мы видим достаточно чёткий синтетический образ материнства и писательства, реализацию важного для замятинской творческой личности «спирального» пути диалектического развития и намёк на жизненность кажущейся проваленной революции. Сочетание этих свойств в одном образе заставляет нас переосмыслить сюжетное развитие романа и позволяет увидеть некий оптимистический оттенок в его трагической концовке, а симметричность судеб двух главных героинь и их решающее союзничество также доказывают важность проанализированного персонажа в композиции и тематике произведения.

Ключевые слова: Е.И. Замятин, синтетизм, визуальный код, феминизм, фокализация, ненадёжный рассказчик

Для цитирования: Ван Хунюань. О финале романа Е.И. Замятина «Мы»: оптимистическая трагедия? // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 684-693. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-684-693>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the finale of Y.I. Zamyatin's novel "We": an optimistic tragedy?

Hongyuan WANG

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

✉ cnhywang@yandex.ru

Abstract. We consider the ambiguity of Y.I. Zamyatin's novel ending "We" on the basis of its synthetic feature and the author's worldview ideas embodied in it. We note the key function of the heroine I-330 in the structure and novel theme, we draw attention to another female character, O-90, whose fate is a seemingly "secondary", completed earlier, but no less important storyline of the novel. We analyze O-90's intertextual connections with other characters, at the plot level; we also reveal some possible extratextual associations of this character with Zamyatin's statements in his critical articles and essays. Thus, in this character we see a fairly clear "integral image" of motherhood and writing, a realization of the "spiral" path of dialectical development, which is important for Zamyatin's writer identity, and a hint of the vitality of the seemingly failed revolution as well. The combination of these features in one character makes us rethink the plotline of the novel and allows us to see a certain optimistic implication in its tragic ending. The symmetry of the two heroines' fate and their decisive alliance also prove the importance of this character in the composition and the subject matter of the work.

Keywords: Y.I. Zamyatin, synthetism, visual code, feminism, focalization, fallible character

For citation: Wang Hongyuan. O finale romana E.I. Zamyatina «Мы»: optimisticheskaya tragediya? [On the finale of Y.I. Zamyatin's novel "We": an optimistic tragedy?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 684-693. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-684-693> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Синтетизм» – один из ключей к пониманию замятинского творчества. По выражению писателя, именно это слово он бы выбрал «для определения той точки, в которой движется сейчас литература» [1, т. 3, с. 139]. В качестве основного художественного принципа синтетизм «пользуется интегральным смещением планов» [1, т. 3, с. 169] и «открывает путь к совместному творчеству художника – и читателя или зрителя» [1, т. 3, с. 171].

Следует иметь в виду, что понятие синтеза в мировоззренческой и художественной системе Е.И. Замятина очень многомерно: синтезируются в современном ему искусстве фантастика и быт, синтезируются в характерной для него еретической философии вчерашний тезис и сегодняшний антитезис, синтезируются в неореалистической литературе реалистические основы и символист-

ские подходы и т. д. В общем, как заметила Н.З. Кольцова, для Замятина важен и типичен синтез «не просто различных, но противоположных, едва ли не взаимоисключающих начал» [2, с. 163].

Исследователи понимают данное понятие в достаточно широком смысле, уделяя внимание философским размышлениям и разным уровням поэтики художественного творчества. М.Ю. Любимова пишет о том, что замятинская теория «философского синтетизма» включает в себя «философское и эстетическое обоснование нового художественного течения «неореализма», оригинальную систему взаимодействия различных видов искусств, концепцию творческой личности, вопросы психологии творчества и вопросы восприятия читателем литературного произведения» [3, с. 244]. М.А. Хатямова видит в замятинском синтезе «неизбежный ре-

зультат диалектического развития жизни (гегелевская «оболочка» идеи синтеза) и диалогической природы культуры и её языка», а диалогичность осуществляется на трёх уровнях – это «диалог разных культурных языков в авторском языке для продуцирования новых смыслов», «сотворчество автора и реципиента» и «диалог разных искусств в языке прозы» [4, с. 39].

Объекты синтеза как устойчивого образа мышления писателя не могут быть исчерпаны перечислением, но мы можем рассматривать конкретные его проявления в самых разных аспектах. В данной статье основной упор делается на *идейно-философской стороне* понятия диалектического синтетизма, между тем важную роль играет вышеупомянутый синтетический принцип *сотворчества автора и читателя*. Материалом анализа является роман «Мы».

Этот роман, как справедливо отмечает М.Ю. Любимова, является «вершинным произведением Замятина и одним из наиболее значительных романов XX века» [3, с. 264]. В последние годы исследователи продолжают открывать в нём новые аспекты: изучают когнитивно-функциональный и коммуникативно-синтаксический аспекты произведения, используя роман как материал лингвистического анализа (см., напр.: [5–7]), и, в частности, рассматривают разные идейно-тематические оппозиции, такие как «аполлоновское – дионисийское», «правда – ложь», «личность – государство» (см.: [8–10]) и др.

Синтетическое значение романа «Мы» можно рассматривать с разных сторон. Он синтетичен, прежде всего, с точки зрения замятинского представления о художественной картине мира и сформулированной им «концепции творческой личности», которая, по мнению М.Ю. Любимовой, именно в этом романе воплощается «в наиболее завершённом виде» [3, с. 264]. Он не только в разных аспектах ведёт диалог с теоретическими, критическими и публицистическими работами писателя, но и является его самоопределением в современной ему литературе и культуре. Структура «текста в тексте» [11, с. 7], «романа о рождении романа» [12, с. 242] и совпадение времени создания романа (около 1920 г.) с периодом активной эстетической рефлексии автора также позволяют ис-

кать в романе метахудожественный смысл о творчестве и отражение определённых эстетических ценностей (см.: [11; 13]).

Другой аспект синтетичности романа касается его связи с *утопической традицией* в литературе. Строго говоря, в романе не односторонне критикуется единичный тип утопического общества, а представлено сопоставление двух типичных утопических форм, отгороженных друг от друга Зелёной Стеной. Как указывает И.Н. Сухих, «Замятин не соединяет, а разводит утопические идеи «города» и «сада» (или «леса»)). Оппозиция рационального и иррационального, прямолинейной, стерильной, урбанистической цивилизации и живописно-беспорядочной живой природы определяет уже предметный мир его книги» [14, с. 93]. Подвергая сомнению бесчеловечность машинной цивилизации, Замятин и не однозначно одобряет лесную утопию, связанную с сатанинским началом Мефистофеля. Его вера в том, что превосходство любого общественного устройства относительно, а эволюция и революция неизбежны в истории.

Обсуждая еретический, диалектический синтетизм в романе и в творчестве Замятина в целом, особое внимание обращаем на женские образы, своим образом служащие воплощениями этой ключевой идеи. Дихотомии в рамках традиционных христианских ценностей «святого – грешного» и «Мадонны и блудницы» сочетаются во многих женских персонажах Замятина (например, в раннем рассказе «Чрево» и в рассказе «О святом грехе Зеницы-девы» из цикла «Чудеса»). Именно взаимно полярные противоположности образуют своего рода синтез, задающий вопрос о давно устоявшихся ценностях патриархального порядка.

Среди женских образов с конкретными нумерациями (I-330, O-90, Ю) ключевую функцию в структуре и тематике произведения выполняет I-330. Её высказывания о бесконечных революциях, о детях как «естественно смелых философах» [1, т. 2, с. 328], об оппозиции энергии и энтропии и т. д. по большому счёту найдут совпадение в публицистических работах Замятина. К тому же, с точки зрения Т.Т. Давыдовой, «её беседы с Д-503, как и диалог Благодетеля с ним, яв-

ляются ведущим жанрообразующим средством философского романа» [15, с. 391].

Учитывая эту позицию, финал романа можно рассматривать как *трагедию*: пробудившийся на время главный герой Д-503, снова потерявший душу, возвращается к «машинному» состоянию, а революционерка I-330 становится жертвой провала бунта.

Тем не менее, в этом безнадёжном художественном мире всё же остаётся некий утешительный «зазор». Согласно принципу «совместной творческой работы автора и читателя», по объяснению Замятина, автор может намеренно пропускать главные мысли, давая специально выбранные «побочные мысли», которые «путём ассоциаций» заставляют читателя «восполнить пропущенную центральную мысль» [1, т. 5, с. 352]. Как вечный еретик Замятин верил в семена революции, которые позволили бы продолжать диалектический путь и создавать новые синтезы. На этой же основе мы предполагаем, что роман завершается не однозначно тупиковой трагедией.

На наш взгляд, особенно важную роль в этом отношении играет женский номер О-90, которая в центральной сюжетной линии оказывается менее значимой, чем вышеупомянутые «Адам» и «Ева», и очень часто «игнорировалась» или упоминалась только вскользь.

В настоящей статье, прежде всего, будем показывать, как О-90, наряду с Д-503, страдает «болезнью души», рассматривать богатые смысловые ассоциации вокруг визуального образа и характера этого персонажа, и на этой основе закончим обсуждение на значимом моменте объединения будущей матери и революционерки. Таким образом, анализируя внутритекстовые связи данного образа с другими персонажами и его внетекстовые ассоциации, мы можем предложить ещё одну интерпретацию о синтетическом мышлении Замятина, увидеть некий оптимистический оттенок в трагическом финале романа.

Итак, особенность персонажа О-90 прежде всего в том, что она, как и главный герой, «болеет душой». Сюжетная линия романа, несомненно, вращается вокруг «болезни» Д-503 с помощью его дневниковых записей. Строитель космического корабля, при-

выкший к математически-безошибочному образу мышления и говорящий как машина государственной пропаганды, под влиянием очаровательной и таинственной I-330 обретает неконтролируемую душу, испытывает множество эмоций, таких как эйфория, ревность, страх и т. д., которые не могут быть включены в его безошибочные логические формулы.

Если болезнь Д-503 представлена с внутренней точки зрения рассказчика, то образ О-90 даёт возможность с внешней точки зрения узнавать её «симптомы». По известному нам сюжету О-90 страдает от этой «болезни души» даже дольше, чем Д-503.

Симптомы её болезни отражены в оценках Д-503, которые чаще всего негативны. Например, когда I-330 первый раз с ним заговаривает, О-90 «радостно-розово» напоминает: «Он записан на меня». Для Д-503 это совершенно лишние слова, а причина их произнесения состоит в том, что у О-90 «неправильно рассчитана скорость языка» [1, т. 2, с. 216], мысль отстаёт от языка. Однако данная реакция О-90 может быть вполне мотивирована. В ней содержится и чувство исключительного превосходства перед другим женским номером, и демонстративное напоминание потенциальному конкуренту о своём присутствии.

Кроме того, О-90 выражает желание как можно скорее быть наедине с Д-503, а также специально, даже настойчиво достаёт и дарит ему веточку ландышей. Возможно, поскольку её поведение «человеческое, слишком человеческое», даже читатели забывают, что всё это *ненормально* в Едином Государстве. Она не такая наивная, и не такая простая, как кажется Д-503, который пока ещё не умеет представить, *что* находится между её языком и мыслью.

В общем, для Д-503 «недостаток» разума у О-90 проявляет лишь стереотипное «женское» свойство: «Вы, женские номера, кажется, неизлечимо изъедены предрассудками. Вы совершенно неспособны мыслить абстрактно. Извините меня – но это просто тупость» [1, т. 2, с. 235]. И не следует пропустить первое появление О-90 на его страницах записей: когда он наслаждается совершенством установленной им формулой, а она восхищается чудесной весной, Д-503 уже пре-

зрительным тоном выражает своё мнение: «Женщины... Я замолчал» [1, т. 2, с. 2].

Разумеется, что эти привычные суждения Д-503 о женщинах рождается на прочной патриархальной почве Единого Государства, где наблюдается отчуждение человека от натурального тела и иррационального чувства, а также доминирование мужских обитателей в публичном пространстве во главе с Благодетелем: почти все названные в записях служащие во влиятельных общественных сферах – Хранители, врачи, инженеры, а также поэт – являются мужчинами, а официальные должности женских нумеров, кроме контролёрши Ю, не упоминаются рассказчиком.

Ему становятся доступны ласковые эмоции и восхищение весенней природой, подобно его «недостаточно разумной» подруге, только тогда, когда у него тоже образуется душа, появляется любовь к другой личности. Иначе говоря, пока кажущаяся рассказчику ненормальность О-90, на самом деле, свидетельствует о долговременном сокрытии её «излишних» сентиментальных чувств. Подобные чувства испытывает и вышеупомянутая контролёрша Ю – пожилая женщина без указания цифр в нумерации, чья жаберная кожа на лице вызывает у Д-503 антипатию.

До появления I-330 государственные правила и розовые талоны фактически позволяют О-90 «узаконить» свою любовь, а когда Д-503 постепенно влюбляется в I-330, её затаённые переживания усиливаются почти до невыносимости, хотя её «простой круглый ум» [1, т. 2, с. 235] для него по-прежнему представляет порядок, простоту и утешение, как тот мнимый, кажущийся ему крепким «треугольник», состоящий из него самого, О-90 и поэта R-13, который потом в День Единогласия, к отчаянному удивлению рассказчика, тоже оказывается рядом с I-330, «плечом к плечу» [1, т. 2, с. 306].

Как мы можем узнать из её вполне откровенного письма к Д-503, она начинает беспокоиться, мучиться и решает отчётливо высказывать свою душевную боль. Приведём фрагмент данного письма: «И будто комната у меня – не четырёхугольная, а круглая, и без конца – кругом, кругом, и всё одно и то же, и нигде никаких дверей» [1, т. 2, с. 282]. Обратим внимание на то, что одна и та же *круглая форма*, которая в романе тесно связана с на-

именованием и физическими чертами О-90, напоминает Д-503 симметричную ясность, а для самой О-90 – это полная безвыходность, бесконечное мучение.

Однако О-90 не продолжает идти по этому безнадёжному кругу. Она обретает силу, которая превращает *круг* в *спираль*, а подавленные эмоции – в смелое действие. Роль восходящей силы для О-90 исполняет давнее желание родить ребёнка и стать матерью. Чувство материнства – центральная черта персонажа.

Стоит отметить, что связанные с О-90 и образ спирали, и понятие материнства очень важны для мировоззрения Замятина. Спиральный путь свойствен диалектическому развитию, а материнство тесно связано с писательством. Как пишет М.А. Хатямова, «темы рождения и творчества не просто пересекаются в художественном мире Замятина, они тождественны: творчество, укоренённое в культуре, есть рождение органического целого» [13, с. 517]. А в романе Д-503 также в первой записи проводит аналогию между ожиданием завершения творчества и состоянием беременной женщины.

Здесь нужно учесть и то, что вставка содержания письма О-90 в повествование временно завершает смену точку зрения, искренней речью от первого лица пополняя образ О-90, ранее представленный только через внешнее наблюдение главного героя. Этот фрагмент, вместе с другими рассыпанными по роману деталями, позволяет нам отнести её к типу персонажей, которых Э.М. Форстер определяет как «круглых», способных «удивлять убедительным образом» [16, р. 78]. Такая возможность самовыражения отсутствует для более периферийного женского образа, который приближается к форстерским «плоским персонажам» [16, р. 67], построенным вокруг одной идеи или качества. Здесь мы используем слово «приближаться», учитывая то, что, хотя образ Ю в большинстве случаев сопровождается монотонными, упрощёнными признаками, она также в напряжённый момент неожиданно падает на первый план повествования, претерпевая за очень короткое время драматическую смену роли с подозрительной доносчицы на растерянную поклонницу. Сюжетную функцию Ю можно объяснить соб-

ственным взглядом Замятина на значения эпизодического персонажа для «архитектурной стройности» произведения: «...искусный автор всегда сумеет сделать так, чтобы эпизодические лица оказались необходимыми в фабуле, в развитии сюжета» [1, т. 5, с. 329]. В распылчатом признании в симпатии Ю мы видим ещё одно подтверждение ослабления машинной идеологии Единого Государства, но в повествовании вес этого персонажа относительно менее велик.

Таким образом, у нас есть основания подчеркнуть, что в сюжете романа О-90 является не персонажем второго плана, а носителем достаточно важного смысла. Она, с естественным чувством материнства, гораздо ближе к «энергии», которая по слову I-330 сопровождается «разрушением равновесия» и «мучительно-бесконечным движением», чем к «энтропии», «счастливому равновесию» [1, т. 2, с. 322]. Она, в отличие от I-330, даже не смеет думать о революции, но бессознательно следует материнскому инстинкту и по-своему вступает в невидимую, но настойчивую борьбу.

В этом отношении характерная для О-90 круглая форма во многом напоминает *ледокол*, которому Замятин посвящает статью, где обсуждается сила ледокола в его кажущейся нежной форме: «...Очертания его стального тела круглее, женственнее, чем у многих других кораблей. В поперечном разрезе ледокол похож на яйцо – и раздавить его так же невозможно, как яйцо рукой» [1, т. 4, с. 351].

Именно такая структура, которая по внешности кажется громоздкой и неагрессивной, разбивает лёд и открывает море, сильнее, по цвету ассоциирующееся с глазами О-90 – глазами круглыми, хрустальными, «не испорченными ни одним облачком» [1, т. 2, с. 217]. И точно так же как ледокол, О-90, которая выглядит кроткой и наивной как ребёнок, умеет хранить тайну души достаточно долго и глубоко, готова любой ценой родить ребёнка, несмотря на то, что она «преступная» мать.

Преступность в том, что по Материнской Норме Единого Государства О-90 на десять сантиметров ниже стандартного роста, поэтому официально не имеет права рожать детей. Но Замятиным выбран именно такой

«неудовлетворительный» образ как воплощение материнства, что уже имеет оттенок *мирного бунтарства*, а также подчёркивает «необходимость, закономерность» его осуществления.

Эта «необходимость» отражена в деталях романа. Не случайно после того, как О-90 на лекции вовремя подхватила ребёнка, который чуть не упал со стола, Д-503 чувствует себя «как при чтении какой-нибудь стройной формулы»: «Она, я и стол на эстраде – три точки, и через эти точки – прочерчены линии, проекции каких-то неминуемых, ещё невидимых событий» [1, т. 2, с. 285]. В той же записи отмечено, как О-90 появилась в комнате героя, попросила его оставить ей ребёнка, и как он выполнил её желание.

Мечта О-90 о материнстве, по словам И.О. Шайтанова, – «своеобразный бунт, бунт природы, подавляемой в самом человеке» [17, с. 344]. По поводу бунтарства мы полагаем, что в усиленной сети патриархальных ценностей ограничение репродуктивных прав женщин достаточно тесным образом перекликается с гендерной неравномерностью общественного голоса и влияния. Судя по фабульным фактам, и Д-503, и О-90 имеют право писать, но они изначально пишут по разным мотивам. Д-503 начинает писать для общественной пропаганды, а письмо О-90 имеет вполне интимный, приватный характер.

В этом отношении, с одной стороны, появление в записях Д-503 некоторых стилистических черт, стереотипно связанных с женским письмом, становится в романе признаком отклонения представителя патриархально-тоталитарного общества от нормы: пробуждение личного сознания приводит к тому, что так называемые «женственные» чувствительность и интимность постепенно ставят под угрозу его мужскую общественную опору.

С другой стороны, беременность становится узлом, объединяющим двух совершенно разных героинь, смелыми действиями выступающих против патриархального господства над матерями и детьми. Сюжетная основа для создания такого женского альянса состоит в том, что О-90 невозможно покинуть Единое Государство самостоятельно, важную роль играет здесь революционерка I-330.

Любопытно заметить, что образ I-330 косвенно присутствует уже в самом начале жизненного пути будущего ребёнка. Именно тот вечер, когда на столе лежит талон I-330 (она заранее попросила Д-503 опустить шторы и сделать вид, что она у него), свидетельствует, что О-90 забеременела. Мы предполагаем, что это не случайное совпадение, а *авторский намёк* на будущие отношения этих женщин. Благодаря новой жизни, зачатой в теле О-90, противостояние между героинями постепенно ослабевает и заменяется союзничеством, в этом же процессе мы наблюдаем особое взаимодополнение и симметрию в их судьбах.

Во-первых, эти две женщины не познакомились бы без Д-503, и они с разными характерами возбуждают у него разные стороны его *человеческих* эмоций: I-330 вызывает у него небывалую страсть и чувство личного подчинения, а О-90 – нежность и, по словам М.А. Хатямовой, чувство «отцовского долга» – «глубокую любовь-жалость и личную ответственность за О-90 и их будущего ребёнка» [13, с. 516].

Во-вторых, Зелёная Стена – граница между диким миром «Мефи» и упорядоченной жизнью нумеров – становится пространственной осью симметрии схем передвижения героинь: революционерка приходит через Стену и остаётся здесь навсегда, а противозаконная мать с её помощью уходит за Стену, ожидая новую жизнь.

Обратим внимание на запись 34-ую, где в последний раз упомянута О-90. I-330 сообщает Д-503 об её положении без указания конкретного имени перед захватом «Интеграла»: «...Вчера вечером пришла ко мне с твоей запиской... Я знаю – я всё знаю: молчи. Но ведь ребёнок – твой? И я её отправила – она уже там, за Стеною. Она будет жить...» [1, т. 2, с. 346].

Заметим, что I-330 совсем не давала Д-503 возможности объяснять или задавать вопросы. Процесс побега остался лишь общей для этих двух женщин памятью, а сам рассказчик Д-503, как и читатели, полностью лишён права на подробную информацию. С одной стороны, этот эпизод усиливает чувство женских союзнических отношений, а с другой стороны, сам он смутен по значению и заставляет читателя участвовать в «совме-

стной творческой работе» [1, т. 5, с. 351] с автором, дополнять и интерпретировать его по-своему. Мы даже не можем судить о правдивости слов I-330 о судьбе её «соперницы», так как возможны разные версии – от удачного побега за Стену до гибели О-90.

Данная оговорка сделана потому, что повествование ведётся от первого лица рассказчика в форме его дневниковых записей, а дневниковая форма, заполненная характерным для замаятинской прозы «мысленным языком» [1, т. 5, с. 349], является типичным примером повествования с фиксированной «внутренней фокализацией» (Ж. Женетт) [18, с. 205]. Такая форма, с одной стороны, подразумевает откровенность высказываний, что даёт возможность проникнуть во внутренний мир рассказчика, но с другой стороны, его записи об окружающих людях и событиях проявляют значительную субъективность и, вполне возможно, не обладают полной картиной. По выражению Уэйна Бута, такого персонажа можно определить как «ненадёжного рассказчика», ведущего ненадёжное повествование, в котором «конвенция об абсолютной надёжности была уничтожена» [19, р. 175].

Таким образом, ограниченное поле сознания рассказчика приводит к определённой недоговорённости повествования, и по этой причине можно (и нужно) упомянуть сомнение о правдивости записанных слов I-330. Ведь доступ Д-503 к этой информации, переданной ему другим персонажем, неизбежно ограничен. Однако, основываясь на философской и тематической значимости высказываний I-330, которые были кратко представлены в начале статьи, и на том, что она, подвергаясь жестоким пыткам, только молчит и не предаёт никого, мы склонны поверить в положительные намерения I-330 как революционерки и её искренность в помощи другой женщине и её будущему ребёнку.

Наконец, важно отметить смысл союзничества двух героинь с точки зрения феминистской литературной критики. Основываясь на обсуждении их «симметрии» выше, нетрудно обнаружить, что эти два персонажа очень хорошо вписываются в патриархальное представление о дихотомии женщин – «Мария – Ева» (см.: [20]), «лилия – роза», «дева – проститутка», или другие варианты с

нюансами в значении. Как обобщает Хэ Тан, «в произведениях писателей-мужчин женщины очень часто стереотипно разделяются на две крайние группы: одни – невинные, красивые, милые, невежественные и бескорыстные «ангелы», другие – сложные, эгоистичные, угрожающие и опасные «сирены» [21, с. 55]. Как говорилось в начале нашей статьи, подобное сочетание взаимоисключающих по традиционным ценностям черт – не редкость в творчестве Замятина, и союз О-90 и I-330 также подразумевает потрясение укрепленной дихотомии, или поиск нового «синтеза». Сотрудничество героинь продолжает обсуждение Замятиным в его творчестве вопросов о судьбах женщин, возвращая результаты объективации к их общему исходному пункту. А сила бунтарства, сопровождающая оба образа, напоминает нам о словах Т. Иглтона: «Женщина находится одновременно «внутри» и «за пределами» мужского общества, она является в равной степени его романтически идеализируемым членом и отверженной жертвой. Иногда она оказывается тем, что стоит между мужчиной и хаосом, а иногда сама воплощает этот хаос» [22, с. 226].

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о значении образа О-90 для финальной части романа, несмотря на её отсутствие в последних шести записях. Кажущееся безнадежным окончание может быть представлено с оптимистическим подтекстом, а ка-

жущаяся наивной, бессильной О-90 выступает в качестве представителя бесконечной революции, диалектического синтетизма и инстинктивного материнства, которое у Замятина ассоциируется с писательским творчеством. Она практически оказывает некое молчаливое сопротивление трагической тенденции главной сюжетной линии романа. Революционная сила, представленная казнённой I-330, временно подавлена, но изменения уже произошли, побег О-90 с ребёнком – один из плодов революции.

Кроме того, как признание личных эмоций О-90, так и её союзничество с I-330 можно рассматривать как смелые попытки освобождения женщин от патриархального давления и андроцентрических норм. Мы не можем сказать, что Замятин является писателем-феминистом или сознательно выходит за рамки мужского повествования, даже неизвестно, являются ли некоторые детали в романе, проявляющие женоненавистнические тенденции, намеренным или случайным влиянием его личного отношения к женщинам. Тем не менее, в отличие от более сильной тенденции андроцентризма во многих других антиутопических произведениях (см.: [23, р. 653]), в романе Замятина мы можем видеть, как презируемая и репрессуемая «энергия», глубоко укоренившаяся в женских образах, восстаёт против «энтропии» патриархально-тоталитарной власти.

Список литературы

1. *Замятин Е.И.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, Республика, Дмитрий Сечин, 2003–2011.
2. *Кольцова Н.З.* «Синтетизм» Е. Замятина и синкретические тенденции в русской литературе первой трети XX в. // Вестник БГУ. 2016. № 2. С. 161-167.
3. *Любимова М.Ю.* Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 207-264.
4. *Хатямова М.А.* Концепция синтетизма Е.И. Замятина // Вестник ТГПУ. 2005. № 6. С. 38-45.
5. *Робустова В.В.* Когнитивно-функциональные особенности ономастикона романа Е.И. Замятина «Мы» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 82-95.
6. *Гредель В.П.* Концепт «наука и искусство» в художественно-дискурсионном поле коммуникативно-синтаксической структуры романа Е.И. Замятина «Мы» // Неофилология. 2018. № 14. С. 44-53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53>
7. *Ильенко С.Г., Гредель В.П.* Коммуникативно-синтаксический аспект анализа романа Е.И. Замятина «Мы» в свете современных тенденций русистики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 186. С. 5-12.

8. Степанова А.А. Аполлоническое/дионисийское как фаустовская антиномия в романе Евгения Замятина «Мы» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2016. № 3. С. 181-191.
9. Андреева С.Л. «Прежде оружия – мы испытываем слово». Текстовые маркеры неограниченной лжи и ограниченной правды в государственной газете (по страницам романа Е. Замятина «Мы») // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 57-65.
10. Долгина Е.С. Проблема формирования личности в рамках тоталитарного государства на примере антиутопического проекта «Мы» Е.И. Замятина // Дискуссия. 2016. № 10 (73). С. 116-122.
11. Хатямова М.А. Искусство как должное в романе Е. Замятина «Мы» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 8. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 7-26.
12. Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 233-251.
13. Хатямова М.А. Метатекстовая структура романа Е. Замятина «Мы» // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 500-518.
14. Сухих И.Н. Утопия и вера вечного еретика (1920. «Мы» Е. Замятина) // Русский канон: Книги XX века. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 83-112.
15. Давыдова Т.Т. «Мы» Е. Замятина – роман-антиутопия // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 380-403.
16. Forster E.M. Aspects of the Novel. N. Y.: Harcourt, Inc., 1985. 176 p.
17. Шайтанов И.О. Анатомия утопии: роман «Мы» в творчестве и судьбе Е. Замятина // Е.И. Замятин: pro et contra. СПб.: РХГА, 2014. С. 341-379.
18. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 471 с.
19. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. Second Edition. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1983. 572 p.
20. Tumanov V. Mary Versus Eve: Paternal Uncertainty and the Christian View of Women // Neophilologus. 2011. № 4. P. 507-521.
21. 唐荷. 女性主義文學理論. 臺北市: 揚智文化, 2003. 328頁. (Тан Х. Литературная теория феминизма. Тайбэй: Янчжи культура, 2003. 328 с.)
22. Иглтон Т. Теория литературы: Введение / пер. Е. Бучкиной; под ред. М. Маяцкого и Д. Субботина. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 296 с.
23. Lanin B., McMillin A. Images of Women in Russian Anti-Utopian Literature // The Slavonic and East European Review. 1993. № 4. P. 646-655.

References

1. Zamyatin Y.I. *Sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., Republik Publ., Dmitriy Sechin Publ., 2003–2011. (In Russian).
2. Koltsova N.Z. «Sintetizm» E. Zamyatina i sinkreticheskiye tendentsii v russkoy literature pervoy treti XX v. [E. Zamyatin's "Synthetism" and the syncretic tendencies in Russian literature of the first third of the 20 century]. *Vestnik BGU – The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 2, pp. 161-167. (In Russian).
3. Lyubimova M.Y. Filosofskiye vzglyady i kul'turologicheskiye vozzreniya E. Zamyatina [Philosophical and cultural views of E. Zamyatin]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAF Publ., 2014, pp. 207-264. (In Russian).
4. Khatyamova M.A. Kontseptsiya sintetizma E.I. Zamyatina [E.I. Zamyatin's concept of Synthetism]. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 6, pp. 38-45. (In Russian).
5. Robustova V.V. Kognitivno-funktsional'nyye osobennosti onomastikona romana E.I. Zamyatina «Мы» [Cognitive and Functional Features of the Onomasticon of E.I. Zamyatin's novel "We"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2016, no. 3, pp. 82-95. (In Russian).
6. Gredel V.P. Kontsept «nauka i iskusstvo» v khudozhestvenno-diskursionnom pole kommunikativno-sintaksicheskoy struktury romana E.I. Zamyatina «Мы» [A 'science and art' concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, no. 14, pp. 44-53. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53>. (In Russian).
7. Ilyenko S.G., Gredel V.P. Kommunikativno-sintaksicheskii aspekt analiza romana E.I. Zamyatina «Мы» v svete sovremennykh tendentsiy rusistiki [Communicative-syntactical aspect of Zamyatin's "We" analysis in the light of modern Russian studies]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2017, no. 186, pp. 5-12. (In Russian).

8. Stepanova A.A. Apollonicheskoye/dionisiyskoye kak faustovskaya antinomiya v romane Evgeniya Zamyatina «Мы» [Apollonian/dionysian as Faustian antinomy in Y. Zamyatin's novel "We"]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya – Ural Philological Herald. Series Russian Literature of XX–XXI Centuries: Directions and Trends*, 2016, no. 3, pp. 181-191. (In Russian).
9. Andreyeva S.L. «Prezhde oruzhiya – my ispytyvayem slovo». Tekstovyye markery neogranichennoy lzhi i ogranichennoy pravdy v gosudarstvennoy gazete (po stranitsam romana E. Zamyatina «Мы») [“Before Weapons, We Test the Word.” Text Markers of Unlimited Lies and Limited Truth in the State Newspaper (From the Pages of E. Zamyatin's Novel "We")]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2016, no. 3 (53), pp. 57-65. (In Russian).
10. Dolgina E.S. Problema formirovaniya lichnosti v ramkakh totalitarnogo gosudarstva na primere antiutopi-cheskogo proyekta «Мы» E.I. Zamyatina [Personality's formation problem in the frames of totalitarian state. On the example of anti-utopian project "We" by E.I. Zamyatin]. *Diskussiya – Discussion*, 2016, no. 10 (73), pp. 116-122. (In Russian).
11. Khatyamova M.A. Iskustvo kak dolzhnoye v romane E. Zamyatina «Мы» [Art for granted in E. Zamyatin's novel "We"]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog. Vyp. 8* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue. Issue 8]. Tomsk, TSU Publ., 2006, pp. 7-26. (In Russian).
12. Morson G. Granitsy zhanra [Genre boundaries]. *Utopiya i utopicheskoy myshleniye* [Utopia and Utopian Thinking]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 233-251. (In Russian).
13. Khatyamova M.A. Metatekstovaya struktura romana E. Zamyatina «Мы» [The metatext structure of E. Zamyatin's novel "We"]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 500-518. (In Russian).
14. Sukhikh I.N. Utopiya i vera vechnogo eretika (1920. «Мы» E. Zamyatina) [Utopia and faith of the eternal heretic (1920. "We" by E. Zamyatin)]. *Russkiy kanon: Knigi XX veka* [The Russian Canon: Books of the 20th Century]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2019, pp. 83-112. (In Russian).
15. Davydova T.T. «Мы» E. Zamyatina – roman-antiutopiya [E. Zamyatin's "We" – a dystopian novel]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 380-403. (In Russian).
16. Forster E.M. *Aspects of the Novel*. New York, Harcourt, Inc. Publ., 1985, 176 p.
17. Shaytanov I.O. Anatomiya utopii: roman «Мы» v tvorchestve i sud'be E. Zamyatina [The anatomy of utopia: the novel "We" in the work and fate of E. Zamyatin]. *E.I. Zamyatin: pro et contra* [E.I. Zamyatin: For and Against]. St. Petersburg, RCAH Publ., 2014, pp. 341-379. (In Russian).
18. Zhenett Z. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vol.]. Moscow, Sabashnikov Publ., 1998, vol. 2, 471 p. (In Russian).
19. Booth W.C. *The Rhetoric of Fiction. Second Edition*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1983, 572 p.
20. Tumanov V. Mary Versus Eve: Paternal Uncertainty and the Christian View of Women. *Neophilologus*, 2011, no. 4, pp. 507-521.
21. Tang H. *Feminist Literary Theory*. Taipei, Yangzhi Culture, 2003, 328 p. (In Chinese).
22. Iglton T. *Teoriya literatury: Vvedeniye* [Literary Theory: Introduction]. Moscow, "Territory of the future" Publishing House, 2010, 296 p. (In Russian).
23. Lanin B., McMillin A. Images of Women in Russian Anti-Utopian Literature. *The Slavonic and East European Review*, 1993, no. 4, pp. 646-655.

Информация об авторе

Ван Хунюань, аспирант, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, cnhywang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

Вклад в статью: концепция исследования, анализ художественного текста, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 03.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки
19.06.2021
Принята к публикации 24.06.2021

Information about the author

Hongyuan Wang, Post-Graduate Student, History of Russian Literature Department, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, cnhywang@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8165-7028>

Contribution: study conception, literary text analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 03.01.2021
Approved after reviewing and revision 19.06.2021
Accepted for publication 24.06.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1+82-1/-9
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702

«Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Вероника Аркадьевна ЩЕРБАКОВА¹ ✉, Пётр Андреевич ГОНЧАРОВ²

¹Заворонежская средняя общеобразовательная школа
393749, Российская Федерация, Тамбовская область, Мичуринский район, с. Заворонежское, ул. Советская, 121

²ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

✉ veronikapoluschkina@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован процесс появления и утверждения в творчестве В. Астафьева мотива сиротства. Обоснована его связь с автобиографическими эпизодами из жизни прозаика. Цель работы: доказательство мысли о зарождении и институализации в прозе В. Астафьева особого типа героя через акцентирование мотива сиротства. Актуальность исследования вызвана неиссякаемым интересом к уникальному творчеству прозаика со стороны критики, литературоведения, читательского сообщества. На материале повестей рубежа 1950–1960-х гг. («Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон») устанавливается типологическое сходство астафьевских персонажей как между собой, так и с героями классиков русской литературы (Н.М. Карамзин, А.И. Куприн, М.М. Пришвин). Аргументируется мысль о принципиальной общности астафьевского героя-сироты с типом «естественного», «природного» человека. Высказано и доказано предположение о том, что эта общность в числе прочего является результатом размышлений В. Астафьева над волнующими его социально-этическими проблемами: духовно-нравственное одиночество современного человека, утрата этико-социальных связей между поколениями, потребительское отношение к природе, отрыв от истоков. Обнаружена глубинная связь актуализации темы сиротства в творчестве прозаика с масштабными социальными катаклизмами двадцатого столетия (военные конфликты, социально-политические потрясения, урбанизация, распад традиционной деревни, коррозия некогда устойчивых семейных ценностей).

Ключевые слова: сиротство, мотив, повести рубежа 1950–1960-х гг., В. Астафьев, «природный» герой, «естественный человек»

Для цитирования: Щербакова В.А., Гончаров П.А. «Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 694–702. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

“About an orphan soldier”: the motive of orphanhood in V. Astafyev’s stories at the turn of 1950s–1960s

Veronika A. TSCHERBAKOVA¹ ✉, Petr A. GONCHAROV²

¹Zavoronezhskaya Secondary School

121 Sovetskaya St., Zavoronezhskoye Village 393749, Michurinsk District, Tambov Region, Russian Federation

²Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation

✉ veronikapoluschkina@yandex.ru

Abstract. We analyze the process of appearance and approval of orphanhood motive in V. Astafyev’s work. We substantiate its connection with autobiographical episodes from the prosaist’s life. The purpose of work: to prove the idea of origin and institutionalization in V. Astafyev’s prose of a character’s special type through emphasizing the motive of orphanhood. The relevance of the study is due to the inexhaustible interest in the prosaist’s unique work on the part of criticism, literary studies, reading community. Based on the stories material of the turn of 1950–1960s (“Pass”, “Starodub”, “Starfall”, “Theft”, “Last Tribute”) we establish the typological similarity of Astafyev’s characters both among themselves and with the characters of Russian literature classics (N.M. Karamzin, A.I. Kuprin, M.M. Prishvin). We argue the idea of fundamental commonality of Astafyev’s character-orphan with the type of “natural”, “untutored” person. We express and prove the assumption that this community, among other things, is the result of V. Astafyev’s reflections on the social and ethical problems that concern him: the spiritual and moral loneliness of a modern person, the loss of ethical and social ties between generations, a consumer attitude to nature, a separation from origins. We find a deep connection between the actualization of the orphanhood topic in the prosaist’s work and the large-scale social cataclysms of the twentieth century (military conflicts, socio-political upheavals, urbanization, disintegration of the traditional village, corrosion of once stable family values).

Keywords: orphanhood, motive, stories of the turn of 1950s and 1960s, V. Astafyev, “untutored” character, “natural person”

For citation: Tscherbakova V.A., Goncharov P.A. «Pro soldata-sirotu»: motiv sirotstva v povestnyakh V. Astaf’yeva rubezha 1950–1960-kh gg. [“About an orphan soldier”: the motive of orphanhood in V. Astafyev’s stories at the turn of 1950s–1960s]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 694-702. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В сюжетостроении астафьевских повестей рубежа 1950–1960-х гг. два мотива оказываются доминирующими и взаимосвязанными: мотив сиротства героя и производный от него, но противоположный по смыслу мотив усыновления. Заметим здесь, что под мотивами у нас имеются в виду обозначенные ещё А.Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [1, с. 301], причём «признаки общности и повторяемости» [1, с. 305] для нас не менее важны. Для нас значимо и мнение В.Я. Проппа, который определил мотив как «неразла-

гаемую единицу повествования» [2, с. 15]. В этом смысле (первоэлемент, с помощью которого выстраивается структура произведения словесного искусства) понятие мотив и используется нами в этой работе.

Мотивы сиротства и его преодоления оказываются сквозными для творчества писателя: от первой повести «Перевал» до «Весёлого солдата». Здесь как минимум возникают два вопроса: почему эти мотивы активны в прозе писателя и что даёт их использование в его художественных произведениях?

Заметим сразу, что оба мотива имеют у В. Астафьева автобиографические истоки. Как известно, будущий писатель рано потерял мать. Отец в силу особенностей своей «гулевой» натуры, в силу сложившихся обстоятельств мало уделял внимания сыну. Функцию родителей приняла на себя бабушка будущего писателя, изображённая в автобиографической повести «Последний поклон» под именем Катерины Петровны. Далее судьба распорядилась так, что будущий писатель, оторванный и от бабушки, осиротел вновь и нашёл новую семью уже на Урале, рядом с верной спутницей и женой [3].

Примечательно, что своеобразное «усыновление» героя происходит в астафьевской прозе в различных формах. В «Стародубе» роль отца сироты Култыша принимает на себя бывший солдат, бывший каторжник, «олешачившийся» в тайге охотник Фаефан. Характерно, что и Фаефана тоже можно назвать сиротой, ибо он, несмотря на то, что имеет жену и родного сына, тоже «сирь», так как является в старообрядческой деревне Вырубь «безродным» и «одиноким» [4, с. 134].

Астафьевский Култыш, полностью погружённый в мир сибирской природы, как никто другой способный чувствовать и понимать её, имеет значительное сходство с карамзинской Лизой, купринской Олесей, пришвинским Лувеном. В этом случае мотив сиротства обретает функцию ассоциирования своего оригинального героя с литературной русской классикой. Герои близки друг другу не только нравственной естественной чистотой, любовным отношением к природе, созвучной драматичностью судьбы, но и экзистенциальным сиротством. «Тит безродный» (так именуется Култыша в первом варианте повести уставщица мать Мокрида) является главным героем повести, но, будучи «сырым» и одиноким, он практически не оказывает активного влияния на трагическое развитие событийности произведения, событийности, связанной с гибелью Амоса. Воспитанный Фаефаном в духе преклонения перед тайгой, «природным законом», сливаясь с природой, следуя по следам Амоса – персонажа, бросившего вызов «таёжному закону», – Култыш понимает, что его сводный брат сам обрекает себя на гибель. Череда событий, изображаемая в повести, крайне важна для понимания

замысла В. Астафьева, заключающегося в утверждении ценности и истинности типа «естественного» человека, усыновленного природой и относящегося к природе как к матери и божеству. Писателю важно показать, что обман в отношении Култыша, допущенный Амосом, означает предательство матери-природы, нарушение её непреложных законов.

В этой ситуации предельно важным оказывается определение героя, его характера через поступок, действие, событие. Так, С.В. Стахорский под термином «герой» подразумевает «объективацию образа в сюжете, становящегося одновременно объектом наблюдения и субъектом событий, способным действовать в сюжетных обстоятельствах и коллизиях, а также их проживать и переживать. Всякий герой – непременно лицо действующее, хотя характер его действий существенно различается в разных литературных жанрах и формах (роман, драма, повесть, поэма и проч.)» [5, с. 9].

Значительным для характеристики персонажа представляется и отношение героя к окружающему миру. Правомерность отнесения Култыша к типу «естественного человека» подтверждается его пониманием истинного дома. Так, в отличие от своих односельчан, которые возводили свои избы «на скорую руку», «вкапывались глубже, отгораживались высокими крепкими заплотами» [6, с. 111], для молодого таёжника спасительным домом является тайга. Она заменяет герою и стены, и крышу, и даже семью. Его сводный брат, композиционный антипод Амос, благополучно живёт в забытом о Христе и совести обществе псевдокержаков, мыслит предельно рационально, мечтает корыстным и обманным убийством оленей – «коровы» и её «телёнка» – достигнуть материального достатка: «Будут и денежки и свежинка». Амос, в отличие от «безродного» Култыша, стремится только к материальным благам: «Есть у Амоса думка свою мельницу поставить. <...>. Потечёт хлебец!» [6, с. 169]. Амос рассуждает и о Култыше с позиций собственной меркантильности: «С тобой бы сноровкой озолотеть можно!» [6, с. 160]. Но астафьевский Култыш, вопреки ожиданиям сводного брата, живёт иными чувствами и эмоциями, ему не нужны разно-

го рода блага цивилизации, он, имея возможность хорошо заработать охотой на таёжного зверя, не обременён мыслью о лёгкой наживе. Молодой таёжник считает лесных животных неотъемлемой частью природы, «братьями меньшими», поэтому с особой бережностью относится к ним: «<...> ослабленного зверя никогда не бивал, самку в тягостях не трогал, гнёзд не зорил» [6, с. 145].

Близким автору повести свойством Култыша является и особое трепетное отношение молодого таёжника к природе как матери: «<...> тайга женит своего сына!», «матушка тайга» [6, с. 136]. Сироту Култыша усыновляет не только охотник Фаефан, но и «великая сотворительница тайга» [6, с. 176], почитаемая им как божество. Поэтому, оказавшись чужим, не нужным обществу Вырубов человеком, он не чувствует какого-либо отчаяния и одиночества, а наоборот старается как можно скорее уйти «домой» – в тайгу. Он чувствует и знает, что он нужен природе, тайге, и они необходимы ему, что они неделимы. Обретение Култышом «природного» дома и «тайги-матери» подчёркивает его явную противоположность забывшим о боге и совести, о законах тайги жителям Вырубов, и это также даёт право отнести героя «Стародуба» к типу «природного человека» [7]. Интересно, что этот мотив (уход в тайгу) практически в неизменном виде будет воспроизведён в пьесе А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» в связи с судьбой Еремеева, тоже, по мнению исследователей пьесы, тяготеющего к типу «природного героя» [8].

Явление «природного героя» в повести «Стародуб» – это вначале интуитивное, а затем осознанное обретение В. Астафьевым персонажа, усыновленного природой. Этот персонаж является реализацией продуктивных размышлений прозаика над характерными для всего его творчества проблемами: ощущение собственного сиротства, потребительское отношение современного «цивилизованного» человека к природе, оторванность людей от своих социальных и природных корней, утрата опыта природопользования, накопленного предшествующими поколениями, глобальная урбанизация.

Култыш вызывает симпатии и сочувствие автора не только своим отношением к природе, но и своей семейной обездоленно-

стью, он герой-сирота, и это не простая случайность. Как на рубеже 1950–1960-х гг., так и на протяжении всего творчества у В. Астафьева в его произведениях предельно активен тип героя-сироты. У В. Астафьева этот тип героя актуализирован его собственным сиротством. Но его актуализация как в русской, так и в мировой литературе во многом обусловлена глобальными социальными катаклизмами двадцатого столетия (войны, революции, урбанизация, распад традиционной семьи), которые и привели к значительному возрастанию количества детей-сирот.

По мнению В. Астафьева, сиротство является глубоко нравственным понятием, которое заключается не только в формальном отсутствии родителей у ребёнка, но и в духовном одиночестве формирующегося человека. Поэтому герой-сирота у прозаика – это, прежде всего, позабытый, покинутый, брошенный взрослыми человек, оказавшийся без моральной поддержки и живительного наставничества. В связи с этим у писателя складывается своя собственная модель изображения типа героя-сироты. С одной стороны, она связана с социокультурными особенностями эпохи, в которой создавались эти произведения, с другой – с обстоятельствами биографии писателя.

Особенно ярко тип героя-сироты представлен в повестях, написанных с использованием лишь чуть трансформированных элементов биографии писателя («Перевал», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон»). Очевидно, что создать тип героя-сироты в литературе – одна из сложнейших задач, которая под силу только тому писателю, который на себе ощутил все «прелести» этого состояния, сам пережил чувства, мысли, страдания лишённых родительской опеки людей. Обобщённый образ героя-сироты складывается у В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. из конкретных образов таких персонажей, как Илья Верстаков («Перевал»), Култыш («Стародуб»), Мишка Ерофеев («Звездопад»), Толя Мазов («Кража»), Витя Потылицын («Последний поклон»). Все они из-за социальных катаклизмов времени, отсутствия покровительства старших обладают созвучной трагической судьбой, отражающей проблемы и противоречия общественного бытия, жизни их взрослых современников.

Как правило, герои-сироты В. Астафьева страдают от отсутствия всяческой заботы, теплоты, материнской любви, отцовского попечения, наставлений. Они не защищены от жестокостей окружающего мира и в любых жизненных обстоятельствах вынуждены рассчитывать только на себя. С одной стороны, Илья Верстаков, Толя Мазов, Витя Пытлицын представлены как самостоятельные, смелые, способные на решительные поступки герои, а с другой – они обречены на одиночество, их преследует часто возникающее чувство вины, ненужности, «ущербности», унижения. «Сирота ведь рубах меньше изнашивает, чем прозвищ» [6, с. 27].

Сиротой-«детдомовщиной» изначально, до вспыхнувшей неожиданно любви ощущает себя главный герой «Звездопада». Сиротство Мишки Ерофеева детально не прописано, хотя и недвусмысленно обозначено автором в ряде эпизодов и диалогов: «– Береги руку, – Лида остановила ладошку на моей перебитой кисти. – Чудом спаслась. Отнять хотели. Видно, сил у тебя много.

– Не в том дело. Просто мне без руки нельзя, кормить меня – детдомовщину – некому [6, с. 247].

«Ранбольной» солдат Ерофеев глубоко одинок в своих госпитальных заключениях и переживаниях, свойственных ещё со времён А. Твардовского и более отдалённых времён «солдату-сироте». «Про солдата-сироту» – это название одной из наиболее трагедийно звучащих глав знаменитой «книги про бойца». «Солдат-сирота» у А. Твардовского не равен только неунывающему Василию Тёркину, этот образ в сравнении с Тёркиным, – не меньшее обобщение, образ, впитавший в себя человеческие трагедии самых разных социальных слоёв и времён. Вероятно, это даёт основание поэту заявить:

Может, здесь ещё бездонней
И больней душе живой,
Так ли, нет, – должны мы помнить
О его слезе святой [9, с. 237].

Характерно и то, что лирический герой поэмы А. Твардовского, и его персонажи, не взирая на войну, чувствуют природу как своё начало и продолжение, и в этом они по своему близки астафьевским персонажам. Герои А. Твардовского даже время измеряют

не часами, не годами, а природными явлениями:

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой [9, с. 456].

Астафьевский герой-сирота находит «родственников» среди самых разных персонажей русской словесности. Так, «сиротские песни» – целый жанрово-тематический пласт русской фольклорной лирики, а образ сиротства военной поры оказался свойственным не только «простонародным» по своему сословному происхождению М. Исаковскому («Враги сожгли родную хату»), А. Твардовскому, но и вполне «элитарной» А. Ахматовой:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои! [10, с. 196].

Такой же «внесловной», всечеловеческой оказывается противостоящая сиротству и другим трагедиям века любовь в изображении русских писателей второй половины XX века – в прозе В. Быкова («Альпийская баллада»), Ю. Бондарева («Берег») и др. Любовь в астафьевском «Звездопаде» приобретает совершенно оригинальное звучание не только потому, что это любовь в разгар войны – «не ко времени», не только потому, что это любовь юной девушки к раненому бойцу, но главным образом потому, что это любовь-усыновление. Непростую в этой ситуации роль берёт на себя возлюбленная Мишки Ерофеева: «– Выходила тебя. Ровно родила, – наконец тихо, словно бы самой себе вымолвила Лида.

Откуда ей знать, как рожают? Хотя это всем женщинам, поди-ка, от сотворения мира известно. А Лида же ещё и медик!» [6, с. 347]. Интересно, что любовь-усыновление как особая связь между мужчиной и женщиной была замечена другим русским прозаиком, тоже в своё время усыновленным природой. В дневниковых записях 1954 г., связанных с его отношениями с Лялей (В.Д. Пришвиной), восьмидесятилетний М.М. Пришвин в качестве метафоры исполь-

зует созвучный образ: «И пусть дойдёт до того, что она меня, как младенца своего, будет качать на руках <...>» [11, с. 444].

Астафьевский автобиографизм звучащего в «Звездопаде» своеобразного мотива усыновления усиливается «совпадением» имени возлюбленной с именем погибшей матери писателя и лирической формой повествования от первого лица, характерной для этой повести. Автобиографизм оказывается в этой ситуации усиленным, почти двойным: Мария Семёновна Корякина-Астафьева осенью 1945 г. в значительной мере взяла на себя аналогичную по отношению к будущему писателю роль. В своей автобиографии писатель сообщает об этом практически безэмоционально: «<...> в местечке Станиславчик <...> я повстречал военную Марию Семёновну Корякину, сразу же после демобилизации женился на ней и поехал на её родину, в город Чусовой [3, с. 5].

За нарочитой безэмоциональностью (официально-бюрократическое «военнослужащая» – о будущей верной спутнице всей жизни, помощнице и первой читательнице всех его произведений) ощутима явная попытка скрыть всю сложность чувств по отношению к той, кто пыталась заменить ему мать, сестру, других утраченных близких людей.

В «Звездопаде» нашла себе место ещё одна деталь, за которой скрывается автобиографически «сиротские» взгляд и слово В. Астафьева. Во время прощания с Лидой Мишка Ерофеев роняет внешне случайную фразу: «– Не надо плакать, сестрёнка моя» [6, с. 250]. Но за случайностью явно просматривается автобиографичность. В своей автобиографии 2000-го года писатель отмечает о своих умерших «во младенчестве» сёстрах: «<...> я всю жизнь ощущал и ощущаю тоску по сестре и на всех женщин, которых любил и люблю, смотрю глазами брата. И они каким-то образом всегда это чувствовали, старались заменить мне сестёр и, видимо, не напрасно первой любовью наградила меня Господь к сестре милосердия, в госпитале» [3, с. 3].

В. Астафьев, на наш взгляд, целенаправленно акцентирует в прозе рубежа 1950–1960-х гг. тип героя-сироты, чтобы привлечь общественное внимание на глобальную и

всегда драматическую проблему сиротства. В этом плане В. Астафьев далеко не одинок: в литературе второй половины XX столетия к этой теме активно и результативно обращаются и его современники: Ф. Абрамов («Безотцовщина»), А. Вампилов («Старший сын»), В. Распутин («Уроки французского») и др. Характерно и иное: астафьевские сироты, как и герои Ф. Абрамова, В. Распутина, находят духовную поддержку не в поколении родителей, а в среде бабушек и дедушек. Астафьевская Катерина Петровна оказывается духовно родственной распутинским старухам, абрамовской Василисе Милентьевне, готовым «через голову» детей передать традиции гармоничного жизнеустройства непосредственно внукам.

Для Астафьева важно провести мысль об ответственности старшего поколения перед юным, вызвать в общественном сознании острое чувство стыда перед детьми, особенно перед теми, кто уже способен осознать истинную причину своего прискорбного положения (оставленные собственной семьей).

Прозаик, создавая характеры героев-сирот, намеренно подчёркивает различие мировосприятия детей и взрослых, их расхождения во взглядах и жизненных устремлениях. Часто прозаик изображает вынужденное раннее «взросление» детей-сирот на фоне инфантильности их родственников из числа старшего поколения. Так, Илья Верстаков («Перевал») рассуждает не по возрасту мудро о разладе в семье: «<...> лучше бы уж жить в голоде, в холоде, да в ладу» [6, с. 35]. Вслед за ним и Толя Мазов («Кража») думает с взрослой настороженностью и тревогой не только о своей, но и о будущей жизни всех детдомовских ребят: «Как жить? Что они знают о людях? Что люди знают о них?» [6, с. 461].

Выразительным сюжетным ходом, объединяющим героев прозаика в тип героя-сироты, можно считать трудное, но успешное преодоление испытаний, выпадающих на их нелегкую долю. В. Астафьев, видимо, полагает, что юный человек должен пройти определённый сложный этап жизни, столкнуться с трудностями, пережить переломный момент их преодоления и лишь после этого достигнуть некоего психологического взросления. Помимо такого рода катарсиса иного

пути к цели духовно-нравственного становления у астафьевских героев-сирот не существует.

Так, юные герои «Перевала», «Кражи», «Последнего поклона» вынуждены проделывать и производят напряжённую духовную работу, в ходе которой формируются их духовные и нравственные ценности. Вряд ли автор-повествователь (стоящий за судьбой каждого из главных героев этих повестей) намеренно «обрекает» героев-сирот на такие испытания, но процесс их возмужания, формирования истинных жизненных принципов и осмысления важных понятий без этих испытаний не выглядел бы достоверным, правдоподобным.

Астафьевский сирота способен на самоотречение, на действие, которое есть все нравственные основания именовать подвигом. Так, подросток Илька («Перевал»), не задумываясь, спасает тонущих сплавщиков. Толя Мазов («Кража»), ставя под угрозу собственную жизнь, возвращает украденные деньги, тем самым спасая безвинных людей. Витя Потылицын, также рискуя жизнью, отправляется зимой в долгий путь ради встречи с родным, попавшим в беду, человеком. В целом же астафьевские герои-сироты часто выглядят намного надёжнее, «взрослее», чем легкомысленные представители поколения их родителей, родственников (отец героя в «Перевале», родственники Толи Мазова в «Краже», «папа» в «Последнем поклоне» и т. п.). Парадоксально, но именно на юных героев-сирот, по нашему мнению, В. Астафьев возлагает большие надежды на воскрешение утраченной связи поколений, на возвращение к традиционным нравственным ценностям нации.

Чуткое восприятие окружающего мира, его красот и несовершенства, одиночество, неприкаянность, беззащитность, вынужден-

ное сверххранное взросление, растерянность перед жизненными проблемами – всё это объединяет молодых героев В. Астафьева и позволяет отнести их к единому типу, в котором сиротство и его преодоление играют роль доминирующих, интегрирующих мотивов. Варьированное повторение мотива в судьбе и образе персонажа позволяет сделать вывод о созданном писателем таком герое, который имеет свойства литературного типа. В этом плане мы солидарны с убеждением Л.В. Чернец, которая понимает под типом «наиболее устойчивые черты характеров ряда персонажей», «результат естественной классификации, типологии персонажей, то есть доминантные черты в поведении, психологии ряда литературных героев <...>» [12, с. 54].

Таким образом, в совокупности с рядом героев М. Пришвина, А. Твардовского, С. Залыгина, Ф. Абрамова, А. Вампилова, В. Распутина и некоторых других художников XX века этот персонаж тяготеет к типу естественного, «природного человека», сиротство которого, будучи свойством, определяющим его судьбу, преодолевается его обретенным родством с природой. Характерный для В. Астафьева мотив сиротства произрастает из собственного жизненного опыта писателя, а связанный с этим мотивом тип героя является продуктом осмысления социально-исторических потрясений двадцатого столетия. Астафьевский герой-сирота обязательно сталкивается со сложными жизненными испытаниями, проверяется на способность жить среди людей по законам совести. Этот герой, заявив о своих основных свойствах в произведениях, датируемых рубежом 1950–1960-х гг., становится одним из главных в творческой парадигме В. Астафьева и более позднего периода.

Список литературы

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
2. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
3. *Астафьев В.П.* Рассказу о себе сам // День и ночь. 2004. № 1–2. С. 2–7.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1982. Т. 3. 555 с.
5. *Стахорский С.В.* Литературный герой и его историческая судьба // Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1999. 495 с.
6. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 494 с.

7. Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Природный человек» и проблема типологии героя прозы XX века // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе: межвуз. сб. ст. Ми-чуринск: МГПИ, 2005. Вып. 2. С. 54-60.
8. Гончаров П.А., Чербаева О.В. Сибиряк в персонажной сфере А. Вампилова // Современные научные исследования и инновации. Электронный научно-практический журнал. 2015. № 12. С. 180-191. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61820> (дата обращения: 29.05.2021).
9. Твардовский А.Т. Василий Тёркин: Книга про бойца. М.: Современник, 1976. 694 с.
10. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. М.М. Кралина. М.: Цитадель, 1996. 447 с.
11. Пришвин М.М. Дневники / сост., предисл. и коммент. Ю.А. Козловского. М.: Правда, 1990. 480 с.
12. Чернец Л.В. Типы самодура и делового человека в пьесах А.Н. Островского // Русская словесность. 2014. № 5. С. 52-65.

References

1. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 405 p. (In Russian).
2. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Fairy Tale Morphology]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 143 p. (In Russian).
3. Astafyev V.P. Rasskazhu o sebe sam [I'll tell you about myself]. *Den' i noch' – Day and Night*, 2004, no. 1–2, pp. 2-7. (In Russian).
4. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1982, vol. 3, 555 p. (In Russian).
5. Stakhorskiy S.V. Literaturnyy geroy i ego istoricheskaya sud'ba [Literary hero and his historical fate]. *Entsiklopediya literaturnykh geroyev* [Encyclopedia of Literary Heroes]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 495 p. (In Russian).
6. Astafyev V.P. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 2* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 2]. Krasnoyarsk, PIK "Ofset" Publ., 1997, 494 p. (In Russian).
7. Goncharov P.A., Goncharov P.P. «Prirodnyy chelovek» i problema tipologii geroya prozy XX veka [“Natural man” and the problem of typology of the hero of the prose of the 20th century]. *Aktual'nyye problemy prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v shkole i vuze* [Actual Problems of Teaching Humanitarian Disciplines at School and University]. Michurinsk, MSPU Publ., 2005, issue 2, pp. 54-60. (In Russian).
8. Goncharov P.A., Cherbayeva O.V. Sibiryak v personazhnoy sfere A. Vampilova [Siberian character in the character's field of A. Vampilov]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii. Elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal – Electronic Scientific and Practical Journal “Modern Scientific Researches and Innovations”*, 2015, no. 12, pp. 180-191. (In Russian). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61820> (accessed 29.05.2021).
9. Tvardovskiy A.T. *Vasiliy Terkin: Kniga pro boytsa* [Vasily Terkin: A Book about a Fighter]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976, 694 p. (In Russian).
10. Akhmatova A. *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Writings: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Tsitadel Publ., 1996, 447 p. (In Russian).
11. Prishvin M.M. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 480 p. (In Russian).
12. Chernets L.V. Tipy samodura i delovogo cheloveka v p'yesakh A.N. Ostrovskogo [Types of “petty tyrant” and “businessman” in plays A.N. Ostrovsky]. *Russkaya slovesnost' – Russian Literature*, 2014, no. 5, pp. 52-65. (In Russian).

Информация об авторах

Щербакова Вероника Аркадьевна, учитель русского языка и литературы, Заворонежская средняя общеобразовательная школа, с. Заворонежское, Мичуринский район, Тамбовская область, Российская Федерация, veronikapoluschkina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы для подготовки материала статьи, написание большей части текста статьи.

Гончаров Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, goncharovpa2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Вклад в статью: научное консультирование, анализ художественного текста, написание части текста статьи, обработка и редактирование материала.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 02.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 30.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the authors

Veronika A. Tscherbakova, Teacher of Russian Language and Literature, Zavoronezhskaya Secondary School, Zavoronezhskoye Village, Michurinsk District, Tambov Region, Russian Federation, veronikapoluschkina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Contribution: main study conception development, literature analysis for preparation of article material, most of manuscript text drafting.

Petr A. Goncharov, Doctor of Philology, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of Social and Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation, goncharovpa2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Contribution: scientific consulting, literary text analysis, part manuscript text drafting, material processing and editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 02.07.2021
Approved after reviewing and revision 30.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021

Художественная структура романа А.И. Солженицына «В круге первом»: принципы организации

Ян БАЙ

Северо-западный педагогический университет
Китайская Народная Республика, г. Ланьчжоу, район Аннинг, ул. Восточная, 967
✉ missingapril@yeah.net

Аннотация. Посвящено исследованию специфики художественной структуры романа А.И. Солженицына «В круге первом». Основное внимание уделено анализу элементов «кольцевой композиции» и параллельных сюжетных линий, типологии героев-антиподов. Детально, с формально-содержательной стороны, рассматривается «заголовочный комплекс» романа: название, авторская преамбула, посвящение, двойное оглавление. Уточнена семантика вариантов заглавия и итогового названия романа. Определены основные уровни сюжетно-композиционного параллелизма. Выявлены особенности временной организации повествования, охватывающего три предновогодних дня. Проанализированы художественные детали, способствующие созданию контрастных ситуаций. Прослежено несколько сквозных мотивов в описании судеб разных героев. Обозначена перекличка сюжетных линий, затрагивающих служебные, любовные, межличностные отношения героев. Проведены параллели между отдельными структурными элементами романа, формирующими композиционную «закольцованность», заданную заглавной формулой. Определены пары идейно и поведенчески близких героев, героев-антиподов и принципы их типологизации. Показано значение параллельных элементов для создания целостного художественного произведения. Сделан вывод о прямой зависимости использованных писателем художественных средств и приёмов с социальной и художественной практикой исследования и воплощения русского национального характера как основного вектора творчества А.И. Солженицына.

Ключевые слова: роман А.И. Солженицына «В круге первом», кольцевая структура, композиционный параллелизм, сюжетные линии, типология героев

Для цитирования: Бай Ян. Художественная структура романа А.И. Солженицына «В круге первом»: принципы организации // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 703-710. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-703-710>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The artistic structure of A.I. Solzhenitsyn's novel “In the first circle”: principles of organization

Yang BAI

Northwest Normal University
967 East St., Anning District, Lanzhou, People's Republic of China
✉ missingapril@yeah.net

Abstract. The work is devoted to the study of artistic structure specificity of A.I. Solzhenitsyn's novel “In the First Circle”. We focus on the elements analysis of “circular book building” and parallel plot lines, typology of characters-antipodes. We consider in detail, from the formal-content point of view, the “heading complex” of the novel: title, author's preamble, dedication, double list of contents. We clarify the semantics of the title variants and the final title of novel. We define the main levels of plot-compositional parallelism. We identify the peculiarities of narrative temporal organization, covering three New Year's Eve days. We analyze artistic details that help create contrasting situations. We can trace several cross-cutting motives in the description of the fate of different characters. We designate the intersection of storylines affecting the work, love, interpersonal relationships of the characters. We draw parallels between the individual structural elements of the novel, which form the compositional “circular book building” given by the title formula. We define pairs of ideologically and behaviorally similar characters, characters-antipodes and the principles of their typology. We show the importance of parallel elements to create a coherent piece of art. We conclude that the artistic means and techniques used by the writer are directly related to the social and artistic practice of research and embodiment of the Russian national character as the main vector of A.I. Solzhenitsyn's work.

Keywords: novel “In the First Circle” by A.I. Solzhenitsyn, circular book building, plot-compositional parallelism, plot lines, characters' typology

For citation: Bai Yang. Khudozhestvennaya struktura romana A.I. Solzhenitsyna «V krugе pervom»: printsipy organizatsii [The artistic structure of A.I. Solzhenitsyn's novel “In the first circle”: principles of organization]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 703-710. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-703-710> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Роман «В круге первом» А.И. Солженицына, как и другие произведения писателя, имеет несколько редакций. Литературоведы установили точную хронологию написания романа: «Автор изменял его семь раз: первый вариант был завершён в 1957 г.; второй и третий – в 1958 г.; четвёртый – в 1962 г.; пятый – в 1963 г.; шестой – в 1964 г.; седьмой – в 1968 г.» [1]. В авторском предисловии к полной редакции, содержащей 96 глав, А.И. Солженицын специально подчеркнул непростую историю создания и публикации произведения: роман был «написан – 1955–1958 / искажён – 1964 / восстановлен – 1968» [2, с. 6]. Несмотря на неоднократную переработку и многочисленные дополнения/исправ-

ления, композиция романа, выстроенная писателем в первой редакции, в целом сохранилась. Исследование структурных особенностей произведения, в частности прояснение принципов организации сюжетных линий, распределения глав, позволяет глубже постичь специфику поэтики русского характера в творчестве А.И. Солженицына, дополнить имеющиеся представления о художественной структуре романа «В круге первом».

Цель данной статьи – уточнить специфику организации художественной структуры романа А.И. Солженицына «В круге первом» через расширенный анализ кольцевого характера композиции произведения, детальное рассмотрение функционирования принципа

параллелизма на разных уровнях, сопоставление героев-двойников и героев-антиподов, изучение заголовочного комплекса первого в творческом наследии писателя романа.

Исследователи отмечают уникальный характер композиционного строения романа: «Именно через композицию романа <...> выражается его основная идея – всеобщей связанности, причастности всех ко всему. Отсюда – симметрия всех сюжетных конструкций» [3, с. 307]. Не последнюю роль в создании строгой и стройной архитектоники романа играет «заголовочный комплекс».

В имеющемся на сегодняшний день самом полном, 30-томном, собрании сочинений А.И. Солженицына, подготовленном во многом по имеющимся прижизненным изданиям произведений, роман «В круге первом» дан с обрамляющими основной текст многочисленными рамочными компонентами, изначально определяющими для читателя перспективы раскрытия идеи произведения. Сильной предтекстовой позицией в произведении служат название, авторская преамбула, посвящение, оглавление с перечислением названий глав без нумерации.

Авторская предупредительная заметка уточняет сложную судьбу романа, объясняя это существовавшими условиями эпохи, вынуждавшими авторов, в числе которых и М.А. Булгакова, «ужимать и искажать», «разбирать и составлять заново» [2, с. 5]. Осознанию трудностей с подачей материала в редакцию, внесением изменений визуально способствует и графическая организация данного предисловия: хронология истории произведения дана не в общем тексте, а в специально выделенном конечном столбце.

Посвящение «друзьям по шарашке» определяет и массовый, не единичный, характер описанной судьбы и событий, и сразу же вводит закрепившееся за специальной организацией определение «шарашка». Уважение к тем, с кем Солженицына свела судьба в тюрьме, пронизывает это посвящение. Побывавшие в «шарашке» не просто соседи и знакомые – они близки, как друзья.

Далее в издании следует список «Главы 1-96», в котором даны названия всех составляющих частей. Причём в самом тексте романа автор даёт главы не под заявленными названиями, а просто обозначает их араб-

скими цифрами. Выстроенные в начале произведения заглавия составных структурных элементов романа составляют своеобразную сюжетную, композиционную канву произведения. Структура названий глав различна: от традиционных односложных и двусложных («Торпеда», «Промых», «Мирный быт», «Женское сердце» и т. п.) до полноценных простых и даже сложных предложений различной эмоциональной окраски, цели высказывания: «Остановись, мгновенье!», «Язык – орудие производства», «Женщина мыла лестницу», «Будем считать, что этого не было», «Да оставит надежду входящий» и др.

К оглавлению автор вернётся уже в конце текста, дав в «Содержании» традиционный вариант: порядковый номер каждой главы, её название и указание страниц расположения. Автор даёт возможность читателю заново («по кругу») выстроить линию повествования, пережить ещё раз описанные события. Неслучайно одним из вариантов названия романа был «Круг-96» – в таком случае в одной структурной единице сходились и кольцевой (круговой) элемент, и количество глав. Таким образом буквально связаны «начала и концы» романа А.И. Солженицына: основной текст романа обрамлён одинаковым перечнем заглавий глав.

В романе «В круге первом» особое значение имеет заглавный художественный образ – круг. «Закольцованность», возвращение к исходной точке, путь по замкнутой траектории заложены в названии романа. Уже само слово «круг» своей смысловой нагрузкой способствует в целом созданию кольцевой композиционной структуры произведения.

Исследователи неоднократно обращали внимание на связь семантики названия с традиционными, мифологическими и литературными, представлениями. По свидетельству солженицыноведов, «титальное заглавие поначалу было пространнее – «В первом круге ада». И оно, и окончательное название отсылают к «Божественной комедии» Данте Алигьери» [2, с. 722].

Одно из рабочих названий романа – «Шарашка». Заметим, что употреблённое ещё в посвящении слово «шарашка» входит в текст только в третьей главе, а в современном книжном издании в комментариях В. Радзишевского объясняется следующим

образом: «Шарашка, или шарага, – жаргонное, пренебрежительно-ироническое название обычно сомнительных организаций, заведений, предприятий и сообществ. Здесь – тюремный научно-исследовательский институт, в котором собраны специалисты из числа заключённых. Действие романа «В круге первом» сосредоточено по преимуществу в Марфинской шарашке» [2, с. 734]. «Литературным памятником Марфинской шарашке» назвала роман «В круге первом» Л.И. Сараскина [4, с. 330].

В начале произведения (в главе 3 «Шарашка»), цитируя «Божественную комедию» Данте, Л. Рубин впервые обозначил понятие шарашки, охарактеризовав её как «лучший, высший круг» ада: «– Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое *шарашка*? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться, чтобы светлых мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место» [2, с. 23]. Первое упоминание-вопрос о шарашке остаётся без ответа: «–Вы сказали – *шарашка*. Что значит – шарашка?» [2, с. 22]. И только спустя некоторое время, через несколько других реплик, разговор возвращается к вопросу о шарашке. Примечательно, что вся третья глава построена как многоголосый диалог без указания конкретных авторов каждой реплики. Поэтому данное определение вполне можно считать общим мнением.

А в заключительной главе романа, в одном из последних абзацев, Солженицын описывает, как, вступая в разговор с Хоробровым, вспоминая благо Марфинской спецтюрьмы, Нержин повторил схожий смысл перед этапом: «...Это – не ад! В ад мы едем. В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это почти рай» [2, с. 719]. Авторские слова в этом случае дополняют реплику, полностью подтверждая справедливость сказанного героем: «Он не стал далее говорить, почувствовав, что – не нужно. Все ведь знали, что ожидало их несравненно худшее, чем шарашка. Все

знали, что из лагеря шарашка припомнится золотым сном» [2, с. 719]. Предпосылки к такому итоговому восприятию жизни в спецтюрьме были и ранее: «Зато – шарашка. Зато не лагерь. Мясо в обед. Сливочное масло утром. Не изрезана, не ошершавлена кожа рук. Не отморожены пальцы. Не валиться на доски замертво безчувственным бревном, в грязных чунях, – с удовольствием ложишься в кровать под белый пододеяльник» [2, с. 60]; «на шарашках, в этих полубархатных заведениях, куда, казалось, не проникал зубовой скрежет лагерной борьбы за существование» [2, с. 68].

«Круг первый» – это не только символическое обозначение спецтюрьмы, Марфинской шарашки. Нахождение «в круге первом» – это и пребывание в определённой группе людей, в ограниченном пространственно-временном «круге» общения. Поэтому внимание писателя преимущественно сосредоточено на характерах, моделях поведения героев, оказавшихся в тюремном заключении.

Судьбы Нержина и других арестантов predetermined задолго до официального объявления об этапе (в главе 94 «Всегда врасплох»). Например, в конце главы 10 («Розенкрейцеры»), в заключительном предложении этой главы, после того, как Нержин отказался от предложения по криптографическим заданиям, Яконов успел начертить роковую участь героя: «Нержина – списать» [2, с. 61]. Нержину дважды предоставлялась возможность участия в других проектах спецтюрьмы с закономерной перспективой избежать этапа. Однако, четко осознавая нависающую опасность, герой всё же мужественно готовился к тернистому ссыльному пути.

В романе «В круге первом» писатель создал ряд образов принципиальных, не идущих на компромисс героев. И только подобные герои, преодолевшие трудности, вышедшие из безвыходных положений, могут считаться истинно освобожденными. Ссылка Нержина, с учётом такой жизненной позиции героя, была, безусловно, неизбежна.

Обвинительный приговор Нержину был вынесен ночью в субботу 24 декабря 1949 г. – практически в последние часы первого из трёх дней романного действия. Напомним другие важные события, произошедшие во

второй половине этого дня, представляющие значение в художественной композиции: 1) Около пяти часов дня Володин совершил звонок в американское посольство, предупредив об атомной бомбе (глава 1 «Торпеда»); 2) После окончания рабочего дня, продолжающегося до двенадцати часов ночи, в Марфинской тюрьме Хоробров отказался от дополнительной работы, безоговорочно требуемой тюремщиками (глава 12 «Семёрка»).

В первом случае совершение звонка привело к аресту Иннокентия Володина. Его страх и мучения при аресте подробно описаны в главе 91 («Да оставит надежду входящий»), главе 92 («Хранить вечно») и в главе 94 («Второе дыхание»). Во втором случае вечерний бунт Хороброва был воспринят со стороны как наглый протест «на военном корабле!» [2, с. 73], что стало прямой причиной его ссылки. И в конце, также в заключительном предложении главы 12, Яконов, практически собравшийся уехать от работы, в последние минуты к записи «Нержина – списать» добавил: «И – Хороброва» [2, с. 74].

Все вышеупомянутые сюжетные события ведут к развязке в последней ночи в романе – вторник, 27 декабря 1949 г. Таким образом, хронологическая последовательность, чётко просматривающаяся на уровне композиции, формирует переключку сюжетных линий между собой, что также создаёт *круг* в его художественном воплощении.

Характер Нержина интересен и тем, что образ имеет сквозной для творчества А.И. Солженицына характер. Об этом на основе анализа неоконченной повести «Люби революцию», комедии «Пир победителей», романа «В круге первом» пишет Г.М. Алтынбаева [5]. Таким образом прослеживается кольцевая система обращения к аналогичным типажам.

Писатель находит и другие способы достижения кольцевой композиции романа. Здесь уместно упомянуть эпизоды жизни заключённых в канун празднования православного Рождества и Нового года. Например, сюжеты, раскрывающие мотив Рождества и образ ёлки, присутствующие в главе 4 «Протестантское Рождество», многократно проявляются на протяжении всего романа, в том числе и в его заключительной главе. Ель, украшенная к Новому году, является также и

символом Рождества; по словам арестанта, «ёлка – Рождество, а не Новый год!» [2, с. 212].

Действие в романе происходит накануне Нового года – в последние дни уходящего года. Намеренно точно указывая временные характеристики последующих событий, писатель акцентирует внимание на контрасте между Марфинской мрачностью и весёлой торжественной атмосферой, которая должна быть на воле (хотя, на самом деле, и на воле радости было мало). Это выступило дополнительной формой создания атмосферы психологического напряжения арестантов и драматичности их судеб. Наряду с этим украшение ёлки стало редким и скромным поводом для оптимизма не только арестантов, но и некоторых тюремных работников.

Решение по поводу установки ёлки, принятое подполковником Клементьевым в субботу – в первый день сюжетных событий, стало реализовываться в Марфино в последний день перед этапом заключённых. В раскрытии этой идеи рассматриваются традиционные мотивы в православной религии – мотивы воскресения, спасения и освобождения, что тесно совпадает с мотивом Рождества. И неслучайно в разговоре с дежурным тюремщиком Хоробров настаивал, чтобы доложили начальнику тюрьмы, «чтоб ёлку нам оставили до православного Рождества!» [2, с. 212]. В очередной раз писатель дал высокую оценку смелости, достоинству своих героев, и на фоне Марфинской тюрьмы установка ёлки фактически выступила как организованный торжественный провод арестантов перед их отправлением в ссылку.

В романе «В круге первом», как отмечено солженицыноведами, отмечаются параллели на уровне типологии героев, чаще всего, проявляющиеся как парные художественные образы. По мнению М.Г. Петровой, в приложении романа, издаваемого 2006 г., в произведении встречаются персонажи, составляющие пару [6, с. 706-707, 731], например: два оперуполномоченных (майор Шикин и майор Мышин, которому арестанты придумали прозвище с сатирическим оттенком как «Шишкин-Мышкин» [2, с. 501, 507]); два зятя со своими супругами (дипломат Иннокентий и писатель Галахов, Дотнара и Динэра – средняя и старшая дочери Ма-

гарыгина); два инженера, вызываемые министром Абакумовым на ночной допрос (Прячиков и Бобынин), два партсекретаря (бывший – Клыкачѳв и нынешний – Степанов), два тюремных надзирателя во время свиданий в Лефортовской тюрьме («гангстер с бычьей шеей» [2, с. 269] и «смирный простой парень» [2, с. 277]). В данном случае писатель, используя параллельные сюжетные линии, реализует в романе метод композиционного параллелизма, что наблюдается в больших и в малых эпизодах.

Писатель также применяет относительный параллелизм в структуре названий, расстановке и содержании глав, например: глава 11 «Зачарованный замок» и глава 46 «Замок святого Грааля»; глава 21 «Верните нам смертную казнь!» и глава 84 «Насчѳт расстрелять»; глава 28 «Работа младшины» и глава 29 «Работа подполковника»; глава 25 «Церковь Никиты Мученика» и глава 72 «Гражданские храмы»; глава 34 «Звуковиды» и глава 36 «Фоноскопия»; глава 55 «Князь Игорь» и глава 85 «Князь Курбский»; глава 77 «Решение принимается» и глава 79 «Решение объясняется»; глава 80 «Сто сорок семь рублей» (такова была плата за стукачество/доносительство) и глава 83 «Премьер-стучак» (курсив мой. – Б. Я.).

Параллелизм имеет в романе широкое применение. Он используется автором также для раскрытия темы отсутствия и ограниченности любви. Например, эта тема находит отражение в главе 40 «Свидание», главе 41 «Еще одно» и главе 42 «И у молодых». В первых двух упомянутых главах проблема в большей степени касается заключѳнных – Нержина и Герасимовича, – и их жѳн, оставшихся на воле – Надежды и Натальи; в последней главе читателю представлена любовная история молодой пары внутри Марфино – завязавшиеся отношения между арестантом и девушкой-«вольняшкой» (Руська и Клара). Последняя глава, выполняющая в ракурсе исследуемой проблематики как сюжетное, так и композиционное дополнение первых двух глав, позволяет раскрыть истории разных героев и в то же время даёт возможность в полной мере представить масштаб их несвободы. Отчасти схожий сюжетный поворот присутствует и в современном романе З. Прилепина «Обитель», одну из

сюжетных линий которого составляют любовные отношения главного героя, ссыльного Соловецкого лагеря, Артѳма Горяинова и чекистки Галины.

Сюжетно-структурный параллелизм также прослеживается и в другой группе глав: в главе 66 «Хождение в народ», главе 67 «Спиридон» и главе 68 «Критерий Спиридона». В этих главах поиск Нержиным «сермяжной правды» [2, с. 483] и его дружба с дворником Спиридоном является главным мотивом. При этом образ Спиридона рассматривается в качестве не просто типичного представителя из народа, но и незаурядной личности, прошедшей многострадальный жизненный путь и имеющей свою простонародную философию. Личные качества Спиридона, изложенные в последних двух главах романа, совпадают с представлениями Нержина о народе и о его душе, которые были упомянуты в первой главе. По мнению Нержина, народ определяется «...по душе. Душу же выковывает себе каждый сам, год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать человеком. И через то – крупницей своего народа» [2, с. 485]. Таким образом, сюжетная линия, пронизывающая три главы, объединила композицию сквозной темой, а содержание, уплотнѳнное рамочной структурой через серию названий, стало единым целым.

В произведениях Солженицына параллелизм прежде всего выступает как приём, способствующий организации и раскрытию логических связей между сюжетными линиями. Нам уже приходилось писать о героях-антиподах на примере рассмотрения пары Шустрман – Наделашин, о контрастах поведения отдельных персонажей «до и после» определённых событий [7]. Однако в романе параллелизм функционирует не только в контрастных характерах, но и в типологически схожих героях. Очень часто в сюжетах представляются художественные образы с близкими чертами личности или жизненными ситуациями, только эти сходства проявлены на разных уровнях. Например, кроме Наделашина, среди тюремных работников заслуживает внимания образ подполковника Климентьева и образ безымянного персонажа, появляющегося в последних главах романа, названного писателем «косеньким» надзирателем в силу

его физиологических особенностей. «Уважая их право [право заключённых. – Б. Я.] быть гордыми» [2, с. 197], Климентьев «внёс в тюрьму не издевательскую дисциплину палачей, а разумную военную» [2, с. 197]. И проверив инструкцию тюрьмы, согласовав с начальником, именно Климентьев способствовал установке ёлки. «Косенький» надзиратель достаточно внимательно относится к требованию Иннокентия. При строгом выполнении задач надзирателя «косенький» понимал страх и резкий душевный диссонанс арестанта при неожиданном попадании на Лубянку. Не имея права откровенно выразить своё сожаление, он по возможности не тревожил Иннокентия.

Итак, в границах романного сюжета такие герои, как Наделашин, Климентьев и «косенький», существуют как параллельные художественные образы. Писатель не стал причислить всех тюремщиков к группе отрицательных героев, у некоторых из них сохранились человеческие чувства и эмоции. Таким образом, автор заставляет проследить причины тяжёлых арестантских судеб не в зле отдельных людей, а в сложившейся социально-политической системе.

Параллельные художественные образы можно проследить и в группе арестантов. Например, Глеб и Герасимович в определённой мере являются единомышленниками, несмотря на то, что в Марфино они познакомились совсем недавно. Взгляды этих героев на жизнь представляются взаимодополняющими друг друга. Их судьбы схожи: отказавшись от оказания услуг, предложенных им тюремщиками, оба поступили на этап с героизмом. В дополнение к такому типу ге-

роев выступает и вышеупомянутый образ Хороброва. Подобные герои в определённом ракурсе создают групповой образ арестантов. Их судьбы в некоторой степени символизируют судьбы огромного количества людей.

Итак, особенный параллелизм выступает одним из основных принципов художественной организации романа А.И. Солженицына «В круге первом». Причём это выражается не только в применении метода оппозиции художественных образов. Подобный вид параллелизма, как и кольцевая композиционная структура романа, в первую очередь, создаётся переключкой и сравнением между сюжетными линиями, героями и художественными деталями, что, таким образом, позволяет автору достичь организации и объединения художественного мира писателя в одно целое. Этот мир проявляется, прежде всего, на сюжетно-структурном уровне произведения. Сюда относится структура и последовательность глав, оппозиция героев, изображение героев «до» и «после» происходящих событий, антитеза параллельно имеющих место сюжетных деталей. Писатель использует противопоставление/сопоставление также на лингвистическом уровне, в частности, в стилистических приёмах.

Внимание к контрастным событиям, чертам характера и поиск соответствующих композиционных приёмов в романной организации воплощает общий взгляд А.И. Солженицына на сложность, противоречивость русского национального характера, изучением и художественным воплощением которого писатель занимался на протяжении всей активной творческой и общественной деятельности.

Список литературы

1. Голубков М.М. «В круге первом». Опыт монографического анализа. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/?ELEMENT_ID=672 (дата обращения: 06.02.2021).
2. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011. 880 с.
3. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына // Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010.
4. Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2009.
5. Алтынбаева Г.М. Три Глеба Нержиных: к вопросу об эволюции творческого метода А.И. Солженицына // Александр Солженицын: взгляд из XXI века: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения / сост. Л.И. Сараскина. М., 2019. С. 312-325.
6. Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа // Солженицын А.И. В круге первом / изд. подготовлено М.Г. Петровой. М.: Наука, 2006. С. 629-732.

7. Бай Ян. Роман «В круге первом»: общенациональное и индивидуальное в судьбах героев // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья: сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. Рязань, 2019. С. 28-36.

References

1. Golubkov M.M. «*V krugе pervom*». *Opyt monograficheskogo analiza* ["In the First Circle". Experience in Monographic Analysis]. (In Russian). Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/?ELE-MENT_ID=672 (accessed 06.02.2021).
2. Solzhenitsyn A.I. *Sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 2. V krugе pervom* [Collected Works: in 30 vols. Vol. 2. In the First Circle]. Moscow, Vremya Publ., 2011, 880 p. (In Russian).
3. Losev L. Poeziya i pravda u Solzhenitsyna [Poetry and truth in Solzhenitsyn]. In: Losev L. *Solzhenitsyn i Brodskiy kak sosedi* [Solzhenitsyn and Brodsky as Neighbors]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).
4. Saraskina L.I. *Aleksandr Solzhenitsyn* [Aleksandr Solzhenitsyn]. Moscow, 2009. (In Russian).
5. Altynbayeva G.M. Tri Gleba Nerzhinykh: k voprosu ob evolyutsii tvorcheskogo metoda A.I. Solzhenitsyna [Three Gleb Nerzhins: on the evolution of the creative method of A.I. Solzhenitsyn]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya «Aleksandr Solzhenitsyn: vzglyad iz XXI veka»* [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Birth "Alexander Solzhenitsyn: A View from the 21st Century"]. Moscow, 2019, pp. 312-325. (In Russian).
6. Petrova M.G. Sud'ba avtora i sud'ba romana [The fate of author and the fate of novel]. In: Solzhenitsyn A.I. *V krugе pervom* [In the First Circle]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 629-732. (In Russian).
7. Bai Yang. Roman «V krugе pervom»: obshchenatsional'noye i individual'noye v sud'bakh geroyev [The novel "In the First Circle": national and individual in the fates of characters]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Naslediye A.I. Solzhenitsyna v sovremennom kul'turnom prostranstve Rossii i zarubezh'ya»* [Collection of Proceedings of the International Research and Practice Conference "Heritage of A.I. Solzhenitsyn in the Modern Cultural Space of Russia and Abroad"]. Ryazan, 2019, pp. 28-36. (In Russian).

Информация об авторе

Бай Ян, кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой русской филологии института иностранных языков, Северо-западный педагогический университет, г. Ланьчжоу, Китайская Народная Республика, missingapril@yeah.net, <https://orcid.org/0000-0001-9334-8599>

Вклад в статью: идея исследования, поиск и изучение научной литературы, анализ художественных текстов, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021
Одобрена после рецензирования 20.05.2021
Принята к публикации 27.05.2021

Information about the author

Yang Bai, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Head of Russian Philology Department of the Institute of Foreign Languages, Northwest Normal University, Lanzhou, People's Republic of China, missingapril@yeah.net, <https://orcid.org/0000-0001-9334-8599>

Contribution: study idea, scientific literature search and study, literary texts analysis, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 17.03.2021
Approved after reviewing 20.05.2021
Accepted for publication 27.05.2021

Повесть Ю.В. Трифонова «Нетерпение» в контексте общественно-политической позиции И.А. Дедкова

Александр Владимирович ЗАЙЦЕВ

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
✉ aleksandr-kostroma@mail.ru

Аннотация. Рассказано о взглядах И.А. Дедкова на соотношение цели и средств на пути к высокому общественному идеалу. Проведённый анализ раскрывает гуманистическую онтологию его мировоззрения. Будучи убеждённым антисталинистом, сторонником решений XX съезда КПСС, И.А. Дедков на протяжении всей своей жизни и творчества, в письмах, дневниковых записях, в литературно-критической и практической деятельности последовательно осуждал антигуманный принцип «цель оправдывает средства», черпая для этого аргументы из традиций русской классической литературы и русской дореволюционной либерально ориентированной философии, а также из западноевропейского экзистенциализма. Раскрыта латентно существовавшая ещё во времена СССР данная гуманистически-мировоззренческая интенция в литературном наследии критика и журналиста И.А. Дедкова. Основные методы, используемые при подготовке данной публикации: элементы системного и сравнительного (компаративного) анализов, биографического, дискурсивного и нарративного методов исследования. Главными выводами из проведённого исследования стали раскрытие гуманистической природы мировоззрения И.А. Дедкова, резко отличающейся от аморальной методологии политической целесообразности, пренебрегающей выбором и использованием этически обоснованных и адекватных поставленной цели средств её реализации. Данное положение подкреплено текстологическим анализом целого ряда источников, в том числе повести Ю.В. Трифонова «Нетерпение» из серии «Пламенные революционеры» о революционере-народнике А.И. Желябове. Свои теоретико-мировоззренческие постулаты, основанные на неприятии и отторжении антигуманной и бесчеловечной политической практики, И.А. Дедков последовательно отстаивал в своей литературно-критической и публицистической деятельности, а также в личной жизни, сохраняя преданность социалистическому (коммунистическому) идеалу в его гуманистическом (антропоцентрическом) идеале.

Ключевые слова: цель, средства, гуманизм, мировоззрение, философия, литература, марксизм, сталинизм, экзистенциализм

Для цитирования: *Зайцев А.В.* Повесть Ю.В. Трифонова «Нетерпение» в контексте общественно-политической позиции И.А. Дедкова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 711-717. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-711-717>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Y.V. Trifonov's novel "The Impatient Ones" in the context of the social and political position of I.A. Dedkova

Aleksandr V. ZAYTSEV

Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
✉ aleksandr-kostroma@mail.ru

Abstract. We tell about the I.A. Dedkov's views on the ratio of end and means on the way to high social ideal. We conduct an analysis that reveals the humanistic ontology of his worldview. Being a staunch antistalinist, supporter of the decisions of the 20th Congress of the CPSU, I.A. Dedkov throughout his life and work, in letters, diary entries, in literary-critical and practical activities, consistently condemned the inhuman principle "the end justifies the means", drawing for this arguments from the traditions of Russian classical literature and Russian pre-revolutionary liberal-oriented philosophy, as well as from Western European existentialism. We reveal this humanistic and ideological intention that existed latently in the times of the USSR in the literary heritage of the critic and journalist I.A. Dedkov. The main methods used in the preparation of this work: elements of systemic and comparative analyzes, biographical, discursive and narrative research methods. The main conclusions from the study are the disclosure of the humanistic nature of I.A. Dedkov, which sharply differs from the immoral methodology of political expediency, neglecting the choice and use of ethically grounded and adequate means of its implementation. This provision is supported by textthestruc analysis of a number of sources, including the Y.V. Trifonov's novel "The Impatient Ones" from the series «Family Revolutionary» on the revolutionary population of A.I. Zhelyabov. I.A. Dedkov consistently defended his theoretical and ideological postulates based on the non-acceptance and rejection of inhumane and ruthless political practices in his literary, critical and journalistic activities, as well as in his personal life, while remaining loyal to the socialist (communist) ideal in its humanistic (anthropocentric) ideal.

Keywords: end, means, humanism, worldview, philosophy, literature, Marxism, Stalinism, existentialism

For citation: Zaytsev A.V. Povest' Y.V. Trifonova «Neterpeniye» v kontekste obshchestvenno-politicheskoy pozitsii I.A. Dedkova [Y.V. Trifonov's novel "The Impatient Ones" in the context of the social and political position of I.A. Dedkova]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 711-717. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-711-717> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Ещё во время учёбы на факультете журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова И.А. Дедков живо интересовался современными политическими процессами и философскими проблемами, вопросами марксизма и теории построения социализма и коммунизма, читал доступные ему научные источники, книги, журналы и статьи. Разоблачение преступлений сталинизма в докладе Н.С. Хрущёва на XX съезде партии он глубоко воспринял как личную трагедию и, являясь по своей миро-

воззренческой ориентации представителем советско-российского гуманизма, всегда отстаивал приоритет выбора средств на пути построения общества социальной справедливости [1, с. 18-19].

Идеи гуманизма проникали в мировоззрение И.А. Дедкова вместе с экзистенциальными идеями русской классической литературы, отечественной философии и западноевропейского экзистенциализма, всё более и более вытесняя прежние сталинистские представления о «казарменном коммуниз-

ме», как главной цели общественного прогресса и, якобы, оправданности и закономерности огромных человеческих жертв на пути его достижения [2, с. 90-91].

Рецепция экзистенциально-гуманистических идей и представлений очень чётко прослеживается в его литературно-критическом анализе текстов современных ему дореволюционных и советских авторов [3, с. 61-62]. К примеру, это хорошо видно на основе использования И.А. Дедковым знаменитого пассажи из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребёнка». А точнее об утверждении мысли о том, что когда идея «высшей гармонии» превращается в «ад», то «не стоит она слезинки... замученного ребёнка» [4, с. 223]. Подразумеваемая бесценность и уникальность жизни жертв сталинского режима, загубленных во имя великой цели построения социализма и коммунизма, И.А. Дедков так писал в «Дневнике» с позиций своего личного выстраданного экзистенциализма: «Как нам представить себе и понять отчаяние и муку тех, кто не дождал, кто так навсегда и остался в тех великих временах со своей единственной, бесцеремонно оборванной жизнью. И ещё – ...те неискупимые слёзы, которые никогда не будут забыты... Достоевский знал, что те слезинки не искупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все претензии, всё возвышение человеческое, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни – ничего не значат» [5, с. 227]. Такая гуманистическая позиция – как творческий метод познания и осмысления исторического прошлого и настоящего – проявлялась не только в интимных дневниковых записях, но и исследованиях и литературно-критических статьях И.А. Дедкова.

В литературном творчестве Ю.В. Трифонова внимание критика привлекла историческая повесть «Нетерпение», посвящённая пламенному революционеру-народовольцу А.И. Желябову, который как бы сознательно подгоняет плавный и неспешный ход истории, ускоряя её и направляя, в меру своих сил и возможностей, к заветной цели: построению свободного гуманного общества без эксплуатации и угнетения. Для этого он не гнушался никакими средствами, в том числе политическими убийствами.

Первым прямым обращением Ю.В. Трифонова к истории стала документальная повесть «Отблеск костра», написанная в 1965 г. Вторым, более фундаментальным художественным осмыслением исторического процесса стал выход в Издательстве политической литературы в серии «Пламенные революционеры» его книги «Нетерпение». Данное достаточно объёмное произведение нередко называют романом. Однако сам Ю.В. Трифонов в подзаголовке к названию своей книги указал на её жанр: «Повесть об А. Желябове» [6]. То есть, с точки зрения автора, «Нетерпение» – это историческая повесть, написанная не только с опорой на документальные источники, но и с использованием художественного вымысла, характерного для литературного произведения.

Главный герой повести «Нетерпение» – это «пламенный революционер А.А. Желябов. Первоначально он критически воспринимает идеи С.Г. Нечаева, включая его аморальный принцип «цель оправдывает средства». Но со временем – как это следует из текста трифоновского произведения – А.И. Желябов, в отличие от своих сотоварищей по революционной партии «Народная воля», оправдывает такую аморальную и антигуманную методологию борьбы с царским режимом. Скорее всего, именно эта идейная эволюция главного героя повести привлекает внимание И.А. Дедкова, как литературного критика и мыслителя гуманистического направления. В деятельности А.И. Желябова и его единомышленников он улавливает, с одной стороны, сходство с С.Г. Нечаевым, а с другой – с И.В. Сталиным и другими борцами за светлое коммунистическое будущее. И те, и другие подталкивали, понукали, торопили историю в условиях, когда объективных предпосылок для осуществления их планов ещё не сложилось. И те, и другие были сторонниками действия на основе принципа «цель оправдывает средства».

В статье под названием «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного», И.А. Дедков латентно проводит едва уловимые параллели с печально завершившимся сталинским экспериментом форсированного скачка в светлое коммунистическое будущее, с одной стороны, и «нетерпением» народовольцев – с другой, с их террористическими актами, мак-

символизмом и «подстегиванием истории» в надежде, что достижение великой цели оправдывает человеческие жертвы, понесённые для её торжества [7].

Данная статья в авторской редакции была опубликована в 1988 г. в сборнике статей «Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые» И.А. Дедкова, куда вошли ранее, по тем или причинам, либо вовсе не публиковавшиеся его статьи, либо увидевшие свет, но со значительными сокращениями и изменениями. Хотя эта работа была написана ещё в 1979 г., а затем направлена в журнал «Вопросы литературы». Судьбу статьи И.А. Дедков обсуждал по телефону сначала с заглавного редактора Л.И. Лазаревым, а затем и лично и с главным редактором и его заместителем [5, с. 243, 246]. Однако эта публикация в данном издании так и не вышла в свет. В связи с этим 6-го октября 1979 г. Игорь Александрович с горечью написал в «Дневнике»: «Девятая книжка «Вопросов литературы» оказалась без моей статьи о Ю. Трифонове» [5, с. 264]. И далее: «Очень жаль мне этой статьи. Когда писал её, отодвинул всё прочее... было интересно и кое-что удалось сказать, сказать по-своему и вообще сказать...» [5, с. 264]. Ещё ранее её автор признался себе самому: он всерьёз опасался за судьбу этой статьи, потому что она у него получилась «открытой обычного, то есть незащищёна» [5, с. 242].

Дело в том, что И.А. Дедков, привыкший проводить свои альтернативные убеждения и политические взгляды в косвенной, иносказательной форме, чуть ли не с помощью «эзопова языка», был настроен реалистично и вполне ожидал такого исхода из-за опасений, что внутренняя редакционная цензура может заметить едва скрытые им параллели между «нетерпением» народовольцев и нетерпеливостью «подстегивателей» форсированного строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране. Так и вышло: «Настроение моё, – признаётся критик, – ход мыслей литературные стражники всё-таки уловили» [5, с. 264].

В конце 1982 г. И.А. Дедков попытался опубликовать свою «старую работу о Трифонове» в журнале «Октябрь». Однако и этой публикации не было суждено состояться [5, с. 357, 702]. И лишь в 1985 г. статья в не-

сколько иной редакции и в сокращённом варианте была напечатана в журнале «Новый мир» под названием «Вертикали» Юрия Трифонова» [8]. В связи с этой публикацией в «Дневнике» И.А. Дедкова 28 апреля 1985 г. говорится о сделанном им сокращении «статьи о Трифонове для «Нового мира», выполненном по рекомендации издания. При этом все данные ему в редакции журнала «пожелания» по корректировке текста «носили исключительно идеологический характер» [5, с. 449].

Спустя год, в несколько расширенном варианте, всё же эта работа вошла в состав дедковского сборника литературно-критических статей «Живое лицо времени: очерки прозы шестидесятых–семидесятых» [9]. И уже потом, ещё спустя два года – в самый разгар перестройки – она вышла в окончательном (а может быть, изначальном) неподцензурном варианте в уже упомянутой нами книге «Из шестидесятых в восьмидесятые» под другим, уже упоминавшимся нами названием: «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного» (правда, почему-то в конце текста дату её написания автор обозначил 1984, а не 1979 годом) [7]. «Раскоп», по мысли автора, это углубление, попытка проникнуть в суть, понять то, что не видно или не заметно на поверхности, то, что скрыто в то время даже от очень внимательного и образованного читателя идеологическими наслоениями, штампами и клише советской пропаганды.

Несомненно, что этой статье, в целом посвящённой обзору творчества Ю.В. Трифонова, образу пламенного борца с самодержавием – А.И. Желябову – И.А. Дедков отводил особо важную роль в контексте своей литературно-критической деятельности. По мнению литературного критика, автор историческо-документальной повести «Нетерпение» был глубоко убеждён, что его герои исходят в своих практических действиях из собственной аксиомы о том, что «человек рождён участвовать в истории, в определении настоящего и будущего своей страны, рождён сознательным «делателем» истории, а не её послушным податливым материалом» [7, с. 126]. Однако «историческая необходимость вызревает и реализуется медленно» [7, с. 126]. А на практические попытки со стороны народовольцев (а если шире – как это и

хотел, но в то время не мог сказать И.А. Дедков – всех революционеров вообще, включая соратников В.И. Ленина) ускорить ход истории – «затрагивается уйма сил, талантов, жизней». То есть достижение желаемой для ускорителей истории цели обходится обществу слишком дорогой ценой.

Такой подход к обращению с историей и человеческими судьбами не совместим с гуманистической природой мировоззрения И.А. Дедкова. В своём творчестве и жизненной позиции литературный критик достаточно чётко разводил народовольцев, жертвовавших собой, и тех, кто как И.В. Сталин и его окружение, жертвовали другими, то есть людьми, превращая их в подсобное средство для избранной ими великой цели. «Жертвовать можно собой, – писал в марте 1979 г. при работе над рукописью вышеуказанной статьи И.А. Дедков, – но не другими. Начни жертвовать другими – во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, – кончится это чем-нибудь отвратительным» [5, с. 242].

В одном из своих последних интервью (1990 г.) И.А. Дедков выразил эту же мысль ещё более ясно, предельно чётко и открыто: «Герои Трифонова, «первомартовцы», отличались от так называемых «революционеров» послереволюционного времени тем, что жертвовали, прежде всего, собой, а те – великим множеством других» [10, с. 113]. В это время ему уже можно было не опасаться вмешательства со стороны внешней цензуры или «литературных стражников» внутри самих средств массовой информации. И, не скрываясь за полунамеками и недоговоренностями, выражать свою личную мировоззренческую позицию и гуманистические идеалы вполне свободно, открыто и честно.

Заключение. Оставаясь глубоким гуманистом, И.А. Дедков то и дело в своих мыслях возвращается к неискупимым жертвам революции и сталинского террора, к «бесцеремонно» (выражение И.А. Дедкова) загубленным ради так не достигнутой великой цели: «как представить себе судьбы семей, жен, матерей, братьев, и сестер, но более всего – детей! – вот где знание, – пишет Игорь Александрович в далёком 1978 г. в своём «Дневнике», – вот где самое страшное, вот где те неискупимые слёзы, которые никогда

не будут забыты... Достоевский знал, что те слезинки неискупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все надутые претензии, всё возвышение человеческое, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни – ничего не значат» [5, с. 227].

Философско-этическая сторона мировоззрения И.А. Дедкова почти целиком совпадает с нравственно-мировоззренческой программой Ф.М. Достоевского, провозгласившего самоценность человеческого существования и недопустимость использования личности как средства достижения самого гармоничного и совершенного в своём идеале общества. В свою очередь, Ю.В. Трифонов, создавая повесть «Нетерпение», в литературно-художественной форме продемонстрировал, как «историческое нетерпение», сопряжённое со стремлением во что бы то ни стало осчастливить народ, «ведёт к одному из вариантов воплощения идеи великого инквизитора, в основе которой лежит непримиримое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами её достижения» [11, с. 319]. И.А. Дедков в контексте анализа творчества Ю.В. Трифонова продемонстрировал (в неявной, скрытой, подцензурной форме) родственность методологии действия героев и антигероев этого писателя с теорией и практикой большевизма, не гнушавшегося иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Что было органически неприемлемо для гуманистического миропонимания И.А. Дедкова.

Таким образом, гуманистический подход к диалектике цели и средств общественного развития высypает как главная доминанта мировоззрения И.А. Дедкова. Такая жизненная позиция составляет неизменную константу его мирозерцания. И когда на смену одним идеологемам или социально-философским представлениям приходили другие, гуманизм не вытеснялся из лона мироощущений критика, а оставался и сохранялся в его первоначальном виде. Так было в мировоззрении и «раннего», и «зрелого», и даже «позднего» И.А. Дедкова, пережившего незадолго до своей смерти 1994 г. очередной крах надежд, а по сути дела, иллюзий на возможность развития реального хода истории в

её гуманистическом векторе и антропоцентрическом измерении.

И.А. Дедков с энтузиазмом встретил горбачёвскую перестройку И, отработав более тридцати лет в костромской провинции, в 1987 г. переехал в Москву. Здесь он сначала занял должность политического обозревателя журнала «Коммунист» (впоследствии переименованного в «Свободную мысль»), а затем стал заместителем главного редактора этого издания. Однако события августа 1991 г., а затем осени 1993 г., с последующим запретом КПСС и радикальными экономическими реформами, – вызвали у него всё более усиливавшееся неприятие. На практике оказалось, как впоследствии констатировал сам И.А. Дедков, что долгожданная «свобода более всего оказалась нужна для «целей» не высоких, а низких» [5, с. 578]. Эта долгожданная свобода, которую так искренне продвигал в своей творческой деятельности И.А. Дедков, по его же собственному признанию, «оказалась двуликим Янусом: она повернулась блудливой мордой к большинству народа» [5, с. 591].

«Теперь же мы оказались там же, где и были. – Замечает осенью 1993 г. Игорь Александрович. – То есть вроде бы совсем не там, не в царстве коммунистического рабства, а в стране буржуазной свободы, но, в сущности, там же» [5, с. 578]. Впрочем, данное обстоятельство ничуть не девальвирует в мировоззрении критика самоценности человеческой личности, гуманизма, справедливости, не сведения сущности человека к простому средству для достижения великих исторических свершений и идеалов. Гуманистическая позиция И.А. Дедкова проистекает из самоочевидного для него тезиса о том, что благая цель может быть достигнута только благими методами. Использование аморальных средств даже для самой высокой и заманчивой цели неизбежно трансформирует в её свою полную – отнюдь не диалектическую – противоположность. Это положение, подтверждённое исторической практикой, было для И.А. Дедкова абсолютной истиной, мучительно выстраданной и осмысленной в процессе его личной жизни и творческой деятельности.

Список литературы

1. Зайцев А.В. К вопросу об источниках гуманистического мировоззрения Игоря Дедкова // Кострома. Genus Loci: альманах / [сост. и отв. ред. А.В. Зайцев]. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. Вып. 3. С. 16-31.
2. Зайцев А.В. Экзистенциальный тренд в мировоззрении Игоря Дедкова // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. Вып. 1 (26). С. 87-96.
3. Зайцев А.В. «Костромской экзистенциализм» Игоря Дедкова // Национальные приоритеты России. 2021. № 1 (40). С. 57-65.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 624 с.
5. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994 / публ., сост., послеслов., примеч. и указ. имён Т.Ф. Дедкова; предисл. А. Турков; приложение: Л. Аннинский, О. Лацис, С. Лесневский. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 792 с.
6. Трифонов Ю.В. Нетерпение: Повесть об А. Желябове. М.: Политиздат, 1973. 543 с.
7. Дедков И.А. Вечерний раскоп, или в поисках утраченного // Дедков И.А. Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые. М.: Искусство, 1988. С. 119-160.
8. Дедков И.А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Новый мир. 1985. № 8. С. 220-235.
9. Дедков И.А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Дедков И.А. Живое лицо времени: очерки прозы шестидесятых–семидесятых. М.: Сов. писатель, 1986. С. 47-93.
10. «Куплен» в 1956-м (Критик Игорь Дедков беседует с корреспондентом «Литературной газеты» Брониславой Тарошиной // Дедков И.А. Наше живое время: книга воспоминаний, статей и интервью. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 110-117.
11. Сухих О.С. От великого инквизитора к «Народной воле» (переосмысление философской проблематики произведений Ф.М. Достоевского в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение») // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 314-320.

References

1. Zaytsev A.V. K voprosu ob istochnikakh gumanisticheskogo mirovozzreniya Igorya Dedkova [On the question of the sources of the humanistic worldview of Igor Dedkov]. *Kostroma. Genus Loci: al'manakh* [Kostroma. Genus Loci: Almanac]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, issue 3, pp. 16-31. (In Russian).
2. Zaytsev A.V. Ekzistentsial'nyy trend v mirovozzrenii Igorya Dedkova [Existential trend in the world outlook of Igor Dedkov]. *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk – Problems of Social and Humanitarian Sciences*, 2021, no. 1 (26), pp. 87-96. (In Russian).
3. Zaytsev A.V. «Kostromskoy ekzistentsializm» Igorya Dedkova [“Kostroma existentialism” by Igor Dedkov]. *Natsional'nyye priority Rossii* [National Priorities of Russia], 2021, no. 1 (40), pp. 57-65. (In Russian).
4. Dostoyevskiy F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. In: Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t. T. 14* [Complete Works: in 30 vols. Vol. 14]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 624 p. (In Russian).
5. Dedkov I.A. *Dnevnik. 1953–1994* [Diary. 1953–1994]. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2005, 792 p. (In Russian).
6. Trifonov Y.V. *Neterpeniye: Povest' ob A. Zhelyabovye* [The Impatient Ones: The Story of A. Zhelyabov]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, 543 p. (In Russian).
7. Dedkov I.A. Vecherniy raskop, ili v poiskakh utrachennogo [Evening excavation, or in search of the lost]. In: Dedkov I.A. *Obnovlennoye zreniye: iz shestidesyatykh v vos'midesyatykh* [Renewed Vision: From the Sixties to the Eighties]. Moscow Iskusstvo Publ., 1988, pp. 119-160. (In Russian).
8. Dedkov I.A. «Vertikali» Yuriya Trifonova [“Verticals” by Yuri Trifonov]. *Novyy mir – New World*, 1985, no. 8, pp. 220-235. (In Russian).
9. Dedkov I.A. «Vertikali» Yuriya Trifonova [“Verticals” by Yuri Trifonov]. In: Dedkov I.A. *Zhivoye litso vremeni: ocherki prozy shestidesyatykh–semidesyatykh* [The Living Face of Time: Prose Sketches of the Sixties-Seventies]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1986, pp. 47-93. (In Russian).
10. «Kuplen» v 1956-m (Kritik Igor' Dedkov beseduyet s korrespondentom «Literaturnoy gazety» Bronislavoy Taroshchinoy [“Purchased” in 1956 (Critic Igor Dedkov talks with the correspondent of Literaturnaya Gazeta Bronislava Taroshchina)]. In: Dedkov I.A. *Nashe zhivoye vremya: kniga vospominaniy, statey i interv'yu* [Our Living Time: A Book of Memoirs, Articles and Interviews]. Moscow, MSU Publ., 2013, pp. 110-117. (In Russian).
11. Sukhikh O.S. Ot velikogo inkvizitora k «Narodnoy vole» (pereosmysleniye filosofskoy problematiki proizvedeniy F.M. Dostoyevskogo v romane Y.V. Trifonova «Neterpeniye») [From the great inquisitor to “The will of the people” (rethinking the philosophical problems of Dostoevsky’s works in Y.V. Trifonov’s novel “The Impatient Ones”)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2011, no. 3 (1), pp. 314-320. (In Russian).

Информация об авторе

Зайцев Александр Владимирович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет; директор, Межрегиональный научно-просветительский центр им. И.А. Дедкова, г. Кострома, Российская Федерация, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Вклад в статью: концепция исследования, идея, общая концепция статьи, сбор данных.

Статья поступила в редакцию 07.03.2021
Одобрена после рецензирования 25.05.2021
Принята к публикации 27.05.2021

Information about the author

Aleksandr V. Zaytsev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of Philosophy, Culturology, Social Communications Department, Kostroma State University; Director, Interregional Scientific and Educational Center named after I.A. Dedkova, Kostroma, Russian Federation, aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Contribution: study conception, idea, main study conception, data acquisition.

The article was submitted 07.03.2021
Approved after reviewing 25.05.2021
Accepted for publication 27.05.2021

Искусство театральной режиссуры в XX–XXI веках

Сергей Алексеевич ЧЕБОТАРЁВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Аннотация. Дан анализ культурно-исторического развития искусства театральной режиссуры в XX–XXI веках. Рассмотрены особенности режиссёрского театра на примере театра Анатолия Васильева, театра Марка Захарова, театра Женовача, театра Петра Фоменко и др. Отмечено, что на протяжении всего периода происходит трансформация роли режиссёра в театре. Значимость театрального режиссёра – художника перерастает в более сложные формы своего существования: драматург – организатор представления – педагог и воспитатель театрального коллектива. Проведённый анализ режиссёрских школ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, русский театр на рубеже XX–XXI веков сумел сохранить свои традиции даже в условиях мощнейшего компьютерного и телевизионного бума. Во-вторых, театр продолжал занимать одно из ведущих мест в духовном и нравственно-эстетическом воспитании общества. В-третьих, режиссура отечественного театра принимала и умножала лучшие традиции реалистического искусства, идущие от К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, Е. Вахтангова, М. Чехова, учитывая современные веяния и интересы зрителей. В-четвёртых, вёлся активный поиск новых форм в режиссуре и актёрском мастерстве, формировались экспериментальные театры и студии. В-пятых, огромное место в режиссуре отводилось постановке классики. Отмечено, что рассматриваемый период давал возможность с наибольшей полнотой раскрыться самобытности в режиссуре и актёрском мастерстве.

Ключевые слова: искусство, театр, режиссура, режиссёрский театр

Для цитирования: Чеботарёв С.А. Искусство театральной режиссуры в XX–XXI веках // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 718–725. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-718-725>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Art of theater direction in the 20th–21st centuries

Sergey A. CHEBOTAREV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

✉ serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Abstract. We analyze the cultural and historical development of art of theater direction in the 20th–21st centuries. We consider the features of director's theater on the example of Anatoly Vasiliev's theater, Mark Zakharov's theater, Zhenovach's theater, Pyotr Fomenko's theater, etc. We note that throughout the entire period there is a transformation of the role of the director in the theater. We note that throughout the entire period there is a transformation of director's role in the theater. The significance of the theater director – artist grows into more complex forms of his existence: the playwright – the organizer of the performance – the teacher and educator of the theatrical collective. We conduct an analysis of directing schools allow us to draw the following conclusions. Firstly, the Russian theater at the turn of the 20th–21st centuries managed to preserve its traditions even in the conditions of the most powerful computer and television boom. Secondly, the theater continued to occupy one of the leading places in the spiritual, moral and aesthetic education of society. Thirdly, the direction of domestic theater adopted and multiplied the best traditions of realistic art, coming from K. Stanislavsky, V. Nemirovich-Danchenko, E. Vakhtangov, M. Chekhov, taking into account modern trends and interests of the audience. Fourthly, there was an active search for new forms in directing and acting, experimental theaters and studios were formed. Fifthly, a huge place in directing was given to the production of classics. We note that the period under review provided an opportunity to fully reveal the originality in directing and acting.

Keywords: art, theater, direction, director's theater

For citation: Chebotarev S.A. *Iskusstvo teatral'noy rezhissury v XX–XXI vekakh* [Art of theater direction in the 20th–21st centuries]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 718–725. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-718-725> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

XX век стал самым скандальным и мудрым, самым гуманным и жестоким, самым ярким и постоянно ищущим веком. Это век парадоксов, открытий и грандиозных перемен. Этот век подарил миру искусство театральной режиссуры, которое возникло в конце XIX века с появлением на свет ещё одного феномена столетия – Московского Художественного театра.

И именно с этим театром связано понятие «режиссёрский театр», с которого и началась самостоятельная жизнь театральной режиссуры как профессии. Такой же диалектический и неоднозначный, как новый век, Художественный театр заложил новую веху в становлении сценического искусства. Здесь зародилось реалистическое искусство театра – искусство жизненной правды, глубокого

психологизма, воссоздания «жизни человеческого духа» на сцене. Из стен этого театра вышли люди, достижения и имена которых вошли в историю, многое предопределив в развитии современного русского театра. Это К. Станиславский, Вл. Немирович-Данченко, Е. Вахтангов, В. Мейерхольд, А. Таиров, А. Лобанов и др. Позже их дело продолжили Ю. Завадский, А. Гончаров, М. Кнебель, Г. Товстоногов, а затем Ю. Любимов, М. Захаров. Они были не только свидетелями развития режиссёрского театра, но и непосредственными участниками его становления. Их спектакли стали классикой, образцом для подражания [1].

Значимость театрального режиссёра – художника переросла в более сложные формы своего существования: он стал не только

властителем творчества актера и драматурга, могучим организатором представления, но и чутким педагогом и воспитателем театрального коллектива. Он стал лекарем собственного времени.

XX век – это век великих потрясений, революций, двух мировых войн, социально-политических катаклизмов. И чтобы человечество не превратилось в бездушную, агрессивную машину, в покорного раба обстоятельств, не ожесточилось, необходим был театр – чуткий барометр своего времени [2].

Ещё Ф.Г. Лорка отметил важную миссию театра в возрождении нации: «Чуткий прозорливый театр... способен в считанные годы переменить образ чувств целого народа и, точно так же, увечный театр, «отрастивший копыта вместо крыльев» [3, с. 160], способен растрлить и усыпить нацию» [4, с. 29].

Именно в XX веке театр стал, как отмечал Н.В. Гоголь, «кафедрой, с которой можно много сказать миру добра» [5, с. 386]. А.Н. Островский же называл театр «великой школой... публика ждёт от него разъяснения моральных и общественных явлений и вопросов, задаваемых жизнью» [6, с. 236].

Потому с самого начала на режиссёра была возложена обязанность вести театр по линии идейно-эстетической, по линии гуманизма и гражданственности.

Так было заложено изначально. Но времена изменились, изменился и театр. Так что же сегодня значит театр в нашей жизни? И каким сейчас стал его хранитель режиссёр?

Самое замечательное, что сейчас происходит – это «легкое дыхание» открытий молодых режиссёров и уже признанных мастеров, «половодье» новых идей и замыслов. Но самое страшное – это падение шкалы ценностей в условиях рыночных отношений.

Одна из главных проблем современного русского театра: быть ли ему коммерческой антрепризой или художественным ансамблем. В угаре и суматохе постоянных перемен происходит превращение театра в фабрику спектаклей. Это протекает почти незаметно, но однажды заболев этим вирусом, режиссёрский театр попадает под власть внешней техники и товарности.

«Жизнь человеческого духа» перестаёт быть его главной целью, и режиссёр уже не хочет «умирать в актёре», потому что в та-

ком случае его не заметят. Для такого режиссёра доблестью становится техническая обстановка. Такое искусство не греет, оно мертво [2, с. 140].

История театра уже знает такие примеры. Ещё Г. Крег мечтал об актёре-марионетке, с помощью которого можно было бы воплощать свои грандиозные замыслы. Сегодня Боб Уилсон (американский режиссёр) идёт по этому пути. Но этот театр далёк от русской психологической актёрской игры, где всё о живом человеке и во имя живого человека.

Многие российские режиссёры оглядываются сейчас на театры Америки с их феерическим блеском и фантастическими решениями спектаклей. Но они не задумываются над тем, что серьёзного театра в Америке нет, и Бродвей – это центр другого искусства. Там нет театра в том гуманном, даже миссионерском значении, которое вкладывается русскими творцами в его суть.

Американцы находятся в погоне за престижем. Но испытывают при этом острый дефицит театральной школы.

И что они делают? Они усердно учатся на Станиславском, Михаиле Чехове, на творениях русских наследников «системы».

Так ведь все это богатство находится именно у нас! И именно мы владеем им! Мы являемся прямыми наследниками лучших традиций актёрской и режиссёрской школы, и наша обязанность – сохранить их для тех, кто родился и будет жить в XXI веке.

Один из лучших режиссёров нашего времени Кама Гинкас так и сказал: «Театр – это плоть. При всей своей эфемерности. Она упруга, дышит, воздействует. Не слова, не идеи и не проблемы. Плоть... И режиссёрское дело есть рождение живой театральной плоти» [7, с. 142]. Театр для русского человека – это нечто живое, убить и предать которое почти невозможно.

Наше сумбурное время даёт нам знак – рождаются новые спектакли, новые театры, новые имена. Оно напоминает чем-то 1920-е гг.: годы студии МХТ, Е. Вахтангова, В. Мейерхольда, М. Чехова, А. Таирова, А. Лобанова, А. Попова – всех не перечислить. Это похоже и на бурный, обновляющий процесс 1960–1970-х гг.: БДТ Г. Товстоногова,

А. Эфрос, «Современник», «Таганка», театр Ю. Завадского.

И вот, на рубеже веков, появляются люди, под знаком имени которых предвещается нечто новое и значительное. Они являются творцами нового реалистического искусства, корни которого исходят из многолетнего опыта Станиславского и его учеников.

Их стили и принципы работы во многом отличаются, поиски и эксперименты подчас имеют разную направленность, но их роднит то, что все, на кого возлагает свои надежды новое время, все они – прямые наследники учеников Станиславского.

Анатолий Васильев – один из крупных режиссёров конца XX века, ученик М.О. Кнебель и А.Д. Попова, выпускник ГИТИСа, стены которого насквозь пропитаны духом Станиславского и его театральных наследников.

Театр Анатолия Васильева, выросший на благодатной почве лучших традиций Художественного театра, органически соединил этот опыт с достижениями великолепного режиссёра XX века Ежи Гротовского и его «бедным театром». Театр Васильева глубоко полифоничен. У режиссёра выработался свой особый стиль работы над постановкой, работы с актёрами, выбора пьесы автора. Обладая глубоким философским мышлением, Васильев особое внимание уделяет рассмотрению всех тем и понятий жизни современного театра и человека.

Театр Васильева – это театр глубоких перемен, его отличительная черта: экстенсивность сцены даже в самые интенсивные моменты. Это театр, находящийся на границе физического и психологического. Это театр пластики, рождённой чувственным импульсом актёра. Здесь на первом месте стоит импровизация. Неповторимость и неожиданность в игре актёра очень важны для Васильева. В его спектаклях всегда есть какая-нибудь странность формы, даже некоторое излишество, которое режиссёр ставит в центр. Поэтому то, что происходит в театре Васильева, редко когда превращается в публичный акт сценического искусства. Это, скорее, театр-лаборатория, театр-студия. Его язык сложен и часто несёт в себе какое-то абстрактное мышление.

Однако это не значит, что режиссёрские искания Васильева ушли в область, далёкую

от реалистического искусства Станиславского: огромное внимание в спектаклях Васильева уделено созданию атмосферы. Для Васильева это – аура, возникшая вокруг исканий, и она может легко возникнуть и исчезнуть, если попытаться её удержать. Атмосфера является той средой, пространством, где рождается материя и время. Носитель материи – это актёр, носитель времени – это спектакль. И то, и другое нуждается в познании – на этом построена философия театра Васильева. Для него работа над спектаклем – это каждый раз труднейший и глубочайший поиск ответов, поставленных жизненной философией современности.

Свой собственный театр Анатолий Васильев открыл в 1987 г., он назвал его «Школа драматического искусства».

К этому шагу молодой режиссёр готовился долгие годы, в течение которых осуществил ряд постановок: в МХАТ («Соло для часов с боем» О. Заградника), в Театре имени Станиславского («Первый вариант» Вассы Железновой, М. Горького, «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина), в театре Комеди Франсез («Маскарад» М.Ю. Лермонтова) и т. д. И только приобретя достаточно широкий опыт, Васильев решился создать свой театр, в котором традиции Художественного театра нашли своё новое воплощение.

Стремление к новизне, к поиску новых форм и решений спектакля очень многое определяет на современной сцене.

«Жизнь человеческого духа» приобретает новые краски и оттенки, новое звучание. На сцену врывается, как сказал Марк Захаров, «новый эстетический запах» [8, с. 200].

Именно эта эстетическая новизна и определяет «зерно» театра Марка Захарова, который так же, как и Васильев, окончил ГИТИС, только на 17 лет раньше, став уже в 1973 г. главным режиссёром Театра имени Ленинского комсомола. Режиссура Марка Захарова – это всегда острая форма, непредсказуемость, блестящая фантазия, смелая трактовка и современное решение. Публику каждую минуту шокируют. Каждое новое событие ошеломляет, удивляет и заинтересовывает своей неожиданной правдой.

В этом заключается основной секрет режиссуры Марка Захарова: он идёт некоторое время со зрителем «нога в ногу». В полном

эмоциональном контакте, а потом вдруг разом «предаёт» это единение и сворачивает в сторону. В этом – сущность «режиссуры зигзагов» Захарова. Он поставил себе «задачу воссоздать жизненный процесс как зигзагообразное развитие человеческих намерений» [9]. В одном из своих интервью режиссёр сказал: «Главной сферой для меня была и остаётся... та область, которая связана с движением нервной и психической энергии артиста, взаимодействующего с партнёром и воздействующего на психику и подсознание людей, собравшихся в зрительном зале. Тут главный источник всех моих «изобретений» [10].

Что касается формообразующей работы режиссёра, то Захаров считает, что это, прежде всего, работа со зрительским подсознанием. Между зрителем и сценой происходит контакт, который является своеобразным гипнозом. Зритель воспринимает всё происходящее не только на сознательном, но и на подсознательном уровне, становясь подвластным магии сценического действия. Режиссёр же, будучи создателем спектакля, заранее «закладывает» программу «гипноза» в рождающийся спектакль. Вот почему такое огромное внимание Захаров уделяет сценографической части спектакля – представления. И если Станиславский только лишь заговорил о роли подсознательного в сценическом искусстве, то Марк Захаров значительно развил эту проблему, придав ей особое звучание.

Очень часто искания современных режиссёров происходят именно с целью по-новому взглянуть на уже созданное, преобразовать, усовершенствовать и приспособить его под мерки времени. Но, бывает и другое, в результате чего происходит рождение театров-открытий.

Так, например, XX веку уже известны «театр жестокости» А. Арто, «живой театр» П. Брука, «бедный театр» Е. Гротовского. И вот на рубеже XX–XXI веков в России появился «здоровый театр» Сергея Женовача.

Это театр, в котором происходит, по словам его создателя, созидание, а не разрушение: он тренирует покой, уверенность, сочувствие к ближнему, сопереживание. Театр Женовача недаром помещают во главу театрального ренессанса, основание к чему обнаруживается в тяготении его к традиционному

для русского театра психологизму. Спектакли Женовача отличаются особой деликатностью, не назойливостью, нежностью, трепетностью и вниманием к обычному человеку. «Здоровый» театр требует от зрителя работы ума и души, за что его искусство часто относят к элитарному. Его спектакли спокойны, подробны и всегда медленны. Женовач всегда тщательно «взрыхляет почву» пьесы, долго и скрупулёзно анализирует её перед тем, как приступить к репетиции.

При этом огромное внимание он уделяет «выращиванию» актёра, органическому вживанию его в роль.

Театр Женовача – это театр ансамбля. Для него как для режиссёра очень важно найти своего артиста, своего художника, осветителя, директора. Потому что, по его мнению, сила театра нового века именно в коллективности и ансамблевости.

«В театре надо существовать вместе», – считает он, подчёркивая тем самым непреходящую ценность основ режиссёрского театра, заложенного К.С. Станиславским и В.Н. Немировичем-Данченко [3, с. 163].

Будучи их верным театральным наследником, Женовач придерживался того мнения, что при создании важно не изобретение режиссёрской концепции, а коллективное сочинение произведения искусства в процессе импровизации. Этому он обучает своих студентов в РАТИ, этому он сам научился когда-то здесь уже у выдающегося режиссёра современного театра Петра Наумовича Фоменко.

Если Женовач сосредотачивает свои поиски на «оздоровлении» духа театра и зрителя, то Фоменко занимается больше изучением точного образа человеческого состояния, «совершенного и пронзительного».

Фоменко любит театр и любит актёров. Он – замечательный психолог и педагог. Он очень хорошо знает все слабости человеческой природы и каждый раз использует свои наблюдения в постановке спектаклей.

Театр Фоменко – это театр гротеска, где особенно преувеличено чувство, как высокое, так и низкое. Ему присущ высокий контраст и близкое соседство низкого с высоким внутри монолога, а иногда даже одного предложения. Так, например, в спектакле «Мизантроп» (Мольер) идёт нежнейший лю-

бовный диалог Альцеста и Селимены, они стоя обнимают друг друга и вдруг... делают три совершенно нелепых прыжка вбок. Такое поведение актёров – обычное для актёров Фоменко, оно разрушает высокопарность момента, делая его трогательным и по-детски искренним, наполняет сцену замечательным человеческим содержанием гораздо больше, чем любые интонационные изгибы. В этом кроется один из секретов его режиссуры.

В своих творческих поисках он не озабочен внешними эффектами, он погружён в тайны словесной ткани, в органическое соединение человеческих страстей, музыки света, пластики сцен, в игру с пространством – во всё то, из чего рождается художественная реальность сценического действия, что так завораживает зрителя.

Театр «Мастерская Петра Фоменко» отличается великолепным вкусом, воспитанным наилучшими произведениями классиков. Для Фоменко классическая драматургия стала как раз той областью исследования, в которой развернулась его режиссёрская фантазия. В его театре были поставлены «Волки и овцы» А. Островского, «Владимир III степени» Н.В. Гоголя, «Приключение» М. Цветаевой и мн. др. В решении классики Фоменко находит нечто новое: драматическое действие прошлого как бы вживается в атмосферу настоящего, овладевая сценой, умышленно лишённой возвышения, кулис, писанных декораций, и возрождая полузабытый дух театральности. В его спектаклях всё свежо и наполнено стихией по-молодому бесстрашной актёрской игрой. Спектакли Фоменко создают особое ощущение огромности, стерефоничности звучания, которые буквально обволакивают зрителя. Они притягивают зрительское внимание свежей, неожиданной правдой, доходящей порой до наивности, своей неповторимой индивидуальностью и внутренней наполненностью. Посмотрев спектакли «Мастерской Петра Фоменко», начинаешь понимать, что такое есть «жизнь человеческого духа», о которой так много говорил Станиславский.

Поэтому, сколько бы ни утверждали, что «система» Станиславского давно устарела, всегда найдутся режиссёры, которые смогут опровергнуть эти ложные слухи. И то, что было заложено в основу режиссёрского теат-

ра XX века, найдёт своё новое воплощение в XXI веке, люди которого так непохожи на предыдущее поколение.

На рубеже XX–XXI веков появляются новые имена в отечественной режиссуре.

Необыкновенное умение создавать миры и пространства из самых тяжёлых и привычных предметов, используемых в необычном качестве, отличает режиссуру Эймунтаса Някрошюса, открывшего в 1998 г. в Вильнюсе свой театр «Менофортас».

Создание жёсткого ансамбля чётко выстроенного спектакля и бесстрашия, с которым углубятся идеи пьесы, являются особенностью театра «Модернь» Светланы Враговой, которая ведёт свою работу в русле импровизации по методу Михаила Чехова – одного из лучших учеников Станиславского.

Вдумчивое и бережное следование за авторским текстом, при этом сочинение нового спектакля по канве драматурга, соединение игровых и импровизационных принципов с традициями психологического реализма русского театра – вот те человеческие качества, которые определяют направление режиссёрских поисков Иосифа Райхельгауза в его «Школе современной пьесы».

Итак, русский театр на рубеже XX–XXI веков, несмотря ни на что, сумел выжить и сохранить свои традиции даже в условиях мощнейшего компьютерного и телевизионного бума:

- театр продолжает занимать одно из ведущих мест в духовном и нравственно-эстетическом воспитании общества;
- режиссура отечественного театра принимает и умножает лучшие традиции реалистического искусства, идущие от К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, Е. Вахтангова, М. Чехова, учитывая современные веяния и интересы зрителей;
- ведётся активный поиск новых форм в режиссуре и актёрском мастерстве, рождаются экспериментальные театры и студии;
- современность даёт возможность с наибольшей полнотой раскрыться самобытности в режиссуре и актёрском мастерстве;
- конец XX века открыл для нас новые имена в драматургии: Л. Петрушевская, Н. Коляда, С. Гремина, М. Арбатова и др. Современная пьеса ставит на передний план проблему нравственного падения личности и

потери духовных ценностей, которая никогда не перестаёт волновать современного человека;

– огромное место в режиссуре отводится постановке классики. В её трактовке современная режиссура пытается найти ответ на решение актуальных проблем, волнующих человека на пороге XXI века.

Словом, то, что было изначально заложено в сущность режиссёрского театра при его рождении, значительно развивается и усовершенствуется с каждым новым спектаклем, новой работой, новым именем в истории русского театра.

Как бы тяжело ни было современному сценическому искусству противостоять надвигающейся денежной стихии, у него ещё достаточно сил и веры, чтобы выстоять и победить в этой борьбе. Реализм и эстетика традиционного русского театра, определив верное направление режиссёрских исканий на рубеже XX–XXI веков, продолжает уверенное и стремительное движение в будущее. И каким бы ни был русский театр нового тысячелетия, он всегда останется верным хранителем лучших традиций театра «жизни человеческого духа».

Список литературы

1. Васильченко Н.Н. Отечественная театральная культура в ситуации постмодернизма (опыт культурологического анализа) // Культура и время перемен. 2018. № 1 (20). С. 24.
2. Darie B. The art of acting: intercrossing borders between science and art // Klironomy. 2021. № 1 (1). P. 138-149.
3. Сазонова В.А. Традиции и новаторство в преподавании современного актёрского искусства // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 4 (38). С. 160-165.
4. Лорка Ф.Г. О театре // Ф.Г. Лорка. Театр. М., 1957. С. 29-32.
5. Сазонова В.А. Театральная педагогика: традиции и современность. История, теория и практика. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. 470 с.
6. Островский А.Н. Автобиографическая заметка // А.Н. Островский о театре: Записки, речи и письма. Москва; Ленинград, 1947. С. 182-239.
7. Веллингтон А.Т. Современный театр. Эксперименты над формой и содержанием // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 3-1. С. 139-145.
8. Иксанова Г. Театр без границ // Ватандаш. 2018. № 7 (262). С. 199-204.
9. Никифорова В. Кризиса театра не будет // Театральная жизнь. 1991. № 23. С. 51-55.
10. Сердобольский О. Пётр Фоменко в интерьерах петербургской зимы // Театральная жизнь. 1995. № 3. С. 8-9.

References

1. Vasilchenko N.N. Otechestvennaya teatral'naya kul'tura v situatsii postmodernizma (opyt kul'turologicheskogo analiza) [National theatre culture in a situation of post-modernism (experience of cultural analysis)]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and Time for Change], 2018, no. 1 (20), pp. 24. (In Russian).
2. Darie B. The art of acting: intercrossing borders between science and art. *Klironomy*, 2021, no. 1 (1), pp. 138-149.
3. Sazonova V.A. Traditsii i novatorstvo v prepodavanii sovremennogo akterskogo iskusstva [Traditions and innovation in teaching of modern performing arts]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 4 (38), pp. 160-165. (In Russian).
4. Lorca F.G. O teatre [About theatre]. In: F.G. Lorca. *Teatr* [Theater]. Moscow, 1957, pp. 29-32. (In Russian).
5. Sazonova V.A. *Teatral'naya pedagogika: traditsii i sovremennost'*. *Istoriya, teoriya i praktika* [Theater Pedagogy: Traditions and Modernity. History, Theory and Practice]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2019, 470 p. (In Russian).
6. Ostrovsky A.N. Avtobiograficheskaya zametka [Autobiographical note]. *A.N. Ostrovsky o teatre: Zapiski, rechi i pis'ma* [A.N. Ostrovsky about the Theater: Notes, Speeches and Letters]. Moscow, Leningrad, 1947, pp. 182-239. (In Russian).

7. Vellington A.T. Sovremennyy teatr. Eksperimenty nad formoy i sodержaniyem [A modern theater: experiments over forms and content]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* – *Historical and socio-educational thought*, 2017, vol. 9, no. 3-1, pp. 139-145. (In Russian).
8. Iksanova G. Teatr bez granits [Theater without borders]. *Vatandash*, 2018, no. 7 (262), pp. 199-204. (In Russian).
9. Nikiforova V. Krizisa teatra ne budet [There will be no theater crisis]. *Teatral'naya zhizn'* – *Theatre Life*, 1991, no. 23, pp. 51-55. (In Russian).
10. Serdobolskiy O. Petr Fomenko v inter'yerakh peterburgskoy zimy [Pyotr Fomenko in the interiors of the St. Petersburg winter]. *Teatral'naya zhizn'* – *Theatre Life*, 1995, no. 3, pp. 8-9. (In Russian).

Информация об авторе

Чеботарёв Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой сценических искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3963-6180>

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, написание статьи.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021
Одобрена после рецензирования 30.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the author

Sergey A. Chebotarev, Candidate of History, Acting Head of Performing Arts Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3963-6180>

Contribution: idea, literature search and analysis, manuscript drafting.

The article was submitted 12.07.2021
Approved after reviewing 30.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021

Эстетические аспекты режиссуры Марка Захарова

Сергей Алексеевич ЧЕБОТАРЁВ ✉,
Валентина Александровна САЗОНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ основных эстетических принципов режиссуры Марка Захарова. Рассмотрен творческий путь режиссёра, факторы, влияющие на развитие его режиссёрских взглядов и мировоззрения. На протяжении всего творческого пути Захаров совершенствовался и постоянно находился в поиске. Режиссёр сформулировал некоторые принципы работы с актёрами. Среди них необходимость помогать актёру, направляя его в нужное русло своего замысла, не превращая его в пешку для режиссёрских экспериментов. Современный актёр должен постоянно учитывать три важных театральных элемента: материальную среду, партнёров и зрителей. Спектакли Марка Захарова не ставили актёра в определённые рамки, а наоборот, давали возможность для импровизации, активной жизни, постоянного творческого поиска. Акцентируется внимание и на умении режиссёра влиять на зрителя. Он умел ненавязчиво, в комедийно-музыкальной форме донести до зрителя самые страшные события, самые мудрые мысли, а такая форма всегда воспринимается лучше, зритель охотнее позволяет учить себя. Сделан вывод, что Захаров строил свою особую режиссёрскую систему, опираясь на своё мировоззрение.

Ключевые слова: искусство, театр, режиссура, режиссёрский театр

Для цитирования: Чеботарёв С.А., Сазонова В.А. Эстетические аспекты режиссуры Марка Захарова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 726-734. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-726-734>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Aesthetic aspects of Mark Zakharov's direction

Sergey A. CHEBOTAREV ✉,
Valentina A. SAZONOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ serzh.chebotarev.tsu@mail.ru

Abstract. We present an analysis of the basic aesthetic principles of Mark Zakharov's directing. We consider the creative path of the director, factors influencing the development of his directorial views and worldview. Throughout his career, Zakharov improved and was constantly on the lookout. The director formulated some principles of working with actors. Among them is the need to help an actor, directing him in the right direction of his plan, without turning him into a pawn for directorial experiments. A modern actor must constantly take into account three important theatrical elements: the material environment, partners and spectators. Mark Zakharov's performances did not put the actor in a certain framework, but on the contrary, gave an opportunity for improvisation, active life, constant creative search. We also focus on the director's ability to influence the viewer. He was able to unobtrusively, in a comedy-musical form, convey to the viewer the most terrible events, the wisest thoughts, and this form is always perceived better, the viewer is more willing to let himself be taught. We conclude that Zakharov built his own special directing system based on his worldview.

Keywords: art, theater, direction, director's theater

For citation: Chebotarev S.A., Sazonova V.A. Esteticheskiye aspekty rezhissury Marka Zakharova [Aesthetic aspects of Mark Zakharov's direction]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 726-734. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-726-734> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Марк Анатольевич Захаров – символ эпохи, он из редкой породы удачливых классиков, заслуги которых оценили ещё при жизни.

Эпоха крупных режиссёров-строителей театра уходит в прошлое, историей стали имена Георгия Товстоногова, Юрия Завадского, Андрея Гончарова и др. Наступило время режиссёров-организаторов.

М.А. Захарова можно отнести к режиссёрам, который в своём творчестве объединяет эти функции. Его постановки и фильмы – это неувядающие шедевры, которые продолжают радовать зрителя, собирать полные залы, обеспечивая и хорошие сборы театру, и достойное формирование зрительского вкуса.

Захаров не шёл на поводу у злободневности, он не изменял себе и своим постановочным принципам. Ему хотелось, как он заявлял в одном из интервью, «продолжать

русские традиции в театре» [1]. Он был убеждён, что «из театра должны идти целебные энергетические потоки» [1]. В нём бушуют «дурная романтика» [1] и «дурной оптимизм» [1], от которых он не хочет избавляться.

Работы Марка Захарова современны, актуальны на все времена, они будоражат воображение зрителя. Режиссёрская деятельность Марка Захарова – пример того, когда творчество не просто направлено на потребу зрителя, а когда оно является истинным искусством.

Родился Марк 13 октября 1933 г. в Москве, в семье педагогов. Мать – Г.С. Бардина – училась в театральной студии Ю.А. Завадского, в течение всей своей жизни руководила драматическими кружками в школах, в домах культуры. Отец работал в военно-физкультурной сфере. Но в 1934 г. он был

арестован и выслан из Москвы. Забота о воспитании Марка легла на плечи бабушки.

В детстве он испытал мощное потрясение от спектакля МХАТ «Синяя птица» Метерлинка в постановке К.С. Станиславского. Этот спектакль способствовал активизации фантазии и воображения подростка, явился стимулом его эмоционального и духовного развития [2].

Пробуждению интереса к театру помогло и посещение драмкружка под руководством его матери, и занятия в театральном коллективе Дома пионеров. В подростковом возрасте Марка восхищали яркие спектакли кукольного театра С. Образцова.

После окончания десятилетки, в 1951 г., Захаров не сразу определился с выбором профессии. После неудачной попытки поступления в МИСИ имени Куйбышева провидение привело его в театральный вуз. Однако на предварительном прослушивании в Школе-студии МХАТ ему решительно посоветовали подумать о другой профессии. Мать подобрала ему новый репертуар: «Песню о купце Калашникове», отрывок из Гоголя, помогла подготовиться, и Захаров поступил в ГИТИС на актёрский курс под руководством И.М. Раевского.

После окончания института в 1955 г. Захаров уехал в Пермский драматический театр. Три года, проведённые в Перми, оказались весьма плодотворными в творческом плане.

Именно здесь, в Пермском студенческом университетском театральном коллективе, куда он был приглашён коллегой по театру В.А. Чекмаревым, он поставил свой первый спектакль «Аристократы» Н. Погодина.

В процессе работы над студенческим спектаклем Захаров, по его признанию, почувствовал интерес к режиссуре, к постановочному процессу, ощутил в себе волевое начало и организаторские способности [3].

В 1959 г. Захаров вместе с супругой, артисткой Н.Т. Лапшиновой, возвратились в Москву. Он долго скитался по разным театрам, работал актёром в Театре имени Гоголя, в Эстрадном театре миниатюр под руководством известного писателя В. Полякова.

Под воздействием Полякова Захаров стал писать юмористические рассказы, миниатюры, а впоследствии писал сценарии и диалоги для своих спектаклей.

В период работы с С.И. Юткевичем Захаров понял значение «эстетически сбалансированного режиссёрского построения, привносящего в спектакль не просто формирующие начала, а придающее ему новый глубинный смысл на высшем витке своего театрального бытия» [4, с. 164]. «На сцене рождается иная художественная ткань, менее осязаемая с точки зрения здравого смысла, но излучающая необходимую порцию таинственного внутреннего света. Истинное искусство обязательно включает в свой расчёт человеческое подсознание. Формирующая работа режиссёра – это, прежде всего, работа со зрительским подсознанием. Контакт с ним есть, по существу, гипноз, хотя и в непривычном для нас понимании. Современный спектакль, по моему ощущению, не существует вне двустороннего гипнотического контакта» [4, с. 79].

Эстетика для Захарова – это «не стилевой, декоративный знак», а, прежде всего, «сгусток энергии». «Энергетика театрального зрелища, – утверждает Захаров, – наверное, самое важное в современном психологическом театре» [5, с. 2].

«Режиссёром я все-таки стал не случайно, – признавался он. – Просто никогда не мечтал о режиссёрской профессии, но когда соприкоснулся с ней, понял и ощутил себя человеком, имеющим к этой профессии некоторую генетическую и психологическую предрасположенность» [2, с. 4].

Режиссура для Марка Захарова – не грамотное изложение мыслей драматурга, а собственное режиссёрское сочинение. «Истинная режиссура, – считал он, – всегда импульс для бурной цепной реакции, когда идеи театра вообще и данного конкретного спектакля в частности вызывают множество небезопасных для человека и общества раздумий» [5, с. 267-268].

Успех, признание и профессиональная слава пришли к Захарову после постановки «Доходного места» А.Н. Островского в Театре сатиры.

В этом сенсационном и памятном для многих театралов спектакле, помимо блестящей игры актёров, Захаров использовал «возможности сценического пространства и времени для усиления эмоционального и энергетического посыла зрителю. По идее

художника спектакля В. Левенталья на сцене был создан лабиринт. Лабиринт состоял из столов, стульев, дверей, куда и был помещён герой. Ища выход из этого лабиринта, он петлял по сцене. Пытался прожить без взятки и доходного места, шёл против движения, наперекор обстоятельствам, распахивая двери [6]. «Режиссер смело распорядился не только пространством, но и сценическим временем, – писал известный театровед Анатолий Смелянский. – Он ввёл текстовые повторы, важнейшие куски пьесы воспроизводились несколько раз в разном темпоритме и в разном интерьере. Жадов мог начать монолог в комнате, потом пойти по лабиринту и повторить тот же текст в ином пространстве, менявшем интонацию и смысл сказанного. Такого рода техника «кодировки» взрывала единство времени» [7, с. 66].

В конце спектакля, когда Полинька ставит ему ультиматум, Жадов повторяет: «Надо подумать». Круг выносит его к дядюшке (Г. Менглет), и он униженно просит доходного места. Украшением спектакля были замечательные актёрские работы Андрея Миронова, Анатолия Папанова, Георгия Менглета, Татьяны Пельцер и других великолепных мастеров сцены.

Несмотря на большой успех у зрителя, спектакль через некоторое время был запрещён «по идеологическим причинам». Та же участь постигла и весёлую сатирическую комедию А. Арканова и Г. Горина «Банкет» (1969), в которой усмотрели черты абсурдистской драмы.

Восемь лет работал Захаров в Театре сатиры, ощущая постоянную поддержку главного режиссёра Плучека. Эта школа режиссуры научила его тонкостям режиссёрской профессии. Плучек «дал несколько блестящих уроков режиссуры как таковой, а также режиссёрской тактики, стратегии, коснулся вопросов теории, научил некоторым режиссёрским хитростям, показал, как надо осуществлять художественное руководство» [8, с. 300].

Захаров пришел к выводу, что современный актёр должен постоянно учитывать три важных театральных элемента: материальную среду, партнеров и зрителей. Он обязан чутко реагировать на их изменение. Чтобы избежать фальши, наигрыша и штампа в актерском организме, непрестанно должно

происходить «внутреннее энергетическое перестроение». Эту эстетическую проблему театра Захаров, по его признанию, познал под влиянием режиссёрских уроков В. Плучека.

В 1969 г., после снятия спектаклей «Доходное место» и «Банкет», Марк Анатольевич оказался не востребованным. Неожиданная помощь пришла от главного режиссёра Театра имени Маяковского А.А. Гончарова, предложившего поставить спектакль «Разгром» по повести А. Фадеева. Захаров сочинил с драматургом И. Прутом новую сценическую версию романа. В зарождении режиссёрского замысла Захарову важно сначала «ощутить музыку будущего спектакля, его эстетическую формулу, какой-то стилистический признак» [2, с. 185].

Спектакль был поставлен в жанре притчи, саги о неистовом большевике Левинсоне (А. Джигарханян), командиру дальневосточного партизанского отряда, который после разгрома вёл своих партизан в Тудовакскую долину. Режиссёр хотел «воссоздать в поэтически-общественной музыкальной форме движение людей из опасной зоны, прорыв, выход из кризисной ситуации» [9].

Спектакль строился по законам музыкальной драматургии. В оформлении художник В. Левенталь использовал длинные металлические пики с острыми наконечниками. Вонзаясь в наклонный деревянный помост, они создавали различные комбинации, давая простор фантазии зрителя. Спектакль благодаря Армену Джигарханяну, который замечательно исполнил роль Левинсона, и другим прекрасным актёрам (С. Мизери, И. Охлупину, С. Немоляевой, Е. Лазареву) имел большой успех. Невозможно забыть последнюю сцену, когда смертельно уставший Левинсон, раздвигая лес пик, сходит на авансцену и произносит последние слова: «Надо жить и выполнять свои обязанности» [1].

В процессе репетиций сложился такой уровень творческих взаимоотношений, который позволил актёру и режиссёру создавать спектакль на равных, в процессе сотрудничества. В результате этого возникает «энергетический контакт между сценой и зрительным залом, энергообмен. Это и есть подлинный акт театрального искусства, его магия. Основную ценность театра Марк Анатольевич видит в актёре, «обладающем мощной энерге-

тикой и гипнотической заразительностью, развивающем свои нервные, психические ресурсы до высоких степеней, неподвластных строгому научному измерению» [4, с. 18].

В 1974 г. М.А. Захаров возглавил московский театр имени Ленинского комсомола. Здесь осуществились самые смелые его проекты. В 1974 г. зрители увидели красочный и очень заразительный музыкально-поэтический спектакль «Тиль» по пьесе Г. Горина. В представлении соединились элементы драмы и сатиры. Этот спектакль принёс славу исполнителям главных ролей Николаю Караченцову и Инне Чуриковой. Спектакль долгие годы пользовался огромной популярностью на сценических площадках России и во время зарубежных гастролей.

Работа над спектаклем «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского потребовала от режиссёра мужества. «Оптимистическая трагедия» имела богатую сценическую историю. Спектакль Таирова в Камерном театре и Г. Товстоногова в Большом драматическом театре имели колоссальный успех. Захарову пришлось, прежде всего, сдирать «краски» со стереотипного восприятия этой пьесы совершенно неожиданным распределением ролей. Комиссара играла Инна Чурикова. В её исполнении комиссар была женщиной хрупкой, нежной, иногда и слабой, но с внутренней силой, способной остановить бунт анархистов на корабле. Вожак в исполнении Евгения Леонова был человеком с дьявольской интуицией, хитрым, с мужицкой смекалкой, весёлым и упорным характером. Леонов сумел создать, по мнению Захарова, «энциклопедию номенклатурного негодяя» [10, с. 320].

Чтобы найти новый подход к постановке, «снять с пьесы слой режиссёрских красок», Захаров написал свой режиссёрский сценарий. Вместо двух ведущих он ввёл одного пожилого ветерана и предложил такой способ репетиций: «Исследовать этюдным методом действенность определённых эпизодов, может ли каждый отдельный эпизод в пьесе стать живой конфликтной ситуацией, которая интересна для сегодняшнего зрителя» [5, с. 25].

Одной из вершин режиссёрского мастерства и классикой «Ленкома», его визитной карточкой была и остаётся легендарная захаровская «Юнона и Авось» (музыка А. Рыб-

никова, стихи А. Вознесенского) – знаменитая рок-опера, которая с неизменным аншлагом идёт на сцене театра уже 38 год.

Премьера оперы состоялась 9 июля 1981 г. Исполнители главных ролей были ведущие актёры театра: Н. Караченцов (граф Резанов), Е. Шанина (Кончита) и А. Абдулов (Фернандо). Несмотря на огромный успех спектакля, на Западе появились скандальные статьи, оценивающие его как антисоветский, что негативно отразилось на творческой жизни его создателей [11].

Спектакль играли только в России, не выпускали в зарубежные гастроли. И только благодаря Пьеру Кардену, пригласившему спектакль на гастроли в Париж, его смогли увидеть зрители и на Бродвее в Нью-Йорке, затем в Германии, Нидерландах, позднее в Польше, Венгрии, Чехии, Южной Корее. И везде спектакли имели ошеломляющий успех.

Во время парижских гастролей спектакль «Юнона и Авось» в течение полутора месяцев играли почти ежедневно.

Несмотря на большую протяжённость во времени, спектакль «Юнона и Авось» живёт, молодеет, пользуется большим спросом. Конечно, за это время многое изменилось, появились новые исполнители. Бессменный исполнитель главной роли Николай Павлович Караченцов получил травму, которая была несовместима с его сценической судьбой. В настоящее время роль Резанова играют Д. Певцов и В. Раков, Кончиту с успехом исполняют А. Юганова и др. Актёрам и режиссёру дорога и близка идея спектакля, что в жизни находятся такие смельчаки и герои, которые живут и действуют вопреки прагматическим соображениям. Кончита, которая ждала 35 лет своего возлюбленного Резанова, например. С точки зрения бытовых воззрений, даже просто нормальных воззрений – вроде бы, не надо так делать, не надо так уж жертвовать жизнью. Но находятся люди, которые поступают вопреки житейской логике. Этот поступок Кончиты – поступок вопреки житейской логике. Поэтому он прекрасен. Их должно быть немного в жизни, таких поступков. Но они должны согревать нас и помогать нам в преодолении тех проблем, которые подбрасывает нам жизнь и в личном плане, и в общественном.

«Юнона и Авось» пережил все западные шлягеры и ни разу не снимался с афиши. Этот спектакль не просто символ театра «Ленком», это знак качества русской режиссуры, настоящий шедевр театрального искусства.

Спектакли Марка Анатольевича всегда разные по жанровым и эстетическим признакам. Но существует общее, что объединяет все его спектакли: «поэтический допуск», «игра воображения», «фантазмагория». Захаров может из прозаических и бытовых деталей выстроить здание современного спектакля, в котором обязательно присутствует чёткая внутренняя структура [12].

Так, в пьесе Петрушевской была представлена эстетика правды жизни. «Петрушевская... выворачивает наизнанку все привычные для нашей драмы темы и сюжетные ходы, мастерски играет с языковым штампом. Из мутной стихии русско-советского «недоязыка», на котором изъясняются её «герои», она извлекает свой театр», – пишет А. Смелянский [7, с. 40]. Но спектакль Захарова не был «чернухой». Впервые на сцене героини спектакля обсуждали бытовые нужды: нехватку денег, протекающую крышу, не работающий туалет и т. д. Но в финале спектакль неожиданно разрешается катарсисом. Инна, героиня И. Чуриковой, пытается уехать из Симферополя, куда она, оставив больного сына, укатила вслед за любовником. Узнав, что мать положили на операцию, а сын остался один, без еды, она мечется в аэропорту, пытаясь продать плащ (нет денег на билет), умоляет лётчиков помочь ей улететь, и её душераздирающий не то крик, не то хрип «Я могу не успеть» просто оглушает своим трагизмом. Пережив предательство любовника, потрясение, Инна возвращается с сыном на дачу, разрешает сёстрам жить в её комнате, готова помогать матери. Возникает некое духовное просветление. Спектакль также стал одной из лучших постановок Марка Захарова.

«Мне кажется (думается), – писал М.А. Захаров, – что иногда я ставлю правдивые спектакли. Моя правда – это желание не отрываться от психологической и социальной основы нашего многотрудного бытия. Это желание пропускать через собственный мозг и сердечную мышцу наши общие боли и

радости – живые токи, что циркулируют в недрах нашего общественного сознания» [2, с. 18].

В каждом спектакле Захарова в центре яркий герой: Тиль, Хоакин, Фигаро, Тевьемолочник, граф Резанов, Пер Гюнт. В последнем спектакле герой опричник Андрей Комяга в исполнении Виктора Ракова – государев человек.

Один из последних спектаклей Марка Захарова «День опричника» (2017) по романам В. Сорокина «День опричника» и «Теллурия». Режиссёр создал свою сценическую версию, получив добро от автора.

Роман Сорокина – антиутопия, где будущее представлено диким Средневековьем, предполагает описание отрицательных тенденций развития, «чернуху». Захаров же, опираясь на юмор, гротеск и сарказм, заложенные в исходном авторском материале и предполагающие здоровый смех зрителя, кое-что дофантазировал и придумал по-своему, по законам театра.

Комяга, главный герой, симпатичен режиссёру тем, что его образ дан в развитии, многогранен, понятен сегодняшнему зрителю. Спектакль «День опричника» в режиссёрской трактовке М. Захарова – это предупреждение о том, что ждёт Россию в случае продолжения политического курса. Действие спектакля происходит в 2127 г., в стране царят ксенофобия и самодержавие. Поступки героев доведены до абсурда – символ вседозволенности. Спектакль высмеивает недостатки с помощью почти гоголевской сатиры. Но в конце, как во всех режиссёрских работах Мастера, благодаря прозрению Комяги появляется надежда, «свет в конце тоннеля».

Театр «Ленкомом» под руководством М.А. Захарова – один из ведущих театров Москвы: «Поминальная молитва» Г. Горина с Евгением Леоновым в главной роли Тевьемолочника, «Женитьба Фигаро», «Женитьба» с Александрой Захаровой в роли Агафьи, «Мистификация» с Д. Певцовым в роли Чичикова, «Мудрец» Островского, «Оптимистическая трагедия», «Диктатура совести», «Плач палача», множество других – всего более сорока. Каждый спектакль – явление большого искусства [12].

Особенность эстетики режиссёра Захарова заключается в следующих положениях.

Он никогда не повторялся в сценических приёмах, проявлял интерес к разножанровым постановкам, к созданию особой атмосферы за счёт воспитания у актёров энергии посылы зрителю и контакта с ним. В работе с актёром предлагал ему держать зрителя в напряжении, создавая экстремальные ситуации, предлагал «коридор роли», по которому актёр должен идти самостоятельно, поражая зрителя непредсказуемостью поступков. Все спектакли сочинял и твёрдо был убеждён при этом, что театр не есть только информационный переводчик драматургии, а прежде всего – поэзия. И вот это поэтическое начало искал, сочинял в каждой своей постановке. «Пробовали делать то, что все хорошие артисты в мире, – специально готовиться собирать свой нервный потенциал, загружать себя перед выходом невидимой, но вполне ощущаемой внутренней энергией. Брели простой, незамысловатый тезис и концентрировали на нём своё внимание, все мозговые ресурсы. И когда эта внутренняя концентрация удавалась сразу многим актёрам, зрительный зал заполнялся нашим мощным «биополем». В актёрском организме происходила генерация энергии. Как? В каких дозах?.. Вот это и есть самое интересное – невидимая, но осязаемая энергия актерского организма» [2, с. 92-93].

М.А. Захарова интересовали проблемы «безграничных возможностей человеческого организма, вокруг поиска устойчивой методологии – системы необходимых тренировочных упражнений и поиска закономерностей при установлении в зрительном зале плотного гипнотического контакта» [4, с. 94].

Эстетика режиссуры Захарова – это сгусток энергии, рождённый на основе внутренних интуитивных побуждений постановщика и максимально выраженный через эмоции актёров и других создателей спектакля.

В каждом спектакле Захаров пытался найти эмоциональный энергетический контакт со зрителем, пути подхода к его подсознанию, чтобы зритель сам открыл свои «створки» подсознания, так как заразительность спектакля возрастает по мере усиления гипнотического начала. Захаров был уверен, что люди в театре должны получать удовольствие, хорошее настроение. А для этого не надо глубоко погружать зрителя в достоверные «бытовые детали нашей жизни, которые

вызывают тяжёлые ощущения. Он верит в обыкновенное чудо».

Захаров, не изменяя себе и своей системе, ни разу не оглядывался ни на время, ни на запреты и стандарты, оттого неизменным остаётся восхищение им и его профессиональными успехами.

«Ленком» Марка Захарова – великолепная коллекция воспитанных им звёзд, билеты, которые было не достать, спектакли, которые не повторить. Захаров – гений дипломатии, который умел находить общий язык не только с актёрами, но и с властями.

Работы режиссёра довольно часто подвергались критике московского партийного руководства, снимались с репертуара. Так было и с «Доходным местом», и с «Разгромом», и с «Юноной и Авось». Но время доказало жизнестойкость его театральных открытий, его эстетики. И сегодня, через столько лет, его спектакли потрясают. Когда в финале спектакля «Юнона и Авось» в последней сцене исполнители поют «Аллилуйя любви, аллилуйя», зритель испытывает потрясение от мощного энергетического воздействия на каком-то космическом уровне. А в «Поминальной молитве» наивысшим моментом духовного катарсиса зрителя были тихие исповеди Тевье-молочника, его разговор со звёздами, слушание небесных сфер, а в «Воре» Мысливского звучала одна лишь деревенская тишина. Не чувствуя музыку тишины, режиссёр никогда бы не создал такие спектакли, как «Иванов» и «Чайка» Чехова. Захаров признавался: «Я тяготеею к психологической драме, к комедии, замешанной на системе Станиславского» [2, с. 134].

Марк Анатольевич в течение ряда лет преподавал на режиссёрских курсах А.А. Гончарова в качестве художественного руководителя. Режиссура для М. Захарова – это «все сознательные и бессознательные воздействия на психику человека, все разновидности собственных намерений с превращением их в собственные комбинации зримых материальных и энергетически осязаемых процессов. Искусство режиссуры есть право и умение распоряжаться эмоциями, экономическими ресурсами людей, вовлечение в подвластную автору стихию творчества» [4, с. 1].

Театр для Захарова – зеркало общества, а актёр есть отражение современника. Он счи-

тал, что большим актёром может стать тот, кто жадно впитывает окружающую жизнь, чувствует связь с социальным типом, которого он играет. Тот, кто способен свой «внешний облик с помощью внутренней скрупулёзной работы, с помощью её величества Интуиции приблизить к воплощению Времени, в конкретном живом человеческом облике» [4, с. 261].

Захаров успешно работал не только в театре, но и в кино, и на телевидении.

Многие фильмы и спектакли Захарова стали для думающих и стремящихся к чему-то российских людей образцом, помогли становлению мировоззрения. Из захватывающих художественных лабиринтов Захарова выкристаллизовалась простая человеческая мудрость. Что такое настоящая любовь, как надо убить «дракона», как сохранить себя, свою личность – эти старые и новые вопросы развивались у Захарова в сложно построенные организмы из кирпичиков «за» и «против», не хуже, чем многие мировые фэнтези о том, как спасти мир [11].

Его заслуги в театральном искусстве отмечены довольно высоко. Он успешно сочетал свою режиссёрскую и педагогическую работу в РАТИ (ГИТИС) с общественно-по-

литической деятельностью. Был депутатом Государственной Думы, занимал ответственные должности в различных общественных творческих организациях. Он автор многочисленных публикаций и четырёх книг: «Константы на разных уровнях», «Суперпрофессия», «Театр без вранья», «Ленком – мой дом».

Итак, Марк Анатольевич Захаров сегодня – это знак качества, символ настоящего искусства. Он по крупицам создал свою особую систему, опираясь на своё мировоззрение. Оставаясь верным себе, Захаров совершенствовался и постоянно находился в поиске. Он умел помогать актёру, направляя его в нужное русло своего замысла, не превращая его в пешку для своих экспериментов. Его спектакли не ставили актёра в стальные клещи, а наоборот, давали возможность для импровизации, активной жизни, постоянного творческого поиска.

Захаров умел слышать дыхание зрительного зала. Он умел ненавязчиво, в комедионно-музыкальной форме донести до зрителя самые страшные события, самые мудрые мысли, а такая форма всегда воспринимается лучше, зритель охотнее позволяет учить себя.

Список литературы

1. *Крайнер А.* Марк Захаров: формула любви народной // Театральные новые известия «Театрал». 2010. 15 марта.
2. *Захаров М.А.* Константы на разных уровнях. М.: Центрполиграф, 2000. 410 с.
3. *Васильченко Н.Н.* Отечественная театральная культура в ситуации постмодернизма (опыт культурологического анализа) // Культура и время перемен. 2018. № 1 (20). С. 24.
4. *Захаров М.А.* Суперпрофессия. М.: Вагриус, 2000. 284 с.
5. *Захаров М.А.* Театр без вранья. М.: АСТ, Зебра, 2007. 624 с.
6. *Сазонова В.А.* Традиции и новаторство в преподавании современного актёрского искусства // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 4 (38). С. 160-165.
7. *Смелянский А.* Предлагаемые обстоятельства. Из жизни русского театра второй половины XX века. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 1999. 350 с.
8. *Мусский И.А.* Сто великих режиссёров. М.: Вече, 2004. С. 392-396.
9. *Иксанова Г.* Театр без границ // Ватандаш. 2018. № 7 (262). С. 199-204.
10. *Сазонова В.А.* Театральная педагогика: традиции и современность. История, теория и практика. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. 470 с.
11. *Ларина К.* Марк Захаров как «Герой нашего времени» // Театральные новые известия «Театрал». 2007. 27 дек.
12. *Чеснокова И.К.* Марк Анатольевич Захаров. Режиссёр – профессия штучная? // Слагаемые педагогической практики: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 303-305.

References

1. Krayner A. Mark Zakharov: formula lyubvi narodnoy [Mark Zakharov: people's love formula]. *Teatral'nyye novyye izvestiya «Teatral»* [Theatrical New News "Playgoer"], 2010, 15 March. (In Russian).
2. Zakharov M.A. *Konstanty na raznykh urovnyakh* [Constants at Different Levels]. Moscow, Centrpoligraph Publ., 2000, 410 p. (In Russian).
3. Vasilchenko N.N. Otechestvennaya teatral'naya kul'tura v situatsii postmodernizma (opyt kul'turologicheskogo analiza) [National theatre culture in a situation of post-modernism (experience of cultural analysis)]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and Time for Change], 2018, no. 1 (20), pp. 24. (In Russian).
4. Zakharov M.A. *Superprofessiya* [Superprofession]. Moscow, Vagrius Publ., 2000, 284 p. (In Russian).
5. Zakharov M.A. *Teatr bez vran'ya* [Theater without Lies]. Moscow, AST Publ., Zebra Publ., 2007, 624 p. (In Russian).
6. Sazonova V.A. Traditsii i novatorstvo v prepodavanii sovremennogo akterskogo iskusstva [Traditions and innovation in teaching of modern performing arts]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2012, no. 4 (38), pp. 160-165. (In Russian).
7. Smelyanskiy A. *Predlagayemye obstoyatel'stva. Iz zhizni russkogo teatra vtoroy poloviny XX veka* [Proposed Circumstances. From the Life of Russian Theater in the Second Half of the 20th century]. Moscow, Artist. Director. Theatre Publ., 1999, 350 p. (In Russian).
8. Musskiy I.A. *Sto velikikh rezhisserov* [One Hundred Great Directors]. Moscow, Veche Publ., 2004, pp. 392-396. (In Russian).
9. Iksanova G. *Teatr bez granits* [Theater without borders]. *Vatandash*, 2018, no. 7 (262), pp. 199-204. (In Russian).
10. Sazonova V.A. *Teatral'naya pedagogika: traditsii i sovremennost'. Istoriya, teoriya i praktika* [Theater Pedagogy: Traditions and Modernity. History, Theory and Practice]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2019, 470 p. (In Russian).
11. Larina K. Mark Zakharov kak «Geroy nashogo vremeni» [Mark Zakharov as "Hero of Our Time"]. *Teatral'nyye novyye izvestiya «Teatral»* [Theatrical New News "Playgoer"], 2007, 27 December. (In Russian).
12. Chesnokova I.K. Mark Anatol'yevich Zakharov. Rezhisser – professiya shtuchnaya? [Mark Anatolyevich Zakharov. Is a director a piece profession?]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Slagayemye pedagogicheskoy praktiki»* [Proceedings of the 4th International Scientific and Practice Conference "Components of Pedagogical Practice"]. Cheboksary, 2018, pp. 303-305. (In Russian).

Информация об авторах

Чеботарёв Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, и. о. заведующего кафедрой сценических искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3963-6180>

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, написание статьи.

Сазонова Валентина Александровна, кандидат искусствоведения, профессор, профессор-консультант факультета культуры и искусств, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, v.sazonova@list.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературы, написание части текста статьи, окончательное редактирование.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021
Одобрена после рецензирования 27.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the authors

Sergey A. Chebotarev, Candidate of History, Acting Head of Performing Arts Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, serzh.chebotarev.tsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3963-6180>

Contribution: literature search and analysis, manuscript drafting.

Valentina A. Sazonova, Candidate of Art History, Professor, Consultant Professor of Culture and Arts Faculty, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, v.sazonova@list.ru

Contribution: idea, literature analysis, part manuscript text drafting, final editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 15.08.2021
Approved after reviewing 27.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Влияние культурных и образовательных традиций на практики формирования критического мышления

Ирина Николаевна СЕРТАКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ irinasertakova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены культурно-философские аспекты критического мышления и научные подходы к ним в классической и постклассической философии образования. Дана характеристика специфических черт мышления и требований к нему в рамках традиционной и новой моделей ценностей образования. Отмечено, что в культурологическом ценностном контексте важное место занимают не отдельные модели как самоценность, а наличие преимущественности, реализация принципов взаимодополнительности и взаимообусловленности «традиционного» и «современного». Проанализированы понятия «культура мышления» и «культура образования». Приведены дефиниции и уровни критического мышления в их соотношении с общечеловеческими культурными ценностями, с учётом осознания многополярности мира. Предложен подход к решению проблемных вопросов, касающихся формирования критического мышления, сообразуясь не только с исторически сложившимися философскими учениями о мышлении, но и с культурными и образовательными традициями. В качестве примера влияния традиций культуры мышления на формирование критического мышления приводится такая образовательная практика, как «Философия для детей». Обоснован выбор программ и методик философствования с детьми исходя из культурной реальности и проблем духовного порядка (интеллектуальных, политических, этических и др.), характерных для конкретного государства. Сделан вывод о тесной взаимосвязи культурных и образовательных традиций и ключевых аспектов формирования критического мышления.

Ключевые слова: культура, образование, традиции, критическое мышление, философия

Для цитирования: Сертакова И.Н. Влияние культурных и образовательных традиций на практики формирования критического мышления // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 735-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-735-742>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Influence of Cultural and Educational Traditions on Critical Thinking Formation Practices

Irina N. SERTAKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ irinasertakova@yandex.ru

Abstract. We consider the cultural and philosophical aspects of critical thinking and scientific approaches to them in the classical and postclassical philosophy of education. We characterize the specific features of thinking and requirements for it within the framework of the traditional and new models of educational values. We note that in the culturological value context an important place is occupied not by individual models as an intrinsic value, but by the presence of continuity, the implementation of the principles of complementarity and interdependence of “traditional” and “modern”. We analyze the concepts of “culture of thinking” and “culture of education”. We provide definitions and levels of critical thinking in their relation to universal human cultural values, taking into account the awareness of the multipolarity of world. We propose an approach to solving problematic issues related to the formation of critical thinking, in accordance not only with historically established philosophical doctrines about thinking, but also with cultural and educational traditions. As an example of the traditions influence of culture of thinking on the critical thinking formation, such educational practice as “Philosophy for Children” is given. We substantiate the choice of programs and methods of philosophizing with children based on cultural reality and spiritual problems (intellectual, political, ethical, etc.), characteristic of a particular state. We conclude that there is a close relationship between cultural and educational traditions and key aspects of the critical thinking formation.

Keywords: culture, education, traditions, critical thinking, philosophy

For citation: Sertakova I.N. Vliyaniye kul'turnykh i obrazovatel'nykh traditsiy na praktiki formirovaniya kriticheskogo myshleniya [Influence of cultural and educational traditions on critical thinking formation practices]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 735-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-735-742> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Вхождение национальных образовательных систем в современное мировое культурное и образовательное пространство является актуальным вопросом. В России, как в области научных исследований, так и в среде непосредственных участников педагогического процесса, данный вопрос осознаётся как весьма проблемный. В качестве ключевых задерживающих моментов указываются, с одной стороны, всё ещё недостаточная готовность преподавателей действовать в русле мировых образовательных тенденций (невысокая мобильность, незнание языков, вследствие чего ограничен доступ к научным за-

рубежным источникам актуальной информации, отсутствие публикаций в международных научных изданиях и др.); с другой стороны, более глубокий слой, связанный с духовной культурой, традициями, идентичностью. В данном случае необходимость интеграции отечественных систем в мировое образовательное пространство не оспаривается, но предлагается обязательный учёт особенностей исторического и культурного развития государства, нахождение оптимального соотношения традиционного мышления, обусловленного культурой, и инновационного.

В этой связи целесообразно обратиться к характеристикам того и другого типа мыш-

ления, как его понимают представители научно-педагогических и философских направлений, а затем рассмотреть роль и место культурно-философских аспектов критического мышления в их реализации на практике с учётом традиций духовной жизни общества.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматривая характерные особенности классической и постклассической систем образования, В.Д. Курганская и М.С.-А. Шайкемелев при анализе рецензируемой ими монографии [1] отмечают, что, по мнению авторов этой работы, «современные системы образования, в том числе выстраиваемые в рамках Болонского процесса, предполагают смену классической модели профессионального образования на постклассическую модель свободного образования» [2, с. 275]. Согласно данной классификации классическая или традиционная модель ценностей образования предполагает наличие таких характеристик, как: стабильность, нормативность, завершенность, конкретность, массовость. Постклассическая модель, напротив, характеризуется изменчивостью, непрерывностью, индивидуализмом, творчеством. Авторы статьи отмечают преемственность классической либеральной философии образования и постклассической модели [2, с. 275]. Появившись в разное время, эти системы постулируют схожие принципы, основанные на категориях «свободы», «самоценности», «диалога», «способностей» и др. Исследуя контексты философии либерального образования, В.А. Куренной отмечает: «Классическая модель свободного образования нацелена не на подготовку специалиста, а на развитие самой способности к обучению, приоритетным для неё является общее, а не специальное образование» [3, с. 11]. Пройдя длительный путь от античной философии к современности, эти идеи получили сейчас распространение в полной мере. Система высшего образования «2 плюс 2 плюс 2» является тому подтверждением.

Анализируя взаимоотношения не либеральной классической и постклассической философий образования, которые чётко об-

наруживают преемственность своих теорий, а так называемые традиционные и постклассические модели в культурологическом контексте, можно говорить о том, что наличие преемственности, обнаруживающей себя в различных социально-культурных явлениях, опровергает необходимость принципиального противопоставления двух систем: обе выполняют свои, присущие им функции и не должны категорически подменяться одна другой. Согласно данной точке зрения «культурная традиция и в сегодняшних условиях остаётся универсальным механизмом, который позволяет достигать стабильности существования социальных организмов» [4, с. 8]. Принципы взаимодополнительности и взаимообусловленности традиционного и современного в сфере культуры обнаруживаются повсеместно, и в содержательном плане, как правило, представляют собой культурно-исторический опыт отдельных народов, в свою очередь, обуславливающий традиции мышления.

Культурфилософский анализ позволяет выявить как культурные универсалии, общие для каждого из типов мышления, так и существенные (или незначительные) различия. Универсалией, наиболее полно выраженной во всём многообразии культурных феноменов и сообразующейся с деятельностным аспектом жизни личности, является понятие «ценности». Ценностный аспект выражен в сферах общественных и личностных отношений, культурной среде обитания, организации жизни, образовании, способах и направлении мыслительной деятельности. Изучая конкретно педагогический процесс, С.В. Варфоломеева в качестве важных факторов, служащих «причиной постоянной динамики педагогического процесса», выделяет: «культурный, социальный, религиозный, которые в свою очередь обусловлены рядом процессов: этногенеза, культурогенеза, социогенеза и так далее» [5, с. 231]. Таким образом, особенности течения педагогического процесса, который предполагает наличие культуры мышления всех его участников, во многом обусловлены факторами аксиологического и культурологического порядка. Культуры современного мира, следуя некоей общей заданной общественным прогрессом модели, тем не менее, развиваются неодина-

ково – в разном темпе и различных направлениях, реализуя свои ценностные доминанты.

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ

Культурологический ракурс при рассмотрении современной образовательной системы предполагает анализ понятий «культура образования» и «культура мышления».

Культура образования может считаться таковой при условии соответствия субъекта образования ряду положений и стремлении к совершенствованию. К направлениям совершенствования культуры образования В.С. Глаголев относит:

- информационную грамотность, научное мышление, навыки аналитической работы;
- внимание к национальным ценностям и культурному наследию;
- укрепление правовой грамотности, включая правовые системы других государств;
- включение в научный диалог;
- поддержание гуманитарной составляющей образования, способствующей развитию позитивных жизненных сценариев [6].

Что касается культуры мышления, то достаточно интересным представляется определение, данное А.В. Тонконовым. Культура мышления – феномен, характеризующий духовность человека, «способность к логичным и алогичным, рациональным и иррациональным умозаключениям посредством использования элитарных этических, интеллектуальных и эстетических образов, категорий и принципов» [7, с. 110]. Таким образом, кроме логичности и рациональности акцентируется внимание на важных компонентах мышления – алогичных и иррациональных, которые на первый взгляд могли бы вступить в противоречие с требованиями к научному мышлению и мышлению, используемому в процессе получения образования в его строго традиционном смысле. Также обращает на себя внимание включение понятия «элитарность» в рассуждение о категориях и принципах мышления. Данные противоречия таковыми не кажутся, если рассмотреть определение именно в контексте культуры. В культуру, как феномен духовной жизни человека вообще, и как культуру мышления в

частности, изначально интегрированы элементы рационального и иррационального, формирующие её разнообразие. Элитарность в данном случае образует качественное отличие понятия «культуры мышления» от понятия «мышления» в целом как вида умственной деятельности.

Одной из актуальных и часто используемых категорий современной или постклассической философии образования является «критическое мышление». Налицо тенденция нашего времени – призывы к реализации принципов критического мышления на всех уровнях образования. Мышление в наиболее общем понимании определяется как обдумывание, упорядочивание получаемой информации. В критическом мышлении важна интерпретация, поиск несоответствий, самостоятельность в оценке явлений, аргументирование, ориентация на собеседника. Ценностный уровень критически мыслящего человека в общем виде представляется как умение «эффективно взаимодействовать с информационными пространствами, принципиально принимая многополярность окружающего мира, возможность сосуществования различных точек зрения в рамках общечеловеческих ценностей» (цит. по: [8, с. 1]).

Современные исследования критического мышления осуществляются по целому ряду направлений: создание дефиниций; их систематизация и классификация; прослеживание взаимосвязи с предшествующими теориями; методика внедрения в образовательный процесс; соотнесенность с дисциплинами (философский аспект, психологический, педагогический и др.); «содержательные вопросы: почему критическое мышление не тождественно диалогическому, скептическому, познавательному и пр.» [9, с. 33]. По мнению А.С. Бобровой, «Раз у нас до сих пор не сложилось канонического взгляда на проблему критического мышления, возможно уместно обратиться к истории и соотнести современные представления с предшествующими историко-философскими учениями, которые, безусловно, повлияли на современное понимание термина «критический» [9, с. 33].

Продолжить данную мысль представляется важным и необходимым через соотнесение проблемных вопросов, касающихся кри-

тического мышления, не только с историческим аспектом философских учений, но и с культурными и образовательными традициями.

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ ОБЩЕСТВА И КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

В данной связи уместно привести в пример и рассмотреть такой вид образовательной практики, как «Философия для детей». Как было отмечено выше, насущная необходимость обучения приёмам критического мышления признаётся теоретиками и практиками для всех уровней образования. В настоящее время системы как высшего, так и среднего образования, сообразуясь с актуальными общественными потребностями и установками, закреплёнными в образовательных стандартах, в течение достаточно долгого времени стремятся следовать по пути обучения навыкам критического мышления. И если для студентов университетов такой подход можно назвать закономерным этапом на жизненном и образовательном пути, то для школы, особенно для начальной школы, реализация принципов критического мышления имеет свою специфику. Касательно обучающихся, пришедших в систему высшего образования, правомерно говорить о том, что, формируя навыки критического мышления как способа мыслительной деятельности, многие из них способны критически осмыслить не только предлагаемый контент, но и сам процесс, и методики. К формированию навыков критического мышления в детском возрасте следует подходить очень взвешенно, с учетом культурных ценностей общества, так как воспитательный компонент здесь будет играть не менее значительную роль, чем обучение. В данном контексте «Философия для детей» может быть рассмотрена в качестве комплексной эффективной мыслительной практики, базирующейся на традициях мышления и культуре конкретного социума. Также на примерах её осуществления прослеживается влияние культурной традиции на аспекты мышления. «Философия для детей» положительно зарекомендовала себя во многих странах мира исторически, и на современном этапе развития культуры образования.

В конце 1960-х гг. команда учёных Монтклерского университета во главе с М. Липманом разработала концепцию места и роли философии в образовании детей, создала методические руководства, применила на практике идею «сообществ философского исследования» в образовательном процессе. Сообщества философского исследования, состоящие из учеников класса школы, по мысли авторов концепции, призваны отойти от тех стереотипов, которые навязывает классическая, привычная школьная образовательная система, которая выстроена по принципу передачи знания от учителя к ученику. Ученику в такой системе остаётся лишь верно повторить вложенные в него идеи.

Напротив, философское исследование стимулирует в школьнике стремление к критическому мышлению. Дети должны научиться думать самостоятельно, а не просто выказывать готовые реакции. Навыки критического мышления вырабатываются посредством философских споров, решения разногласий по аксиологическим, этическим, эстетическим, культурологическим вопросам. Также формируются важные для мыслительной деятельности навыки формулировки философских проблем и категорий. В целом, одной из главных задач создания школьных сообществ философского исследования, по М. Липману, становится формирование такого качества ребёнка, как разумность. Разумность следует отличать от рациональности. Рациональность – это логика. Разумность – критическое мышление, основанное на творчестве и заинтересованности в предмете исследования. Кроме того, участник сообщества исследователей через философские рассуждения получает возможность не только учиться, но и наслаждаться интеллектуальным общением [10]. Успешно применяемая в школах США программа «Философия для детей» закономерно нашла последователей во многих странах мира. Взяв за основу ключевые идеи программы, они не менее успешно осуществляют различные философские практики с детьми, в той или иной степени соответствующие модели М. Липмана.

В настоящее время существует множество разновидностей методик работы в рамках философии для детей. Они обусловлены, прежде всего, культурными особенностями

страны, традициями мышления, магистральными направлениями развития духовной культуры и образования. Можно сказать, что представители каждой из этих систем образования, в какой-то момент осознавшие важность и необходимость внедрения у себя программ и методик философствования с детьми, руководствовались собственными культурными реалиями, теми проблемами духовного порядка, которые ощущались наиболее остро. Отсюда дифференциация данной модели.

Наглядным примером для рассмотрения влияния элементов духовной культуры страны на формирование навыков критического мышления могут служить программы, реализованные в США, Бразилии, России. При всей неодинаковости этих культур существует возможность выделить общие характерные для них черты, обусловленные наличием ценностей и отношением к ним.

1. Все три культуры развиваются в рамках крупных государств, имеющих ярко выраженные традиции и принципы политической жизни, образовательных стандартов, культурных, религиозных норм.

2. В русле концепций философии для детей декларируется отличие от принятых норм интеллектуальной деятельности в рамках школьного образования в сторону критического, творческого мышления. Критическое мышление достигается с помощью диалогического обучения. Диалог между учителем и учеником очень важен. Отношения учитель и ученик как проводник знания и потребитель более не актуальны. Вместо этого высоко ценятся отношения равенства, сотрудничества, солидарности.

При этом различия прослеживаются в цели или направленности воздействия культурно-философских концепций.

Так, американскую модель условно можно определить как интеллектуальное влияние. Рассуждения М. Липмана о рациональности и разумности здесь как нельзя более подходят. Политологическую составляющую можно усмотреть в идеях М. Липмана, который обращал внимание на то, что нужно стремиться к тому, чтобы образование носило демократический характер, но это не ключевой вопрос его теории. Его работы больше ориентированы на педагогику как

такую и роль культурно-философских категорий в ней.

Бразильская модель связана с идеями П. Фрейре. Как отмечает исследователь концепций философии для детей У.О. Кохан: «Для Пауло Фрейре преподавание и обучение являются политическими актами, и их невозможно понять только с помощью технологических или педагогических дефиниций. Образование не может быть аполитичным, политически нейтральным, стерильным в этом отношении» [11, с. 59]. Речь идёт, в основном, о бразильских социальных и политических реалиях того времени. Образование рассматривается с точки зрения его роли в освобождении угнетённых от угнетателей. Принципы, средства и результаты образования «являются политическими: результат – общество, свободное от угнетения; средство – революционный учитель в условиях «проблемного образования» и равноправного диалога как «радикальная необходимость каждой подлинной революции»; принцип – любой человек может научиться читать не слова, а мир, если ему предоставлены для этого соответствующие условия» [11, с. 60].

Пожалуй, именно во фразе об *умении читать не слова, а мир* в наивысшей степени смыкаются культурологические, философские, политические и педагогические воззрения.

В России первые исследования философии для детей первоначально акцентировали внимание на американской модели. К началу 1990-х гг. отечественная наука имела богатейшее философское и педагогическое наследие, но не имела наработанных программ и практик философии для детей, адаптированных для нашей культуры. По словам М.В. Телегина, «делать кальку с американских, австралийских, канадских, прочих иностранных программ и силком внедрять их в нашу школу, в наш детский сад, в лучшем случае – глупость, в худшем – преступление»¹. Существовало понимание того, что российская культура самодостаточна, и программа должна основываться на российских ценностях, на понятиях «духовность», «человек», «счастье», «Родина», «свобода»,

¹ Телегин М.В. Образовательная программа «Философия для детей». URL: <http://www.mtelegin.ru/p4c/q-q--2009--2010--> (дата обращения: 20.07.2021).

«справедливость». «Российская программа, прежде всего, воспитательная. Мы несколько уменьшили в содержании количество тем логических, у нас повышен удельный вес аксиологии (ценности), этики и эстетики, мы говорим о «смысле жизни», поднимаем вечные мировоззренческие проблемы»².

ВЫВОДЫ

Классифицирование типов критического мышления, обусловленных духовной культурой того или иного общества, можно продолжить, и, тем не менее, следует отметить невозможность исчерпывающего анализа всех моделей и концепций развития критического мышления в силу их многоаспектно-

² Телегин М.В. Образовательная программа «Философия для детей». URL: <http://www.mtelegin.ru/p4c/q-q--2009--2010--> (дата обращения: 20.07.2021).

сти, зависимости от конкретной культуры, в которой они действуют.

Приведённые выше типы моделей формирования навыков критического мышления по направленности основных идей (интеллектуальная, политическая, аксиологическая) позволяют проследить тесную связь культурных и образовательных традиций и ключевых аспектов современной образовательной системы, использующихся при решении вопросов, связанных как с теоретическим осмыслением, так и практической стороной критического мышления.

Отдельного дальнейшего рассмотрения требует вопрос о практической реализации в российском образовании концепций формирования критического мышления, соотносённых не только с интеллектуальными позициями, ориентирующими на разумность, но и с аксиологической составляющей.

Список литературы

1. Ванхемпинг Э.Г., Новак М.А. Инновационные практики и гражданские инициативы в образовании поколения Z. СПб.: Изд.-полиграф. ассоциация высш. учеб. заведений, 2020. 246 с.
2. Курганская В.Д., Шайкемелев М.С.-А. Культурные традиции и инновации в реформировании системы образования // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 273-287.
3. Куренной В.А. Философия либерального образования: контексты // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 8-36.
4. Кашина Н.И. Освоение детьми и молодёжью традиционных культурных и художественных ценностей. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 183 с.
5. Варфоломеева С.В. Российские педагогические традиции и возможности их использования в современном образовании // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 228-236.
6. Глаголев В.С. Культура образования в условиях современного российского общества. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/5e3/kultura-obrazovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-rossijskogo-obshchestva.pdf> (дата обращения: 19.07.2021).
7. Тонконогов А.В. Культура человеческого мышления как социальный феномен // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 104-115.
8. Василенко (Колесова) Е.П. Критическое мышление как современная проблема личности // Концепт. 2013. № 12 (декабрь). С. 91-95. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13259.htm> (дата обращения: 22.07.2021).
9. Боброва А.С. Критическое мышление. Проблема определения // РАЦИО.ru. 2017. № 1 (18). С. 26-36.
10. Lipman M. Thinking in education. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p.
11. Кохан У.О. Пауло Фрейре и «Философия для детей»: критический диалог // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 55-67.

References

1. Vankhemping E.G., Novak M.A. *Innovatsionnyye praktiki i grazhdanskiye initsiativy v obrazovanii pokoleniya Z* [Generation Z Innovative Practices and Civic Initiatives in Education]. St. Petersburg, Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2020, 246 p. (In Russian).
2. Kurganskaya V.D., Shaykemelev M.S.-A. *Kul'turnyye traditsii i innovatsii v reformirovanii sistemy obrazovaniya* [Cultural traditions and innovations in education reforms]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies Moscow*, 2020, no. 4, pp. 273-287. (In Russian).

3. Kurennoy V.A. *Filosofiya liberal'nogo obrazovaniya: konteksty* [Philosophy of liberal education: the contexts]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies Moscow*, 2020, no. 2, pp. 8-36. (In Russian).
4. Kashina N.I. *Osvoyeniye det'mi i molodezh'yu traditsionnykh kul'turnykh i khudozhestvennykh tsennostey* [Mastering by Children and Youth of Traditional Cultural and Artistic Values]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2014, 183 p. (In Russian).
5. Varfolomeyeva S.V. Rossiyskiye pedagogicheskiye traditsii i vozmozhnosti ikh ispol'zovaniya v sovremen-nom obrazovanii [Russian pedagogical traditions and opportunities of its usage in modern education]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2019, no. 5, pp. 228-236. (In Russian).
6. Glagolev V.S. *Kul'tura obrazovaniya v usloviyakh sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [The Culture of Education in the Conditions of Modern Russian Society]. (In Russian). Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/5e3/kultura-obrazovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-rossijskogo-obshchestva.pdf> (accessed 19.07.2021).
7. Tonkonogov A.V. *Kul'tura chelovecheskogo myshleniya kak sotsial'nyy fenomen* [Culture of human thought as a social phenomenon]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2013, no. 4, pp. 104-115. (In Russian).
8. Vasilenko (Kolesova) E.P. *Kriticheskoye myshleniye kak sovremennaya problema lichnosti* [Critical thinking as the contemporary problem of identity]. *Kontsept – Concept*, 2013, no. 12 (December), pp. 91-95. (In Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13259.htm> (accessed 22.07.2021).
9. Bobrova A.S. *Kriticheskoye myshleniye. Problema opredeleniya* [Critical thinking. Definition problem]. *RATsIO.ru – RACIO.ru*, 2017, no. 1 (18), pp. 26-36. (In Russian).
10. Lipman M. *Thinking in education*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 316 p. (In Russian).
11. Kokhan U.O. Paulo Freyre i «Filosofiya dlya detey»: kriticheskiy dialog [Paulo Freire and “Philosophy for children”: critical dialogue]. *Sotsium i vlast' – Society and Power*, 2018, № 6 (74), pp. 55-67. (In Russian).

Информация об авторе

Сертакова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, irinaserdakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9812-855X>

Вклад в статью: концепция, сбор данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 14.08.2021
Одобрена после рецензирования 27.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Irina N. Sertakova, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, irinaserdakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9812-855X>

Contribution: conception, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 14.08.2021
Approved after reviewing 27.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Сравнение как способ эмоциональной репрезентации информации в рекламном тексте

Наталья Константиновна ПРИГАРИНА

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400005, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27

✉ prigarina99@mail.ru

Аннотация. Исследованы актуальные для рекламных текстов скрытые сравнения, созданные на основе лексических суперлативов – слов-маркёров с оценочным значением высокого качества, превосходства, неповторимости, уникальности, идеальности, образцовости и т. п. Показано, что использование таких скрытых сравнений, не связанных с конкретными предметами или явлениями, с которыми сравниваются рекламируемые товар/услуга, является яркой чертой современных рекламных текстов. Обосновано, что скрытые сравнения, созданные на основе лексических суперлативов, демонстрируя преимущества, превосходство рекламируемых товаров/услуг над всеми остальными, повышают убедительность рекламного текста, усиливают его эффективность. Доказано, что скрытые сравнения, созданные на основе лексических суперлативов, обеспечивают эмоциональную репрезентацию информации о рекламируемом объекте в рекламном тексте и выполняют текстообразующую функцию, формируя доминантные смыслы рекламы.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, рекламный текст, сравнение, суперлатив

Для цитирования: Пригарина Н.К. Сравнение как способ эмоциональной репрезентации информации в рекламном тексте // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 743-749. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-743-749>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Comparison as a way of emotional representation of information in advertising text

Natalya K. PRIGARINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 V.I. Lenin Ave., Volgograd 400005, Russian Federation
✉ prigarina99@mail.ru

Abstract. We investigate hidden comparisons that are relevant for advertising texts, created on the basis of lexical superlatives – marker words with an estimated value of high quality, superiority, originality, uniqueness, ideality, exemplarity, etc. We show that the use of such hidden comparisons, not related to specific objects or phenomena, with which the advertised product/service is compared, is a striking feature of modern advertising texts. We substantiate that hidden comparisons created on the basis of lexical superlatives, demonstrating the advantages, superiority of the advertised goods/services over all others, increase the persuasiveness of the advertising text, enhance its effectiveness. We prove that hidden comparisons created on the basis of lexical superlatives provide emotional representation of information about the advertised object in the advertising text and perform a text-forming function, forming the dominant meanings of advertising.

Keywords: advertising, advertising discourse, advertising text, comparison, superlative

For citation: Prigarina N.K. Sravneniye kak sposob emotsional'noy reprezentatsii informatsii v reklamnom tekste [Comparison as a way of emotional representation of information in advertising text]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 743-749. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-743-749> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Одна из значимых идей, которая почти всегда присутствует в любом современном рекламном тексте – это идея сравнения. Чтобы показать преимущества рекламируемого товара или услуги, сравниваются не только достоинства самих товаров и услуг, но и ценностные ориентации, социальный статус и уровень жизни адресата до и после их приобретения. Именно идея сравнения, на наш взгляд, является главной в коммуникативной организации современной рекламной коммуникации, обеспечивает эмоциональную репрезентацию информации, и этот факт нуждается в подробном описании и детальном исследовании.

Актуальность исследования сравнения как способа эмоциональной репрезентации информации в рекламном тексте обусловлена устойчивым интересом учёных к изучению механизмов воздействия рекламного

текста, необходимостью теоретического осмысления и научного описания особенностей реализации идеи сравнения в рекламе и их недостаточной изученностью.

Объект исследования – рекламные тексты, размещённые в сети Интернет.

Предмет исследования – скрытые сравнения, созданные на основе лексических суперлативов.

В качестве материала исследования выбраны размещённые в сети Интернет рекламные тексты различной протяжённости, которые ни разу не использовались для анализа (254 единицы).

Гипотеза исследования состоит в том, что идея сравнения в современных рекламных текстах выражается посредством лексических суперлативов, выполняющих текстообразующую функцию и обеспечивающих эмоциональную репрезентацию информации в рекламном тексте.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель настоящего исследования – выявление в рекламных текстах, размещённых в сети Интернет, скрытых сравнений, созданных на основе лексических суперлативов; их описание и анализ в качестве инструмента текстообразования и средства эмоциональной репрезентации информации в рекламе.

Исследовательский вопрос заключается в определении функций и назначения используемых в рекламном тексте скрытых сравнений, созданных на основе лексических суперлативов.

Поиски ответа на исследовательский вопрос и специфика материала обусловили использование следующих методов: описательного, позволившего произвести наблюдения, обобщение, интерпретацию и классификацию материала, и метода коммуникативно-прагматического анализа, обеспечившего определение функций и назначения используемых в рекламном тексте скрытых сравнений, созданных на основе лексических суперлативов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Коммуникативная эффективность рекламного сообщения связана с тем, насколько точно оно будет интерпретировано аудиторией. Достижение коммуникативной эффективности может осложняться тем, что лишь часть смыслов сообщения выражена в знаках, а остальная часть подразумевается – имплицитована, и требует инферентного вывода» [1, с. 25].

Важную роль в достижении коммуникативной эффективности рекламного сообщения играют сравнения.

Сравнения исследовались представителями многих наук.

В логике и в философии сравнение – отправная точка процесса познания, один из наиболее простых и в то же время эффективных его инструментов: «Сравнение – сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними (или то и другое вместе), является важной предпосылкой процесса познания, обобщения» [2, с. 714].

Сравнение в стилистике – особый приём (троп), заключающийся в сопоставлении одного предмета, явления (субъекта сравнения) с другим предметом, явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков (основа сравнения) с целью более точного и одновременно образного описания первого [3, с. 306].

В риторике сравнение ещё со времён Аристотеля традиционно определяется как один из топосов (топов), на которые может опираться риторическая аргументация [4].

Феномен сравнения в последние годы активно изучался отечественными [5–7] и зарубежными [8–12] учёными.

Сравнения часто рассматривались учёными как инструмент воздействия на массовую аудиторию в различных видах институционального дискурса, однако особенности сравнений, используемых в рекламных текстах, которым и посвящена настоящая статья, нуждаются в более детальном исследовании и описании.

Наши наблюдения показали, что доля традиционных сравнений, являющихся полноценным стилистическим приёмом, в современных рекламных текстах достаточно мала (15 % от общего количества примеров использования), а идея сравнения в них гораздо чаще выражается особыми словами – лексическими *суперлативами* (85 % от общего количества примеров использования). Именно они являются словами-маркёрами, указывающими на то, что рекламируемый объект сравнивается с другими.

Если в грамматике *суперлативы* определяются как превосходная степень имени прилагательного или наречия, то в лексике суперлативы – это слова, которые «обладают особым интенсифицирующим значением высокого качества, превосходства, неповторимости, уникальности, идеальности, образцовости и т. п.» [13, с. 192].

В результате анализа установлено, что в суперлативном значении в рекламных текстах используются имена прилагательные *новый, передовой, революционный, настоящий, лучший, единственный, первый, уникальный, эксклюзивный* и т. п.

Их можно объединить в три семантические группы.

1. Наиболее часто в суперлативном значении используется в рекламных текстах имя прилагательное *новый* (57 % от общего количества примеров использования).

При использовании слова *новый* внимание адресата рекламы обращается на новизну и неизвестность рекламируемого объекта, и именно эти новизна и неизвестность свидетельствуют о преимуществе, превосходстве данного товара перед всеми остальными.

Например: **Новый**. *Может всё. С дисплеем от и до* (реклама планшета); **Новый** сливочный поцелуй (реклама кофе Nescafe); Nescafe. **Новая** форма. **Новое** содержание; **Новый** Nescafe gold. Совершенство вкуса и аромата; **Новая** Viola с паприкой (реклама сыра); Наполни жизнь **новым** вкусом (реклама сока Rich); **Новый** каталог ИКЕА: книга будущего дома.

Рекламные объекты в текстах с суперлативом *новый* сравниваются с «обычными», «другими» и т. п. товарами:

Обычный отбеливатель – новый ACE; Возьмём обычный порошок и новый порошок “Tide”...; Другой порошок премиум-класса – «Ариэль»; «Ариэль». Лучшее удаление пятен с первой стирки (изображение упаковки порошка «Ариэль» и упаковки «Другого премиального порошка»).

Скрытые сравнения на основе лексического суперлатива *новый* по известной классификации Ю.К. Пироговой относятся к расширенному классу искусственных сравнений [14].

Интересно отметить, что иногда имя прилагательное *новый* в значении, очень близком к суперлативному, используется в научном тексте: «К перечню дистрибутивных конструктов в статье относится и новая/параллельная контр/альтернативная реальность/нормальность, как временная эпоха – условие функционирования конкретного языка. Сюда же относятся и новая этика, новая стилистика/риторика, новая мораль, новые ценности, новые стигмы, новая лингвопластика разных типов/видов человеческого общения» [15, с. 374].

2. Суперлативные значения в рекламном контексте приобретают имена прилагательные *настоящий, передовой, революционный* (17 % от общего количества примеров использования):

Настоящие бургеры; *Только настоящий желток: майонез Kalve. Настоящий индийский чай.*

Передовые технологии на страже здоровья офиса; **Передовой** многофункциональный СС крем; **Передовая** локальная эссенция против пигментных пятен; **Передовое** бизнес-решение.

Революционная косметика CHRISNIAN BRETON; ACLON **Революционная** косметика. Аналогов нет; **7 революционных** смартфонов к 7 ноября; Самый **революционный** телефон от Xiaomi; **Одноразовый революционный набор для процедуры перманентного макияжа, микроблейдинга; Применяя продукцию серии R-революционная косметика, мы можем получить просто потрясающие результаты!**

Скрытые сравнения на основе лексических суперлативов *настоящий, передовой, революционный* по известной классификации Ю.К. Пироговой относятся к суженному классу искусственных сравнений [14]. Преимущества рекламируемого объекта в искусственных сравнениях суженного класса подчёркиваются с помощью его сопоставления с различными товарами одной и той же марки.

3. Суперлативные значения в рекламном контексте приобретают имена прилагательные *единственный, лучший, первый, уникальный* (26 % от общего количества примеров использования).

Скрытые сравнениями на основе лексических суперлативов *единственный, лучший, уникальный* по известной классификации Ю.К. Пироговой относятся к неопределённому классу искусственных сравнений [14]. Преимущества рекламируемого объекта в таких случаях подчёркиваются с помощью информационно пустых утверждений превосходства. При использовании в рекламных текстах лексических суперлативов *единственный, лучший, первый, уникальный* невозможно понять, с чем же сравниваются рекламируемые товары.

В памяти адресата рекламы остаётся, что рекламируемый товар в каком-то отношении (хотя и не ясно, в каком) является единственным, уникальным, лучшим:

Tele2 – гарантия лучшей цены; CANON – лучший выбор для вашего офиса!; Блин-дог. Сочетание лучшего. New; Лучшие цены в

городе. Все инструменты; Лучшие делать уникальные дома, чем уникальные предложения (реклама строительного треста); Возможно, лучшее пиво в мире.

Использование в рекламных текстах лексических суперлативов *единственный, лучший, первый, уникальный* является некорректным приёмом. Данные слова попали в перечень слов, недопустимых в рекламе, за использование которых Федеральная антимонопольная служба России (ФАС) рекомендует штрафовать рекламодателей. ФАС предлагает ужесточить регулирование рынка рекламы за счёт расширения понятия «недобросовестной конкуренции», внести поправки в ФЗ-135 «О защите конкуренции» в части статьи 14 («Запрет на недобросовестную конкуренцию»)¹.

В роли суперлативов в рекламных текстах нередко, кроме лексических суперлативов, используются и цифровые (количественные и процентные) показатели:

Мы № 1 в мире (реклама компании Билайн); *Тонус. 100 % сок; В 2 раза больше фруктов: Даниссимо; 100 % качество из натуральных ингредиентов без ГМО: сок «Красавчик».*

Такое бездоказательное использование количественных и процентных показателей тоже является некорректным приёмом. Автор известной книги «Язык Третьего рейха» В. Клемперер в главе «Проклятие суперлатива» пишет, что составители рекламы с помощью «безудержного жонглирования цифрами» пытаются выразить идеи превосходства, приоритета, преимущества рекламируемого объекта [16, S. 122].

Для оценки подобных случаев нам представляется уместным привести мнение М.Ф. Терских и Е.О. Быковой: «Рекламисты постоянно сталкиваются с необходимостью совершенствования воздействующей силы рекламных текстов, что определяется самой природой рекламы как персуазивного дискурса. Причём очень важно, чтобы манипу-

лятивный характер сообщений не вступал в противоречие с документами, регламентирующими данный вид коммуникации, в первую очередь, – с Федеральным законом «О рекламе» [17, с. 5].

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что яркой чертой современных рекламных текстов является использование скрытых сравнений, не указывающих на конкретные предметы или явления, с которыми сравниваются рекламируемые товар/услуга.

В ходе исследования в отобранных для анализа рекламных текстах выявлены имена прилагательные, приобретающие в контексте рекламы суперлативное значение, – лексические суперлативы, которые представляют собой слова-маркеры с оценочным значением высокого качества, превосходства, неповторимости, уникальности, идеальности, образцовости и т. п.

Лексические суперлативы используются не только для характеристики товара/услуги. Они повышают убедительность рекламного текста, усиливают аргументацию, демонстрируя преимущества, превосходство рекламируемых товаров или предлагаемых услуг над всеми остальными.

Скрытые сравнения, созданные на основе лексических суперлативов, обеспечивают эмоциональную репрезентацию информации о рекламируемом объекте в рекламном тексте и выполняют текстообразующую функцию, формируя доминантные смыслы рекламы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с уточнением полученных результатов, совершенствованием методики исследования и развитием нашей гипотезы о специфике сравнений, используемых в рекламном тексте, их особой роли в репрезентации информации и воздействии на адресата.

Внедрение результатов нашего исследования связано с возможностью их использования в деятельности копирайтеров и рекламодателей.

¹ Сайт Федеральной антимонопольной службы РФ. URL: <https://fas.gov.ru/publications/4132> (дата обращения: 05.07.2021).

Список литературы

1. Прохоров А.В. Специфика выводного знания в рекламной коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Вып. 1 (5). С. 25-28.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
3. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.
4. Шефф И.А. Сравнение как риторическая категория у Аристотеля // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № 19. С. 996-1007.
5. Дингилевская Е.И. Вопросы сравнения в трудах логиков и лингвистов // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы 4 Междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2013. С. 45-50.
6. Паршчкова М.М. Сравнение как средство образности и выразительности в зарубежном языкознании // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 16-21.
7. Уварова О.В. Основные направления в изучении сравнения // Наука и образование. 2005. № 4 (40). С. 136-140.
8. Fadaee E. Symbols, metaphors and similes in the literature: A case study of «Animal Farm» // Journal of English and Literature. 2011. Vol. 2. P. 19-27.
9. Hugh D. Symbols and Society. N. Y.: Oxford University Press, 1969. 262 p.
10. Ortony A. The role of similarity in similes and metaphors // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge – London: Cambridge University Press, 1979. P. 186-201.
11. Pierini P. Simile in English: from description to translation // Circulo de lingüística aplicada a la Comunicación. 2007. № 29. P. 21-43.
12. Ritchie D. «Argument is war» – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18 (2). P. 125-146.
13. Аниськина Н.В. Сравнение как средство воздействия в рекламе // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том I: Гуманитарные науки. С. 189-193.
14. Пирогова Ю.К. Скрытые и явные сравнения // Реклама и жизнь. 1998. № 5. С. 16-27.
15. Шаховский В.И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 369-376. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376>
16. Klemperer V. LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen. Stuttgart, 2015. 384 S.
17. Терских М.Ф., Быкова Е.О. Рекламные тексты как объект лингвистической экспертизы // Неофилология. 2018. Т. 4. № 16. С. 5-14. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-16-5-14>.

References

1. Prokhorov A.V. Spetsifika vyvodnogo znaniya v reklamnoy kommunikatsii [Specifics of inferential knowledge in advertizing communication]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2016, no. 1 (5), pp. 25-28. (In Russian).
2. Frolov I.T. (ed.). *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Respublica Publ., 2001, 719 p. (In Russian).
3. Skovorodnikov A.P. (ed.). *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrizitel'nyye sredstva russkogo yazyka i rechevyye oshibki i nedochety* [Encyclopedic Dictionary-Reference. Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors and Shortcomings]. Moscow, FLINTA Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
4. Sheff I.A. Sravneniye kak ritoricheskaya kategoriya u Aristotelya [Simile as a rhetorical device in Aristotle's rhetoric]. *Indoyevropeyskoye yazykoznaneye i klassicheskaya filologiya – Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2015, no. 19, pp. 996-1007. (In Russian).
5. Dingilevskaya E.I. Voprosy sravneniya v trudakh logikov i lingvistov [Comparison issues in the writings of logicians and linguists]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mir yazykov: rakurs i perspektiva»* [Proceedings of the 4th International Scientific and Practice Conference “The World of Languages: View and Perspective”]. Minsk, BSU Publ., 2013, pp. 45-50. (In Russian).
6. Parshchikova M.M. Sravneniye kak sredstvo obraznosti i vyrizitel'nosti v zarubezhnom yazykoznanii [Comparison as a stylistic and imaginative mean s in foreign linguistics]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta – Yugra State University Bulletin*, 2017, no. 1 (44), pp. 16-21. (In Russian).
7. Uvarova O.V. Osnovnyye napravleniya v izuchenii sravneniya [The main directions in the study of comparison]. *Nauka i obrazovaniye – Science and Education*, 2005, no. (40), pp. 136-140. (In Russian).

8. Fadaee E. Symbols, metaphors and similes in the literature: A case study of “Animal Farm”. *Journal of English and Literature*, 2011, vol. 2, pp. 19-27.
9. Hugh D. *Symbols and Society*. New York, Oxford University Press, 1969, 262 p.
10. Ortony A. The role of similarity in similes and metaphors. *Metaphor and Thought*. Cambridge – London, Cambridge University Press, 1979, pp. 186-201.
11. Pierini P. Simile in English: from description to translation. *Circulo de linguística aplicada a la Comunicación*, 2007, no. 29, pp. 21-43.
12. Ritchie D. “Argument is war” – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors. *Metaphor and Symbol*, 2003, vol. 18 (2), pp. 125-146.
13. Aniskina N.V. Sravneniye kak sredstvo vozdeystviya v reklame [Comparison as a means in advertizing]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 4, vol. 1: Humanitarian Sciences, pp. 189-193. (In Russian).
14. Pirogova Y.K. Skrytyye i yavnyye sravneniya [Hidden and explicit comparisons]. *Reklama i zhizn’ – Advertising and Life*, 1998, no. 5, pp. 16-27. (In Russian).
15. Shakhovskiy V.I. Ekologiya kommunikativnoy distributsii slova [Ecology of communicative word distribution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 369-376. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376>. (In Russian).
16. Klemperer V. *LTI – Lingua Tertii Imperii: Die Sprache des Dritten Reichs*. Stuttgart, 2015, 384 S. (In German).
17. Terskikh M.V., Bykova E.O. Reklamnye teksty kak ob"ekt lingvisticheskoy ekspertizy [Advertising texts as a linguistic expertise object]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 5-14. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2018-4-16-5-14>. (In Russian).

Информация об авторе

Пригарина Наталья Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ материала и источников, написание и оформление текста статьи.

Статья поступила в редакцию 28.07.2021
Одобрена после рецензирования 17.09.2021
Принята к публикации 30.09.2021

Information about the author

Natalya K. Prigarina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Language Studies Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Contribution: main study conception, material and sources acquisition and analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 28.07.2021
Approved after reviewing 17.09.2021
Accepted for publication 30.09.2021

Stories в сети Instagram как инструмент нативной рекламы: специфика продающего контента

Марина Викторовна ТЕРСКИХ

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А

✉ terskihm@mail.ru

Аннотация. Посвящено рассмотрению специфики продающего контента в stories. Формат stories рассмотрен как актуальный и эффективный маркетинговый инструмент. Опираясь на современные статистические данные, а также на исследования специалистов в сфере SMM и нативной рекламы, выделены основные достоинства сети Instagram как пространства разного рода маркетинговых новаций, описаны функциональные, содержательные и стилистические особенности stories. Акцент сделан на нативной подаче рекламной информации в stories, что проявляется в максимальной мимикрии (подстройке) под формат, стиль, тематику блога и специфику медиаплатформы, на которой данный инструмент используется. Особенностью продающей информации в stories служит тот факт, что для рекламы подбирается контент, релевантный бренду, продукту, коммуникационной стратегии, что обеспечивает качественную, осмысленную интеграцию SMM-текста в формат блога. Материалом для исследования послужили полимодальные тексты двух блогеров, чьи Instagram-аккаунты характеризуются разной проблематикой, различными целевыми аудиториями и, как результат, различающимися способами трансляции рекламной информации посредством stories (анализировались публикации 2020 г.). В результате проведенного анализа выделены основные особенности современного SMM-текста, используемого в stories, формы и функции самых распространённых разновидностей контента.

Ключевые слова: Инстаграм, нативная реклама, рекламный дискурс, поликодовый текст, сторис, социальные сети, SMM-продвижение, SMM-текст

Для цитирования: Терских М.В. Stories в сети Instagram как инструмент нативной рекламы: специфика продающего контента // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 750-759. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-750-759>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Instagram Stories as a tool for native advertising: the specifics of selling content

Marina V. TERSKIKH

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mir Ave., Omsk 644077, Russian Federation
✉ terskih@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the consideration of the specifics of selling content in stories. The stories format is considered as relevant and effective marketing tool. Based on modern statistical data, as well as research by specialists in the field of SMM and native advertising, we highlight the main advantages of Instagram network as a space for various kinds of marketing innovations, describe the functional, content and stylistic features of stories. We focus on the native presentation of advertising information in stories, which manifests itself in the maximum mimicry (imitativeness) to the format, style, blog topic and the specifics of the media platform on which this tool is used. A feature of selling information in stories is the fact that content is selected for advertising that is relevant to the brand, product, communication strategy, which ensures high-quality, meaningful integration of SMM text into the blog format. The research material is polymodal texts of two bloggers whose Instagram accounts are characterized by different issues, different target audiences and, as a result, different ways of broadcasting advertising information through stories (publications of 2020 are analyzed). As a result of the analysis, we highlight the main features of the modern SMM text used in stories, the form and function of the most common types of content.

Keywords: Instagram, native advertising, advertising discourse, polycode text, stories, social networks, SMM promotion, SMM text

For citation: Terskikh M.V. Stories v seti Instagram kak instrument nativnoy reklamy: spetsifika prodayushchego kontenta [Instagram Stories as a tool for native advertising: the specifics of selling content]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 750-759. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-750-759> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время всё более активного распространения электронных коммуникаций общение между покупателем и продавцом изменилось. Быстрый ритм жизни, её качество и инновационный прогресс обуславливают необходимость использования современных методов продвижения товаров и услуг, соответствующих новым требованиям общества. «Люди потребляют всё больше информации в движении – маркетологи, подстраиваясь под данный ритм жизни, начинают искать пути продвижения через социальные сети, музыкальные онлайн-платформы, радио и, конечно, телевидение» [1, с. 34]. Между тем проблема рекламной (баннерной) «слепоты», целый спектр негативных эмо-

ций, которые испытывает среднестатистический потребитель рекламы по отношению к рекламному продукту, приводит к снижению эффективности традиционных каналов, форматов и инструментов.

Такое снижение эффективности одних видов рекламы и увеличение привлекательности и результативности других обусловлены тремя факторами:

1) старение средства коммуникации на фоне технического прогресса;

2) «заспамленность» аудитории определённым видом рекламы (например, раздача листовок, e-mail-рассылка и т. п.);

3) «медийное старение» – на смену старому виду рекламы приходит новый, более интересный и необычный [2, с. 47].

В настоящее время манера потребления контента быстро меняется. Новое поколение зачастую реагирует на рекламу неприятием её манипулятивного формата, скорость переключения практически мгновенная, что является показательным. Поэтому, создавая и «упаковывая» контент, маркетолог имеет в своём распоряжении 3 секунды на захват внимания крайне занятого и изощрённого пользователя. Если с первых секунд реклама «не зацепила» потребителя, то во второй шанс её эффективности можно не верить [1, с. 34].

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ КАНАЛ ПЕРЕДАЧИ РЕКЛАМНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Практика показывает, что в настоящее время социальные сети – это эффективный инструмент, с помощью которого можно привлечь больше покупателей и расширить свою аудиторию. Строго говоря, внимание потребителей можно привлечь с помощью любой рекламы, а вызвать доверие и лояльность целевой аудитории и начать с ней взаимодействовать можно именно с помощью социальных медиаплатформ. На сегодняшний день социальные сети привлекают большую часть активной и внимательной аудитории по сравнению с традиционными каналами массовой коммуникации. При этом социальные сети предстают как универсальная среда, где может решаться ряд совершенно разных задач – от брендинга до продаж.

Social Media Marketing (SMM) – «процесс привлечения внимания к бренду или продукту, повышения узнаваемости и лояльности с помощью использования социальных сетей» [3], это работа в социальных сетях, нацеленная на продвижение и охватывающая нужную целевую группу, это инструмент прямого и скрытого взаимодействия со своей аудиторией.

Основные задачи SMM – это:

1) повышение продаж. Соцсети могут работать в качестве канала продаж, привлекая внимание людей к своей продукции и стимулируя их к покупке;

2) формирование имиджа компании. Продвижение в социальных сетях ежедневно работает на повышение интереса к бренду. Содержание аккаунтов брендов создаёт образ

организации, а не доносит определённую рекламную информацию;

3) повышение узнаваемости бренда. Именно в социальных сетях есть все возможности для информирования пользователя о компании и её продукции, а также повышения лояльности и доверия к бренду;

4) работа с негативом. С помощью соцсетей можно быстро реагировать на волну негатива и устранять её, сглаживая последствия.

Продвижение с помощью SMM имеет целый ряд преимуществ перед традиционными рекламными инструментами. Рассмотрим их подробнее.

1. «Сарафанное радио». Пользователи социальных сетей часто делятся чем-то интересным друг с другом. Это может быть забавное видео или полезная статья, закреплённая за определённым брендом. Таким образом, информация о товаре и услуге будет распространяться от человека к человеку посредством «сарафанного радио». Именно на таком механизме построен вирусный маркетинг – то, что пользователи распространяют сами. При правильном использовании данный механизм можно применять для более широкого распространения информации.

2. Таргетинг. Люди, регистрируясь в соцсетях, уже сообщают о себе достаточное количество информации. Например, возраст, пол, страну, город, профессию, увлечения и т. д. Это намного облегчает и углубляет таргетирование аудитории, то есть выделение именно той целевой аудитории, которая будет соответствовать определённым критериям.

3. Нерекламный формат. Сегодня реклама повсюду, человек уже перегружен рекламой из телевизора, со страниц СМИ, билбордов и листовок в транспорте, а традиционные рекламные инструменты уже утратили свою эффективность. Людям уже настолько привычно видеть и слышать рекламу везде, что они зачастую её игнорируют, вырабатывая определённые антирекламные фильтры. В социальных же сетях эти фильтры не работают. Дело в том, что SMM не использует рекламный формат. В данном случае пользователь получает интересную ему информацию, контент, который имеет обязательную промопривязку.

4. Интерактивное взаимодействие. В SMM работа с аудиторией имеет ответную реакцию. Рекламодатель доносит до своей аудитории нужную информацию, а аудитория, в свою очередь, может её оценить, задать вопрос или принять участие в опросах. Таким образом, продвижение в соцсетях предполагает более глубокую взаимосвязь целевой аудитории с продуктом [4].

ОСОБЕННОСТИ Instagram КАК ИНСТРУМЕНТА SMM

В России наиболее часто используемыми интернет-площадками являются социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники и др.); блоги (Twitter, LiveJournal); видео- и фотоблоги (Instagram, YouTube и Pinterest).

Согласно статистике, Instagram входит в тройку самых используемых интернет-площадок в России и мире в целом. Данную платформу женщины (38 %) используют чаще, чем мужчины (26 %). 51 % пользователей Instagram заходит на платформу каждый день, 35 % – несколько раз в день. Данные за 2017 г. сообщают, что Instagram зарабатывает 595 миллионов долларов на мобильной рекламе каждый год, и это число растёт. По данным опроса Piper Jaffray (2016 г.), 27 % подростков считают Instagram второй самой важной соцсетью¹.

Маркетинговая статистика по результатам исследований 2016–2020 гг. позволяет сделать выводы о растущей популярности и эффективности Instagram как канала рекламного позиционирования и продвижения.

1. У Instagram по сравнению с другими популярными социальными сетями самый высокий показатель вовлечённости на подписчика – 2,3 %. У Instagram в 58 раз выше показатели вовлечённости подписчиков, чем у Facebook.

2. 68 % пользователей Instagram регулярно взаимодействуют с брендами.

3. Вовлеченные пользователи Instagram стоят больше, чем в Facebook: 65 долларов против 55.

¹ Пфанитиль И. Свежая статистика для маркетологов // Русабилити. 2016. 27 июня. URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/svezhaya-smm-statistika-dlya-marketologov/> (дата обращения: 22.02.2021).

4. Пользователи Instagram в 2,5 раза охотнее «кликают» на рекламу, чем пользователи других соцсетей.

5. Отклик на рекламу в спонсированных постах в Instagram в 2,8 раза выше нормы Nielsen.

6. По данным опроса за ноябрь 2015 г., 60 % пользователей узнают о новых продуктах в Instagram, а 75 % признали, что совершили действие, вдохновившись постом в этой соцсети².

Таким образом, на сегодняшний день Instagram – одна из самых перспективных и быстро развивающихся интернет-платформ.

Во-первых, популярность соцсети растёт с каждым годом. Аудитория составляет около 500 млн активных пользователей. Во-вторых, платформа предназначена для визуального контента, который воспринимается легче и быстрее текста. В-третьих, Instagram предлагает широкий выбор рекламных инструментов.

Главной особенностью площадки Instagram, выделяющей её на фоне других интернет-площадок, является её визуальная основа: Instagram – это, прежде всего, фото-приложение, и связь с аудиторией поддерживается через визуальную составляющую: изображения, фотографии и видеоролики.

Stories КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКЛАМНОГО ПРОДВИЖЕНИЯ

В настоящее время в Instagram большое количество публикаций рекламного характера осуществляется через stories. В 2016 г. в приложение Instagram запустило данный новый инструмент, суть которого заключается в том, что пользователи могут делиться пятнадцатисекундными видео или фотографиями из своей повседневной жизни на 24 часа. Изначально именно эта мимолетность контента, публикуемого в stories, придавала ему особенную значимость/ценность. С каждым

² Пфанитиль И. Ключевая SMM статистика на 2018 год // Русабилити. 2018. 8 февр. URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/smm/klyuchevaya-smm-statistika-na-2018-god/> (дата обращения: 22.02.2021); Пфанитиль И. Статистика Инстаграм на 2020 год: говорящие цифры. Инфографика // Русабилити. 2020. 8 янв. URL: <https://rusability.ru/internet-marketing/statistika-instagram-na-2020-god-govoryashhie-tsifry-infografika/> (дата обращения: 22.02.2021).

годом этот инструмент развивается. Сегодня к своим историям можно добавлять стикеры, текст, эффекты, маски, gif-анимации, чаты, геолокацию, опросы, использовать разного рода инструменты геймификации и т. п. Таким образом, постепенно данный дополнительный инструмент распространения информации в Instagram стал отдельным типом контента, который активно используют коммерческие и имиджевые аккаунты для распространения информации о товарах/услугах.

По данным на 2020 г., «stories перетянули на себя внимание от основной ленты, и не использовать stories = терять 50 % вовлечённости, которая могла быть в профиле»³.

Около 75 % людей из опрошенных признаются, что смотрят только stories и практически не смотрят посты⁴.

подача информации в stories характеризуется большей естественностью, искренностью, поэтому в настоящее время stories смотрят большее количество людей, нежели традиционные публикации в Instagram⁵.

Отличительной чертой рекламы в Instagram в целом и в stories в частности является её нативный характер.

Нативная реклама – это форма коммуникации для брендов, продуктов или услуг с целью их продвижения и привлечения целевой аудитории, основанная на максимальном сближении рекламного контента и традиционного контента медиаплатформы [5, р. 67]. Другими словами, нативная реклама – это максимально «естественная» коммуникация, которая отражает тематику, стиль, формат и другие особенности интернет-площадки, на которой существует. Эта идея мимикрии рекламного контента под информацию нерекламного характера привела к изменению стратегий продвижения, поскольку нативная

реклама зависит от контент-маркетинга: используя формат нативной рекламы, важно представлять информацию о продукте как интересную, актуальную для потребителя, а не играть роль промоутера, выступая в качестве авторизованного источника информации. Это, по сути, интеграция в традиционный для интернет-площадки контент, а не «прерывание» его рекламной вставкой. Нативная реклама предлагает маркетологам более эффективный способ взаимодействия с потребителями, что подтверждается более высокими показателями переходов по ссылке, приведённой в публикациях нативного характера, – по сравнению с традиционными рекламными баннерами.

Практики также советуют делать stories нативными: чем меньше в них будет от классической рекламы, тем лучше. Исследования показывают, что в stories взаимодействие пользователя с брендом более личное, чем на других площадках. Очевидная реклама здесь может вызвать раздражение. Поэтому основная задача SMM-специалиста – замаскировать рекламу под привычный для пользователей контент. Например, значительная часть stories в Instagram включает видео с реальными людьми в реальных ситуациях, поэтому формат видео – один из наиболее эффективных вариантов в рекламе⁶. Таким образом, мимикрия рекламы под потребляемый аудиторией контент становится важнейшей составляющей успешности и эффективности продающих публикаций в Instagram.

Растущая популярность Instagram stories сделала этот формат одним из главных инструментов мобильного сторителлинга. Каждый день более 500 миллионов Instagram-аккаунтов публикуют stories, и среди них не только пользователи платформы, но и бренды. Для многих компаний Instagram становится площадкой для ведения бизнеса, а stories – креативным инструментом для реализаций промокампаний⁷.

подача рекламы через stories в большей степени зависит от блогера, который размещает эту рекламу, и задача которого заклю-

³ Lagutenko D. Реклама в Stories: эффективный инструмент или сливание денег? // vc.ru. 2019. 10 июня. URL: <https://vc.ru/social/70998-reklama-v-stories-effektivnyy-instrument-ili-slivanie-deneg> (дата обращения: 22.02.2021).

⁴ Тренды Stories: как не потерять своих подписчиков Instagram в 2020: Список трендовых видов контента Instagram Stories и идеи для публикаций. URL: <https://myacademy.ru/baza-znaniy/stati/stories-trend-2020> (дата обращения: 22.02.2021).

⁵ Ungerleider N. One Year Later, Instagram Stories Ad Strategies Decoded // a.list. 2018. 27 February. URL: <https://www.alistdaily.com/technology/instagram-stories-ads-succeed-struggle-first-year/> (accessed: 22.02.2021)

⁶ Назарова Е. Instagram 2020: как российские бренды запускали креативы в Stories // Sostav.ru. 2019. 30 дек. URL: <https://www.sostav.ru/publication/instagram-41239.html> (дата обращения: 22.02.2021)

⁷ Там же.

чается в максимально естественной интеграции рекламного контента в публикации своего профиля. Таким образом, наша гипотеза заключается в следующем: подача рекламной информации в stories, используемое вербальное и визуальное сопровождение определяются спецификой личности блогера и контента его профиля. Рассмотрим способы подачи рекламной информации в stories двух блогеров с разной аудиторией.

АНАЛИЗ-СРАВНЕНИЕ РЕКЛАМНОЙ ПОДАЧИ В stories

Валерия Васенева (@valeryvaseneva) – кулинарный блогер с аудиторией в 1 миллион подписчиков (рис. 1). Девушка позиционирует себя как «уютного» блогера, который держит постоянную связь с подписчиками. Валерия снимает видеорецепты и производит свои инфопродукты (пособие по английскому языку, рационы правильного питания и др.).

Что касается рекламного контента, то в основном блогер размещает его в stories. Если создаются рекламные посты, то они имеют нативный характер, в них прямо не упоминается рекламодатель, лишь мелькает рекламируемый продукт (рис. 2) либо вскользь упоминается спонсорский товар. Нет резкой подачи материала, всё органично встроено в авторский контент и полностью соответствует тематике блога. Рекламные публикации в stories выходят чаще, нежели посты. Они получаются более живыми, и презентовать рекламный продукт таким способом проще, так как его можно показать со всех сторон, и такой способ выглядит более естественно. Поскольку Валерия позиционирует себя как честного, открытого человека, в своих stories она старается донести до слушателя, что любой продукт, который рекомендует своим подписчикам, она в первую очередь проверяет на себе: будь то косметика, продукты питания или бытовая техника. Она активно транслирует в массы процесс тестирования, что способствует повышению доверия аудитории к блогеру и рекламодателю. Ещё раз подчеркнём, что все продвигаемые продукты четко ориентированы на целевую аудиторию блогера и подходят под тематику аккаунта.

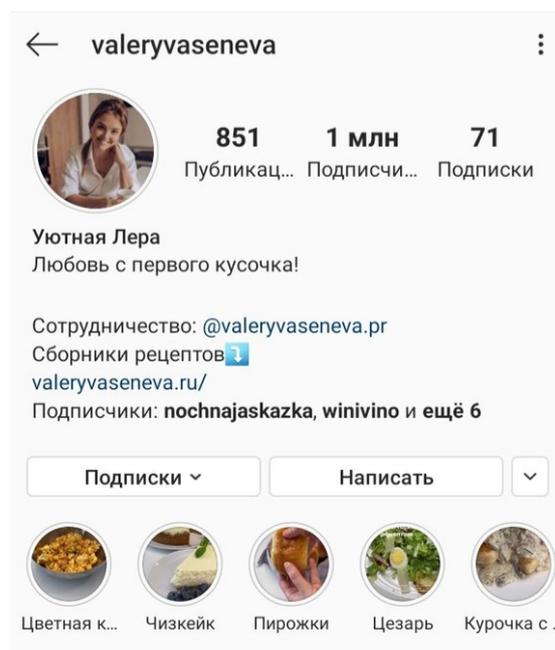

Рис. 1. Страница Валерии Васенева в Instagram

Fig. 1. Valeria Vaseneva's Instagram page

Рис. 2. Скриншот рекламного поста в социальной сети Instagram

Fig. 2. Screenshot of an advertising post on the social network Instagram

Подобные публикации с каким-либо товаром можно отнести к спонсорскому контенту, одному из трёх видов нативной рекламы, которые выделяют исследователи [1; 6; 7 и др.]. Важной характеристикой, отличающей спонсорский контент от обычной рекламы, является тот факт, что для информации такого рода подбирается/создаётся контент, релевантный бренду, продукту, коммуникационной стратегии, что обеспечивает качественную, осмысленную мимикрию продающего текста под интересный аудитории контент.

В целом публикуемая в блоге информация в полной мере соответствует специфике целевой аудитории данного блогера, основу которой составляют женщины (96 % женщин и 4 % мужчин) в возрасте от 13 до 54 лет. Наибольшее количество людей, подписанных на аккаунт, – от 25 до 34 лет (39 %), следующий целевой сегмент – от 18 до 24 лет (36 %). Охваты рекламных stories составляют от 170 тыс. до 250 тыс. просмотров. Охваты рекламных постов для крупных брендов составляют около 70 тыс. отметок «нравится» и 60 тыс. сохранений. По отзывам рекламодателей, в среднем с одного показа рекламного ролика приходит от 6500 тыс. подписчиков.

Рассмотрим структурные и стилистические особенности продающих stories на примере данного блога. В рекламных stories можно встретить три основных типа продающего контента: личный блог, в том числе кулинарный, направленный на формирование личного бренда блогера, lifestyle-публикации, рассказывающие о личностном росте и развитии, и продукты питания (спортивное питание; крупные бренды, например, Петмол, Alpro). Перед рекламным макетом сначала следует краткая подводка из 3–5 stories, в которых блогер делится своими мыслями по поводу рекламируемого продукта. Такие подводки нужны для того, чтобы привлечь внимание читателя и заинтересовать его. Часто после них следует рекламный макет в виде короткого ролика, в котором автор блога сообщает краткую информацию о себе.

В подводках к рекламе Валерия старается сниматься в полный рост, говорит уважительно и спокойным тоном, руки не скрещены и не лежат спокойно, присутствует лёгкая жестикация. Вообще во всём её блоге

можно проследить общий доброжелательно-уважительный стиль ведения аккаунта: блогер обращается к подписчикам «друзья», что настраивает на доверительный лад. Девушка спокойна, часто в хорошем настроении и старается показать свою жизнь с простой и позитивной стороны. «В первую очередь я – человек, а не блогер», – заявляет Валерия. И таким образом аудитория становится более лояльной и к блогеру, и к продукту, который она рекламирует, так как людям намного проще принять рекомендацию знакомого, который попробовал что-то интересное и делится опытом с нами, чем неизвестному лицу с экрана, который настойчиво пытается что-то продать.

В.А. Васина и А.М. Чернышева в статье «Скрытый маркетинг и нативная реклама» [1, с. 34] подчёркивают, что молодое поколение готово уделить просмотру рекламы до 3 секунд. И если с первых секунд реклама не зацепила, то велика вероятность того, что её просто пропустят. Поэтому блогеры стараются завуалировать рекламную подачу под обычные «бытовые» stories, цель которых – рассказать о повседневной жизни автора блога, и только в самом конце дают рекламные ссылки. Данная технология хорошо проявила себя в начале появления данного инструмента и в ходе роста его популярности, но по охватам блога Валерии можно судить, что аудитория не очень активно реагирует на рекламные посты и stories.

Алла Романова (@romanova.blog) ведёт блог о стиле и одежде для девушек с «пышными» формами. Блог насчитывает 192 тыс. подписчиков (рис. 3). Отличительными чертами стиля ведения Аллой блога можно считать искренность, чувство юмора и употребление ненормативной лексики, завуалированной под французскую речь. Целевой аудиторией блогера являются девушки и женщины, имеющие нестандартные параметры, «пышные» формы, и любой, кто любит модно и красиво одеваться. Своих подписчиков Алла называет «шалые», ведёт с ними доверительный диалог, часто показывает свою жизнь и рассказывает о ней без прикрас. В stories блогера регулярной является рубрика «Вопрос – ответ». Такая рубрика позволяет вести прямой диалог с публикой, отвечая на вопросы, которые интересуют большинство читателей.

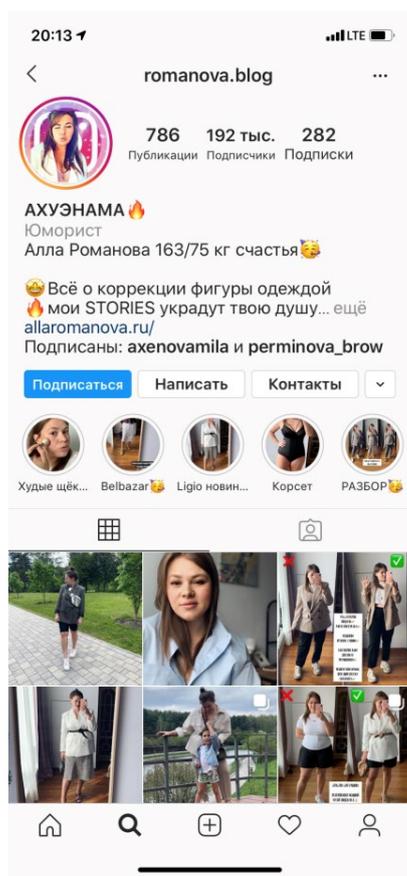

Рис. 3. Личная страница Аллы Романовой в Instagram

Fig. 2. Alla Romanova's personal page on Instagram

Тематика рекламы в блоге соответствует его концепции и целевой аудитории: в основном рекламируются блоги, в которых авторы пишут о любви к себе, блоги о психологии, магазины модной современной одежды (как онлайн, так и офлайн). В отличие от рассматриваемого ранее блогера – Валерии Васеновой, чья реклама ориентирована в первую очередь на тематику блога, Алла не рекламирует стилистов и блоги про моду. Вместо этого блогер активно продвигает свои инфопродукты, например, такие как обучающий мини-курс «Шальная очень» о том, как стильно одеваться с любой фигурой, и чек-лист про базовую одежду.

В своих рекламных подводках Алла рассказывает о продукте, формулирует своё мнение о нём, подавая информацию в юмористическом ключе, с использованием разговорной, жаргонной, просторечной лексики, и

в заключение показывается рекламный макет. Но зачастую это не смонтированный ролик-презентация, а видео, где блогер на камеру рассказывает о себе, или просто скриншоты профиля рекламируемого блога.

Однако в рамках тематики своего блога Алла всё-таки остаётся: значительная часть рекламного контента посвящена рекламе магазинов одежды. Блогер постоянно рассказывает о скидках и акциях, делится именными промокодами и рассказывает о товаре, показывая его со всех сторон. Эффективность этой рекламы достигается тем, что автор блога сама носит те вещи, о которых рассказывает в своих рекламных роликах (по крайней мере, контент её аккаунта позволяет делать такие выводы). В результате подписчик видит, что вещь хорошего качества и, возможно, не сразу, но обращается в магазин, который прислал данные вещи на обзор. Таким образом, спонсорский контент представлен в блоге большим количеством публикаций. Помимо спонсорского контента, автор использует и так называемый рекомендованный (рекомендуемый) контент: блогер показывает те вещи, которые есть у неё, и делится ссылками, информирующими о том, где можно приобрести тот или иной продукт.

Уникальность такого контента в том, что подобных блогов в Instagram довольно мало. Большинство стилистов уделяют мало внимания подобной нишевой аудитории. Но стоит упомянуть, что за последний год число таких блогов выросло.

Аналитика аккаунта показывает, что целевая аудитория блогера – это девушки от 20 до 34 лет, их в блоге 76 %. Средний охват рекламных stories – от 63,2 тыс. до 80 тыс. просмотров, а рекламных публикаций – от 128 тыс. до 228 тыс. просмотров; при числе подписчиков в 192 тыс. человек это довольно хороший показатель. Средний приход подписчиков с одного рекламного поста от 1600 до 2700 тыс. человек. Для блога с небольшой аудиторией этот показатель можно считать вполне приемлемым.

В.А. Васина и А.М. Чернышева «приводят основные показатели успешной рекламной подачи в Instagram»:

- визуальная яркость;
- простота понимания (юмор, триггеры);
- легкость содержания [1, с. 34].

В рекламных stories Аллы присутствуют все три этих показателя. Блогер активно использует шутки и позитивные комментарии, которые помогают снизить уровень негативного отношения к рекламному контенту, подводки к рекламным stories легки и не вызывают напряжения.

ВЫВОДЫ

Анализируя рекламную подачу блогеров, не связанных одной целевой аудиторией и тематикой блогов, можно заметить существенную разницу в количестве подписчиков и вовлечённости аудитории. Блог, который можно отнести к «полезному» и «ежедневному», привлекает большее количество подписчиков не только тематикой, но и нейтральной подачей, используемой блогером. Это располагает пользователя к себе, не вызывает ярко выраженных негативных или позитивных эмоций. Но именно поэтому во-

влечённость аудитории составляет более низкий процент по сравнению с аккаунтом блогера, который позиционирует себя в онлайн-среде в качестве активного «раздражителя». Не все могут выдержать динамику и энергичность подачи, поэтому количественные показатели подписчиков существенно меньше. При этом если оценивать качество обратной связи, подписчики более активно выражают мнение, и вовлечённость составляет более высокий процент, что говорит о результативности рекламы. Важно ещё раз подчеркнуть нативный характер рекламной информации в stories, который проявляется в максимальной мимикрии (подстройке) под формат, стиль, тематику блога и специфику медиаплатформы, на которой используется. Как показывают исследования, реклама, нативная подача рекламной информации вызывает меньшее отторжение у реципиентов и помогает бороться с так называемой «баннерной слепотой».

Список литературы

1. Васина В.А., Чернышева А.М. Скрытый маркетинг и нативная реклама // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 3 (136). С. 34-37.
2. Луциков В.А., Терских М.В. Videoblogging как инструмент социальной коммуникации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 13. С. 47-56.
3. Kulinich I., Mirochnyk V. Internet marketing tools. URL: http://www.rusnauka.com/14_KPSN_2017/Economics/6_225136.doc.htm (accessed: 22.02.2021)
4. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. М.: ООО «Манн, Иванов, Фербер», 2017. 240 с.
5. Eyada B., Milla A.C. Native Advertising: Challenges and Perspectives // Journal of Design Sciences and Applied Arts. 2020. Vol. 1. Issue 1. Article 5. P. 67-77. <https://doi.org/10.21608/jdsaa.2020.70451>
6. De Oliveira L.M., Goussevskaia O. Sponsored content and user engagement dynamics on Instagram // Proceedings of the 35th Annual ACM Symposium on Applied Computing. March 2020. P. 1835-1842. <https://doi.org/10.1145/3341105.3373956>
7. Amira N., Nurhayati I.K. Effectiveness of Instagram sponsored as advertising/promotion media (study of tiket.com advertisement with epic model method) // Journal of Media and Communication Science. 2019. Vol. 2. № 2. URL: <http://jcomm.unram.ac.id/index.php/jcomm/article/view/53/0>. <https://doi.org/10.29303/jcommsci.v2i2.53>

References

1. Vasina V.A., Chernysheva A.M. Skrytyy marketing i nativnaya reklama [Hidden marketing and native advertising]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya – Problems of Modern Science and Education*, 2019, no. 3 (136), pp. 34-37. (In Russian).
2. Lushchikov V.A., Terskikh M.V. Videoblogging kak instrument sotsial'noy kommunikatsii [Video blogging as a mean of social communication]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennyye nauki – Tambov University Review. Series Social Sciences*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 47-56. (In Russian).
3. Kulinich I., Mirochnyk V. *Internet marketing tools*. Available at: http://www.rusnauka.com/14_KPSN_2017/Economics/6_225136.doc.htm (accessed 22.02.2021)
4. Khalilov D. *Marketing v sotsial'nykh setyakh* [Social Media Marketing]. Moscow, LLC «Mann, Ivanov, Ferber» Publ., 2017, 240 p. (In Russian).

5. Eyada B., Milla A.C. Native Advertising: Challenges and Perspectives. *Journal of Design Sciences and Applied Arts*, 2020, vol. 1, issue 1, article 5, pp. 67-77. <https://doi.org/10.21608/jdsaa.2020.70451>
6. De Oliveira L.M., Goussevskaia O. Sponsored content and user engagement dynamics on Instagram. *Proceedings of the 35th Annual ACM Symposium on Applied Computing*. March 2020, pp. 1835-1842. <https://doi.org/10.1145/3341105.3373956>.
7. Amira N., Nurhayati I.K. Effectiveness of Instagram sponsored as advertising/promotion media (study of tiket.com advertisement with epic model method). *Journal of Media and Communication Science*, 2019, vol. 2, no. 2, Available at: <http://jcomm.unram.ac.id/index.php/jcomm/article/view/53/0>. <https://doi.org/10.29303/jcommsci.v2i2.53>

Информация об авторе

Терских Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация, terskihm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>

Вклад в статью: общая концепция статьи, обобщение опыта исследователей, обработка результатов исследования, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 17.04.2021
Одобрена после рецензирования 31.05.2021
Принята к публикации 24.06.2021

Information about the author

Marina V. Terskikh, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, terskihm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-6917>

Contribution: main study conception, synthesis of researches experience, study results processing, manuscript text drafting.

The article was submitted 17.04.2021
Approved after reviewing 31.05.2021
Accepted for publication 24.06.2021

ХРОНИКА

Памяти профессора Татьяны Александровны Сидоровой (1954–2021)

29 июля 2021 г. на шестьдесят восьмом году ушла из жизни Татьяна Александровна Сидорова, выдающийся учёный, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета, член Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», член Консультационного совета по применению законодательства РФ о средствах массовой информации, созданного при Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Архангельской области и НАО, консультант научно-методического совета ГЛЭДИС в субъектах РФ. Более 10 лет (1990–2001) Т.А. Сидорова руководила кафедрой русского языка Поморского университета им. М.В. Ломоносова в Архангельске (ныне САФУ).

Татьяна Александровна была талантливым учёным, признанным специалистом в области словообразования, ономастики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, языкового мента-

литета, дискурсологии, юрислингвистики, лингвокриминалистики, речевой конфликтологии.

Опубликовала 219 научных работ, в том числе 4 монографии, регулярно участвовала в общероссийских и международных конференциях, симпозиумах, конгрессах. Особо следует отметить такие её труды, как монография «Когнитивный аспект традиционных проблем словообразования и морфемики» (2012), коллективная монография «Языковая картина мира поморов» (2010) и «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков» (2016), редактором и составителем которого являлась Т.А. Сидорова.

Большое внимание она уделяла работе с аспирантами, молодыми учёными: под её руководством защищены одна докторская и 6 кандидатских диссертаций. В последние годы успешно руководила образовательными программами магистратуры (русский язык, лингвоэкспертология) и аспирантуры (русский язык).

На протяжении всей своей жизни Татьяна Александровна демонстрировала самоотверженность в продвижении русского языка и русской культуры, активно занималась просветительской деятельностью: являлась постоянным участником радиопередач и телепрограмм по проблемам, связанным с состоянием русской речи, работала с одарёнными детьми, проводила мастер-классы и семинары для школьников и студентов, для учителей школ.

Душевная теплота, открытость, жизненный оптимизм, превосходное чувство юмора Татьяны Александровны создавали вокруг неё особую атмосферу. Она пользовалась огромным авторитетом у коллег-филологов, учителей, студентов. Её искренне любили.

Светлая память о прекрасном человеке, замечательном учёном навсегда останется в наших сердцах.

Коллеги, друзья

